

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

5

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

«Наука»

Москва

2015

Главный редактор:

Т. М. Николаева д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН

Ответственный секретарь:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский технический университет, Испания

А. В. Бондарко д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., Европейский университет в Санкт-Петербурге

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

М. М. Маковский д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зав. отделами: Н. Л. Артамонова, А. С. Кулева, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

© Российская академия наук, 2015

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2015

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues in a year

5

SEPTEMBER — OCTOBER

«Nauka»

Moscow

2015

Editor-in-chief:

Tatiana M. Nikolaeva Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Review editor and executive editor:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editor:

Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Technical University of Madrid, Spain
 Aleksandr V. Bondarko Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Mark M. Makovsky Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University «Higher School of Economics»; Vinogradov Institute of the Russian Language (RAS), Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg, Russia
 Mariia D. Voelikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff: Natalia L. Artamonova, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor: Nataliia V. Gannus

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index; Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 (495) 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Е. В. Падучева (Москва). Акциональная классификация глаголов и семантика союза <i>пока</i>	7
М. Я. Дымарский (Санкт-Петербург). Инфинитивные высказывания с семантикой нежелательности: вид, время, лицо, типовые значения.....	26
Б. А. Успенский (Москва). Филологические наблюдения над текстом «Откровения Авраама».....	49
Д. М. Савинов (Москва). Южнорусские системы ударного вокализма как источник для исторических реконструкций.....	87
М. З. Левина (Саранск). Морфология форм неопределенного склонения имени существительного в мокшанских диалектах Поволжья (лингвогеографический аспект исследования).....	104
Т. А. Михайлова (Москва). К проблеме архаического семантического синкретизма: галльск. <i>cara</i> vs. лат. <i>cara</i>	120

Критика и библиография

Рецензии

М. Л. Котин (Зелена-Гура/Познань). <i>G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski</i> (Hrsg.). <i>Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und in der Ukraine?</i> Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.....	136
И. Б. Иткин (Москва). <i>Е. Р. Добрушина</i> . Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: Издательство ПСТГУ, 2014.....	142
Д. В. Сичинава (Москва). <i>V. Kasevich, Y. Kleiner, P. Sériot</i> (eds). <i>History of linguistics 2011. Selected papers from the 12th International conference on the history of the language sciences (ICHoLS XII), Saint Petersburg, 28 august — 2 september 2011 (Studies in the history of the language sciences 123)</i> . Amsterdam: John Benjamins, 2014.....	150

Научная жизнь

Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева (Москва). Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты.....	156
--	-----

CONTENTS

Elena V. P a d u c h e v a (Moscow). Ontological classification of verbs and the semantics of Russian conjunction <i>poka</i> ‘while’	7
Michail Ya. D y m a r s k y (St. Petersburg). «Counter-optative» infinitive constructions in Russian: Aspect, tense, person, and variation of the categorial meaning	26
Boris A. U s p e n s k i j (Moscow). Philological observations on the Apocalypse of Abraham	49
Dmitry M. S a v i n o v (Moscow). Stressed vowel systems in Southern Russian as a source for linguistic reconstruction	87
Maria Z. L e v i n a (Saransk). Morphology of nominal indefinite declension in Moksha Mordvin dialects of the Volga region (a linguo-geographic aspect)	104
Tatyana A. M i k h a i l o v a (Moscow). Gaulish <i>cara</i> vs. Latin <i>cara</i> : towards the problem of archaic semantic syncretism	120

Bibliography. Reviews

Reviews

Michail L. K o t i n (Zielona Góra/Poznań). <i>G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski</i> (Hrsg.). <i>Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und in der Ukraine?</i> Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014	136
Il’ya B. I t k i n (Moscow). <i>E. R. Dobrushina. Korpusnyye issledovaniya po morfejnoi, grammaticheskoi i leksicheskoi semantike russkogo yazyka</i> [Corpus-based studies on morphemic, grammatical and lexical semantics of Russian]. Moscow: Izdatel’stvo PSTGU, 2014	142
Dmitri V. S i t c h i n a v a (Moscow). <i>V. Kasevich, Y. Kleiner, P. Sériot</i> (eds). <i>History of linguistics 2011. Selected papers from the 12th International conference on the history of the language sciences (ICHoLS XII), Saint Petersburg, 28 august — 2 september 2011 (Studies in the history of the language sciences 123)</i> . Amsterdam: John Benjamins, 2014	150

Academic life

Larisa L. S h e s t a k o v a, Anna S. K u l e v a (Moscow). International scientific conference «The First Grigoriev’s readings: Language creativity: aesthetic, heuristic and pragmatic aspects»	156
--	-----

АКЦИОНАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ И СЕМАНТИКА СОЮЗА *ПОКА**

© 2015 г. Елена Викторовна Падучева

ВИНИТИ РАН, Москва, 125190, Россия
МГУ им. М. А. Шолохова Москва, 109240, Россия
elena.paducheva@yandex.ru

Союз *пока* накладывает нетривиальные ограничения на акциональные классы соединяемых им предложений. Описание этих ограничений заставляет обратиться к различным типам состояний — таким как ПЕРФЕКТНОЕ состояние, состояние со СТАРТОВОЙ и ФИНИШНОЙ ориентацией, состояние ненаступления события. В контексте союза *пока* возникает плеонастическое (или, скорее, идиоматическое) отрицание, правила употребления которого менялись на протяжении недавней истории. Союз *пока* занимает особое место среди временных союзов, поскольку является первичным (иначе — жестким) ЭГОЦЕНТРИКОМ: его семантика апеллирует к говорящему и к моменту речи. Так, в предложении *Пока Иван не пришел, Маша приготовит обед* (пример из работы Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука) состояние ненаступления события, описываемое в придаточном, относится к моменту речи, от которого время в главном предложении отсчитывается как будущее диалогического РЕЖИМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ.

Ключевые слова: акциональный класс, перфектное состояние, состояние со стартовой и финишной ориентацией, состояние ненаступления события, первичные эгоцентрики, режим интерпретации

ONTOLOGICAL CLASSIFICATION OF VERBS AND THE SEMANTICS OF RUSSIAN CONJUNCTION *ПОКА* ‘WHILE’

Elena V. Paducheva

VINITI, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125190, Russia;
Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Moscow, 109240, Russia;
elena.paducheva@yandex.ru

Russian conjunction *poka* ‘while’ imposes non-trivial restrictions on ONTOLOGICAL TYPES of the conjoined clauses. In order to describe these restrictions we need to address the opposition of different types of states — such as PERFECTIVE state, state of EXPECTATION OF IMPENDING EVENT (or state of NON-OCCURRENCE of event), state oriented towards its START or ENDING, etc. The conjunction *poka* creates a context for pleonastic (or, rather, idiomatic) negation with preferences of use changing throughout the recent history of language. Conjunction *poka* occupies a specific place in the class of temporal conjunctions, being a PRIMARY (i.e. RIGID) EGOCENTRICAL: its tense semantics appeals to the speaker and the moment of speech. For example, in sentence *Poka Ivan ne prishel, Masha prigotovit obed* ‘While Ivan hasn’t yet come Masha will prepare the dinner’ (example from the paper by L. Iordanskaja and I. Mel’čuk) the state of non-occurrence of event described in the subordinate clause refers to the moment of speech, so that the future tense of the main clause is anchored on the moment of speech, which is characteristic of the future tense of the DIALOGICAL REGISTER OF INTERPRETATION.

Keywords: ontological types, perfective state, state of non-occurrence of event, primary egocentric, register of interpretation

* Статья написана при поддержке гранта РФФ № 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура высказывания».

1. Классификация Вендлера и Slavic style aspect

Начало работе над акциональной классификацией глаголов русского языка положила статья [Булыгина 1982], которая открыла дорогу в русскую аспектологию для классификации Вендлера [Vendler 1967], обнаружив ее общность с классификацией Ю. С. Маслова [Маслов 1948]. Более ранней на эту тему была разве что статья [Mehlig 1981].

При попытке перенести классификацию Вендлера на русский язык возникает следующая проблема. Вендлер работал с английским языком, и когда он помещал в какой-то класс, скажем, глагол *to open*, ему в голову не приходило включать в классификацию также форму *is opening*. А как быть с русским языком, с его славянским типом аспектуальности? (Термин «Slavic style aspect» — из [Dahl 1985: 84].) Иметь ли дело только с глаголом *открыть*, считая *открывать* формой НСВ от *открыть*, или же глагол СВ *открыть* и глагол НСВ *открывать* входят в разные классы?

Не вдаваясь в проблему о том, является ли категория вида в русском языке словоизменяемой или какой-то иной, я исхожу из бесспорного факта существования чистовидовых пар. Чистовидовые пары задаются так называемым «критерием Маслова»: глагол НСВ, имперфектив, входит в чистовидовую пару с СВ, перфективом, если он способен замещать СВ в контексте настоящего исторического и многократности (т. е., предположительно, в контекстах, где мена вида не изменяет лексического значения глагола), см. [Зализняк, Шмелев 2000: 47]. Так, легко проверить, что *почувствовать* — *чувствовать* образуют видовую пару, а *полюбить* — *любить* не образуют; или *решать* — *решить* <, что> образуют видовую пару, а *считать* — *счесть* нет, ср. [Маслов 2004: 77].

В чистовидовой паре глагол СВ семантически исходный, а глагол НСВ — производный. И это независимо от того, является ли имперфектив суффиксальным дериватом от глагола СВ (как в паре *открыть* — *открывать*), или перфектив — префиксальным дериватом от глагола НСВ (как в паре *написать* — *писать*).

Критерий Маслова — это кардинальный вклад в грамматическую семантику вида: решающим для видовой парности является наличие тривиального соотношения между СВ и производным НСВ — в частности, многократного. Нетривиальные соотношения между НСВ и СВ могут быть в разных парах разные: действие в процессе осуществления — действие в целом, как в *открывать* — *открыть* <окно>; попытка — успех, как в *решать* — *решить*, тенденция — осуществившийся факт, как в *выигрывать* — *выиграть*, результирующее состояние — приведшее к нему событие, как в *понимать* — *понять*, и другие, см. о семантических типах видового противопоставления в [Гловинская 1982], а также [Падучева 1996: 93—121; Зализняк, Шмелев 2000: 61]. Нетривиального соотношения может не быть вообще, как в парах *прийти* — *приходить* или *найти* — *находить*, и это один из самых ярких результатов, предьявленных в статье [Маслов 1948].

Итак, применять ли классификацию Маслова — Вендлера к глаголам СВ и НСВ как отдельным сущностям, или же представителем пары должен быть глагол СВ как носитель общего для обеих ее членов лексического значения? Можно показать, что духу этих классификаций соответствует второе решение: чистовидовая пара должна быть представлена в классификации семантически исходным глаголом СВ.

Независимо от вхождения или невхождения в видовую пару все глаголы СВ обладают определенной семантической общностью, а все глаголы НСВ — своей. Я исхожу из следующих инвариантов в семантике глаголов СВ и НСВ; см. [Падучева 2004a].

Глагол СВ выражает ИЗМЕНЕНИЕ (в момент *t* не имело места Р, в момент *t'* > *t* имеет место Р) и предполагает РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ взгляд на ситуацию (ретроспективную точку отсчета, ретроспективный ракурс) — и в прошедшем, и в будущем времени; а в настоящем времени (настоящем речевом, ориентированном на момент речи) совершенный вид в своем обычном значении невозможен. (Компонент 'изменение' предлагался на роль инварианта в семантике перфектива в [Antinucci, Gebert 1975]. Близкий компонент 'начало нового состояния' выдвигается, со ссылкой на [Wierzbicka 1967], в [Гловинская 1982: 105].)

Глагол НСВ выражает неизменность или длящийся процесс и допускает синхронную перспективу в настоящем времени и в прошедшем нарративном, см. (1а), хотя совместим с ретроспективным ракурсом в прошедшем времени, см. (1б), и с проспективным в будущем, см. (1в):

- (1) а. Графиня *сидела* в своем кресле.
 б. Кто *сидел* на моем стульчике?
 в. Где вы *будете сидеть*?

Можно думать, именно свойственный глаголу СВ ретроспективный взгляд на ситуацию имеется в виду, когда говорят, что глагол СВ обладает:

а) признаком «целостность» — ретроспекция позволяет включить в окно наблюдения и момент, когда Р еще отсутствует, и момент, когда Р уже возникло,

б) признаком «точечность» — глагол СВ не позволяет рассматривать ситуацию как длящуюся.

В классификации Вендлера глаголы (и обозначаемые ими ситуации) делятся на не-терминативные, т. е. (неограниченно) длящиеся — это *states* и *activities*, и терминативные, т. е. имеющие конец — это *accomplishments* и *achievements*. Термин «state» обычно переводится как «состояние», но его следует понимать шире — как статив: сюда входят не только состояния, как *находиться*, *знать*, но и соотношения, как *зависеть*, *противоречить*, см. [Падучева 1996: 126].

Как известно, классы Вендлера выделены на базе сочетаемости. Отсутствие формы прогрессива отделяет *states* и *achievements* от *activities* и *accomplishments*:

- (2) а. It was boiling [*to boil* — activity]; I wrote a letter [*to write a letter* — accomplishment].
 б. *It was existing [*to exist* — state]; *I was finding a book [*to find* — achievement].

Сочетаемость с обстоятельством длительности (типа *for two hours*) разделяет *states* и *achievements*:

- (3) а. It existed for two hours [*to exist* — state].
 б. *I found it for two hours [*to find* — achievement].

Сочетаемость с обстоятельством срока завершения (типа *in two hours*) отделяет *accomplishments* от *activities*:

- (4) а. I wrote a letter *in two hours* [*to write a letter* — accomplishment].
 б. *I walked *in two hours* [*to walk* — activity].

Эти ограничения сочетаемости представляются следующей таблицей.

Таблица

	Прогрессив	Обстоятельство длительности	Обстоятельство срока завершения
States	–	+	–
Activities	+	+	–
Accomplishments	+	+	+
Achievements	–	–	+/-

В русском языке отсутствует форма прогрессива, и различие между состояниями и процессами определяется иначе. Но остальные критерии сохраняют силу.

Главный интерес в классификации Вендлера представляет противопоставление *accomplishments* — *achievements*; оно же и сближает ее с классификацией Маслова.

В русском языке accomplishments — это **предельные** глаголы, т. е. глаголы, у которых, согласно формулировке из [Булыгина 1982], наступление события (обозначенного глаголом СВ) «подготовлено предшествующим процессом», который может быть обозначен парным глаголом НСВ, ср.: *написать* и *писать*; *открыть* и *открывать*.

А achievements — это **моментальные** глаголы, т. е. глаголы, у которых семантика СВ не включает представления о процессе, «подготавливающем» наступление события (и обозначаемом парным глаголом НСВ): наступление события концептуализовано как скачок, ср.: *заметить*, *вспыхнуть*.

Именно противопоставление предельность — моментальность заставляет признать, что объектом классификации в русском языке являются видовые пары — это противопоставление выявляется только на видовых парах.

Моментальными являются как непарные глаголы СВ, так и те парные, где парный имперфектив не имеет значения процесса, который был бы направлен на осуществление события, обозначенного глаголом СВ, ср. вышеупомянутые *прийти*, *найти*. Глагол СВ может быть непарным по случайной — не семантической причине. Так, глагол *очнуться*, который в [Маслов 1948] считается непарным, легко преодолевает свою, как говорит Ю. С. Маслов, «морфологическую недостаточность»:

- (5) — Ну вот, — помолчав, продолжал Чонкин, — *очинаюсь* это я, значит, в животе бурчит, башка будто чужая... [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969—1975)].

Классификация Вендлера — Маслова в своем исходном варианте не принимала во внимание агентивности обозначаемой глаголом ситуации. Со временем была осознана аспектуальная значимость агентивности. Разделение вендлеровских классов по агентивности проведено в [Dowty 1979]. Критерий агентивности отделил:

— activities, **деятельности**, т. е. агентивные процессы (*гулять*, *разговаривать*), от неагентивных, т. е. **собственно процессов** (*кипеть*, *грохотать*);

— accomplishments, т. е. **предельные действия** (*открыть*), от **предельных процессов** (*растаять*, *стемнеть*);

— achievements, **достижения**, т. е. моментальные действия (*найти*, *заметить*, *прийти*), от моментальных событий, т. е. **проншествий** (*поскользнуться*, *потерять*).

Роль агентивности (иначе — намеренности, контролируемости) в семантике глагола была отмечена в [Булыгина 1980] на примерах типа (6). Предложение (6а), где глагол агентивный, т. е. выражает действие, нормально, а (6б) аномально:

- (6) а. Он меня *пугает*, а мне не страшно.
б. *Одиночество меня *пугает*, а мне не страшно.

В самом деле, в (6а) *пугать* обозначает действие, которое направлено на достижение определенной цели, но может и не достичь ее, а в (6б) *пугать* выражает соотношение, т. е. каузальную связь, которая уже имеет место; отсюда противоречие.

Разумеется, тип ситуации (состояние, процесс и т. д.) выражается не глаголом самим по себе, а глаголом в определенном контексте: играет роль наличие vs. отсутствие дополнения; денотативный (он же референциальный) статус дополнения; наличие и тип временного модификатора; значение видовой формы и многие другие факторы, см. раздел 2. Однако поскольку вершиной предикации (и пропозиции) является глагол, то окончательный класс можно считать приписанным глаголу — в определенном его употреблении. Иногда говорят не о классах глаголов (иначе — онтологических/таксономических **категориях** глаголов), а о типах ситуаций.

В статье [Булыгина 1982] речь шла о классах предикатов — принимались во внимание не только глаголы, но и предикативы (*голоден*, *пьян* и т. п.). Скорее всего, предикативы попадут в какие-то из имеющихся глагольных рубрик. Впрочем, если говорить о типах ситуаций, то разница между глаголами и предикативами стирается. А многие типы сохраняют свою значимость и в применении к отглагольным именам.

2. Развитие идей, заложенных в изначальной классификации

Акциональная классификация — это живая и развивающаяся область. Входят в обращение новые классы. Особенно существенны спецификации в классе состояний.

2.1. Разновидности состояний

Глагол СВ, как правило, выражает событие. Однако глагол СВ может иметь **перфектное** употребление — т. е. употребляться в значении состояния. Пример такого употребления приводится в [Плунгян 2011: 391]: *Позвоните попозже, Петя вышел* = ‘отсутствует’. См. также примеры в [Падучева 1996; 1998]: *Мы сейчас изменили порядок оформления документов; Сейчас там провели электричество*, где *сейчас* — **включенное** обстоятельство времени; оно допустимо только для длящихся ситуаций — никак не для событий. Так что глагол СВ может быть почти синонимичен глаголу НСВ, выражающему **перфектное**, или **результатирующее** состояние; так, *Камни завалили вход в пещеру* \approx *Камни заваливают вход в пещеру*, см. [Апресян 1974: 279—280; Падучева 1996: 152—160].

Перфектное состояние, в том числе выраженное глаголом СВ, может быть **обратимое** (например, *вышел*) и **необратимое** (например, *умер*), см. [Parsons 1990].

Далее. Перфектное состояние может иметь **стартовую** и **финишную** ориентацию. Это различие дает о себе знать в контексте частицы *еще*. Частица *еще* сочетается с предикатами состояния и процесса и выражает ориентацию на конец: *еще спит*, в отличие от просто *спит*, означает ‘спит и должен со временем перестать спать’. Поэтому *еще* не сочетается с глаголами состояния, которые имеют ориентацию на начало. Так, сочетание **еще пришел*, **еще ушел* аномальны, поскольку перфектные состояния, как правило, ориентированы на начало — т. е. имеют стартовую ориентацию. В [Падучева 2004а: 508] отмечены как исключения глаголы *остаться*, *сохраниться*, *успеть*, *застать*, которые лишены нормальной для глагола СВ семантики начинательности, и потому сочетаются с *еще*; присоединение *еще* дает состояние с финишной ориентацией: *рис еще остался* \supset *рис должен кончиться*.

З а м е ч а н и е. В пассивном залоге употребление совершенного вида в значении перфектного состояния распространено гораздо шире. В [Kratzer 2000] идет речь (со ссылкой на [Nedjalkov, Jaxontov 1988]) о двух типах пассивных перфектных состояний — большая часть пассивных причастий не сочетается с англ. *still* или с нем. *immer noch* — это resultant state passives, см. (a); но есть target state passives, которые сочетаются, см. (b). Очевидно, target state passives — это такие состояния, которые не имеют однозначно стартовой ориентации, так что частица со значением ‘еще’ способна придать им финишную:

- (a) Das Theorem ist (*immer noch) bewiesen.
The theorem is (*still) proven;
- (b) Die Reifen sind immer noch aufgepumpt.
The tires are still pumped up.

Отдельным видом состояний является состояние **ненаступления** (события). Состояние ненаступления рассматривается в [Падучева 2008] в связи с имперфективом отрицания. Состояние ненаступления, которое задается отрицательным глаголом НСВ, составляет нормальную сферу действия для обстоятельства длительности (*полгода не приходил, две недели не садился за стол*) — именно эта сочетаемость дает основание трактовать сочетание глагола с *не* как состояние. Однако состояние ненаступления может задаваться также отрицательным перфективом, т. е. отрицанием при глаголе СВ. Состояние ненаступления, выраженное отрицательным перфективом, не является допустимой сферой действия для обстоятельства длительности: **полгода не пришел*. Но оно может быть сферой действия частицы *еще*, которая, как и обстоятельство длительности, требует длящейся ситуации: *еще не пришел* — это как *еще спит*. Именно в этом смысле сочетание глагола СВ с отрицанием (*не пришел*) можно считать состоянием.

Отрицание при глаголе СВ в будущем времени не выражает состояния ненаступления. Как мы видели, запрет на **еще пришел* объясняется тем, что форма СВ прошедшего времени фиксирует ориентацию на начало перфектного состояния, и это противоречит семантике *еще*, которое выражает ориентацию на конец. Между тем в будущем времени у глагола СВ нет ориентации на начало; поэтому нет запрета на сочетание глагола СВ с *еще*. Таким образом, отрицательный глагол СВ будущего времени не выражает состояния ненаступления; отрицание *не* при глаголе СВ выражает состояние ненаступления события только в форме прошедшего времени.

2.2. Обобщенные акциональные классы

Второе важное направление развития акциональной классификации — это **обобщенные классы**. Так, предельные действия и достижения, т. е. моментальные действия, объединились в класс **действие** — только после этого в классификации нашлось место для действий (которые могут быть предельными, accomplishments, и моментальными, achievements). Классификация получила название **акциональной** [Tatevosov 2002], поскольку действия — это, очевидным образом, основной акциональный тип ситуаций. В традиционной лингвистике все ситуации назывались действиями, и до сих пор встречается сочетание «контролируемое действие», которое следует признать тавтологическим. Но первоначально в классификации Вендлера как раз действий не было вовсе.

Далее, для классов **действие** и **происшествие** нашелся обобщенный класс **событие** — противопоставления агентивность/неагентивность и моментальность/предельность могут быть несущественны.

Для классов состояние и процесс полезно иметь обобщенный класс **континуал** — это естественное название для всех нетерминативных, т. е. неограниченно длящихся ситуаций.

Для деятельностей, т. е. агентивных процессов, и собственно процессов, неагентивных, есть обобщенный класс **процесс**; поэтому допустима формулировка: процесс, в частности деятельность. Процессы (в том числе — деятельности) могут начинаться, прекращаться и длиться. И то же верно для состояний. Но процессы могут в е с т и к наступлению события (это предельные процессы, которые **подготавливают** событие), ср.: *размораживать* — *разморозить*; а состояния никуда не ведут, ср.: *мерзнуть*, *болеть*, *думать*.

Глаголы состояния часто имеют дефектную видовую парадигму — они imperfectiva tantum, т. е. не являются парными имперфективами (хотя бы итеративами) ни к какому глаголу СВ. Дефектность аспектуальной парадигмы глагола состояния имеет ту же природу, что и дефектность числовой парадигмы у имен массы: многократность, как и множественное число, требует индивидуности, см. [Mehlig 1994].

2.3. Недостающие акциональные классы

В работе [Vendler 1967: 109] кратко упоминаются глаголы типа *править* <страной>, *преподавать*, *служить*, которые Вендлер называет generic states — **обобщенные состояния**. Глаголы этого класса более подробно рассматривались в [Булыгина 1980]. Сюда были отнесены *руководить*, *управлять*, *заведовать*, *царствовать*, *воевать*, *воровать*, *торговать*, *воспитывать*, *господствовать*, *коллекционировать*, *питаться*, *подчиняться*, *преподавать*, *следить* <за чистотой>, *заниматься/увлекаться* <греблей> и др. Особенность этих глаголов состоит в том, что обозначаемая с их помощью ситуация занимает **сверхдолгий интервал** (охватывающий целый ряд отделенных друг от друга обычных временных интервалов). Имеется в виду совокупность действий и деятельностей агенса на множестве обычных временных интервалов. Это отличает глаголы типа *руководить* от деятельностей, которые протекают в обычных интервалах, т. е. от глаголов деятельности, имеющих актуально-длительное значение. Отсюда аномалия в примере из [Булыгина 1980] — конкретное место может иметь только деятельность, локализуемая в обычных временных интервалах.

(7) — Где Елена Михайловна? — Она в коридоре *руководит* аспирантом.

В [Апресян 2006] этот класс обозначен как деятельности — что противоречит общепринятому употреблению термина «деятельность» (activity) в применении к процессам, которые протекают в обычных интервалах. Обобщенные состояния можно по-другому назвать разве что **обобщенными деятельностями**.

Понятие сверхдолгого интервала, очевидным образом аспектуальное, позволяет решить вопрос о так называемом «расширенном настоящем»: это никак не значение настоящего времени; это видовое значение, которое возникает у формы НСВ в контексте глаголов определенного акционального класса — как в настоящем времени, так и в прошедшем, а возможно и в будущем, ср. [Зализняк, Шмелев 2000: 29].

Другой класс глаголов, незаслуженно обойденный вниманием в классификации Вендлера, — это **семельфактивы**, глаголы с маркированной однократностью. В таблице из раздела 1 сочетаемость глаголов achievement с обстоятельством срока помечена знаком +/- . Дело в том, что на самом деле в классе глаголов achievement можно выделить класс семельфактивов как собственно моментальных, ср.: *споткнуться, поскользнуться*, для которых сочетаемость с обстоятельством срока исключена абсолютно. А для *выиграть* или *прийти* она всего лишь затруднена. Семельфактивы выделены в особый акциональный класс в [Smith 1991].

Следует еще отметить как отдельный класс **конативы**. Это подкласс предельных глаголов, у которых к достижению результата ведет не деятельность, а скорее попытка или серия попыток, ср. пары *убеждать — убедить, ловить — поймать, решать — решить*. В [Апресян 1974: 83—84] говорится, что в таких парах НСВ имеет значение попытки, а СВ — значение «успеха», т. е. удавшейся попытки. Первое упоминание о конативах содержится в [Forsyth 1970: 49, 71—73]. Нетривиальные свойства глаголов, в применении к которым естественно использовать термин «конатив», отмечены в [Апресян 1980: 63—64] и [Гловинская 1982: 89—91].

2.4. Производные акциональные классы

Имеются морфологические, синтаксические и прагматические факторы, которые меняют исходную онтологическую категорию глагола, переводя глагол из одной категории в другую.

1. Имперфектив от глагола категории **действие** ведет себя синтаксически как деятельность, т. е. обозначает нетерминативную ситуацию. А именно, сочетается с обстоятельством длительности, ср.: *два часа читал статью Хомского*. Это **производная** деятельность.

2. Имперфектив от глагола категории **действие**, помимо основных значений, принадлежащих сфере **ЛИНЕЙНОЙ** аспектуальности, может употребляться для обозначения узуального или повторяющегося события из сферы **КОЛИЧЕСТВЕННОЙ** аспектуальности. (Совмещение пучка значений — нескольких единичных и нескольких итеративных — типично для имперфектива во многих языках, см. [Плунгян 2011: 407 и сл.].) Узуальное или повторяющееся действие, обозначаемое парным имперфективом глагола действия, — это **производное обобщенное состояние**, ср.: *Я купил творог на рынке* [действие] и *Я <обычно> покупаю творог на рынке*. Напомним, что класс обобщенное состояние в качестве первичного имеют глаголы типа *руководить*. Производные обобщенные состояния локализируются в сверхдолгих временных интервалах — так же, как первичные. (В терминах из [Храковский 2014] у глагола действия тут **неактуально-длительное** значение НСВ.)

3. Глагол деятельности в контексте обстоятельства длительности выражает ситуацию с ограниченной длительностью — т. е. событие. Так, глагол НСВ *молчать* в контексте обстоятельства длительности ведет себя как событие в (8а), а (8б), где такого обстоятельства нет, нарушает повествовательные нормы, см. [Падучева 1996: 364].

- (8) а. Он вздохнул и несколько минут молчал.
б. *Он вздохнул и молчал.

4. Пропозиция, в состав которой входит обстоятельство кратности (например: *пять раз нырял*), допускает только ретроспективный ракурс (см. [Барентсен 1992]) и, следовательно, выражает событие.

5. Абсолютное употребление переходного глагола или замена объекта-индивида на объект-массу превращает терминативную ситуацию в нетерминативную, т. е. действие в деятельность, ср.: *ловить бабочек* и *ловить бабочку*; *есть яблоко* и *есть машину*. Это явление было обнаружено в статье [Verkuyl 1972] и известно под именем **аспектуальная композиция**. Имеется огромная литература на этот счет; см. краткий обзор в [Падучева 2004б].

Приведенный свод акциональных классов неполон. Задача была в том, чтобы продемонстрировать возможности акциональной классификации в принципе. Ниже в разделах 3—6 будет показано, как акциональная классификация используется при решении одной частной проблемы — при выявлении ограничений на сентенциальные актанты союза *пока*, от которых зависит его значение.

3. Загадки союза *пока*

В контексте союза *пока* обнаруживаются необычные квазисинонимические соотношения между утвердительной и отрицательной полярностью соединяемых пропозиций. Примеры (на базе [Jordanskaja, Mel'čuk 2009]):

- (9) а. *Пока Иван не пришел*, Маша приготовит обед ≈
б. *Пока Иван придет*, Маша приготовит обед.

В примере (10) можно заменить *пока* на *прежде чем*, при этом частица *не* опускается; а в контексте примера (11) такая замена невозможна:

- (10) а. Эту задачу надо решить, *пока* ее не решил кто-то другой ≈
б. Эту задачу надо решить, *прежде чем* ее решил / решит кто-то другой;
(11) а. Буду стучать, *пока* не откроют.
б. *Буду стучать, *прежде чем* откроют.

В [Jordanskaja, Mel'čuk 2009] (далее — I&M) отрицание при *пока* в примерах этого рода признано плеонастическим — эксплетивным. Употребление отрицания, а также видовых форм глагола в контексте *пока* заслуживает дальнейшего изучения, что заставляет вновь обратиться к этому интересному слову. Отдельный интерес представляет варьирование временных форм в контексте *пока*, см. примеры (9) и (10б).

Союз *пока* имеет особое значение в контексте глагола *ждать*, где он может оформлять актант глагола в главном предложении, см. [Барентсен 1980]. Речь будет идти только о сир-константных употреблениях *пока*.

4. Предварительные замечания

Принимаются следующие обозначения (на базе I&M). В сложном предложении с союзом *пока* будем обозначать как Р ситуацию, которая задается главным предложением (и пропозицию, выражаемую главным предложением, равно как и предикацию, т. е. клаузу). Ситуацию, которая задается придаточным с *пока* (и пропозицию, выражаемую придаточным), обозначаем Q.

В I&M обращается внимание на то, что союз *пока* может употребляться как **иллокутивный**, т. е. может связывать данную пропозицию не с пропозициональным содержанием другого высказывания, а с его **иллокутивной компонентой**, ср.:

- (12) Зоинька, *пока* я не забыл, ты завтра свободна? [Э. Шим. Ребята с нашего двора (1976)].

Тут придаточное с *пока* характеризует не время, к которому относится ситуация в вопросе, а время, когда задается вопрос (текстовые примеры — из [НКРЯ]).

Иллокутивные значения *пока*, выявленные в I&M, я не рассматриваю, и нумерация лексем, соответственно, упрощена. Остаются четыре лексемы, соответствующие союзу *пока* в обычном употреблении:

пока 1: Р *пока* Q = ‘Р во время Q; говорящий считает, что Р и Q связаны’: *Пока Иван работал, Маша читала*;

пока 2a: Р *пока не* Q = ‘контролируемое действие Р происходит до момента Q; говорящий считает, что это время удобно для совершения Р’: *Маша позвонит, пока Иван не проснулся*; обстоятельное *не* в составе Q;

пока 2b: Р *пока (не)* Q = ‘временной интервал Р длится до момента Q; говорящий считает, что Р и Q связаны’: *Маша будет стучать, пока (не) откроют*; *не* факультативное;

пока 3: ‘длительность интервала до наступления Q достаточна для того, чтобы произошло Р’: *Ну, пока Иван вернется, Маша все готовит*.

Ниже будет показано, что союз *пока* в большей части контекстов выражает **одновременность**. При этом Q (или иногда *не*-Q) — **длящаяся ситуация** (т. е. процесс или состояние), а Р может быть и длящейся ситуацией, и событием. Исключением составляет контекст 2b, где Q — **событие**, которое следует **после окончания** деятельности/состояния Р, так сказать, «прерывая» Р, т. е. в контексте 2b ситуация Q не длящаяся и Q не одновременно Р, а после Р.

Для семантики *пока* принципиальное значение имеет вид глагола в Q. Если глагол в Q несовершенного вида, то он выражает эту длящуюся ситуацию непосредственно. А если глагол в Q совершенного вида, т. е. имеет событийное значение, то длящаяся ситуация должна тем или иным способом «извлекаться» из аспектуальной семантики глагола СВ; отрицание — один из этих способов.

В [Барентсен 2014] отмечен следующий принципиальный аспект семантики сочетания «Р *пока* Q»: *пока* указывает, что ситуация Р локализуется на фоне, задаваемом ситуацией Q, которая должна прекратиться. Это главный компонент семантики *пока*-наречия (см. [Труб 1997]) и важнейшее требование, которое предъявляет *пока*-союз к семантике пропозиции Q: **ориентация на конец**.

5. Конструкции с глаголом *пока*

Я различаю, следуя в основном I&M, пять **конструкций** вида «Р *пока* Q», которыми исчерпываются условия употребления *пока*; иначе говоря, пять **контекстов употребления** *пока* — K1, K2a, K2b, K3 и K4. В четырех основных конструкциях пропозиция Q обозначает длящуюся ситуацию (а *пока* означает ‘Р одновременно Q’). В конструкции 1 эта длящаяся ситуация естественным образом выражается глаголом в несов. виде, а конструкции 2a, 3 и 4 — это разные способы, которыми *пока* вынуждает глагол СВ, в принципе обозначающий событие, к обозначению длящейся ситуации: в конструкции 2a это **состояние ненаступления** события Q, в конструкции 3 — **процесс**, ведущий к наступлению события Q, в конструкции 4 — **перфектное состояние** события Q. И только в конструкции 2b ситуация Q — **событие** (а *пока* означает ‘Q после Р’).

Дальнейшее изложение широко использует примеры из I&M и [Барентсен 2014], с сохранением нумерации в скобках; к примеру из I&M добавляется буква М, к примеру из [Барентсен 2014] — буква Б. Остальные примеры имеют номер без буквы.

Конструкция 1. Р *пока* Q означает, что **процесс** (в частности, **деятельность**) или **событие** Р происходит одновременно с **процессом** Q. Глагол в Q может быть только в несовершенном виде, а глагол в Р может быть и в несовершенном виде, как в [5М], и в совершенном, как в [21Б]:

(13) [5М] *Пока Иван работал, Маша читала*;

(14) [21Б] Эта мысль о лицах *промелькнула* в голове Кузенкова, *пока* он *смотрел* на Таню.

В [21Б] Р *пока* Q означает: ‘событие Р имело место в то время, как длилась ситуация Q’. Не исключено, что Р и Q занимают один и тот же временной интервал, т. е. Р *пока* Q = ‘Р все то время, когда длится ситуация Q’, как в [5М]. Но Р может быть и точкой на интервале Q, как в [21Б].

Глагол в Q в составе конструкции 1 может иметь при себе отрицание, см. [39М]; если глагол в Q в НСВ, отрицание в Q структурной роли не играет — допустимо также [39’М], с противоположным смыслом:

- (15) (39М) Иван вам позвонит, пока мы *не работаем*.
(39’М) Иван вам позвонит, пока мы *работаем*.

Конструкция 2а. Р *пока не-Q* означает, что действие Р одновременно **состоянию ненаступления события** Q. Иначе говоря, Р *пока не Q* = ‘действие Р совершится/совершилось в то время, как длится/длилось состояние ненаступления события Q’.

Это значение возникает у *пока* в контексте, где в Q глагол с отрицанием имеет форму СВ прошедшего времени. Так, в [34М] и в (17) глагол в Q совершенного вида, поэтому *не-Q* задает временной интервал ненаступления события, а ситуация Р занимает какой-то субинтервал (в частности, момент) на этом интервале:

- (16) [34М] Я *позволю* ей, пока Иван *не вернулся* [= ‘событие Р произойдет в то время, как длится состояние ненаступления события «Иван вернулся»’];
(17) Вот ваш ужин остался от вчера, *ешьте*, пока *не убрали* (Ю. Домбровский).

Вид глагола в Р может быть совершенный, как в примере [34М], и несовершенный, как в (17) или в (18); т. е. Р может быть не только действием, но и деятельностью:

- (18) Пока Иван *не пришел*, Маша *будет готовить* обед и *говорить* по телефону.

Ситуация Р должна быть агентивной; если Р — неконтролируемое событие, более уместно *когда*, чем *пока* (см. об этом [Барентсен 2014]); так, предложение [18М] звучит странно:

- (19) [18М] Маша *проснулась*, пока Иван *еще не ушел*.

Фраза *Маша встала пока Иван еще не ушел* нормальна, поскольку *встать* может интерпретироваться как действие.

Имеется две разновидности конструкции 2а, касающиеся временного плана.

1) Точка отсчета в настоящем, см. [62bМ], где форма прош. в Q выражает состояние ненаступления (которое имеет место в настоящий момент), а время в Р будущее:

- (20) [62bМ] Пока Иван *не пришел*, Маша *приготовит* обед;

2) Точка отсчета в прошлом, см. [62b’М], где форма прош. в Q выражает состояние ненаступления, но время в Р прошедшее:

- (21) [62b’М] Маша *приготовила* обед, пока Иван *еще не пришел*.

Конструкция 2а имеет следующие характерные формальные и семантические признаки:

- Вид глагола в Р может быть совершенный и несовершенный.
- Время глагола в Q при точке отсчета в настоящем прошедшее: событие на данный момент не наступило.
- Явное или подразумеваемое *еще* при точке отсчета в прошлом, см. [62b’М].
- Р *пока не-Q* квазисинонимично с Р *прежде чем Q*, поэтому [62bМ] ≈ [62b’’М]:

- (22) [62b’’М] Маша *приготовит* обед прежде, чем *пришел* Иван.

д. Предпочтительная препозиция Q при точке отсчета в настоящем, как в [62bМ].

Точка отсчета в предложениях с *пока* смещается в прошлое неохотно; так, [62b’М] было бы сомнительно без *еще*.

В I&M интервальная интерпретация отрицательного перфектива в Q (т. е. интерпретация *не-Q* в значении состояния ненаступления) признается допустимой только в контексте «неактуальной ситуации, существующей только в воображаемом мире», — иначе говоря, в контексте **снятой утвердительности** пропозиции P (см. о снятой утвердительности [Падучева 2005]):

- (23) [4aM] Маша *могла бы позвонить* Ивану, пока он не ушел,
 Если *бы* Маша *позвонила* Ивану, пока он не ушел,
Позвони Ивану, пока он не ушел!
 Маша *позвонит* Ивану, пока он не ушел.

То, что *пока не* понимается в значении состояния ненаступления **п р е и м у щ е с т в е н н о** в контексте снятой утвердительности, нельзя отрицать. Однако **н е и с к л ю ч и т е л ь н о**. Интервальная интерпретация возникает у отрицательного перфектива прош. времени в контексте *еще*, см. (24а). Между тем ‘еще’ может быть подразумеваемым, поэтому (24б) тоже допустимо. Впрочем, в контексте неснятой утвердительности, например, в прош. времени, лучше все-таки употребить *не пока*, а *когда*, см. (24в), поскольку в контексте прош. времени пропадает идея подходящего момента, отмеченная в семантике *пока* в I&M:

- (24) а. Маша позвонила Ивану, пока он *еще* не ушел.
 б. Маша позвонила Ивану, пока он не ушел.
 в. Маша позвонила Ивану, когда он *еще* не ушел.

То, что *пока* более свободно употребляется в контексте *еще*, не удивительно: *пока* ориентировано на точку конца, а *еще*, которое ориентирует длящееся состояние на точку конца, помогает обеспечить выполнение этого условия: как отмечено в разделе 2, форма СВ прош. (от большей части глаголов) выражает состояние со стартовой ориентацией, что противоречит финишной ориентации союза *пока*.

Конструкция 2b. P *пока не-Q* означает, что **деятельность** P длится / длилась вплоть до того момента, когда наступит **событие** Q, и прекратится / прекратилась с наступлением Q.

Чаще всего лексема *пока* 2b соответствует такому контексту, где между деятельностью P и наступлением Q имеется причинная связь — наступление Q **вызвано** деятельностью P (и Q — цель этой деятельности):

- (25a) [2bM] Маша будет стучать, пока *не откроют*.

В [2bM] точка отсчета в настоящем, так что будущее в P (и в Q) отсчитывается от момента речи. Но точка отсчета может быть и в прошлом:

- (25б) [2b'M] Маша стучала, пока *не открыли*.

Значение *пока* в контексте 2b не может быть представлено как одновременность состоянию ненаступления: состояние ненаступления выражается отрицанием при глаголе СВ в прошедшем времени, а в [2bM] время в Q будущее. Но в предложении [2b'M] *пока* тоже не может быть понято как выражающее одновременность состоянию ненаступления. В самом деле, в [2b'M] нельзя без изменения смысла вставить *еще* — предложение [2b''M], если признать его допустимым, не может быть понято в том смысле, что Маше открыли в результате того, что она *достучалась* — [2b''M] понимается в рамках конструкции 2a, т. е. в значении одновременности состоянию ненаступления:

- (26) [2b''M] Маша стучала, пока *еще не открыли*.

Характерные формальные и семантические признаки конструкции 2b:

- а. Вид глагола в P несовершенный.
- б. Время глагола в Q при точке отсчета в настоящем будущее (а не прошедшее, как в K2a).
- в. Нельзя без потери смысла вставить *еще* при точке отсчета в прошлом.

г. Р *пока не-Q* квазисинонимично с Р *до того момента, как наступило Q*:

[2 b'''M] Маша *стучала до того момента, когда открыли*.

д. Предпочтительна постпозиция Q при точке отсчета в настоящем.

е. С наступлением Q прекращается Р.

ж. Наступление Q является следствием Р (и изначально было целью деятельности субъекта пропозиции Q).

Конструкции 2а и 2b различаются в пунктах а—д, а пунктов е и ж в семантике конструкции 2а нет.

Имеется вариант 2b' конструкции 2b, когда Р не деятельность, а состояние, которое должно прекратиться (или прекратилось) с наступлением Q (см. о союзе прерывающего следования в [Храковский 2009]):

(27) Дети будут голодные, *пока не придет* мать.

Наступление Q в (27) не вызвано ситуацией Р: здесь Р не деятельность, а состояние, и наступление события Q вызывает прекращение этого состояния. В (27), как и в [2bM], отрицательный имперфектив в Q имеет форму буд. времени и не выражает состояния ненаступления; а замена буд. на прош. означала бы замену конструкции 2b на конструкцию 2а, которая выражает чисто временное, а не каузальное соотношение между ситуациями.

Легко убедиться в том, что в (28) и (29) мы имеем дело тоже с конструкцией 2b': как сказано в разделе 2.4, узальное или повторяющееся действие — это производное состояние.

(28) Я *покупал* творог на рынке, *пока не открылся* хороший магазин около дома;

(29) Я *буду покупать* творог на рынке, *пока не появится* хороший творог в магазинах.

С другой стороны, тот факт, что обстоятельство длительности переводит делящуюся ситуацию в событие (тоже установленный в разделе 2.4), позволяет в (28') идентифицировать ситуацию в Р как событие, и тогда в (28') конструкция 2а — одновременность состоянию ненаступления (NB *еще* в составе Q):

(28') Я десять лет *покупал* творог на рынке, *пока еще не открылся* хороший магазин около дома.

Впрочем, обстоятельство длительности не вполне однозначный показатель событийности. Предложение (28'') можно интерпретировать так, что состояние Р прерывается событием Q, а не ограничивается обстоятельством длительности, и тогда в (28'') конструкция 2b' (это, так сказать, нерестриктивное обстоятельство):

(28'') Я десять лет *покупал* творог на рынке, *пока не обнаружил* хороший магазин рядом с домом.

Итак, имеется два варианта конструкции 2b: в K2b ситуация Р — деятельность, в K2b' — состояние. В обоих случаях наступление события Q связано с прекращением ситуации Р. Но в K2b Q возникает как следствие деятельности Р, т. е. Р *вызывает Q* (прекращение Р на заднем плане), а если Р — состояние, то, наоборот, прекращение Р *вызвано* наступлением Q.

Общим для обеих этих разновидностей конструкции 2b является четкая граница между прекращением Р и началом Q: с наступлением Q прекращается Р, будь то сознательная деятельность или состояние.

Подчеркнем различия между конструкцией 2b и 2а.

Во-первых, в 2а ситуация Р может быть и континуалом, и событием: Р может занимать любую часть временного интервала *не-Q*. А в 2b (и в 2b') Р обязательно континуал и обязательно занимает весь интервал *не-Q*;

Во-вторых, в 2b (и в 2b') Р и Q связаны, так или иначе, каузальным отношением, а в 2а *пока* выражает чисто временное соотношение — между ситуациями Р и *не-Q*.

В I&M утверждается, что в контексте лексемы 2b (с глаголом несом. вида в составе P) можно опустить *не*. Однако на самом деле опущение *не* в контексте лексемы 2b не свойственно современному языку:

(30) [2b'''M] *Маша будет стучать, пока откроют;

(27) [4'] *Дети будут голодные, пока *придет* мать.

До начала XX в. употребление *пока* в значении *пока не* в конструкции 2b соответствовало литературной норме:

- (31) а. *А я был, есть и, кажется, буду всегда нетерпячий и не могу успокоиться, *пока пойму* дело. [Н. Лесков. Письма Л. Н. Толстому (1887—1894)].
 б. *А я, как только он женится, уеду куда-нибудь подальше, в Дрезден или во Флоренцию, и *буду там жить* [НСВ], *пока околею*» [И. Тургенев. Отцы и дети (1862)].
 в. *Когда вы получите это письмо, я буду по дороге в Финляндию; отсюда я намерен отправиться в Швецию; *буду путешествовать* [НСВ], *пока проживу свои деньги* [А. Герцен. Кто виноват? (1841—1846)].
 г. ...*я *хотел бы* [НСВ] ничего не видеть, не слышать и не думать, *пока очнусь* в Премухине! [Н. Станкевич. Письма Л. А. Бакуниной (1837)].
 д. *Моим солдатам и офицерам *придется голодать*, *пока привезут деньги*, так как не на что будет покупать провиант [Б. Лавренев. Крушение республики Игль (1925)].
 е. *Так мы и *будем здесь стоять* [НСВ], *пока заявятся* сюда японцы и утопят нас вперед этого англичанина? [А. Новиков-Прибой. Цусима (1932—1935)].

Так, вместо (31а) сейчас надо было бы сказать (31а'):

(31а') <...> не могу успокоиться, *пока не пойму* дело.

В песне В. Высоцкого (пример приводится в I&M) отсутствует *не* в контексте K2b, и это явная стилизация:

(32) Но если туп, как дерево, — родишься баобабом. И *будешь* баобабом тыщу лет, *пока помрешь*. (В. Высоцкий).

Заслуживает внимания пример (33). Конструкции 2a и 2b (и 2b') апеллируют к явному отрицанию. Между тем в (33) тоже есть отрицание, но скрытое: *пока были патроны* означает 'пока не кончились патроны'. Поэтому (33) представляет не конструкцию 1, где глагол в Q имперфективный и отношение между P и Q чисто временное, а конструкцию 2b' — наступление события Q 'кончились патроны' вызывает прекращение деятельности, выраженной в P:

(33) Но она стреляла, пока были патроны [Б. Васильев. А зори здесь тихие (1969)].

Ситуация P в (33) не состояние, как в (27), а деятельность; но деятельность не направленная на Q, так что Q вызывает прекращение P, а не P — наступление Q. Таким образом, предложение (33) надо признать реализующим конструкцию 2b'.

Конструкция 3. P *пока* Q означает, что **событие**, в частности — **действие**, P одновременно **деятельности** или **процессу, ведущим к наступлению события Q**.

Иначе говоря, P *пока* Q в контексте конструкции 3 означает, что событие P произойдет/произошло на интервале, который занимает деятельность или процесс, ведущий к наступлению события Q:

(34) [62aM] Пока Иван *придет*, Маша *приготовит* обед.

Если глагол в Q предельный, то деятельность или процесс, ведущий к наступлению события Q, выражается парным глаголом несовершенного вида. Например:

(35) Пока Иван *доберется* до дома = Пока Иван *будет добираться* до дома (*добираться* — процесс, ведущий к событию *добраться*).

Но союз *пока* может вынуждать появление форсированного компонента процесс (в частности, деятельность) и в семантике конативного (как *уговорить* в [31Б]) или даже моментального глагола. Так, в контексте *долго бился, пока понял* союз *пока* вынуждает компонент процесс в семантике *понять*, хотя *понять* — моментальный глагол СВ, и его парный НСВ *понимать* не обозначает деятельности, ведущей к результату *понять*.

Есть две разновидности конструкции К3 — К3а и К3б. Различие между К3а и К3б во многом подобно различию между К2а и К2б. В К3а событие Р просто одновременно процессу «наступления» Q, см. [62аМ], а также:

(36) А теперь, пока он *очухается*, мы уже далеко *уйдем* [А. Свирский. Рыжик (1901)];

(37) [35Б] Пока Иван *придет*, мы *успеем* прочитать три главы.

А в К3б Р — это действие или завершившаяся деятельность, направленные на достижение Q, так что Q — это следствие события Р. Так, обстоятельство длительности в составе Р (*почти два месяца* в [22Б] и *долго* в [24Б] и в [31Б]) порождает ретроспективный ракурс, так что глагол НСВ в Р обозначает не длящуюся деятельность, а событие.

(38) [22Б] В свое время он *бился* над этим разделом *почти два месяца*, пока *понял* все определения, понятия и теоремы (Маринина);

(39) [24Б] Мы *долго возились* с ослом, пока нам *удалось оттащить* его от дверей базилики и привязать к соседней акации (Паустовский);

(40) [31Б] Павел *долго спорил* с Николаем, пока *уговорил* его согласиться на временный отдых от руководящей работы (Н. Островский).

В [23Б] ретроспекция и событийность Р обеспечиваются обстоятельством кратности (см. об этом в разделе 2.4):

(41) [23Б] ...раз пять Мухин *нырлял*, пока лодку *нашел* (Аксенов).

Конструкция 4. Р *пока* Q означает, что действие / событие Р одновременно **перфектному состоянию** события Q.

(42) Смотри скорее, *пока включили свет* = ‘Р в то время, как длится перфектное состояние наступившего события Q’ (пример из [Зорихина-Нильссон 2002]).

Как было сказано в разделе 2.1, глагол СВ способен обозначать перфектное состояние. И конструкция Р *пока* Q может означать ‘Р произойдет / будет иметь место в то время, как длится перфектное состояние события Q’. Следует, однако, помнить, что *пока* совместимо только с такими состояниями, которые допускают финишную ориентацию (в соответствии с условием из [Барентсен 2014]). А перфектные, иначе, результирующие, состояния, в принципе, имеют стартовую ориентацию, которая исключает ориентацию на конец. Однако возможны исключения — у некоторых реверсивных глаголов перфектное состояние может мыслиться как временное. Так, (43а) лучше, чем (43б), поскольку *вышла* предполагает ‘вернется’:

(43) а. Пока Маша *вышла*, Иван позвонил Даше.

б. Пока Маша *ушла*, Иван позвонил Даше.

Необратимые состояния имеют однозначно стартовую ориентацию, которая исключает ориентацию на конец, т. е. не могут мыслиться как временные — они не совместимы с прекращением; отсюда:

(44) *Пока Маша *умерла*, Иван женился на Даше.

Конструкция 4 не соответствует ни одной из лексем I&M, хотя в сноске 7 приведен пример [64М], который иллюстрирует как раз конструкцию 4:

(45) [64М] Пока я *разрешил* Ивану пользоваться моим компьютером, он читал почту каждый день.

6. Какая разница между К3а/б и К2а/б?

Можно предположить, что значение у конструкции К3а ‘действие/событие Р произойдет за время «наступления» Q’ и у конструкции К2а ‘Р произойдет на интервале ненаступления Q’ одно и то же. Т. е. одновременность Р с «ситуацией наступания Q», которая выражается конструкцией К3а, Р *пока* Q, — это то же, что одновременность Р с ситуацией ненаступления Q, которая выражается конструкцией К2а, Р *пока не-Q*. А тогда в контексте К3а должно быть можно вставить *не*. И действительно, К3а может быть квазисинонимична К2а, т. е. *не* в К3а можно заменить на *пока не*:

(46) Пока он *очухается* (= пока он *не очухался*), мы уже далеко *уйдем*;

(47) [35Б] Пока Иван *придет* (= пока Иван *не пришел*), мы *успеем* прочесть три главы.

При этом будущее время в пропозиции Q необходимо заменить на прошедшее, поскольку состояние ненаступления может выражаться отрицанием глагола СВ только в прош. времени, никогда не в будущем:

(48) [62аМ] Пока Иван *придет*, Маша *приготовит* обед [= Р произойдет за то время пока «будет наступать» Q, К3];

(49) [62а’М] Пока Иван *не пришел*, Маша *приготовит* обед [= Р произойдет за то время пока еще не наступило Q, К2а].

А конструкция К3б, где имеется каузальная связь между действием Р и событием Q, не вступает в квазисинонимические соотношения с К2б; в контексте К3б вставить *не* нельзя. Дело в том, что К2б требует глагола несовершенного вида; а в К3б глагол в Р хоть и несовершенного вида, но ограничение на длительность Р задается не наступлением Q (как этого требует К2б), а содержится в самом Р. Так, в [31Б] можно заменить *пока* К3б на *пока не* К2б, но тогда надо убрать *долго*, а *спорил*, *пока не уговорил* (= ‘спорил до тех пор, пока не уговорил’) ≠ *долго спорил*, *пока уговорил*.

(40) [31Б] Павел долго *спорил* с Николаем, пока *уговорил* его согласиться на временный отдых от руководящей работы (Н. Островский).

В (50) Р — действие, которое направлено на достижение Q, а не просто одновременно состоянию ненаступления результата Q: он ‘нашел в результате того, что обыскал’, а не ‘обыскал за то время, пока еще не нашел’. Поэтому (50) ≠ (50’).

(50) Прятал он ее в доме, каждый раз на новом месте, и однажды запоматывал, где схоронил, — весь дом *обыскал*, пока *нашел* [Л. Улицкая. Казус Кукоцкого];

(50’) весь дом *обыскал*, пока *не нашел* [*весь дом обыскал* = ‘искал по всему дому’, К2б].

Ср. пример (28’), где конструкция была диагностирована как 2б’, поскольку деятельность Р, несмотря на наличие обстоятельства длительности, прерывается событием Q. В нем нельзя опустить *не* и понимать конструкцию как К3б, поскольку покупка творога на рынке не вела к обнаружению магазина:

(28’) Я *десять лет покупал* творог на рынке, пока *не обнаружил* хороший магазин рядом с домом.

В конструкции 3а, где нет каузальной связи между Р и Q, ситуация Р может быть не действием, а неагентивным событием:

(51) [29Б] Пока *приехали* на полевой стан, *стемнело* (Ч. Айтматов).

Вставка *не*, т. е. замена К3а на К2а, здесь, в принципе, возможна, но употребление *пока* становится неоправданным — лучше сказать *не пока*, а *когда* (этот аспект семантики *пока* был выявлен уже на примере [18М] при разборе конструкции 1):

(52) [29’Б] *Стемнело*, пока мы еще *не приехали* на полевой стан.

А при переводе всей ситуации в план настоящего употребление *пока не* в контексте К2а и вовсе теряет смысл:

- (53) а. Пока мы приедем, стемнеет [К3а].
б. *Пока мы не приехали, стемнеет [К2а].

Пример (53б) раскрывает еще одно условие на употребление *пока не* в составе К2а. Нормально, чтобы субъект эмпатии входил в состав Р, т. е. в главное предложение, а не в придаточное, которое должно указывать какие-то обстоятельства, касающиеся события в фокусе внимания. В (53а) коммуникативный сдвиг: подлежащее *мы* показывает, что тут не придаточное с *пока* задает тот временной интервал, на котором стемнеет, а главное предложение описывает состояние неба, когда мы приедем. Оказывается, что сдвинутый фокус эмпатии в контексте К3а, как в (53а), допустим. Между тем в контексте *пока не*, т. е. в К2а, как в (53б), невозможен. В (53а) речь все-таки идет о событии нашего приезда; а (53б) говорит только о времени его ненаступления.

Тот же сдвиг в примере [27Б], где ситуация Р не только не является действием, время которого задается «наступанием» Q, но, наоборот, само задает временной интервал, характеризующий ситуацию Q — в центре внимания находится процесс становления Q. Поэтому не оправдано употребление конструкции К2а, см. [27*Б], где этот процесс представлен как состояние ненаступления:

- (54) [27Б] Прошло более двух столетий, пока открытие Коперника *стало* общепризнанным;
(55) [27*Б] *Пока открытие Коперника еще не *стало* общепризнанным, прошло более двух столетий.

Заключение

Анализ контекстов, релевантных для семантики союза *пока*, показал, какую важную роль может играть грамматическая семантика вида в ее взаимодействии с акциональным классом глагола.

1. Отрицание в контексте *пока* взаимодействует с видом и акциональными классами глаголов по самым общим законам выведения смысла целого из смысла частей. Слово *пока* — благодатное поприще для применения акциональной классификации глаголов. Потребовалось обращение к производным акциональным классам — к таким, например, как перфектное состояние, состояние ненаступления, производное обобщенное состояние.

2. В I&M утверждалось, что *не* при лексеме *пока* 2b (с глаголом несом. вида в составе Р) плеонастическое. Можно думать, отрицание в конструкции 2b скорее не плеонастическое, а идиоматичное. Нечто подобное отрицанию тут есть, но не в составе пропозиции Q, а в составе Р: отрицание в Q выражает *п р е к р а щ е н и е* Р с наступлением Q. В современном языке это идиоматичное отрицание не может быть опущено, хотя у классиков XIX в. это *не* было необязательным. Почему возникла новая норма, остается загадкой.

3. Союз *пока* можно заменить на *прежде чем* в контексте 2а (где *не* выражает состояние ненаступления), но не в 2б, где *пока* взаимозаменяемо с *до того момента, как* и где имеется каузальная связь между Р и Q. В составе конструкции 4 (где Р одновременно перфектному состоянию Q) *пока*, естественно, тоже не синонимично с *прежде чем*, поскольку Р тут после Q.

4. Особо следует отметить семантику грамматического времени в контексте союза *пока*: союз *пока* допускает дейктическое употребление, которое апеллирует к настоящему моменту как к моменту речи. В предложении *Пока Иван не пришел, Маша приготовит обед* состояние ненаступления события Q в придаточном предложении выражается отрицанием при глаголе в прош. времени, но относится к моменту речи, так что форма будущего в главном предложении интерпретируется как будущее диалогического режима интерпретации. Это свидетельствует об эгоцентричности *пока* — о его ориентации на момент речи и на говорящего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaia semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic resources of language]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Апресян 1980 — Апресян Ю. Д. Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели «Смысл ↔ Текст». Wien: Wiener Slawistischer Almanach. Sdb 1. 1980. [Apresjan Yu. D. *Tipy informatsii dlya poverkhnostno-semanticheskogo komponenta modeli «Smysl ↔ Tekst»* [Types of information for the surface semantic component of the Meaning ↔ Text model]. Wien: Wiener Slawistischer Almanach. Sdb 1. 1980.]
- Апресян 2006 — Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов // Апресян Ю. Д. (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур. 2006. С. 75—109. [Apresjan Yu. D. Fundamental classification of predicates. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur. 2006. Pp. 75—109.]
- Барентсен 1980 — Барентсен А. Об особенностях употребления союза пока при глаголах ожидания // Studies in Slavic and general linguistics. 1980. Vol. 1. Pp. 17—68. [Barentsen A. Characteristics of the conjunction *poka* use with verbs of expectation. *Studies in Slavic and general linguistics*. 1980. Vol. 1. Pp. 17—68.]
- Барентсен 1992 — Барентсен А. Об обстоятельствах ограниченной кратности действия в русском языке. Ч. I // Studies in Slavic and general linguistics. 1992. Vol. 17. Pp. 1—66. [Barentsen A. Adverbial modifiers of limited multiplicity of action in Russian. Part I. *Studies in Slavic and general linguistics*. 1992. Vol. 17. Pp. 1—66.]
- Барентсен 2014 — Барентсен А. Проблемы описания союза *poka* // Nomachi M., Danylenko A., Piper P. (eds). Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th Meeting of the commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of Slavists. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 55.) München: Otto Sagner Verlag, 2014. Ss. 377—410. [Barentsen A. Problems of the conjunction *poka* description. *Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36th Meeting of the commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International committee of Slavists*. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd 55.). Nomachi M., Danylenko A., Piper P. (eds). Munich: Otto Sagner Verlag, 2014. Pp. 377—410.]
- Булыгина 1980 — Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 320—355. [Bulygina T. V. Grammatical and semantic categories and their relations. *Aspekty semanticheskikh issledovanii*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 320—355.]
- Булыгина 1982 — Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Селиверстова О. Н. (отв. ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7—85. [Bulygina T. V. Towards constructing a typology of predicates in Russian. *Semanticheskie tipy predikatov*. Seliverstova O. N. (ed.). Moscow: Nauka, 1982. Pp. 7—85.]
- Гловинская 1982 — Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982. [Glovinskaya M. Ya. *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenii russkogo glagola* [Semantic types of aspectual oppositions of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. [Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v aspektologiyu* [Introduction to aspectology]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Зорихина-Нильссон 2002 — Зорихина-Нильссон Н. В. Еще раз о семантике высказываний с союзом «пока» // Scando-Slavica. 2002. Vol. 48. Pp. 81—102. [Zorikhina-Nil'sson N. V. Semantics of utterances with the conjunction *poka* revisited. *Scando-Slavica*. 2002. Vol. 48. Pp. 81—102.]
- Маслов 1948 — Маслов Ю. С. Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1948. Т. 7. № 4. С. 303—316. [Maslov Yu. S. Aspect and lexical meaning of the verb in Russian. *Izvestiya AN SSSR. Ser. lit. i yaz.* 1948. Vol. 7. No. 4. Pp. 303—316.]
- Маслов 2004 — Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004. [Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected writings. Aspectology. General linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2004.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. [Paducheva E. V. *Semanticheskie*

- issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic studies. Semantics of tense and aspect in Russian. Semantics of narrative]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 1998 — Падучева Е. В. Семантические источники моментальности русского глагола в типологическом ракурсе // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 332—342. [Paducheva E. V. Semantic sources of the Russian verb instantaneousness in typological perspective. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1998. Pp. 332—342.]
- Падучева 2004а — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>) [Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of lexicon]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004. Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>]
- Падучева 2004б — Падучева Е. В. Накопитель эффекта и русская аспектология // Вопросы языкознания. 2004. № 5. С. 46—57. [Paducheva E. V. The «incremental theme» and Russian aspectology. *Voprosy Jazykoznanija*. 2004. No. 5. Pp. 46—57.]
- Падучева 2005 — Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 17—42. (<http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/gyns2005.pdf>) [Paducheva E. V. Effects of suspended assertion: global negation. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2005. No. 2 (10). Pp. 17—42. Available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/gyns2005.pdf>]
- Падучева 2008 — Падучева Е. В. Имперфектив отрицания в русском языке // Вопросы языкознания. 2008. № 3. С. 3—21. (http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/imperf_negation_VJa1.pdf) [Paducheva E. V. Imperfective of negation in Russian. *Voprosy Jazykoznanija*. 2008. No. 3. Pp. 3—21. Available at: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/imperf_negation_VJa1.pdf]
- Плунгиан 2011 — Плунгиан В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Труб 1997 — Труб В. М. О семантической интерпретации высказываний с частицами *еще, пока* и *уже* // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 218—228. [Trub V. M. About semantic interpretation of utterances with particles *eshche, пока* i *uzhe*. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya*. Moscow: Indrik, 1997. Pp. 218—228.]
- Храковский 2009 — Храковский В. С. Таксис: семантика, синтаксис, типология // Храковский В. С. (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Наука, 2009. С. 11—113. [Khrakovskii V. S. Taxis: semantics, syntax, typology. *Tipologiya taksisnykh konstruksii*. Khrakovskii V. S. (ed.). Moscow: Nauka, 2009. Pp. 11—113.]
- Храковский 2014 — Храковский В. С. Несовершенный вид: опыт реинтеграции повторительного значения // Международная конф. «Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова», 20—22 ноября 2014 г., Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2014. С. 194—197. [Khrakovskii V. S. Imperfective: an attempt of reintegration of repetitive meaning. *Mezhdunarodnaya konf. «Nauchnoe nasledie i razvitie idei Yu. S. Maslova»*, November 20—22, 2014, St. Petersburg State Univ. St. Petersburg, 2014. Pp. 194—197.]
- Antinucci, Gebert 1975 — Antinucci F., Gebert L. L'aspetto verbale in polacco. *Ricerche Slavistiche*. 1975. Vol. XXII—XXIII. Pp. 5—60.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. New York: Basil Blackwell Ltd, 1985.
- Dowty 1979 — Dowty D. R. *Word meaning and Montague grammar*. Dordrecht: Holland, 1979.
- Forsyth 1970 — Forsyth J. *A grammar of aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.
- Iordanskaja, Mel'čuk 2009 — Iordanskaja L., Mel'čuk I. Semantics of the Russian conjunction ПОКА 'while, before, until'. *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag*. Berger T. (Hrsg.). Wien: Verlag Otto Sagner, 2009. Pp. 237—262.
- Kratzer 2000 — Kratzer A. Building Statives. *Berkeley Linguistic Society*. 2000. Vol. 26. Pp. 385—399.
- Mehlig 1981 — Mehlig H. R. Satzsemantik und Aspektsemantik im Russischen: (Zur Verbklassifikation von Zeno Vendler). *Slavistische Beiträge*. Bd 147. München: Verlag Otto Sagner, 1981. Ss. 95—151. [Сокр. русск. пер.: Мелиг Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 15: Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985. С. 227—249.]

- Mehlig 1994 — Mehlig H. R. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени: о категории глагольного вида в русском языке. *Revue des Études Slaves*. Vol. LXV. Pt. 1/3. 1994. Pp. 585—606.
- Nedjalkov, Jaxontov 1988 — Nedjalkov V. P., Jaxontov S. J. The Typology of Resultative Constructions. *Typology of Resultative Constructions*. Nedjalkov V. P. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988. Pp. 3—62.
- Parsons 1990 — Parsons T. *Events in the Semantics of English. A Study in Subatomic Semantics*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1990.
- Smith 1991 — Smith C. S. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer academic Publishers, 1991.
- Tatevosov 2002 — Tatevosov S. G. The parameter of actionality. *Linguistic typology*. 2002. Vol. 6. Pp. 317—401.
- Vendler 1967 — Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca (NY): Cornell Univ. Press, 1967.
- Verkuyl 1972 — Verkuyl H. J. On the compositional nature of aspects. *Foundations of language*. Supplementary series. Vol. 15. Dordrecht Holland: Reidel, 1972.
- Wierzbicka 1967 — Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish. *To Honor Roman Jakobson*. The Hague: Mouton, 1967. Pp. 2231—2249.

Статья поступила в редакцию 24.12.2014.

ИНФИНИТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С СЕМАНТИКОЙ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОСТИ: ВИД, ВРЕМЯ, ЛИЦО, ТИПОВЫЕ ЗНАЧЕНИЯ*

© 2015 г. Михаил Яковлевич Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург,
199053, Россия; Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Россия
dym2005@list.ru

Изучается разновидность инфинитивных оптативных высказываний, отвечающих моделям *Не Inf бы* и *Как бы не Inf* и выражающих нежелательность некоторой ситуации с точки зрения говорящего. Рассматривается варьирование категориального значения контрп optативности (сожаление, упрек, совет, просьба, квазиоптатив, опасение, предостережение, угроза) в зависимости от комбинации значений ключевых параметров модели: вида инфинитива, персональной отнесенности высказывания и его темпоральной характеристики. Предложено понятие темпорального вектора инфинитивного высказывания (с пятью частными значениями). Показана зависимость вариантов категориальной ситуации контрп optативности от скрытой транспозиции лица и дистанции между говорящим и субъектом инфинитивной конструкции. Выявлены ограничения временной перспективы рассмотренных моделей: для первой закрыты ретроспективно-антецедентный темпоральный вектор и ретроспективный при совершенном виде инфинитива, вторая может иметь только референцию к будущему.

Ключевые слова: инфинитивное предложение / высказывание, контрп optативность, частные значения, персональная отнесенность, темпоральный вектор, скрытая транспозиция лица

«COUNTER-OPTATIVE» INFINITIVE CONSTRUCTIONS IN RUSSIAN: ASPECT, TENSE, PERSON, AND VARIATION OF THE CATEGORIAL MEANING

Michail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, 199053, Russia; Institute for Linguistic
Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russia
dym2005@list.ru

The paper is focused on the counteroptative subtype of infinitive clauses / utterances, which correspond to the *Ne INF by* and *Kak by ne INF* patterns and signify undesirability of a certain situation, from the Speaker's point of view. The regular variation of the counteroptative categorial meaning (regret, reproach, advice, request, quasioptative, apprehension, forewarning, and threat) is considered, which depends on a combination of values of the key parameters of the model: the aspect of the infinitive, personal reference of the utterance and its temporal characteristics. The concept of a temporal vector of an infinitive utterance, including five particular values, is proposed. It is shown that the variation of the counteroptative categorial situation is also influenced by the hidden personal transposition and the distance between the Speaker and the Subject of the infinitive construction. The limitations on the temporal perspective for the two models are identified: the first one cannot have the retrospective-antecedent temporal vector, neither can it be used in the retrospective vector if the aspect of the infinitive is perfective; the second one can refer only to the future.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 13-04-00380.

Автор благодарит М. Д. Воейкову, Е. В. Горбову, В. Б. Касевича и в особенности рецензентов журнала «Вопросы языкознания» за ценные замечания и советы.

Keywords: infinitive clause / utterance, particular meanings, counteroptativity, personal reference, temporal vector, hidden personal transposition

1. Введение

Цель данной работы заключается в исследовании двух разновидностей невопросительных инфинитивных высказываний (**ИВ**)¹, выражающих значение нежелательности и представляющих собой, таким образом, подтип оптативных инфинитивных конструкций. В основе рассматриваемых высказываний лежат синтаксические модели²:

- (А) *Не **Inf бы** (Не опоздать бы нам к поезду) и*
 (Б) *Как бы не **Inf** (...как бы не опоздать, в конце концов)*³.

Обе разновидности были отмечены К. А. Тимофеевым (чеховские примеры также выбраны им), серия работ которого ([Тимофеев 1950; 1951; 1954; 1956] и др.) до сих пор сохраняет свое научное значение. Для простоты можно считать (Б) вариантом (А), хотя фиксированная постпозиция частицы *бы* при инициальной частице (*Как бы*) и вообще иной порядок компонентов имеют значение. Есть еще одно различие — в границах временной референции, — о котором будет сказано ниже. Далее в тех случаях, когда различия между (А) и (Б) существенны, они будут оговариваться, в остальных случаях (А) и (Б) будут объединяться в понятие «инфинитивное высказывание со значением нежелательности», или «контроплативное инфинитивное высказывание».

В ряде работ последнего времени, посвященных инфинитивным предложениям, модель (А) — в отличие от (Б) — в той или иной мере попадает в поле зрения, но отдельным объектом описания не становится [Fortuin 2000; Добрушина 2012; Dobrushina 2013; Сай 2013; Israeli 2014].

1.1. Необходимые ограничения

1.1.1. Модель *Не **Inf бы*** (А) способна выражать не только значение нежелательности, но также значение контрфактичности, однако в этом случае высказывание или его ближайший контекст содержит компонент со значением (гипотетического) условия. Это может быть детерминант, придаточное, первая (как правило) часть бессоюзной конструкции, союзно-местоименный комплекс и др. (*Без твоей помощи... / Если бы ты не помогал... / Не помоги ты мне... / Хорошо, что ты был рядом. А то / Не то не справиться бы мне с этой работой*). Ср.:

- (1а) *Во-первых, без революции не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора* [А. Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного]⁴;
- (2) *Взять хотя бы этого Веню, Голиков, кажется, его фамилия, язык у него — главный враг и ложное фанфаронство, набрал в Амстердаме журналов антисоветских, да не таялся — открыто, старший группы, конечно, сразу доложил, такие дела в то время не прощали, не видать бы парню моря, а все же удалось повернуть все на аморалку, не за антисоветчину вздрючили, а все в тот скандал уперлось, когда застали его с буфетчицей* [О. Глушкин. Последний рейс].

¹ Мы последовательно различаем понятия предложения и высказывания. Сокращение **ИП** используется в том случае, когда речь идет о языковой модели, сокращение **ИВ** — во всех остальных случаях.

² Об используемых ниже понятиях речевой синтаксической модели и модели высказывания см. [Дымарский 2005; 2013].

³ Возможна мена *Как* на *Только, Лишь*.

⁴ Здесь и ниже примеры из [НКРЯ].

В (1а) условие гипотетическое: это знание содержится в пресуппозиции читателя, и его достаточно для понимания контрфактичности значения ИВ. В (2) логический рисунок сложнее. Условие здесь не гипотетическое (*...не прощали*), поэтому возникает необходимость объяснить причину, отменившую неизбежное следствие, в правом контексте.

Таким образом, высказывания, опирающиеся на речевую модель *He Inf бы* и выражающие контрфактическое значение, в общем случае могут быть схематизированы как *{Caus} He Inf бы*. Наличие компонента *{Caus}* является решающим для признания контрфактического значения семантической доминантой высказывания. Н. Р. Добрушина, анализируя пример (1а), экспериментирует с контекстом:

- (1б) *Не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора! Сколько несчастий обошло бы его стороной;*
 (1в) *Не жениться бы чизмаджевскому отцу на дочке великого композитора! Пока еще открыты пути к отступлению*

и констатирует: «Пример (б) также является контрфактивным, однако он интерпретируется как сообщение о желаемой / необходимой ситуации: с точки зрения субъекта оценки, жениться не стоило. Пример (в) отличается от (б) только тем, что он лишен контрфактивности — ситуация является реализуемой» [Добрушина 2012: 49]. С нашей точки зрения, появление в (1б) значения нежелательности смещает контрфактическое значение на второй план. И по семантике, и интонационно (1б—в) несравненно ближе друг к другу, чем к (1а). Для сопоставления интонационных рисунков (1а—в) можно воспользоваться простым аналитическим приемом, предложенным в [Israeli 2014]. Алина Израили справедливо полагает, что высота (pitch) тона на ударном слоге рематического инфинитива отличается от высоты тона на ударном слоге ремы нейтрального утвердительного предложения. Ее примеры (цифрами автор помечает возрастающую высоту тона): *Я изви¹лся; Тебе бы изви²ться...* (совет); *Тебе бы изви³ться, а ты взял и уехал* (сожаление) [Ibid.: 152—153]. Очевидно, что применение этого приема убеждает в интонационном тождестве (1б—в) и их принципиальной отличии от (1а). Если (1а) возникло в тексте А. Битова именно с целью сообщения о невозможности женитьбы, если бы не было революции, то есть с целью выражения контрфактического значения, то (1б—в) возникают в результате совершенно иных намерений говорящего.

Следует согласиться с Н. Р. Добрушиной, заключающей: «... значение безоценочной контрфактивности создается за счет элемента “без революции”, который сообщает о том, что ситуация контрфактивна, так как читатель знает, что революция была. Этот элемент, по сути, является формулировкой контрфактивного условия» [Добрушина 2012: 49]. На этом же основании следует отнести (1б), как и (1в), к высказываниям со значением нежелательности: присутствующее в (1б) контрфактическое значение не поддерживается компонентом *{Caus}* («формулировкой контрфактивного условия»), смещено на второй план и не определяет семантику и функции высказывания в контексте. Высказывания с контрфактическим значением (с элементом *{Caus}*) ниже рассматриваться не будут.

1.1.2. Модель *Как бы не Inf* (Б) также способна к различному функционированию. Во-первых, она частотна в изъяснительных придаточных при лексемах со значением речемыслительной деятельности (*думать, мысль*), эмоций (*бояться, опасаться*), целенаправленной деятельности (*хлопотать, заботиться*):

- (3) *...при нем (Карле Богдановиче. — М. Д.) Петя мгновенно умолкал, весь как-то съежился и думал о том только, как бы не заплакать...* [Д. В. Григорович. Гуттаперчевый мальчик];
 (4) *Бывало, ешь, пьешь, а, между прочим, боишься, как бы нечистую силу не проглотить* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы].

Эти же придаточные встречаются и в местоименно-соотносительных конструкциях вменяющего типа:

- (5) *Все помышления мужика-хозяина клонятся к тому, как бы не закабалиться в работу, быть свободным летом в страду, он все претерпевает, лишь бы сохранить свободу для своего хозяйства* [А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни].

В подобных случаях группа *как бы* функционально (и, видимо, семантически) сближается с союзом *чтобы* и, как правило, может быть им заменена⁵, ср.:

- (3а) *...думал о том только, чтобы не заплакать;*
 (4а) *?...боишься, чтобы нечистую силу не проглотить;*
 (5а) *...клонятся к тому, чтобы не закабалиться в работу.*

Вместе с тем функционирование (Б) в качестве изъяснительного придаточного сопровождается выражением того же контропативного значения, что и в независимых реализациях:

- (6) *«Переждать теперь надобно, — подумал он, — если они слышали мои шаги и теперь прислушиваются, то чтобы разуверились... как бы только не кашлянуть, не чихнуть...»* [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы];
 (7) *Исправник был в хороших отношениях с протопопом. Протопоп, услышав об отшельнике, сказал исправнику: — Смотрите, Иван Федорович, — это дело неладно! — Как бы вам хлопот не нажить с этим старцем... Ведь это сектантством пахнет* [П. В. Засодимский. Пропал человек (Из деревенских летописей)].

Во-вторых, модель (Б) функционирует в высказываниях, имеющих форму риторического вопроса и утверждающих возможность некоторой ситуации:

- (8) *Вот что конфузито-то нас! А то как бы не жить! Житье — первый сорт! — И то еще ладно, капитан, что вы хорошее расположение духа не утратили! — усмехнулся я* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи].

В подобных случаях *как*, явно устаревшее в этом варианте конструкции, поддается замене на *почему*, *отчего* (*почему/отчего бы не жить*).

В-третьих, модель (Б) может функционировать как целевое придаточное, хотя такие случаи весьма редки и допускают иные интерпретации:

- (9) *Проснулись русские утром, видят — все партии, что у них были, исчезли. Сперва подумали, что на них тля какая-то напала, но тогда бы хоть шелуха осталась, а тут нет ничего. Ну и догадались, что просто их все ветром сдуло. Остались русские сами по себе, не знают, куда ногой ступить, как бы во что не вляпаться без политического-то руководства. Народ ведь и без того очень простой* [А. Трушкин. 208 избранных страниц].

В этом случае *как бы* синонимично целевому союзу *чтобы*, если рассматривать конструкцию с *как бы не* в качестве придаточного к *куда ногой ступить*; однако допустимо рассматривать обе подчиненные клаузы как однородные изъяснительные придаточные к *не знают*.

Возможна контаминация в комплексе *как бы* целевого значения со значением гипотетического подобия (в котором частица *как бы* широко распространилась в узусе с конца 1980-х гг.). В следующем примере второе значение поддерживается участием частицы *не* в конструкции противопоставления *не... а*, которая, в свою очередь, составляет целевое обстоятельство при постпозитивном сказуемом *пришли*:

- (10) *А пакет тут же бросили, уже не успев рассудить, что он уликой им после них останется, потому что они вор непривычный-с и прежде никогда ничего явно не крали, ибо родовые дворяне-с, а если теперь украсть и решились, то именно как бы не украсть, а свое собственное*

⁵ В [Ожегов, Шведова 1999: 260] все сочетание *как бы не* квалифицируется как союз (?), в отличие от [Ожегов 1952: 229], где частеречная квалификация отсутствует, а семантизация и пример те же: «...употр. при выражении опасения, боязни чего-н. *Боясь, как бы не стал он браниться*».

только взять обратно пришли, так как всему городу об этом предварительно повестили и даже похвалялись заранее вслух пред всеми, что пойдут и собственность свою у Федора Павловича отберут [Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы].

Однако значение нежелательности для модели (Б) является, безусловно, основным. В выборке из НКРЯ, полученной по запросу {как **PART** + на расстоянии **1** от **бы PART** + на расстоянии от **1** до **3** от **не PART** + на расстоянии **1** от **V, inf**}, оказалось 1 003 вхождения, среди которых примеры типа (3—7) очевидным образом доминируют: так, в первых 100 документах из 114 вхождений целевое значение может быть констатировано в четырех случаях, комбинация целевого значения с изъяснительно-вмещающей функцией придаточного — в двух, 21 вхождение квалифицируется как шум (случайные совпадения), 87 (более 76%) — реализации модели (Б) с контропативным значением.

Соглашаясь с А. Израэли в том, что необходимо детальное описание каждого типа ИП в отдельности⁶, мы сосредоточим внимание только на контропативных высказываниях.

1.1.3. Еще одно замечание — к дискутируемому в ряде работ вопросу, считать ли сочетание инфинитива с частицей *бы* случаем «безглагольного сослагательного наклонения» (выражение Н. Р. Добрушиной [Dobrushina 2013]). Прежде всего, не представляется корректной следующая констатация: «Морфологический статус сочетаний инфинитива с частицей *бы* в русистике определяется по-разному. Так, в академической грамматике в первом томе сказано, что “синтаксические сочетания с формами повелит. накл. (*приди бы*), инфинитива (*узнать бы*) <...> не являются морфологическими формами сослагат. накл. глагола” <...> а во втором томе инфинитивные предложения рассматриваются среди форм сослагательного наклонения» [Добрушина 2012: 43]. Н. Ю. Шведовой развивалась идея **синтаксических** наклонений как форм предложения — более широких, нежели морфологические формы наклонения. Во втором томе «Русской грамматики» речь идет не о морфологическом статусе рассматриваемых сочетаний, а о синтаксических ирреальных наклонениях [РГ 1980: 102—119, в том числе о синтаксическом сослагательном: 102—104], следовательно, иллюстрацией различной трактовки морфологического статуса сочетаний инфинитива с *бы* эта грамматика служить не может. Других примеров разногласий по названной проблеме автор не приводит, поэтому не представляется достаточно мотивированным и решение (NB: не допущение), излагаемое непосредственно за цитированной констатацией: «В настоящей статье принято решение рассматривать все типы сочетаний с частицей *бы* (*б*) как формы сослагательного наклонения» [Добрушина 2012: 43].

С. С. Сай приходит к более приемлемым, на наш взгляд, выводам: в одних случаях «признавать инфинитив сослагательного наклонения полноценной формой русского глагола» осмысленно, в других же целесообразно «говорить о частичной нейтрализации оппозиции по наклонению в рамках инфинитивной репрезентации» [Сай 2013: 270]. Это решение, как кажется, лучше согласуется и с рассматриваемым Н. Р. Добрушиной противопоставлением «безоценочного контрфактивного инфинитива» (который в самом деле можно воспринимать как «инфинитив сослагательного наклонения») и «оценочного инфинитива» [Добрушина 2012: 46], который связан с выражением иных (вряд ли укладываемых в семантику сослагательности) модальных значений.

⁶ Правда, преувеличением представляется мотивирующее суждение: изучение инфинитивных конструкций «всех вместе, без четкого разграничения их типов» ведет к тому, что «у нас нет никакой классификации инфинитивных конструкций, мы не располагаем их полным списком, их описаниями» [Israeli 2013: 199—200]; перевод здесь и ниже мой. — М. Д. В Грамматике-54 и «Русской грамматике» содержатся весьма развернутые и детализированные, но при этом и весьма различные описания семантических типов ИП [Тимофеев 1954; РГ 1980: 373—378]; их можно не принимать, но нельзя не учитывать.

Однако и само указанное противопоставление вызывает сомнения. «Безоценочным» Н. Р. Добрушина называет инфинитив с частицей *бы*, выражающий контрфактическое значение в примерах типа (1а, 2) и лишенный «дополнительного модального значения» [Там же]. Но последнее, то есть «отсутствие дополнительного модального значения», неверно, что невольно доказывает сам автор, когда далее пишет, что «контрфактивность сочетается в конструкциях с сослагательным инфинитивом со значением неизбежности ситуации, которая предназначена судьбой, но отменена неким более сильным обстоятельством» [Там же: 49], правда, не упоминая о том, что при наличии отрицания значение неизбежности оборачивается значением невозможности. Неизбежность и невозможность суть именно «дополнительные модальные значения», и наличие таких значений у «сослагательного инфинитива» должно выглядеть логичным: ведь сослагательность — один из базовых типов модальности (если, конечно, не сводить последнюю к желательности и необходимости), и в таком случае утверждение о существовании «безоценочного сослагательного инфинитива» производит впечатление внутреннего противоречия в самой концепции.

Наконец, возможен и следующий взгляд на проблему. Идея синтаксических наклонений как форм предложения представляется плодотворной и не заслуживающей забвения. В частности, синтаксический оптаив (в отличие от морфологического, которого нет) — реальность строя русского языка. Например, соотносительность высказываний *Мама сегодня пришла пораньше* и *Вот бы мама сегодня пришла пораньше!* как форм индикатива и оптаива одного и того же предложения не вызывает сомнений. С этой точки зрения почти все типы ИП предстают как специализированные формы синтаксического ирреалиса, и в таком случае сама постановка вопроса об отношении инфинитива к морфологическим формам наклонения становится избыточной.

Итак, объектом внимания будут только реализации речевых моделей (А) и (Б) с контроплативным значением. Нас будут интересовать смысловые оттенки, возникающие в результате варьирования грамматических параметров высказывания и под влиянием контекста, и не будет интересовать морфологический статус инфинитива с *бы*.

1.1.4. За рамками статьи останется требующий особого рассмотрения вопрос о лексических предпочтениях моделей (А) и (Б) и о взаимодействии лексической семантики инфинитива с семантикой моделей.

1.1.5. В работе не будет учитываться признак контролируемости действия, хотя он явно «напрашивается» при анализе примеров типа *Не убить бы мне тебя только*, см. ниже (39). Применимость этого признака ко всему корпусу материала заслуживает отдельного обсуждения.

2. Из истории вопроса

Существенная роль частицы *бы* в организации ИВ была замечена давно. Согласно разысканиям З. К. Тарланова, примеры с *бы* впервые появляются в «Практической русской грамматике» Н. И. Греча (1827) [Тарланов 2008: 315—316]. Предметом сколько-нибудь специального описания инфинитивные конструкции с *бы* впервые становятся, судя по всему, в статье В. Боголюбова «Дателный с неопределенным в русском языке» (Филологические записки, 1879, вып. VI) [Там же: 333]. В целом, однако, опыты классификации ИВ в XIX в. носили исключительно семантический характер. По-видимому, у А. М. Пешковского впервые появляется намек на выделение предложений с частицей *бы* в особую разновидность, хотя в целом его классификация выглядит так: различаются шесть семантических групп инфинитивных предложений (без частицы *бы*), затем подчеркивается, что в предложении любой из этих групп может появиться *бы*, в результате чего к соответствующему значению (необходимости, желательности и др.) добавляются «еще и все оттенки сослагательного наклонения» [Пешковский 2001: 383—384]. У Н. Н. Дурново обнаруживается замечание,

в котором можно видеть предвесье структурно-семантического подхода в синтаксисе: он указывает на то, что «тому или иному семантическому оттенку» соответствует и определенное «внешнее оформление», подразумевая под последним, в частности, наличие / отсутствие частицы *бы* [Дурново 1929: 77—78]⁷.

Тем не менее только в статье [Тимофеев 1950] впервые в русской грамматической традиции появляется ясное разделение инфинитивных предложений на три класса, из которых по меньшей мере два могут быть с достаточным основанием интерпретированы как структурно-семантические: «собственно-инфинитивные предложения без частицы *бы*» и «собственно-инфинитивные предложения с частицей *бы*». Это два структурных класса, за каждым из которых закреплен свой круг типовых значений.

Интересующая нас разновидность ИВ, включающая не только обязательную частицу *бы*, но и частицу *не*, отмечена К. А. Тимофеевым: «В особый разряд мы можем выделить те инфинитивные предложения с частицей “*бы*”, в которых выражается опасение, предостережение со стороны говорящего лица. Например, *Не опоздать бы нам к поезду, Не простудиться бы вам*. Формальным признаком данного разряда является употребление отрицания “*не*”, не придающего предложению отрицательного значения» [Тимофеев 1950: 288]. Отмечает эту разновидность и З. К. Тарланов, давая ей практически ту же семантическую характеристику («опасение, предостережение, боязнь говорящего по поводу совершения или несвершения действия, обозначенного инфинитивом»), но не отмечая обязательности отрицательной частицы, хотя его примеры эту обязательность вполне доказывают: *Охти! Не попасть бы мне в какую беду...* (Попов. Немой); *Не уморить бы мне его первую строфою...* (Крылов. Проказники) и т. п. [Тарланов 2008: 449—450].

В учебной литературе сделанные во второй половине XX в. наблюдения, как правило, не отражаются. Примеры с контропативным значением спорадически приводятся при упоминании об опативных ИП, но не комментируются. Единственное известное нам исключение составляет работа [Кустова 2013: 83], где в перечне семантических разновидностей ИП отдельной строкой даны «нежелательность, опасение» и приведены примеры видов (А) и (Б). В «Русской грамматике» отмечено только значение опасения, приведены примеры вида (Б) [РГ 1980: 107; 375].

Э. Фортейн, в отличие от К. А. Тимофеева и др., не выделяет контропативные высказывания в особую группу и включает их в тип высказываний со значением желательности (с частицей *бы*) [Fortuin 2000: 426].

Н. Р. Добрушина, рассматривая «вопрос о происхождении независимых употреблений инфинитива с *бы* из подчиненных конструкций» [Добрушина 2012: 43] (правда, без учета работ К. А. Тимофеева и З. К. Тарланова, специально занимавшихся генезисом инфинитивного предложения), оперирует материалом, включающим высказывания как с частицей *не*, так и без нее. Отдельно высказывания со значением нежелательности в данной работе не рассматриваются (обсуждение см. также в [Israeli 2014: 141—143]).

Алина Израэли, посвятившая дативно-инфинитивным конструкциям серию статей ([Israeli 2013; 2014]; третья, о конструкциях с частицей *же*, по сообщению автора, скоро должна увидеть свет), в каждом случае приводит исчисление всех возможных конструкций с учетом взаимного расположения инфинитива (с дифференциацией по виду), дативного субъекта и частиц (при их наличии)⁸, а затем показывает, к выражению каких значений может быть привлечена каждая конструкция. Кроме порядка слов и вида инфинитива, автор учитывает персональную и (менее последовательно) темпоральную отнесенность

⁷ Во время своего пребывания в Чехии в середине 1920-х гг. Н. Н. Дурново, как известно, много общался с Р. О. Якобсоном и Н. С. Трубецким и отчасти воспринял идеи формировавшегося структурализма. Если учесть, что «Повторительный курс грамматики русского языка» вышел в свет в 1929 г., то вполне вероятным окажется предположение, что в этом замечании сказалось как раз влияние Пражского лингвистического кружка.

⁸ *Ли* (и *не*) в первой статье, *бы* (и *не*) во второй, *же* (и *не*) — в третьей.

высказывания. Эту работу следует признать, по-видимому, наиболее полным современным исследованием моделей ИП; помимо прочего, только в этой работе семантика высказываний типа (А) не ограничивается понятиями опасения и предостережения. Наши наблюдения относительно модели (А) во многом подтверждают результаты А. Израэли, хотя имеются некоторые расхождения, которые ниже будут отмечены. Модель (Б), однако, автором не рассматривается.

3. Несколько замечаний об исходных теоретических посылках

Одним из интенсивно развивающихся направлений лингвистических исследований в последнее время стала «грамматика конструкций». ИП рассматриваемых моделей, как и другие ИП, могут изучаться с ее позиций, поскольку они обладают ярко выраженным свойством ее объекта: их «значение не складывается непосредственно из значений составляющих единиц и синтаксических связей между ними, как того требует принцип композициональности в том прямом и строгом смысле, в котором его представляли себе логики <...> ведь оно... образуется не соположением, т. е. простой суммой, а сложным взаимодействием множества свойств отдельных компонентов» [Рахилина, Кузнецова 2010: 22]. Действительно, модальные значения дебитивности, опативности, категорического приказа и др., традиционно служащие основанием для первичной классификации инфинитивных предложений, выражены в них, как писали в середине XX в., только интонационно и конструктивно-синтаксически, то есть не имеют прямых лексических и морфологических опор⁹.

Тем не менее рассмотрение контропативных разновидностей моделей (А) и (Б) с позиций конструкционного подхода сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, эти модели способны выражать другие значения (что было показано в п. 1.1), то есть строгого соответствия конструкции и семантики не наблюдается. В свою очередь, как и другие модальные значения, контропативность располагает весьма широким кругом разнообразных средств выражения, что отменяет взаимно-однозначную соотнесенность данного значения и названных моделей.

Во-вторых, по отношению к этим моделям сомнительна выполнимость следующего требования: «... не только рекурсия, но и ожидаемое заполнение переменных представителями того же синтаксического класса на материале конструкций невозможно: и в употреблении конструкции, и при заполнении любой ее переменной нас ждут самые неожиданные (на первый взгляд) ограничения, обусловленные как раз результатом взаимодействия компонентов на всех уровнях — от просодического до лексико-семантического и прагматического» [Рахилина 2010: 14]. Иными словами, на материале конструкций невозможно то, что вполне закономерно на уровне синтаксических моделей.

В-третьих, в отличие от таких типов семантики конструкций, как «контейнер», «уровень», «трудновыполнимое действие», «каузация перемещения» и т. п., контропативность представляет собой значение не денотативной и не пропозициональной, а модальной природы, из чего, собственно, и вытекает широта поля средств ее выражения.

По названным причинам мы предпочитаем другой подход, опирающийся, во-первых, на идею многоуровневого моделирования в синтаксисе, восходящую к известной работе [Daneš 1964], во-вторых — на теорию функциональной грамматики А. В. Бондарко и его школы, в частности — на понятие **категориальной ситуации**.

⁹ Впрочем, Э. Фортейн исходит из «той точки зрения, что значение Д[ативно-]И[нфинитивной]-конструкции может быть *реконструировано* путем композиции значений ее компонентов», то есть считает принцип композициональности действующим в сфере ИП [Fortuin 2000: 252]. Правда, он уточняет, что под композициональностью конструкции целесообразно понимать не тот случай, когда ее значение «может быть строго *предсказано* ее компонентами» (поскольку «понятие строгой предсказуемости по отношению к языку бессмысленно»), но ситуацию, когда значение конструкции **мотивировано** ее компонентами [Там же] (курсив в цитатах авторский. — М. Д.).

Трехуровневый подход к синтаксису, предложенный в свое время Ф. Данешем, предполагает разграничение:

- 1) уровня абстрактных образцов, лишенных связи с лексикой, — моделей (структурных схем) предложения;
- 2) уровня моделей высказывания, фиксирующих, помимо предикативного минимума, определенные ограничения, в том числе лексические, накладываемые типовой функцией высказывания в типовой речевой (контекстной) ситуации;
- 3) уровня высказывания как конкретного живого факта речи [Ibid.].

Предлагаемый нами подход следует мысли Ф. Данеша, однако отличается наличием не одного, а двух уровней, располагающихся между языковой моделью предложения и конкретным высказыванием: уровня **речевых синтаксических моделей** и уровня **моделей высказывания**. Такое решение продиктовано учетом следующих критериев:

- 1) элементарный (непроизводный)/неэлементарный (производный) характер структуры модели;
- 2) отсутствие/наличие строго закрепленных за данной моделью лексических единиц;
- 3) возможность варьирования модели путем изменения коммуникативного задания, актуального членения, порядка слов.

Каждый из этих критериев допускает по меньшей мере два значения, и потому теоретически выделяемых уровней может быть больше. Однако анализ материала — во всяком случае, на данном этапе — показывает целесообразность различения трех уровней синтаксического абстрагирования и, соответственно, трех единиц. (Четвертый уровень — конкретного высказывания — в данном случае из рассмотрения исключен, поскольку абстрагирования не предполагает.)

Что же касается категориальных ситуаций (**КС**), то они определяются как «выражаемые различными языковыми средствами типовые содержательные структуры: а) репрезентирующие в высказывании определенную семантическую категорию и соответствующее функционально-семантическое поле; б) представляющие собой один из аспектов выражаемой в высказывании “общей” сигнификативной ситуации; в) являющиеся категориальной характеристикой (одной из характеристик) высказывания» [Бондарко 2011: 39—40]. «Если понятие ФСП (функционально-семантического поля. — *М. Д.*) соотносится с компонентами системы семантических категорий..., то понятие КС служит для изучения функциональных разновидностей определенной семантической категории, изучения выражаемых в высказывании вариантов. Категориальная ситуация — это своего рода проекция поля на *а в ы с к а з ы в а н и е*» [Там же: 40]; разрядка оригинала. — *М. Д.*

Контропативность и есть функциональный вариант опативности, которая, в свою очередь, представляет собой одно из базовых модальных значений. Ниже будет показано, что контропативная КС, выражаемая рассматриваемыми ИВ, допускает дальнейшую субкатегоризацию¹⁰, связанную с варьированием определенных компонентов высказывания.

4. Общая характеристика контропативной речевой модели

Модели *Inf бы* (с опативным значением) и *He Inf бы* (с противоположным значением) — производные первого порядка от базовой языковой модели *Inf*¹¹, то есть речевые синтаксические модели.

Признаки речевой модели заключаются в случае (А) в наличии двух обязательных лексических (точнее, лексико-грамматических) элементов (частиц *не* и *бы*), варьирование

¹⁰ Сходный взгляд, но без опоры на понятие категориальной ситуации, исповедует Э. Фортейн: «различные использования конструкции могут рассматриваться как *интерпретации* более отвлеченного общего значения» [Fortuin 2000: 243] (курсив автора. — *М. Д.*)

¹¹ Используется нотация Н. Ю. Шведовой, отражающая только предикативный минимум. В нотации В. А. Белошапковой (так называемый номинативный минимум) инфинитивная модель дополняется компонентом *N*₃, поскольку в любом ИП открыта позиция дативного субъекта.

или элиминация которых без потери смыслового своеобразия невозможны, а также в закреплённости модели за определенной группой коммуникативных ситуаций: построенное по ней высказывание может появиться только как непервая реплика диалога или как непервый компонент монолога (в особенности несобственно-авторской речи, или свободного косвенного дискурса, по Е. В. Падучевой [1996: 214]). Коммуникативная и смысловая зависимость от левого контекста объясняется тем, что в высказываниях, отвечающих данной модели, речь идет об известной ситуации, которая составляет предмет мысли говорящего; опасение, предостережение и т. п. высказываются как результат прогнозирования такого развития ситуации, которое представляется говорящему нежелательным, или оценки уже имевшей место ситуации как нежелательной, причем ситуация может оцениваться как с точки зрения интересов говорящего, так и с точки зрения интересов собеседника или третьего лица.

Известность обсуждаемой ситуации можно обозначить короче: она входит в пресуппозицию обоих коммуникантов. В этом отношении выразителен следующий пример, в котором высказывание, построенное по модели (А), терпит коммуникативную неудачу из-за конфликта пресуппозиций: Лиза ошибочно полагает, будто свадьба с Софией является для Молчалина таким же предметом тайных дум, как и для Софии (то есть исходит из тождества пресуппозиций — своей и собеседника). Недоумение адресата обнаруживает отсутствие такого тождества (шрифтом выделено ИВ):

(11)

Лиза.

**А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;**
Пригож и мил, кто недост
И недоспит до свадьбы.

Молчалин.

Какая свадьба? с кем?

(А. С. Грибоедов. Горе от ума, д. IV, явл. 12)

Модель (Б) *Как бы не Inf* — производная второго порядка: она является результатом контаминации (А) и еще одной речевой модели — (В): *Как бы не [ПредикГр]¹²* — также имеющей значение нежелательности; ср. другие примеры реализации (В): *Наконец загнули-таки их в колхозы, и теперь — все насмарку. Как бы не пришлось загонять снова* [В. Быков. Болото]; *Мне говорили, что у него другая где-то есть. И как бы не ребенок* [А. Солженицын. В круге первом]; *Больше всего боюсь высказаться во сне. Как бы не улышались ребята* [В. Аксенов. Звездный билет].

Таким образом, фрагмент синтаксической системы русского языка, включающий рассматриваемые модели, имеет вид: 1

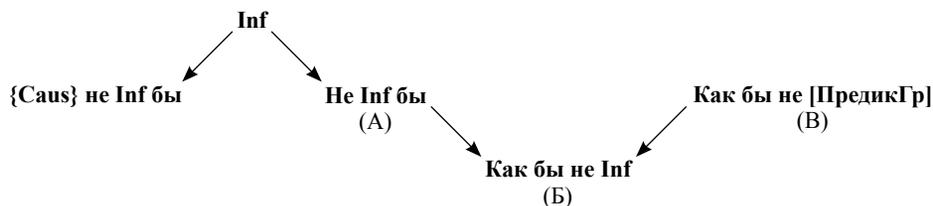

Схема. Фрагмент синтаксической системы русского языка, включающий инфинитивные модели со значением нежелательности

Актуальное членение моделей (А) и (Б) обладает тем постоянным признаком, что состав инфинитивного главного члена всегда оказывается в реме; темой является дативный субъект,

¹² Предикативная группа.

который регулярно выражается нулем, если совпадает с говорящим¹³. Примером ненулевой темы может служить (11); этот пример демонстрирует также возможность контрастной темы.

Рематический акцент может падать либо на инфинитив, либо на его непосредственный распространитель. Инфинитив оказывается акцентоносителем, если это глагол, не требующий обязательного распространения (12—13), или если распространитель (например, прямой объект) известен (очевиден) из контекста/ситуации — в этом случае он может быть и опущен (14—15). Напротив, под рематическим ударением оказывается распространитель (или рематический акцент равномерно распределен по группе «инфинитив + распространитель»), если он не очевиден из контекста/ситуации (16) или если глагол без него семантически неполноценен (17—18), ср.:

- (12) — *Совет да любовь вам, конечно. Только не надорваться бы тебе, а? Ну-ну, не обижайся* [А. Берсенева. Возраст третьей любви];
- (13) *Сказать Рюру о поездке в «несоциалистическую страну антиподов»? Как бы не сглазить* [В. Аксенов. Таинственная страсть];
- (14) *Разве одного: не обидеть бы ненароком, не осудить бы с кондачка, ведь у них уж нет земных дней, чтобы поступить иначе* [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны];
- (15) *Мусор мы убрали, но Лари периодически бегал проверять — вдруг окурки опять появились? Как бы не пропустить!* [Н. Королева. Другая собака];
- (16) *Говорила такое, что я все думал — не разбудить бы хозяина* [С. Довлатов. Заповедник];
- (17) *И хватает из кучки шлакоблок (но с осторожкою хватает — не продрать бы рукавицу, шлакоблоки дерут больно)* [А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича];
- (18) *Надо лететь! Как бы не накликать беду!* <...> *бес поднялся в воздух и стал кружить, высматривая новое место* [М. Гиголашвили. Чертово колесо].

Детальное рассмотрение вариантов актуального членения и интонационного оформления опускаем.

Наконец, порядок слов в моделях (А) и (Б) разрешает расположение дативного субъекта перед группой *не Inf* или после нее (*Не надорваться бы тебе; Как бы мне не отвечать за промедление*), но запрещает позицию между частицей *не* и инфинитивом, так как в этом случае под рематическим акцентом оказывается именно субъектный детерминант и возникает другая конструкция с другим значением (*Не тебе надорваться бы; Как бы не мне отвечать за промедление*). О порядке компонентов см. также [Князев 2014; Israeli 2014].

5. Параметры, влияющие на семантику моделей (А) и (Б) при варьировании

К этим параметрам относятся, в первую очередь, вид инфинитива (5.1), темпоральный вектор (5.2) и персональная отнесенность ИВ (5.3). Рассмотрим каждый из них.

5.1. Вид инфинитива

Модель (А) с глаголом совершенного вида (СВ) — это как раз та разновидность ИВ, которая привлекла внимание К. А. Тимофеева и была описана им в качестве особого разряда собственно-инфинитивных предложений с частицей *бы*. Все примеры этого разряда как у Тимофеева, так и у Тарланова содержат инфинитив СВ. Этот факт легко объясняется

¹³ Э. Фортейн замечает, что в директивных инфинитивно-дативных конструкциях с частицей *бы* выражение дативного субъекта обязательно (в отличие от таких же конструкций без *бы*): отсутствие выраженного субъекта в таком высказывании ведет к его перволичной трактовке [Fortuin 2000: 427]. На этот факт обращают внимание и другие исследователи, см. [Добрушина 2012: 47; Князев 2014: 141; Israeli 2014: 142].

статистически: СВ в данном разряде абсолютно доминирует. Национальный корпус русского языка в ответ на запрос {**не PART** на расстоянии **1** от **V**, **inf** на расстоянии **1** от **бы PART**} выдает 988 вхождений, из которых только 51 — с глаголом НСВ (чуть более 5%)¹⁴. Семантическая характеристика перфективных разновидностей моделей (А) и (Б) совпадает: это значения опасения, предостережения, см. примеры (12—18).

Имперфективные разновидности (А) и (Б), между тем, обнаруживают расхождение: высказывания группы (А) существенно отличаются от (А) перфективной разновидности, то есть мена вида влечет существенные изменения в модальных оттенках; высказывания же группы (Б) синонимичны (Б) перфективной разновидности. Ср.:

- (19) — *Не ходить бы вам туда, товарищ, вон как там сыют!* [М. Горький. Несвоевременные мысли];
- (20) *...Жутко, поди, в осенние-то ночи? Не дай бог что, и до телеграфа не доскачешь, чтоб войско на подмогу прислали. И ты придворным-то своим не верь... они первые тебя и прирежут... это я тебе не как теорик (sic. — М. Д.), а как живой практик крестьянского дела открываю... Не ссориться бы тебе, Богдатьявна, с нами, мужиками серыми...* [Л. Леонов. Русский лес];
- (21) *...Ты, я вижу, не веришь. Представь, дарю! Накатила щедрость... Не говорить бы ему этих слов, о щедрости. Федор Иванович сразу почуял маскировку* [В. Дудинцев. Белые одежды];
- (22) *С Страховым разговор. Он хочет находить во всем хорошее. Это прекрасно. Но как бы не находить хорошим то, что мы призваны уничтожить* [Л. Н. Толстой. Записные книжки];
- (23) *Завтра идем на Рушук; если что будет со мною, на Вас, Константин Петрович, надеюсь: поддержите моих. <...> Как бы нам здесь не зимовать?* [С. Шереметев. Письма К. П. Победоносцеву];
- (24) — *Нет, и генерала нет. Кавалергардский офицер, сев верхом, поехал к другому. — Нет, уехали. «Как бы мне не отвечать за промедление! Вот досада!» — думал офицер* [Л. Н. Толстой. Война и мир. Т. IV].

Очевидно, что семантика высказываний (19—21) должна описываться не через понятие опасения. Оперировать понятием предостережения возможно, но и предостережение в данном случае имеет иной характер: если в (12, 14, 16, 17) инфинитив прямо называет нежелательную ситуацию, от которой адресата хотят предостеречь, то здесь эта нежелательная ситуация прямой номинации в рамках ИВ не получает. В (19) адресата, как видно из контекста, предостерегают не собственно от хождения «туда», а от случайной пули; в (20) — не от ссор с «серыми мужиками», а от их последствий: «серые мужики», как и «придворные», могут и убить. Однако семантика (21) не вписывается и в этот круг, хотя назвать (21) аномальным случаем нельзя (см. ниже).

В случаях же (22—24) наблюдаем конкуренцию видов: инфинитивы НСВ здесь могут быть без ущерба для смысла заменены соответствующими СВ. Как и в примерах (13, 15, 18), инфинитив здесь называет собственно нежелательную ситуацию.

5.2. Темпоральный вектор высказывания

Как хорошо известно, ИВ не выражают темпоральной отнесенности обозначаемой ситуации (за исключением предложений невозможности, содержащих связку: *Мне было / ∅ / будет не справиться с этим в одиночку*). Но это не означает, что сигнификативная ситуация ИВ вообще лишена соотношенности с каким-либо временным планом; об этом выразительно писала Н. Ю. Шведова [РГ 1980: 109]. Эта соотношенность выявляется в ближайшем контексте вполне отчетливо: ясно, например, что в (21) обозначаемая ситуация отнесена к плану прошедшего (она предшествует моменту речи), а в (24) — будущего. Однако это лишь поверхностный слой темпоральной характеристики инфинитивного высказывания.

¹⁴ [НКРЯ], даты обращения: 30.11.2013, 25.01.2015.

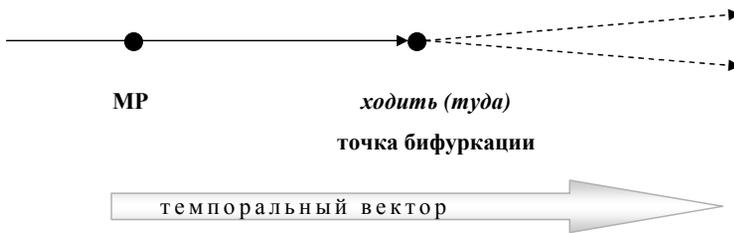
Необходима еще одна оговорка. Момент речи (**МР**) — понятие, релевантное для речи в диалогическом режиме (пользуемся удобной для наших целей простой оппозицией Е. В. Падушевой «диалогический режим» vs. «нарративный режим»). Для нарративного режима релевантным аналогом МР (если понимать его буквально) является момент повествования (**МП**).

Как в оппозитивных, так и в рассматриваемых контроппозитивных ИВ имеет место своеобразное моделирование говорящим параллельной действительности, грамматически опирающееся на сослагательную частицу¹⁵. При этом в сознании говорящего всегда актуализирован тот момент реального времени (или времени повествования), когда возникает возможность двух путей развития; из этих двух путей всегда выбирается, как известно, только один, второй же и составляет гипотетическую параллельную, «вторую», реальность. Будем называть этот момент раздвоения пути точкой бифуркации¹⁶.

Темпоральным вектором будем называть характеристику ИВ, заданную расположением на временной оси 1) точки бифуркации, 2) события / действия, названного инфинитивом, и 3) точки, соответствующей МР / МП. Возможны следующие значения этого параметра.

5.2.1. Проспективный темпоральный вектор (НСВ, точка бифуркации следует после МР и совпадает с моментом начала действия, обозначенного инфинитивом). Наблюдается в ИВ группы (А) и (редко) группы (Б):

Не ходить бы вам туда, товарищ...; ...как бы не находить хорошим то...

5.2.2. Проспективно-консеквентный темпоральный вектор (СВ в ИВ групп (А) и (Б), НСВ в ИВ группы (Б), точка бифуркации следует после МР, инфинитив называет действие / событие как возможное следствие из события, осмысляемого как точка бифуркации):

Только не надорваться бы тебе, а?

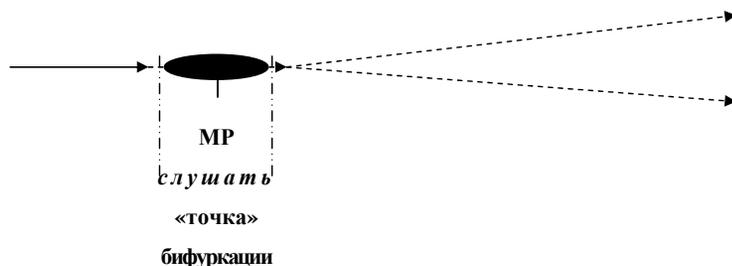
¹⁵ Это положение разделяется всеми авторами упомянутых выше работ, посвященных ИВ с частицей *бы*.

¹⁶ Точка бифуркации (лат. *bifurcus* ‘раздвоенный’) — момент смены установившегося режима работы системы (в неравновесной термодинамике и синергетике); ср. бифуркация рек (разделение русла реки и ее долины на две ветви), бифуркация как разделение трубчатого органа (сосуда или бронха) на две ветви одинакового калибра, отходящие в стороны под равными углами (в биологии) и др.

В (12) говорящий имеет в виду, что в жизни адресата его слов в некотором будущем могут начать — или не начать — происходить такие изменения, результат которых обозначен инфинитивом *надорваться*. В качестве точки бифуркации мыслится ожидаемое в скором будущем событие — свадьба. Ср. также (13—18, 23—24).

5.2.3. Нулевой темпоральный вектор (только группа (А), НСВ, «точка» бифуркации включает МР):

...а тебе, кутенок, не слушать бы этого!

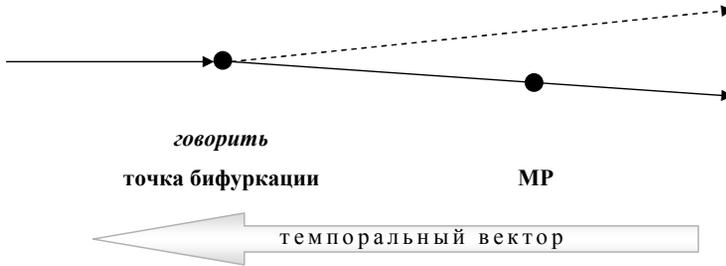
Примеры:

- (25) *Он снова навалился на плечо гостя, шурясь, выжимая слезы, отыскивая глаза его мутным, полуслепым взглядом; дряблые губы дрожали, маленький язык шевелился по-змеиному быстро, и старик шептал: — Взвоешь ведь, коли посмеялся господь бог над нами, а — посмеялся он? А дьявол двигает нас туда-сюда, в шашки с кем-то играя, живыми-то человеками, а? — Не говорить бы так тебе на старости лет... — Я же шучу, чудак! А тебе — спасибо, что учишь! — быстро подхватил Хряпов, кивая лысой, точно оципанной головой [М. Горький. Жизнь Матвея Кожемякина];*
- (26) *Мне легко было сказать так, я слишком часто слышал эту поговорку и чувствовал ее правду. Но Осип рассердился на меня и закричал: — Это — кто говорит? Дураки да лентяи, а тебе, кутенок, — не слушать бы этого! [М. Горький. В людях].*

В (25—26) действие, названное инфинитивом, мыслится как начавшееся до МР и, хотя не продолжающееся непосредственно в МР, имеющее тенденцию к продолжению в будущем (это сопоставимо с планом расширенного настоящего форм наст. вр.). Именно это действие мыслится как точка бифуркации: если Хряпов продолжит говорить «так», если Алеша продолжит слушать «дураков да лентяев», каждого могут ожидать плачевные последствия. Точка бифуркации, следовательно, мыслится как включающая МР: ее начало предшествует ему, ее окончание следует за ним. (В этом случае говорить о *точке* в сколько-нибудь строгом смысле не вполне корректно, однако сошлемся на широкие границы относительности в использовании слов, обозначающих временные интервалы с элементом образности, вне физических единиц измерения времени. Человек волен по своему усмотрению изменять масштаб размышлений о времени, воспринимая то миг как вечность, то столетие как мгновение. В приведенных примерах говорящие поднимают разговор до экзистенциального уровня, указывая на значение слов и поступков в масштабе целой жизни собеседника: в этом масштабе обозначаемые инфинитивами действия во всей своей протяженности могут рассматриваться как *точки* бифуркации.)

5.2.4. Ретроспективный темпоральный вектор (только группа (А), НСВ, точка бифуркации предшествует МР):

...*Не говорить бы ему этих слов, о щедрости.*

Ср. также:

- (27) *Неужто никакой чистоты в жизни нет? Вот задавил я этого... зачем мне? Только испачкался, душу себе надорвал... Деньги взял... **не брать бы!** — Не горюй! — утешала его Олимпиада [М. Горький. Трое];*
- (28) *Валерий был готов для броска. Но так тронут ее преданностью, что ее же и утешал. **И не заводить бы тут Снежке разговора о географичке,** но не сдержалась, начала попрекать. И они посорились [Н. Горланова. Решение Валерия].*

5.2.5. Наконец, возможен **ретроспективно-антецедентный темпоральный вектор**: событие / действие (состояние), названное инфинитивом, предшествует моменту речи (повествования) и является следствием из события, которое мыслится как точка бифуркации и расположено на временной оси еще раньше. Однако при этом соотношении закономерно возникает семантика контрфактичности: см. выше примеры (1а) и (2); далее этот случай мы рассматривать не будем.

Таким образом, для высказываний модели *Как бы не Inf* открыты только проспективный и проспективно-консеквентный темпоральные вектора. Объяснение, возможно, в том, что эта модель сохраняет генетическую связь с вопросительной (и производной от нее изъяснительной) моделью со значением поиска способа достичь цели / избежать нежелательного развития ситуации, а это значение естественным образом связано с футуральной перспективой:

- (29) *Как бы мне, рябине, / к дубу перебраться?* [И. Суриков. Рябина (песенный вариант текста)];
- (30) *Как бы нам не заболеть?* (Заголовок // Городские известия (Курск), 06.02.2014 / <http://gikursk.ru/rareg/3499/2758/>);
- (31) *Перед тем, кто попадает в крупный, незнакомый город, возникает довольно серьезная проблема: **как бы не заблудиться*** [А. Фатющенко. Золотой поцелуй, или главное чудо Мьянмы // «Вокруг света» (2004)];
- (32) *...и тут дверь открылась. Любой нормальный человек на моем месте задумался бы, почему это произошло, но я была слишком занята мыслями о том, что увижу внутри: например, стерли ли рисунок с пола, и если нет, то **как бы мне не смотреть в ту сторону*** [В. Белоусова. По субботам не стреляю].

5.3. Персональная отнесенность высказывания

В ИП, как известно, всегда открыта позиция субъекта в дательном падеже. В значительной части случаев субъект совпадает с говорящим (**1-е лицо**); если же учесть, что при неназванном субъекте персональная отнесенность ИВ автоматически прочитывается в перволичном ключе¹⁷, то можно утверждать, что 1-е л. для этих ИВ наиболее характерно.

¹⁷ Иные чтения требуют значительной контекстуальной поддержки, ср.: *Пока запрягал, пока учительша Митьку кутала, смотрю — сереть стало. Только я тронул, а дядька навстречу идет,*

5.3.1. Высказывания с 1-м лицом субъекта. При ретроспективном темпоральном векторе и первом лице субъекта ИВ модели (А) выражают **сожаление** (значение «regret» отмечено в [Israeli 2014: 152—153]):

- (33) *Не любить бы нам так нежно, Безрассудно, безнадежно!* [Р. Бёрнс. Расставание. Пер. С. Маршака];
- (34) *Восстание подавили. И когда Пресня еще дымилась кровью, бежав из Москвы и Петербурга, ЦК партии эс-эров открыл съезд у водопада Имата, в гостинице «Туристен». На заседаниях съезда Азеф сидел мрачный. — Эх, Иван Николаевич, не отдавать бы [нам] Москвы семеновцам! — Что ж поделаешь, — разводил он плавниками-ладонями, — так сложились обстоятельства* [Р. Гуль. Азеф].

При нулевом (35) и проспективном (36) темпоральных векторах значение контрпативного ИВ с формой НСВ ближе всего опативному инварианту; оно может быть названо **квазиопативным** (отмечено как «wish» в [Israeli 2014: 150—151]):

- (35) *Не забалтывать бы мне всего этого в беглой и сомнительной прозе, — написать бы трагедию «Аякс», в современных стихах, скажем, разностопным трехсложником, с рифмами и «красной строфой»* [А. Кушнер. «С Гомером долго ты беседовал один...»];
- (36) *Сдрейфил! И что же нашел? Снежную могилу... Только бы Лидинька не расстроилась... А вдруг она еще любит его в глубине души?.. Не говорит бы [мне]... Нет. Подло. Скажу. И как не сказать?* [В. Кетлинская. Мужество].

Однако в комбинации с СВ проспективный темпоральный вектор влечет другое значение — **опасения** (отмечается всеми исследователями рассматриваемой модели):

- (37) *В самую патетическую минуту блондинка может зевнуть и сказать: «Не забыть бы послать затра за колеником!»* [А. Чехов. Руководство для желающих жениться].

То же значение имеем в модели (Б) при комбинации 1-го л., НСВ и проспективного темпорального вектора, ср. (22) и следующий пример:

- (38) *Подруга, увидев Тот Самый Список запрещенных доменов в зоне РФ: «Теперь как бы к мамам не привлекать машинално рф, типа бл...рф»* [коллективный. Без мата нет.РФ // «Русский репортер», № 45 (173), 18 ноября 2010].

Границы иронического переосмысления семантики опасения (ср. последний пример) весьма широки — вплоть до **угрозы**:

- (39) — *Не вор же ты и не злодей, на чужое посягающий. Участь такая у меня — твоей быть. Планида... Не убить бы мне тебя только... — Как это? — Теплый ты пока еще...* [Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова].

При проспективно-консеквентном темпоральном векторе и 1-м л. субъекта модель (А) используется только с глаголами СВ, модель (Б) — с глаголами обоих видов (см. выше о нейтрализации видового противопоставления в этом случае) в значении **опасения** (40, 41), которое в случае 1-го л. мн. ч. с возможностью трактовки *мы* как отдельного множества ‘я + вы’ (42, 43) приобретает оттенок **предостережения**:

- (40) *Вот я опять к ним: дай, думаю, зайду — хоть у хозяев про нее спрошу. Зашел. Говорит хозяин домовый: «Плохо, говорит, как бы не померла. Боюсь, в ответ не попасть бы, — потому собственно, что пола звать не станут»* [В. Короленко. Чудная];
- (41) *Лодка неслась, как стрела, остров заметно отделялся от противоположного берега. — Не постеть, — сказал старший, повернув озабоченное лицо в сторону все мутневшей дали...*

полушубок в опашку. — Не ехать бы, — говорит, — на ночь-то! Остались бы до утра [Б. Житков. Метель]. См. также прим. (14).

— *Не сдавай книзу, смотри! Как бы не миновать острова...* [В. Короленко. «Государевы ямщики»];

- (42) *Сегодня только самый ленивый не вспоминает — к месту или не к месту — о грехе Горького <...> В запале оправданного ниспровергательства не убить бы чуткий интерес к сложным писательским судьбам, к мучительной подчас противоречивости творчества* [В. Кардин. К вопросу о белых перчатках // «Огонек». № 3, 1991];
- (43) *[Сергей] Митр[офанович] говорил — как бы нам не жалеть потом о Сталине* [В. Вернадский. Дневники: 1926—1934 гг.].

5.3.2. Высказывания со 2-м лицом субъекта. При отнесенности ко 2-му лицу смысловый спектр контропативного ИВ, сохраняя преамбулу с перволичными конструкциями, частично меняется. Употребление моделей (А) и (Б) с отнесенностью не к 1-му лицу субъекта часто сопряжено со своеобразной скрытой транспозицией 1-го л. Субъектом оценки действия как нежелательного является говорящий, но важно, для кого, по его мнению, оно нежелательно: для него — как, например, в (44) — или для адресата (дативного субъекта), как в (45). Во втором случае имеет место скрытая транспозиция 1-го л. во 2-е, и возникает сложная игра оценок¹⁸: говорящий оценивает действие как нежелательное, с точки зрения интересов адресата, но последний может придерживаться иного взгляда на ситуацию, о чем говорящему известно. Эта игра служит основой для дальнейшего семантического варьирования категориальной ситуации контропативности, причем, как и в случаях выраженной транспозиции (см. [Булыгина, Шмелев 1997: 331 и сл.; Кустова 2011; Резникова 2011]), возникающие при этом значения имеют прагматический характер.

При ретроспективном темпоральном векторе контропативное значение выступает в варианте **сожаления** о реальности в прошлом действия адресата с оттенком **упрека**:

- (44) *А будь я с рождения деревенским парнишкой, а теперь крестьянином, то, конечно, был бы славным мужиком, ретивым и счастливым, довольным. И, наверное, ни разу бы не пришлось барину, изувеху Алексею Андреевичу, наказать меня батозами под барабанный бой. И Шумский вдруг воскликнул громко: — **Ах, матушка, матушка, не отдавать бы тебе меня лиходеям!** Будь я крестьянин, я был бы теперь, конечно, во сто крат счастливее* [Е. Салиас. Аракчеевский подкидыш].

При транспозиции лица актуализируется наличие психологической дистанции между говорящим и слушающим. В (45) дистанция граничит с антагонизмом, и оттенок сожаления при **упреке** сменяется оттенком **поучения**:

- (45) — *Что, брат, видно, спесь-то послала? Как пришла нужда до Вышата, так небось заговорил другим голосом!.. А помнишь, в Усладов день не хотел и словечка со мною перемолвить? То-то же, любезный, **не глумиться бы тебе над тем, кто тебя старше!*** [М. Загоскин. Аскольдова могила].

Упрек-поучение может быть адресован и самому себе в случае автокоммуникации. В (46) включение модели (А) в конструкцию *не... а* не меняет ее природы:

- (46) *Когда же прокаженный совсем распался и жизнь его оставила, тогда Данила понял, что ему надлежало бы начать с первой минуты, когда он совершил грех <...> — **О, Данила! Данила!** — сказал он себе, — **не драь бы тебе взоры высоко, а давно глядеть бы по земле, да искать, кому ты мог быть полезен. А теперь вот и издыхай как старый пес: ты уже никому ни на что не годишься*** [Н. Лесков. Легенда о совестном Даниле].

При нулевом темпоральном векторе контропативное значение выступает в варианте **предостережения** (25, 26) или — в случае небольшой психологической дистанции между собеседниками — **совета** (это значение отмечено в [Israeli 2014: 152]):

¹⁸ Ценные наблюдения над вариативностью субъекта оценки в инфинитивных конструкциях с частицей *бы*, но интерпретируемые в ином ключе, содержатся в [Князев 2014].

- (47) — Я тебе скажу, — <...> говорит старуха, — был у моего человека между многих недругов один друг, Андрием звали, и когда не стало нам силы жить там <...> то пришел до нас Андрий и говорит: **«Не опускать бы тебе, Яков, рук, земля — велика и везде дана человеку <...>»** [М. Горький. Покойник].

При проспективном темпоральном векторе значение модели (А) различно в зависимости от вида глагола. В случае НСВ это **совет** или **просьба** (значение совета отмечено в [Israeli 2014: 152] с тем же примером):

- (48) *Уведи по крышам, по подвалам, как хочешь, но сохрани. Понял?* — Понял, — сказал Уно. — **«Не уходить бы вам сегодня... — Ты слушай. Если я через три дня не вернусь, бери Киру и вези ее в сайву, в Икающий лес** [А. и Б. Стругацкие. Трудно быть богом].

Фраза Уно может быть понята и как совет, и как просьба — в зависимости от того, чьи интересы говорящий ставит во главу угла: свои или Антона. В интересах последнего не потерять Киру и не погибнуть самому (тогда — совет); в интересах мальчика — не остаться без защитника (просьба).

В случае СВ в модели (А) и в случае СВ и НСВ в модели (Б) контропативное значение выступает в варианте **предостережения**:

- (49) — Руки к солнцу (во сне. — М. Д.) *протягивал?* — **серьезно спросила** Лиза. — Протягивал. — **Гордыня это. Поберегись, Костя, не простой сон, не обжечься бы тебе!** [Л. Карелин. Головокружение];
- (50) *Пришел ты в клуб — проходи бочком, не задеть бы вот этих двух выроdkов, которые по секрету об тебе между собой суждение имеют* [М. Салтыков-Щедрин. Культурные люди];
- (51) *Только и слышишь: благонадежность да неблагонадежность!* — **Нельзя, папаша! Время нынче не такое, чтоб другие разговоры вести!** — **То-то, что с этими разговорами как бы вам совсем не оглупеть** [М. Салтыков-Щедрин. Письма к тетеньке];
- (52) *Не ищите, на кого бы свалить собственные проблемы, это бесполезно. Смотрите, как бы не тащить чужой воз!* [Астрологический прогноз // «100% здоровья», 14.02.2003].

При проспективно-консеквентном темпоральном векторе в модели (А) используется СВ, в (Б) — оба вида с нейтрализацией видовой оппозиции, значение **предостережения** в случае антагонизма между собеседниками перерастает в **угрозу**:

- (53) — *А тебе, Иван Заходько, в домовину пора, дак ты уж хоть напоследок не страмись перед людьми!* — презрительно сказал Ефим. — **Ох ты проклятая галота! Ну гляди, Ефим, не заплакать бы тебе колысь!** — Ты б, старый черт, не заплакал, а моих слез тебе не видать! [В. Осеева. Динка прощается с детством];
- (54) *Чуть не задохся со злости Карп Алексеич. «Рано ли, поздно ли, попадешься ты мне!* — думал он. — **Погоди, гусь лапчатый, не отморозить бы тебе красны ноженьки! Быть тебе, сорванцу, под красной шапкой <...>»** [П. Мельников-Печерский. В лесах];
- (55) *Все, как рассказывали, камеры не изменились <...> Глазок то и дело шуришит, значит, не дежурный один удупился, а многие меняются. Смотрите, смотрите, взяли. Да как бы вам не поперхнуться* [А. Солженицын. Бодался теленок с дубом];
- (56) — *Та-ак-с... — протянул Чебаков и опять переглянулся с Овсянниковым. — Только не рано ли вы радуетесь, Петр Елисевич?.. Как бы не пожалеть потом...* [Д. Мамин-Сибиряк. Три конца];
- (57) — *Дорогу дали, а, может, и не ваша дорога-то. Ведь если бы настоящая дорога была, то вряд ли с тоской пришлось бы возиться. Может быть, настоящего и не будет. Ну, а если будет, то как бы вам не каяться. Зверь-то сквозь все ваши поры пророс. Пожалуй, уж больше вам с ним и не совладать...* [Е. Скобцова (Кузьмина-Караваева). Клим Семенович Барынькин].

Следует отметить редкий случай использования НСВ и в модели (А) при тех же прочих параметрах:

- (58) *«Я, — говорит, — прежде все опишу, и если он простит — получу ответ, тогда и поеду».*
«Ну, делай, мол, как знаешь <...> Гляди, — говорю, — бабочка, не кусать бы тебе локтя!»
Так-таки оно все на мое вышло [Н. Лесков. Воительница].

5.3.3. Высказывания с 3-м лицом субъекта также обнаруживают регулярную скрытую транспозицию лица — субъекта оценки. Наиболее очевидна транспозиция лица при минимальной дистанции; в этом случае, как и в перволичных реализациях, частотен эллипсис дативного субъекта, ср. (15, 60, 62). Не случайно модели (А) и (Б) с 3-м л. субъекта, как правило, встречаются в несобственно-авторской речи (по Л. А. Соколовой) / свободном косвенном дискурсе (по Е. В. Падучевой).

При ретроспективном темпоральном векторе значение модели (А) — **сожаление**, если повествователь искренне отождествляет себя с персонажем, как в (28, 59):

- (59) *А в нашу сторону <...> Федот Евграфыч особо не глядел. В той стороне опасностей никаких не было <...> И не глядеть бы ему в ту сторону, отвернуться бы от соблазна, но помощь оттуда что-то не шла и не шла, и поэтому он все-таки туда поглядывал. Чернело там что-то [Б. Васильев. А зори здесь тихие].*

Однако при фальшивом отождествлении, когда повествование ведется на самом деле с точки зрения интересов другого персонажа, сожаление окрашивается **иронией**, см. (21).

При нулевом темпоральном векторе и совпадении позиций персонажа и повествователя закономерно возникает **квазиоптативное** значение, как и в случае 1-го л.:

- (60) *Нет, страшно жить в этом суровом, надменном городе, с великолепным его ампиром. В этом городе есть что-то безумное, жестокое и холодное. А так хочется мира и покоя! И не думать бы вовсе об этих призраках прошлого... Надо побольше впечатлений <...> Александр исколесил всю Россию [Г. Чулков. Императоры: Психологические портреты].*

В адресованной речи модель приобретает значение **косвенной просьбы**:

- (61) *— Эй, вы, там! — рывкнул лысый, взмахнув правой рукой. — Помолчите, когда о деле говорят. И гармонь не зудеть бы [М. Горький. Жизнь Клима Самгина].*

Проспективный темпоральный вектор, как и в перволичных реализациях, в сочетании с НСВ в модели (А) формирует **квазиоптативное** значение:

- (62) *Должно быть, недалеко была уж девушка та: все Федору Волкову снилась. Да во сне известно, ничего не находит: только руками она обовьет, как тогда, и не отрываться бы потуда, куда не умрешь <...> [Е. Замятин. Африка].*

Использование же СВ в моделях (А) и (Б) влечет значение **опасения**:

- (63) *И с того времени (черт. — М. Д.) в одиночество свое уже не возвращался, а остался при ослабевшем старце в качестве прислужника <...> Когда же, перевозимая слабость, сидел поп за продолжение своего труда, черт вытягивал свою длинную, жилистую шею и через плечо с жадным любопытством заглядывал: **ох, не промахнуться бы попу! Ох, не подвести бы ему несчастного черта:** ведь последняя надежда [Л. Андреев. Правила добра];*
- (64) *Солженицын боится мягкой редакторской перины; как бы не расслабиться, не утонуть в мягкости, не задохнуться [А. Архангельский. 1962. Письмо к Тимофею].*

При проспективно-консеквентном темпоральном векторе обе модели также выражают **опасение**, искренний или иронический характер которого зависит от совпадения / несовпадения позиций субъекта речи и дативного субъекта:

- (65) *КВН игра уже не одного поколения, и теперь не превратиться бы ему в «шоубиз»!*
 [Комментарии к КВН (2009—2011)];

- (66) *А что происходит с псевдонимами? <...> чем благозвучнее, чем внушительнее выберет его человек, тем хуже складывается его судьба <...> есть один поэт, который решил заменить свою невыразительную фамилию псевдонимом и зарегистрировался как Самородков. Увы, ничего из-под его пера до сих пор не родилось, а он <...> пятидесятилетие отметил уже, так что не опоздать бы ему вернуться к изначальному своему прозвищу* [Б. Вахтин. Надежда Платоновна Горюнова];
- (67) *Не исключено, что через какое-то время кому-либо из тех, кто поддержал упомянутый запрет на проведение референдумов, понадобится самим инициировать референдум <...> И как бы им не оказаться перед непреодолимым барьером* [Д. Докучаев. Делить проще, чем делиться // «Московские новости» (2003)].

Подытожим сделанные наблюдения в таблице.

Таблица

**Варианты категориальной ситуации контропативности
в моделях высказываний (А) и (Б)**

Темпоральный вектор	Персональная отнесенность					
	1 л.		2 л.		3 л.	
ретроспективный	НСВ	сожаление	НСВ	упрек-сожаление / упрек-поучение	НСВ	сожаление / ироническое с.
нулевой	НСВ	квазиоптатив	НСВ	совет / предостережение	НСВ	квазиоптатив / косв. просьба
проспективный	НСВ	квазиоптатив	НСВ	совет / просьба	НСВ	квазиоптатив
	СВ	опасение	СВ	предостережение	СВ	опасение
проспективно-консеквентный	НСВ(Б)	опасение / предостережение	НСВ(Б)	предостережение / угроза	НСВ(Б)	опасение / ироническое о.
	СВ		СВ		СВ	

6. Выводы

6.1. В полном соответствии с тезисом Алины Израэли (см. [Israeli 2014: 156]) можно утверждать, что значения ИВ, построенных по моделям (А) или (Б), определяются комбинациями значений параметров. Вершинное положение среди этих параметров занимают темпоральный вектор, вид инфинитива и персональная отнесенность (грамматическое лицо дативного субъекта).

6.2. В реализациях моделей (А) и (Б) с не первым лицом дативного субъекта существенное влияние на результирующее значение оказывает скрытая транспозиция лица, которая актуализирует психологическую дистанцию между субъектом речи и субъектом действия. Чем больше эта дистанция, тем более отчетлив оттенок враждебности или иронии в результирующем смысле высказывания.

6.3. Для модели (А) закрыт ретроспективно-антецедентный темпоральный вектор, так как в случае последнего возможно только контрфактическое значение. Оно же возникает в случае использования модели (А) с инфинитивом СВ при ретроспективном темпоральном векторе.

6.4. Для модели (Б) возможна только футуральная темпоральная перспектива.

6.5. В модели (А) при проспективном значении темпорального вектора функции видовых форм дифференцированы: СВ называет собственно нежелательную ситуацию, НСВ — действие, которое лишь может привести к нежелательным последствиям и служит

точкой бифуркации. В отличие от (А), модель (Б) является контекстом регулярной конкуренции видов, выражаясь сильнее — контекстом регулярной нейтрализации видового противопоставления.

6.6. Системы значений перволичной и третьеличной реализаций обеих рассмотренных моделей в основных чертах совпадают, что объясняет частотное использование подобных ИВ в свободном косвенном дискурсе.

6.7. Порядок слов в моделях (А) и (Б) разрешает расположение дативного субъекта перед группой *не Inf* или после нее, но запрещает позицию между частицей *не* и инфинитивом.

Представленные в таблице типовые значения моделей высказываний (А) и (Б) имеют прагматический характер (ср. выражение «частный иллюкутивный тип» по отношению к упреку в [Падучева 2014]). По сути дела, каждая из рассмотренных комбинаций значений параметров задает не только типовое значение высказывания как вариант категориальной ситуации нежелательности, но и возможность использования модели в качестве определенного типа речевого акта / первичного речевого жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бондарко 2011 — Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2011. [Bondarko A. V. *Kategorizatsiya v sisteme grammatiki* [Categorization in the grammar system]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2011.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (in terms of the Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1997.]
- Добрушина 2012 — Добрушина Н. Р. Инфинитивные конструкции с частицей *бы* // Русский язык в научном освещении. 2012. № 2 (24). С. 42—64. [Dobrushina N. R. Infinitive constructions with the particle *by*. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2012. No. 2 (24). Pp. 42—64.]
- Дурново 1929 — Дурново Н. Н. Повторительный курс грамматики русского языка. Вып. II: Синтаксис. М.; Л., 1929. [Durnovo N. N. *Povtoritel'nyi kurs grammatiki russkogo yazyka. Vyp. II: Sintaksis* [Refresher of the Russian grammar. No. 2: Syntax]. Moscow; Leningrad, 1929.]
- Дымарский 2005 — Дымарский М. Я. Трехуровневая система синтаксических моделей и проблема порождения высказывания // Функционально-лингвистические исследования 2005: Сб. ст. в честь проф. А. В. Бондарко. СПб.: Наука; САГА, 2005. С. 13—25. [Dymarsky M. Ya. The three-level system of syntactic models and the problem of the utterance generation. *Funktional'no-lingvisticheskie issledovaniya 2005: Sb. st. v chest' prof. A. V. Bondarko*. St. Petersburg: Nauka; SAGA, 2005. Pp. 13—25.]
- Дымарский 2013 — Дымарский М. Я. От моделей предложения — к моделированию высказывания // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 308—330. [Dymarsky M. Ya. From sentence models to utterance modeling. *Slavyanskoe yazykoznanie. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013. Doklady rossiiskoi delegatsii*. Moscow: Indrik, 2013. Pp. 308—330.]
- Князев 2014 — Князев М. Ю. О взаимодействии порядка слов и семантики в инфинитивной конструкции с частицей *бы* // Сай С. С., Овсянникова М. А., Оскольская С. А. (ред.). Русский язык: Грамматика конструкций и лексико-семантические подходы // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингвистических исследований РАН. Т. X. Ч. 2. СПб., 2014. С. 140—154. [Knyazev M. Yu. Interaction of word order and semantics in the infinitive construction with the particle *by*. *Russkii yazyk: Grammatika konstruktssii i leksiko-semanticheskie podkhody*. Sai S. S., Ovsyannikova M. A., Oskol'skaya S. A. (eds). *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy In-ta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. Vol. X. Part 2. St. Petersburg, 2014. Pp. 140—154.]
- Кустова 2011 — Кустова Г. И. Лицо. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru> (на правах рукописи). М., 2011. [Kustova G. I. *Litsa. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Person. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow, 2011.]

- Кустова 2013 — Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка: Курс лекций. М.: Флинта; Наука, 2013. [*Kustova G. I. Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka: Kurs lektzii* [Modern Russian syntax: Course of lectures]. Moscow: Flinta; Nauka, 2013.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ожегов 1952 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1952. [*Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka* [A dictionary of the Russian language]. 2nd ed. Moscow: Gos. Izd-vo Inostrannykh i Natsional'nykh Slovarei, 1952.]
- Ожегов, Шведова 1999 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. [*Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. 4th ed., enlarged. Moscow: Azbukovnik, 1999.]
- Падучева 1996 — Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М.: Языки русской культуры, 1996. [*Paducheva E. V. Semanticheskie issledovaniya (Semantika vida i vremeni v russkom yazyke; Semantika narrativa)* [Semantic studies (Semantics of aspect and tense in Russian; Semantics of the narrative)]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1996.]
- Падучева 2014 — Падучева Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики // <http://rusgram.ru> (на правах рукописи). М., 2014. [*Paducheva E. V. Modal'nost'. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Modality. Materials for the project of corpus-based description of the Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (as manuscript). Moscow, 2014.]
- Пешковский 2001 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. [*Peshkovskii A. M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific light]. 8th ed., enlarged. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2001.]
- Рахилина 2010 — Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. [*Rakhilina E. V. (ed.). Lingvistika konstruktivii*. [Construction linguistics]. Moscow: Azbukovnik, 2010.]
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Рахилина Е. В., Кузнецова Ю. Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Е. В. Рахилина (ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18—79. [*Rakhilina E. V., Kuznetsova Yu. L. Construction grammar: theory, followers, similar ideas. Lingvistika konstruktivii*. Rakhilina E. V. (ed.). Moscow: Azbukovnik, 2010. Pp. 18—79.]
- Резникова 2011 — Резникова Е. В. Категория лица и транспозиции на ее основе // Сб. науч. тр. Sworld. По материалам междунар. науч.-практич. конф. «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития 2011». Т. 23: Философия и филология. Одесса: Черноморье, 2011. С. 61—70. [*Reznikova E. V. Category of person and transpositions on its basis. Sb. nauch. tr. Sworld. Po materialam mezhdunar. nauch.-praktich. konf. «Nauchnye issledovaniya i ikh prakticheskoe primenenie. Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya 2011»*. Vol. 23: *Filosofiya i filologiya*. Odessa: Chernomor'e, 2011. Pp. 61—70.]
- РГ 1980 — Русская грамматика: В 2 т. Т. II / Гл. ред. Шведова Н. Ю. М.: Наука, 1980. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]: in 2 vol. Vol. II. Shvedova N. Yu. (ed.). Moscow: Nauka, 1980.]
- Сай 2013 — Сай С. С. О статусе сочетаний нефинитных форм русского глагола с частицей *бы* // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: Сб. материалов конференции 9—12 апреля 2013 г. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 266—273. [*Sai S. S. About the status of combinations of the Russian verb non-finite forms with the particle by. Glagol'nye i imennye kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki: Sb. materialov konferentsii 9—12 aprelya 2013 g.* St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. Pp. 266—273.]
- Тарланов 2008 — Тарланов З. К. Инфинитивные предложения в русском литературном языке XVIII в. // Тарланов З. К. Динамика в развитии и функционировании языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. С. 300—515. [*Tarlanov Z. K. Infinitive sentences in VXIII-century standard Russian. Tarlanov Z. K. Dinamika v razvitiu i funktsionirovanii yazyka*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2008. Pp. 300—515.]
- Тимофеев 1950 — Тимофеев К. А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке // Вопросы синтаксиса современного русского языка / Под ред. акад. В. В. Виноградова. М.: Учпедгиз, 1950. С. 257—301. [*Timofeev K. A. About the main types of infinitive sentence in modern standard Russian. Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka*. Acad. V. V. Vinogradov (ed.). Moscow: Uchpedgiz, 1950. Pp. 257—301.]
- Тимофеев 1951 — Тимофеев К. А. Инфинитивные предложения в русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Благовещенск-на-Амуре, 1951. [*Timofeev K. A. Infinitivnye predlozheniya v russkom*

- yazyke*: Avtoref. dokt. diss. [Infinitive sentences in Russian: Author's abstract of the doct. diss.]. Blagoveshchensk-na-Amure, 1951.]
- Тимофеев 1954 — Тимофеев К. А. Инфинитивные предложения // Виноградов В. В., Истрина Е. С. (ред.). Грамматика русского языка. Т. II: Синтаксис. Ч. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 43—57. [Timofeev K. A. Infinitive sentences. *Grammatika russkogo yazyka. T. II: Sintaksis. Ch. 2.* Vinogradov V. V., Istrina E. S. (eds). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1954. Pp. 43—57.]
- Тимофеев 1956 — Тимофеев К. А. Заметки из истории инфинитивных предложений // Академику В. В. Виноградову к его 60-летию: Сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 250—259. [Timofeev K. A. Notes from the history of infinitive sentences. *Akademiku V. V. Vinogradovu k ego 60-letiyu: Sb. st.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1956. Pp. 250—259.]
- Daneš 1964 — Daneš F. A three-level approach to syntax. *Travaux linguistiques de Prague*. Vol. 1. Prague, 1964. Pp. 225—240.
- Dobrushina 2013 — Dobrushina N. R. The verbless subjunctive in Russian. *National Research University Higher School of Economics / Basic research program*. Working papers. Series: Humanities. Vol. 32. Moscow, 2013.
- Fortuin 2000 — Fortuin E. *Polysemy or monosemy: Interpretation of the imperative and dative-infinitive construction in Russian*. Doct. diss. Institute for logic, language and computation, Amsterdam Univ. Amsterdam: ILLC dissertation series, 2000.
- Israeli 2013 — Israeli A. Dative-infinitive constructions in Russian. Taxonomy and semantics. *Current Studies in Slavic Linguistics*. I. Kor Chahine (ed.). Amsterdam, 2013. Pp. 199—224.
- Israeli 2014 — Israeli A. Dative-infinitive БИ constructions in Russian. Taxonomy and semantics. *New Insights into Slavic Linguistics*. Series: Sprach- und Kulturkontakte in Europas Mitte. Vol. 3. J. Witkos, S. Jaworski (eds). Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2014. Pp. 141—160.

Статья поступила в редакцию 25.09.2014.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТЕКСТОМ «ОТКРОВЕНИЯ АВРААМА»*

© 2015 г. Борис Андреевич Успенский

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, 101000, Россия
borisusp@gmail.com

Задача настоящей работы — уточнить некоторые места апокрифического «Откровения Авраама» (библейского апокрифа, дошедшего до нас в славянском переводе), особенно фрагменты, связанные с богословием Божественного имени. Автор пытается, вместе с тем, установить исходные семитские формы, к которым восходят в славянском тексте наименования Бога. В работе показывается, что славянский текст апокрифа был известен еврейским книжникам в Древней Руси и они вносили в него исправления и добавления. Некоторые семитизмы в тексте «Откровения Авраама» не отражают исходный текст памятника, но появляются в относительно поздний (средневековый) период — в среде русских евреев.

Ключевые слова: Библейские апокрифы, имена Бога, семитизмы, алеф, «э оборотное»

PHILOLOGICAL OBSERVATIONS ON THE APOCALYPSE OF ABRAHAM

Boris A. Uspenskij

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia
borisusp@gmail.com

The aim of the present paper is to clarify some passages in the apocryphal Apocalypse of Abraham (a biblical apocryphon which has survived only in Russian Slavonic manuscripts), especially the fragments connected with the theology of the Divine Name. The author of the paper also tries to reconstruct original Semitic forms which are reflected in the names of God in the Slavonic translation of the apocryphon. Finally he wants to demonstrate that the Slavonic translation circulated in a Russian Jewish milieu in the Middle ages and was subject to revision and amendment. Some Semitisms in the text appear as later additions, which seem to have been introduced by medieval Jewish writers.

Keywords: Biblical apocrypha, names of God, Semitisms, Aleph, letter Э

1. В 1669 г. протопоп Аввакум в письме царю Алексею Михайловичу¹, написанном в Пустозерской темнице, рассказал ему о своем мистическом опыте соединения с вселенной, когда после десятидневного поста и молитвы он испытал нечто необыкновенное: тело его стало расти, распространилось под небом над всей землей, а потом включило в себя целый мир: небо и землю, и всю тварь. Это случилось в начале Великого поста после изнурительных аскетических и молитвенных упражнений:

* Автор считает своим долгом выразить признательность А. А. Архипову и А. Кулику, которые ознакомились с этой работой на стадии ее подготовки к печати и высказали ряд ценных замечаний.

¹ Так называемая Пятая челобитная Аввакума царю. В письмах Аввакума нет и намека на «челобитье» (петицию), но письмо к царю, по-видимому, автоматически (по умолчанию) записывалось в разряд челобитных.

Нынѣшня 177 году [7177 г. от сотворения мира, т. е. 1669 г. от Рождества Христова], в Великій постъ, на первой недѣлѣ, по обычаю моему, хлѣба не ядохъ в понедѣльникъ, такожь и во фторникъ, и в среду не ядохъ, еще-жь и в четвергъ не ядше пребыхъ; в пяток же прежде часовъ начахъ келейное правило, псалмы Давидовы пѣти, прииде на мя озноба зѣло люта, и на печи зубы мои розбило з дрожи. Мнѣ же, и лежа на печи, умою моимъ глаголющу псалмы, понежь от Бога дана Псалтырь и наизусть глаголати мнѣ, прости, царю, за невѣжество мое, от дрожи тоя нападе на мя мыть [*мытъ* 'понос']; и толико изнемогъ, яко отчаявшу ми ся и жизни сея, уже всѣхъ дней не ядшу ми дней здесять и больши. И лежашу ми на одрѣ моемъ и зазирающу себѣ, яко в таковыя великія дни правила не имѣю [*правило* 'устав'], но токмо по чоткамъ молитвы считаю, и Божиимъ благоволеніемъ в нощи вторыя недѣли, противъ пятка, распространился языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики, а се и руки быша и ноги велики, потомъ и весь широкъ и пространенъ, под небесемъ по всей земли распространился, а потомъ Богъ вмѣстилъ в меня небо и землю, и всю тварь. Мнѣ же молитвы беспрестанно творящу и лѣствицу перебирающу [*лѣствица* 'четки'] в то время, и бысть того времени на полчаса и больши, и потомъ возставши ми от одра лехко и поклонившуся до земля Господеви, и послѣ сего присѣщенія Господня начахъ хлѣбъ ясти во славу Богу.

Видишь ли, самодержавне? Ты владѣешь на свободѣ одноу Русскою землею, а мнѣ сынъ Божій покорилъ за темничное сидѣніе и небо, и землю; ты, от здѣшняго своего царства в вѣчный свой домъ пошедше, только возьмешь гробъ и савань, азъ же, присужденіемъ вашимъ, не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами небесными растерзаны будутъ и по землѣ влечимы; такъ добро и любезно мнѣ на землѣ лежати и свѣтомъ одѣянну и небомъ прикрыту быти: небо мое, земля моя, свѣтъ мой и вся тварь — Богъ мнѣ даль, яко-жь выше того рекохъ².

И далее, предупреждая недоверие своего адресата, Аввакум продолжает:

Да не первому мнѣ показанно сиче; чти, державный, книгу Палею: егда ангель великій Альтезь древле восхитилъ Авраама выспръ, сирѣчь на высоту к небу, и показа ему от вѣка сотворенная вся, Богу тако извольшу, а нынѣ, чаешь, изнемогъ Богъ? Нѣсть, нѣсть, той же Богъ всегда и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь [Аввакум 1927: стлб. 763—764].

Аввакум цитирует апокрифическое «Откровение Авраама», вошедшее в русскую Палею, в котором описывается вознесение Авраама на небо (см. [Тихонравов 1898: 39—40 третьей пагин., примеч. 2; Бороздин 1898: 179]). В вознесении Аввакума не так много общего с вознесением Авраама, и нам трудно было бы увидеть здесь прямую литературную параллель³. Как бы то ни было, сам Аввакум определенно усматривает здесь аналогию («а не первому мнѣ показанно сиче...»), и именно это обстоятельство является существенным и решающим в трактовке его свидетельства.

2. «Откровение Авраама» — текст несомненно семитского происхождения, который первоначально был написан на еврейском или, может быть, арамейском языке (последнее, впрочем, представляется менее вероятным). Об этом говорят многочисленные семитизмы, проявляющиеся главным образом на семантическом уровне (кальки и фразеологизмы)⁴; о некоторых формальных семитизмах (заимствованиях) будет сказано ниже (§ 7).

² Ср. образ Христа, «одеющагося светом, яко и ризою» (Стихира на вечерне в Великую Пятницу, глас 5-й: «Тебе, одеющагося светом»).

³ Более близкую аналогию к вознесению Аввакума дает третья (еврейская) книга Еноха: тело Еноха при вознесении увеличивается до размеров всего мира [Odeberg 1928, ч. II: 25; Alexander 1983: 263; 3 Еп. IX, 2]. Однако это сочинение, насколько известно, не отразилось в славянских источниках.

Увеличение тела Еноха связано с еврейскими мистическими представлениями о вселенских масштабах Божьего тела, одна пядь когорого заполняет весь мир (ср. трактат «*Shi'ur Qomah*» (букв. 'Величина [Божественного] Тела') [Шолем 2004: 100—104]. Вознесение приближает визионера к Богу, и он становится в какой-то степени Ему соразмерным. Иначе говоря, приближение к Богу проявляется не только в дистанции, но и в масштабах.

⁴ См. в этой связи [Rubinstein 1953; 1954] (в этих работах доказывается, что семитизмы в «Откровении Авраама» имеют именно еврейское, а не арамейское происхождение); [Rubinkiewicz 1980; 1983: 682; Kulik 2005].

При всем том апокриф этот сохранился исключительно в восточнославянских (русских) списках. Более того: славянские списки «Откровения Авраама» представляют собой перевод не непосредственно с еврейского или арамейского, но с греческого; в свою очередь, греческий перевод этого памятника, также не сохранившийся, сделан был с семитского, скорее всего, еврейского языка (см. [Kulik 2005]).

Итак, в нашем распоряжении имеются только русские рукописи, по которым мы и можем судить — с тем или иным успехом — о не дошедших до нас источниках. Древнейший список «Откровения Авраама» находится в новгородском Сильвестровском сборнике второй пол. XIV в. или нач. XV в. (РГАДА, ф. 381 № 53, л. 164 об. — 182 об.; далее — *Сильв.*)⁵. Помимо того, известен целый ряд списков XV—XVII в. — все они читаются в составе Палеи. В копиях с Сильвестровского списка, сделанных в Новгороде в первой пол. XVI в. (Музейский и Уваровский списки)⁶, «Откровение Авраама» выступает как приложение к Палее⁷; в других случаях оно вошло в Палею, будучи вставлено в историю Авраама. Всего нам известно 17 списков с более или менее полным текстом «Откровения Авраама» (см. их перечень ниже).

В дальнейшем Сильвестровский сборник будет служить для нас базовым текстом: цитируя наш памятник, мы будем исходить прежде всего из этого текста, привлекая дополнительно все другие, известные нам списки.

«Откровение Авраама» в своей исходной (семитской) форме появляется, как полагают, в первые века нашей эры. Текст был написан не ранее 70 г., поскольку здесь говорится о разрушении храма и разорении Иерусалима (Сильв., с. 50 <27:3>)⁸, и не позднее сер. IV в., поскольку его содержание излагается в «Псевдо-Клементинах», а именно, в «*Recognitiones clementinas*» (кн. I, гл. 32 [Roberts, Davidson VIII: 86]; см. [Pennington 1984: 366—368]). Вместе с тем есть основания думать, что он был известен Оригену (ок. 185 — ок. 254; см. [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 7—8; Rubinkiewicz 1983: 683]; если признать, что Ориген (в «Гомилии на Луку») говорит именно о нашем, а не каком-то другом сочинении, его можно датировать временем ок. II в. Что касается славянского перевода, то он обнаруживает весьма архаические черты, и это позволяет считать, что он возник в раннюю эпоху славянской письменности, возможно, в X—XI вв.: предполагается, что перевод, отразившийся в поздних русских списках, выполнен был на старославянском или близком к нему языке⁹.

⁵ Ю. А. Грибов и А. Л. Лифшиц независимо друг от друга датируют Сильвестровский сборник началом XV в. (устные сообщения).

⁶ О происхождении этих копий см. [Грибов 1993: 45; 2009: 254]. Как отмечает Ю. А. Грибов, обе копии создавались в 1510—1520-е гг. Музейский список является относительно более ранним. Обе копии содержат миниатюры, которые воспроизводят соответствующие миниатюры Сильвестровского сборника.

⁷ Так же, возможно, обстояло дело и с самим Сильвестровским сборником, если считать, что в свое время он составлял единый кодекс с Александро-Невской Толковой палеей (РНБ, СПб. Духов. Академия, А. I. 119). См. об этом [Грибов 1993: 35; 2009: 253].

⁸ Сокращения названий списков «Откровения Авраама» и порядок их цитирования объясняются ниже. В угловых скобках указывается деление на части, принятое исследователями «Откровения Авраама». В изданиях славянского текста это деление отсутствует.

⁹ По определению Г. Ланта, дошедшие до нас русские списки отражают «the Old Church Slavonic of the tenth century, the language used in the translation of homilies, saints' lives and hymnological works that have come down to us in Old Church Slavonic or in 11th—12th c. East Slavic copies» [Lunt 1985: 56]. Лант ссылается на употребление местоимения «етерь»: «бескудень ѿтеръ свѣтъ», т. е. «неоскудевающий свет» (Сильв., с. 43; Волок., с. 66), на глагол *грати* (Сильв., с. 42; Волок., с. 65), а также на окончание 3 л. дв. числа *-те*, не *-та* (*бѣсте* Сильв., с. 47, Волок., с. 70; *течесте* Сильв., с. 47, *текосте* Волок., с. 70). Как полагает Лант, это западные элементы, указывающие на Моравию, Паннонию или же Македонию [Ibid.: 57].

Работа Ланта, наряду с ценными наблюдениями, содержит смелые конъектуры (*огнь народу* > *огньна роду*; *житель* > *житѣль*). Он исходит из того, что славянские (русские) писцы не понимали текст, который они переписывали, и поэтому меняли его. Такой подход открывает неограниченные

Памятник этот достаточно давно и хорошо известен, и ему посвящен целый ряд исследований. В 1863 г. его опубликовали — одновременно и независимо друг от друга — Н. С. Тихонравов и И. И. Срезневский; Тихонравов опубликовал его в двух редакциях — по Сильвестровскому и Волоколамскому спискам [Тихонравов, I: 32—53, 54—78]; публикация Срезневского воспроизводит — с небольшими отличиями — тот же Сильвестровский список с разночтениями по Уваровскому списку [Срезневский 1863а: 247—256; 1863б: стлб. 648—665]¹⁰. Вслед за тем И. Я. Порфирьев опубликовал «Откровение Авраама» еще в одной версии — по Соловецкому списку [Порфирьев 1877: 111—130]. Эти публикации почти сразу привлекли к себе внимание библеистов и историков религии. В 1897 г. Г. Н. Бонвеч, профессор церковной истории Гейдельбергского университета (выходец из России), перевел этот памятник на немецкий язык [Bonwetsch 1897]; этот перевод, не стремившийся к дословной передаче текста, оказал большое влияние на все последующие переводы. В дальнейшем вышло несколько переводов на английский и французский языки, привлекающих все большее количество списков (см. сводное издание, не учитывающее, однако, всех разночтений [Rubinkiewicz 1987]). Особого внимания заслуживает комментированный перевод А. Кулика [Kulik 2005]. Книга Кулика является на сегодняшний день наиболее полным и авторитетным исследованием «Откровения Авраама».

Несмотря на значительное количество работ, посвященных данному тексту, представляется возможным внести в его интерпретацию некоторые коррективы. Мы попытаемся уточнить перевод некоторых мест «Откровения Авраама», особенно тех, которые связаны с богословием Божественного имени; установить исходные семитские формы, к которым восходят в дошедших до нас списках наименования Бога; и, наконец, определить вторичные семитизмы, не отражающие исходный текст памятника, но появившиеся в относительно поздний (средневековый) период — в среде русских евреев.

Ниже перечисляются известные нам рукописи с полным текстом «Откровения Авраама». Указание на рукопись сопровождается кратким условным обозначением, под которым она упоминается в нашей работе, а также буквенной сиглой, которая используется при ссылках в исследованиях и переводах (отсутствие указания на сиглу означает, что соответствующий список не известен исследователям «Откровения Авраама»).

1. Сильвестровский список (*Сильв.*; сигла *S*) — в составе Сильвестровского сборника втор. пол. XIV в. или нач. XV в.: РГАДА, ф. 381 (Библиот. Моск. синод. типографии) № 53, л. 164 об. — 182 об. Цит по изд. [Тихонравов, I: 32—53].
2. Музейский список нач. XVI в. (1510-е гг.?) (*Музейск.*) — в составе Толковой палеи: ГИМ, Муз. № 1197, л. 439 об. — 466¹¹.
3. Уваровский список пер. пол. XVI в. (1520-е гг.?) (*Увар.*; сигла *U*) — в составе Толковой палеи: ГИМ, Увар. № 85—1^о, л. 299—313 об.¹²
4. Волоколамский список XV в. (*Волок.*; сигла *A*) — в составе Толковой палеи: РГБ, ф. 113 (Иосифо-Волоколамский монастырь) № 549, л. 85—100. Цит по изд. [Тихонравов, I: 54—78].
5. Соловецкий список кон. XVI — нач. XVII в. (*Солов.*; сигла *K*) — в составе Толковой палеи: РНБ, Солов. № 711 / 653, л. 79—95. Цит по изд. [Порфирьев 1877: 111—130].

возможности для реконструкции исходного текста. На наш взгляд, писцы, которые не понимали текст, стремились по возможности точно сохранить его. Реконструкция исходного текста должна прежде всего основываться на текстологических данных, т. е. на всей совокупности дошедших до нас списков, которые часто дополняют друг друга.

¹⁰ См. также хромолитографическое издание Сильвестровского списка [Откровение Авраама 1891]; вопреки распространенному мнению, это издание не самой рукописи, а ее рисованной копии.

¹¹ Копия Сильвестровского списка. См. [Грибов 2009: 253—254].

¹² Копия Сильвестровского списка. См. [Тихонравов, I: 78 (примеч. 1); 1898: 20 третьей пагин.; Грибов 1993: 39]; ср. [Грибов 2009: 253—254].

6. Барсовский список нач. XVI в. (*Барс.*) — в составе Хронографической палеи: ГИМ, Барс. 619, л. 6—12 об.
7. Синодальный список втор. пол. XVI в. (*Синод.*; сигла *B*) — в составе Хронографической палеи: ГИМ, Син. № 211, л. 76 об. — 91¹³.
8. Тихонравовский список XV—XVI в. (*Тихонр.*; сигла *D*) — в составе Хронографической палеи: РГБ, ф. 299 (Н. С. Тихонравов) № 704, л. 70—79.
9. Первый Мазуринский список XV—XVI в. (*1-й Мазур.*) — в составе Толковой палеи: РГАДА, ф. 196 (Ф. Ф. Мазурин), оп. 1, № 242, л. 118—140 об.
10. Второй Мазуринский список кон. XVI — нач. XVII в. (*2-й Мазур.*) — в составе Толковой палеи: РГАДА, ф. 196 (Ф. Ф. Мазурин), оп. 1, № 575, л. 118 об. — 134 об.
11. Список Московской духовной академии XVI в. (*Акад.*; сигла *C*) — в составе Толковой палеи: РГБ, ф. 173.III (Моск. духов. академия, времен. катал.) № 136, л. 18—43.
12. Румянцевский список XVI—XVII вв. (*Румянц.*; сигла *I*) — в составе Толковой палеи: РГБ, ф. 256 (Н. П. Румянцев) № 361, л. 101 об. — 114.
13. Прянишниковский список 1639 г. (*Пряниш.*; сигла *H*) — в составе Толковой палеи: РГБ, ф. 242 (Г. М. Прянишников) № 100, л. 144 об. — 175.
14. Саровский список второй четв. или сер. XVI в.¹⁴ (*Саров.*) — в составе Толковой палеи: РГАДА, ф. 357 (Саровская пустынь) № 6, л. 161 об. — 197¹⁵.
15. Погодинский список XVI в. (*Погод.*) — в составе Хронографической палеи: РНБ, Погод. № 1435, л. 59 об. — 72 об.
16. Кирилло-Белозерский список XVI в. (*Кир.-Бел.*) — в составе Толковой палеи: РНБ, Кир.-Бел. № 68/1145, л. 112 об. — 126 (л. 113 об. — 127 верх. фолиации).
17. Список Вяземского XVII в. (*Вязем.*; сигла *O*) — в составе Толковой палеи: РНБ, собр. П. П. Вяземского, Q. 190, л. 129 об. — 156 об.

Ссылки на публикации сопровождаются указанием на страницы соответствующего издания, ссылки на рукопись — указанием на листы данной рукописи.

3. Авраам рассказывает здесь (повествование в большинстве списков ведется от первого лица, т. е. текст считается псевдоэпиграфом)¹⁶, как он, бывший сначала идолопоклонником — так же, как и отец его Тера (Фара)¹⁷, — теряет веру в идолов и начинает искать истинного Бога — Бога, сотворившего всех богов нашего измышления (представления), который обогрил небеса, озолотил солнце, осветил луну и звезды, осушил землю посреди многих вод и который создал самого Теру (Фару): «Слыши, Теро о[т]че мои, взищу [в др. списках:

¹³ Ср. фототипическое изд. [Rubinkiewicz 1987: 227—256].

¹⁴ На л. 2 — вкладная запись, помеченная 7701 (т. е. 1563) г.

¹⁵ Саровский список обнаруживает текстуальное сходство с Соловецким. Не исключено, что они как-то связаны.

¹⁶ Однако в Соловецком и Саровском списках повествование начинается от третьего лица и лишь впоследствии переходит на первое. Отдельные фразы от третьего лица есть и в Погодинском списке. Надо полагать, что изложение от третьего лица является результатом позднейшей обработки текста. См. в этой связи [Порфирьев 1877: 114, примеч. 2].

¹⁷ В Сильвестровском списке отец Авраама сначала называется Фарой или Ферой (Сильв., с. 32, 34), а затем последовательно Терой (Там же, с. 34, 35, 36, 37, 49). Первый вариант отвечает греческой форме имени (Θαρα), второй — еврейской (תרה). В одном случае он называется Фераном (Там же, с. 32). Разумеется, передача тэты через «т», не через «ф», может восходить и к старославянскому (но не македонскому!) произношению; см. [Успенский 2002: 180, § 7.10.2].

О Фаре («Фара» или «Фарра») или Тере, отце Авраама, сообщается в книге Бытия (Быт. XI, 31—32) и в книге Иисуса Навина (Нав. XXIV, 2). В последней книге указывается, что отец Авраама «служил богам иным» (а не Богу Израиля). О идолопоклонничестве отца Авраама речь идет также в Книге Юбилеев (XI, 16—17); здесь говорится, что Авраам отказался поклоняться идолам, ушел от отца и стал молиться Богу, сотворившему все [Charles, Rabin 1984: 46], — это ближайшим образом соответствует началу «Откровения Авраама». Рассказ об этом вошел в Хронику Георгия Амартола [Истрин, I: 81], см. также «Повесть временных лет» под 6494 г. [ПСРЛ, I / 1, 1926: стлб. 92].

възвѣщю] предъ тобою Б[ог]а створшаго вса непещеваниа нами б[ог]ы, кто оубо есть или которыи есть оубогъри [sic!] н[е]б[е]са, иже злати солнце, иже оуствѣтилова луну и с нею звѣзды, иже исуши землю посредѣ водь многъ, иже та самого въ гл[агол]ѣхъ положи» (Сильв., с. 37; Тихонр., л. 72 об.; ср.: Волок., с. 59; Солов., с. 116; Синод., л. 79—79 об. <7:11—12>). Комментируя фразу «иже та самого [Теру] въ гл[агол]ѣхъ положи», Рубинкевич и Лант замечают: «слав. *въ глагольхъ* ‘в словах’ отражают греч. *rēmata* (или *logoi*) из евр. *dbrym*» [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 692, примеч. k]. Греч. *ῥῆμα*, так же как и евр. *דבר* может означать как ‘слово’, так и ‘вещь’. Соответственно, Кулик переводит: «who set you yourself among the elements» [Kulik 2005: 15]. Между тем здесь может быть отсылка к Библии, где говорится, что Бог создает мир своим словом (Быт. I, 1—31, II, 19; Пс. XXXII, 6 / XXXIII, 6)¹⁸.

Затем Авраам слышит глас Божий, исходящий с неба в огненном потоке, зовущий его: «Аврааме, Аврааме!»¹⁹. «Се азъ», — отвечает Авраам²⁰. «Бога бо[гомъ] и творца ты ищещи въ оумѣ с[е]рдца своего. Азъ есмь. Изиди ѿ Теры о[т]ца своего и ѿ дому. Изиди, да не и ты оубиенъ будещи» (Сильв., с. 37 <8:3>). После этого дом его отца поражает огонь и Тера, отец Авраама, погибает: Господь карает идолопоклонника. Выражение «бог богом» соответствует переводу Пс. XLIX, 1 / L, 1 (евр. *'el 'elohim yahveh*) как в Септуагинте (θεὸς θεῶν κύριος), так и в Вульгате (*deus deorum dominus*), ср. в старославянской Синайской псалтыри: «б[ог]ъ б[ого]мъ г[оспод]ь» [Северьянов 1922: 63]²¹; вместе с тем в данном контексте это выражение получает и иной, дополнительный смысл: это Бог над всеми богами, Бог, сотворивший «непещеваниа нами богы», т. е. богов нашего измышления.

И вновь Авраам слышит глас Божий. Господь говорит: «Се азъ есмь, не боиса, яко азъ есмь прежде вѣка и крѣпокъ Б[ог]ъ ...²² Азъ есмь о тебѣ счита и азъ помощникъ тебе ... ты

¹⁸ См. об отражении этого представления в таргумах [Успенский 2014: 38 (примеч. 47)]. И далее в нашем тексте Бог говорит Аврааму: «...покажу ти вѣки и гл[агол]омъ моимъ созданная и оутверженная сотворенная и поновленная» (Солов., с. 118; Саров., л. 172; Синод., л. 81 об.; Тихонр., л. 73; Акад., л. 25; Кир.-Бел., л. 113 об. / 114 об. верх. фолиации; ср.: Сильв., с. 38; Волок., с. 60 <9:9>).

¹⁹ Ср. во Второзаконии: «С неба дал Он слышать тебе глас свой, дабы научить тебя, а на земле показал тебе великий огонь свой, и ты слышал слова Его из среды огня» (Втор. IV, 36).

²⁰ Этот ответ рассматривается как гебраизм (евр. *וַיֵּאָבֵד* ‘вот я’) (см. [Елеонский 1905: 489—492; Rubinstein 1953: 108; Rubinkiewicz 1980: 143]). Именно таким образом в Библии отвечают Богу или ангелу Авраам, Иаков и Моисей (Быт. XXII, 1, 11, XXXI, 11, XLVI, 2; Исх. III, 4). В таргуме Неофитов ответ этот воспроизводится по-еврейски, а не в арамейском переводе [Diez Macho, I: 125, 127, 203, 307; II: 13], и при этом отмечается, что он был произнесен «на языке святилища [букв.: ‘язык дома святости’]» (см. [Diez Macho, III: 31*—32*; Hayward 1981: 16; McNamara 1992: 58, примеч. 23]). Еврейский язык (в отличие от арамейского) трактуется, таким образом, как сакральный язык, на котором пристало говорить с Богом или его вестником (см. [Успенский 2014: 37—38, примеч. 47]; ср. в этой связи также Книгу Юбилеев, XII, 26 [Charles, Rabin 1984: 49]). В Септуагинте *וַיֵּאָבֵד* передается как *ἰδοὺ ἐγώ* или *τί ἐστίν* (в славянской Библии как «се азъ» или «что естъ»).

Оклик Авраама («Аврааме, Аврааме!») и соответствующий ответ («Се азъ...») встречается в нашем тексте периодически, формируя тем самым композицию повествования, его внутреннее членение на эпизоды.

²¹ Выражение *'el 'elohim* встречается также в книге Иисуса Навина, повторяясь при этом дважды: *'el 'elohim yahveh 'el 'elohim yahveh* (Нав. XXII, 22). Перевод Септуагинты (Ο θεὸς θεῶν κύριος καὶ ὁ θεὸς θεῶν κύριος) и Вульгаты (Fortissimus Deus Dominus, Fortissimus Deus Dominus) показывает, что это выражение трактуется здесь как аппозитивная, а не атрибутивная конструкция. Однако в английском переводе Библии (King James Version) и в русском Синодальном переводе мы находим атрибутивную конструкцию: «The Lord God of Gods, the Lord God of Gods»; «Бог богов Господь, Бог богов Господь».

Выражение *'el 'elohim* в качестве отдельной синтагмы означает ‘Бог богов’. Вместе с тем слова, составляющие это выражение, могут быть интонационно разделены и принадлежать двум разным синтагмам (после слова *'el* при этом предполагается пауза). В этом случае имеем усиливающее повторение синонимичных слов (слово *'elohim* представляет собой форму мн. числа от *'eloah* ‘бог’, но может употребляться в значении ‘бог’, а не ‘боги’).

²² Далее в Сильвестровском списке следует: «иже первѣе створихъ свѣта вѣка». В других списках: «иж[е] прежде створихъ первѣе [или: первые] свѣта вѣка» (Волок., с. 60; Барс., л. 6 об.;

взлюбил изискати мене и та любѣника моего нарѣкохъ» (Сильв., с. 38 <9:3, 4, 7>). Господь предлагает Аврааму принести Ему «жертву чисту» в виде трехгодовой телки, трехгодовой козы, трехгодовалого овна, а также голубя и горлицы: «шедь поими ми оуницу тризу, и козу тризу и овень тризь, и горлицу и голубь, и положи мне жертву чисту» (Сильв., с. 38 <9:5>)²³. Такую именно жертву Господь предлагает Аврааму принести и согласно книге Бытия (Быт. XV, 9—11), однако контекст там иной (речь идет там о продлении рода, о даровании Аврааму потомства)²⁴.

Заметим, что в греческой Библии (Септуагинте) слова *Εὔω εἶς* выступают как самоопределение Бога (Втор. XXXII, 39; Ис. XLI, 4, XLIII, 10, 25, XLV, 18, 19, XLVI, 4, XLVIII, 12, LI, 12, LII, 6; ср.: Исх. III, 14)²⁵. Слова «Азь есмь» в «Откровении Авраама» — в речи Бога — буквально соответствуют греческому тексту Библии, отличаясь при этом от еврейского (соответствующая фраза в еврейской Библии: *'ani hu* 'я [есть] он' или *'ani yahveh* «я [есть] Яхве»). Ср. уже цитированное выше место: «Бога бо[гомъ] и творца ты ищещи въ оумѣ с[е]рдца своего. Азь есмь» (Сильв., с. 37 <8:3>).

Фраза «Азь есмь о тебѣ щита» восходит непосредственно к книге Бытия (Быт. XV, 1; ср.: Втор. XXXIII, 29) и представляет собой перевод слов, с которыми Бог обращается к Аврааму. В масоретском тексте еврейской Библии стоит *יָמַג* *magen* 'щит' (существ. муж. рода). В греческой Библии (Септуагинте) здесь личная глагольная форма (*ὕπερασπίζω σου* 'защищаю тебя'); такая же форма, соответственно, и в славянской Библии²⁶. Между тем «щита»

Синод., л. 80; Погод., л. 62 об.; Акад., л. 25; 1-й Мазур., л. 124; Румянц., л. 101 об.); в Тихонравовском: «иж[е] преж[е] первѣ створих свѣта вѣка» (72 об.) и т. п. А. Кулик трактует «свѣта» как форму дв. числа и переводит: «who initially created the two luminaries of the world» [Kulik 2005: 16]. Между тем в Саровском списке читаем: «иж[е] прежде створих н[е]бо и землю и потомъ свѣтило первѣа свѣта и вѣка» (Саров., л. 172; Вязем., л. 137); ср. в Соловецком: «...свѣтило первое свѣта и вѣка» (Солов., с. 117).

²³ «Тризь» (женск. «триза») — 'трехгодовалый (о животном)', ср. полную форму прилагательного: «тризыи, тризая». Это слово представлено и в списках славянской Библии, а именно, в книге Бытия (Быт. XV, 9), которая цитируется в «Откровении Авраама» (см. сводное изд. списков книги Бытия [Михайлов 1900—1908: 98]; см. также [Срезневский, III: стлб. 997]). Однако, в печатных Библиях — Острожской, Московской, Елизаветинской — в этом месте стоит не «тризь», а «трилѣт(ь) нии». М. Фасмер утверждает, что слово «тризь» принадлежит лишь русскому церковнославянскому языку [Фасмер, IV: 102]. Это недоразумение: оно встречается и в южнославянских списках Библии, см., например: РГБ, ф. 87 / Григор. № 1, л. 11 (рукопись XV в.); РГБ, ф. 270. II / Севастьян. № 1 (Муз. 1431), л. 17 (рукопись XV в.); РГБ, ф. 256 / Румянц. № 29, л. 10 (рукопись 1537 г.); ср. также цитату из Быт. XV, 9 в Изборнике 1073 г. [Срезневский, III: стлб. 997].

К этому слову возводят слово «тризна», имеющее, по-видимому, праславянский характер; см. [Фасмер, IV: 102; дополнение О. Н. Трубачева].

²⁴ О потомстве Авраама речь заходит в нашем тексте существенно позже, когда Авраам возносится на небо и Бог предлагает ему пересчитать звезды (Волок., с. 68; ср.: Сильв., с. 45 <20:3>). Этот пассаж восходит к той же главе книги Бытия (Быт. XV, 5), но контекст, опять-таки, здесь несколько иной: насколько можно понять, акцент делается не на наличии у Авраама наследников, а о количестве племен, родоначальником которых он явится, и об избранности еврейского народа (о разных возможностях интерпретации этого отрывка см. [Kulik 2005: 75, § 2.3.3.7]; ср. также Книгу Юбилеев, XV, 6 [Charles, Rabin 1984: 54]. И в дальнейшем Бог называет наследников Авраама «своими людьми», помещая их на правую сторону (в открывающейся перед Авраамом сцене) и отделяя их от тех, кто находится на левой стороне с Азизилом (Сильв., с. 46—47; Волок., с. 70—71 <22:4—5>). Текст, к сожалению, здесь не всегда ясен.

²⁵ Так же называет себя и Христос в греческом тексте Евангелия (Мф. XIV, 27; Мк. VI, 50, XIII, 6, XIV, 62; Лк. XXI, 8, XXII, 70—71; Ин. VI, 20, VIII, 24, 28, 58, XIII, 19, XVIII, 5, 6). См. в этой связи [Fossum 1985: 127—129; 1995: 124—128; Wetter 1915; Zickendraht 1922; Manson 1947; Zimmermann 1960a; 1960b; Williams 2000; Floss 1991; Успенский 2012б: 17—18; Uspenskij 2013: 15].

²⁶ «Азь защищу [или: защищаю] тѣ». См. сводное издание списков книги Бытия [Михайлов 1900—1908: 96]. Ср. в древнейшем списке Пятикнижия (РГБ, ф. 304. I / Тр.-Серг., фонд. № 1, л. 13: «Бысть слово Г[о]с[под]не ко Авраму во сне: Не оубоиса, Авраме, азь защищу тѣ». Такие же формы

в «Откровении Авраама» представляет собой причастную форму от глагола «щитити»²⁷: следует иметь в виду, что евр. *magen* ‘щит’ представляет собой субстантивированное причастие (‘защищающий’, от *gnn* ‘защищать’); «Откровение Авраама» в данном случае буквально следует еврейскому тексту, не испытывая влияния Септуагинты (см. [Rubinkiewicz 1987: 123, примеч. к <9:4>; Lunt 1985: 58, примеч. 6; Kulik 2005: 65—66, § 2.2.3]; ср. [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 693, примеч. b]).

Бог заявляет о себе как о «превечном» и «крепком»; при этом прилагательное «превѣчныи» чередуется с предложной конструкцией «преже вѣка», и это показывает, что «превѣчныи» означает ‘предвечный’. Эти два определения — «Превѣчныи, Крѣпкии» (иногда только одно из них) — становятся затем в тексте основными наименованиями Бога, выходя как имена собственные. Именно этими наименованиями начинается затем хвалебная песнь Авраама, обращенная к Богу и представляющая собой в основном набор относящихся к Нему словословий «Превѣчне крѣпче с[ва]те...» (Сильв., с. 43 <17:8>); мы остановимся на ней ниже (в § 7). И в дальнейшем, обращаясь к Богу, Авраам называет Его: «Превѣчне Крѣпче (Крѣпче)» (Сильв., с. 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 <20:6; 22:1; 23:12, 14; 26:1; 27:6, 9; 29:7>), «Крѣпче Превѣчне» (Сильв., с. 47 <23:9>), «Владыко Крѣпкыи и Превѣчныи» (Сильв., с. 46 <22:3>), «Превѣчне» (Сильв., с. 49, 50, 51, 53 <26:4; 27:4; 29:1; 30:1>), «Крѣпче свашаеме силою своєю» (Сильв., с. 50 <28:1>).

Вместе с тем Бог именуется — как в первом, так и в третьем лице — «Преже вѣка (и) Крѣпокъ» (или «Преже вѣкъ (и) Крѣпокъ»). Ср.: «Се азъ есмь, не боиса, яко азъ есмь Преже вѣка и Крѣпокъ Б[ог]ъ» (Сильв., с. 38 <9:3>); «зана дал емѣ [Азазилу] естъ Преже вѣкъ и Крѣпокъ тагоу и волю» (Волок., с. 64; Солов., с. 121; Синод., л. 82 об.; Тихонр., л. 75; Кир.-Бел., л. 116 об. / 117 об. верх. фолиации; Румянц., л. 105; ср.: Акад., л. 28 об. <14:13>)²⁸; «И реч[е] къ мнѣ Прѣже вѣкъ Крѣпокъ Аврааме. И ркохъ се азъ» (Сильв., с. 45 <20:1>).

Ср. еще: «дасть та Превѣчныи Вл[а]д[ы]ка Крѣпкыи житель на земли» (Сильв., с. 41; Тихонр., л. 74 об.; Акад., л. 27 об.; Румянц., л. 104 <13:8>)²⁹; «Ико не посла [в др. списках: не послаби, не послабѣ] Б[ог]ъ Превѣчныи Крѣпокъ праведныхъ телесѣмъ в руцѣ твоєи [Азазила] быти» (Сильв., с. 41; ср.: Волок., с. 63; Солов., с. 120; Синод., л. 82; Тихонр., л. 74 об.; Кир.-Бел., л. 116 / 117 верх. фолиации <13:10>); «Възлюбивыи та Прѣвѣчень самого же не зриши...» (Сильв., с. 42 <16:3>); «Глас Крѣпкаго падеть съ н[е]б[е]сѣ. въ потоцѣ огньнѣ гл[агол]а зовыи Авраме Авраме...» (Сильв., с. 37 <8:1>); «...оукорати расточшаго по землі тайны н[е]б[е]сныа и на Крѣпкаго вѣщавша [в др. списках: свѣщавша, совѣщавша]»

в печатных библиях (Острожской, Московской и Елизаветинской). Ср., однако, причастную форму в южнославянском списке Библии 1537 г.: «Не боиса Аврааме. Азъ бо защищаа та» (РГБ, ф. 256 / Румянц. № 29, л. 10). В других южнославянских списках находим личную глагольную форму, см., например: «Не боисе Аврааме. Азъ бо защищаю те» (РГБ, ф. 270 / Севастьян., № 1 (Муз. 1431), л. 16 об.; рукопись XV в.); «Азъ защыщѣ та» (РГБ, ф. 304.1 / Тр.-Серг., фонд. № 45, л. 13; рукопись XV в.).

Равным образом во Второзаконии (Втор. XXXIII, 29) евр. *magen* ‘щит’ как в Септуагинте, так и в славянской Библии передается глагольной формой.

²⁷ Глагол «щитити» («щыгитмь мы») фигурирует в «Буковнице» Герасима Ворбозомского, 1592 г. (РГБ, ф. 173.1 / Моск. дух. акад. № 35, л. 150). См. об этом сочинении [Живов 1995]; относительно авторства см. [Успенский 2002: 302 (§ 10.5)].

²⁸ В Сильвестровском списке наименование Бога отсутствует в этом месте.

²⁹ Г. Лант видит здесь испорченный текст, полагая, что первоначально стояло «ти» вместо «та» и «житѣль» (место обитания, ср. *обитѣль*) вместо «житель» [Lunt 1985: 60]. Ср. [Kulik 2005: 69 (§ 2.3.2.2)].

В ряде списков вместо «житель» здесь читается «жителинь» (Волок., с. 63; Солов., с. 120; Саров., л. 176; Барс., л. 7 об.; Синод., л. 82; Кир.-Бел., л. 115 об. — 116 / 116 об. — 117 верх. фолиации; Пряниш., л. 157 об.); в 1-м Мазуринском списке это последнее слово предстает как «жителень» (1-й Мазур., л. 127 об.). Слово «жителинь» — несомненный архаизм, зафиксированный в Супрасльской рукописи [Северьянов 1904: 247, строка 20]. Наличие этого слова в списках «Откровения Авраама» делает реконструкцию Ланта малоубедительной.

(Волок., с. 64; ср.: Солов., с. 120; Синод., л. 82; Кир.-Бел., л. 116—116 об. / 117—117 об. верх. фолиации; 2-й Мазур., л. 122 <14:4>³⁰).

Выражение «преже вѣка» / «преже вѣкъ» восходит, по-видимому, к Псалтири: в Септуагинте оно отражается как $\pi\rho\acute{o}$ $\alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma$ или $\pi\rho\acute{o}$ $\tau\acute{o}\nu$ $\alpha\iota\omega\nu\omega\nu$. Ср.: \acute{o} $\delta\acute{\epsilon}$ $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\upsilon\varsigma$ $\eta\mu\acute{o}\nu$ $\pi\rho\acute{o}$ $\alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma$ (Пс. LXXIII, 12 / LIV, 12), \acute{o} $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$... $\pi\rho\acute{o}$ $\tau\acute{o}\nu$ $\alpha\iota\omega\nu\omega\nu$ (Пс. LIV, 20 / LV, 19); или в старославянской Синайской псалтири: «Б[ог]ъ же цѣсарь нашъ прѣжде вѣка», «Б[ог]ъ ... сы прѣжде вѣкъ» [Северьянов 1922: 93, 68]³¹. В еврейской Библии на этом месте стоит מִקְדֶּדֶם *miqqedem* (Пс. LXXIII, 12 / LIV, 12), קֶדֶם *qedem* (Пс. LIV, 20 / LV, 19)³². Слово *qedem* может выступать в Псалтири (Пс. CXVIII, 152 / CXIX, 152) и в более общем значении «сначала, первоначально», ср. в Синайской псалтири: «Испрѣва [евр. *qedem*, греч. *kat' árχús*] познахъ ото съвѣднѣе твоихъ. Ъко въ вѣкъ [евр. *le 'olam*, греч. *eis tón aióna*] осьноваль ъ еси» [Северьянов 1922: 165]. Фраза *'elohe qedem* «вечный, изначальный, древний Бог» (Втор. XXXIII, 27) в Септуагинте переведена как $\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ $\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$. Более точным соответствием выражению «преже вѣка» / «преже вѣкъ» является *miqqedem*³³.

Если выражение «Преже вѣка» / «Преже вѣкъ» по отношению к Богу восходит, по-видимому, к Псалтири, то определение «Крѣпкыи / Крѣпокъ», по всей вероятности, передает евр. *šadday* «крепкий, сильный, всемогущий», ср. (*'el*) *šadday* как обычное наименование Бога в Пятикнижии (Быт. XVII, 1; XXVIII, 3; XXXV, 11; XLIII, 14; XLVIII, 3; XLIX, 25; Исх. VI, 3; Чис. XXIV, 4, 16). Слово *šadday* по преимуществу представляет собой определение Бога в сочетании *'el šadday*, но может выступать и как самостоятельное наименование (так в Быт. XLIX, 25; Чис. XXIV, 4, 16)³⁴.

В книге Исход Бог говорит Моисею, что он явился Аврааму, Исааку и Иакову как *'el šadday* «Бог крепкий, всемогущий» — и лишь Моисею он открывает свое прямое имя YHWH (*yahveh*) (Исх. VI, 2—3). Вполне естественно в этой связи, что Бог именуется в «Откровении

³⁰ Речь идет об Азазиле (Азазеле), ангеле зла. В Сильвестровском списке это место сокращено.

³¹ Этот стих цитируется в Типографском уставе XI—XII в. [Тип. устав: л. 111, строка 15].

³² Слова «прѣжде вѣка» — $\pi\rho\acute{o}$ $\tau\acute{o}\upsilon$ $\alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma$ — читаются также в книге Притч Соломоновых (VIII, 23) и в книге Иисуса, сына Сираха (XXIV, 9; XLII, 21). В еврейском тексте книги Притч стоит при этом מֵעוֹלָם *me'olam*; вместе с тем в сходном контексте — в параллельной конструкции — в этом же стихе мы встречаем и *miqqedem*. Заимствование из Псалтири, а не из книги Притч кажется более вероятным; что касается книги Иисуса, сына Сираха, то она, как известно, является второканонической.

Выражения «прѣжде вѣкъ» и «прѣвѣчныи» «предвечный» нередко встречаются в христианских текстах, ср. в Символе веры: «рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ» ($\gamma\epsilon\nu\nu\eta\theta\acute{\epsilon}\nu\tau\alpha$ $\pi\rho\acute{o}$ $\lambda\acute{\alpha}\nu\tau\omega\nu$ $\tau\acute{o}\nu$ $\alpha\iota\omega\nu\omega\nu$). Эти выражения часто встречаются в гимнографии, например: «Д[ѣ]ва ч[и]ста приемлетъ бе[с]сѣмене изъ о[т]ца прѣжде вѣкъ рожьшася без матеря» в Ильиной книге XI—XII в. (стихира перед Рождеством Христовым — Ил. кн., л. 81, строка 3—4; ср. другие примеры здесь по указателю, с. 703); в Типографском уставе XI—XII в.: «роди ся отроча младо превѣчныи Богъ» (кондак на Рождество Христово [Тип. Устав: л. 46, строка 17—18]; ср. другие примеры здесь по указателю, с. 401). Отметим также: «Вѣроуи... въ Тр[ои]ццо... прѣвѣчноу и бесконьчноу прѣбываюштво въ вѣкъ» [Изб. 1076 г.: л. 29—29 об.]; «Съвѣгъ прѣвѣчныи прѣвѣчнаго Б[ог]а нашего...» (Мин. 1097 г., л. 121, см. [Ягич 1886: 422]). Слово «прѣвѣчныи» в христианской литературе может восходить к греч. $\pi\rho\alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma$; в Септуагинте слова $\pi\rho\alpha\iota\omega\nu\omicron\varsigma$ нет (см. [Hatch, Redpath 1897]), но оно встречается в патристической литературе (см. [Rubinkiewicz 1987: 123, примеч. к <9:3>]). Ср. «предвечный» в русской литературной речи: «Один предвечный Бог, папаша, — сказал Берг, — может решить судьбы отечества» (Л. Н. Толстой. «Война и мир», т. III, ч. 3, гл. 16).

³³ А. Кулик полагает, что определение «прѣвѣчныи» передает евр. עַד עוֹלָם (*ad'olam*), но у этого выражения, насколько нам известно, нет значения «предвечный» [Kulik 2005: 44—45, § 1.3.4]. Соответственно, он, как и другие переводчики нашего текста на английский язык, переводит наименования «Превѣчный» или «Преже вѣка» как «eternal»; это не совсем точно.

³⁴ Исследователи почти не занимались еврейским (или вообще семитским) соответствием эпитета «крѣпкий». Исключение составляет замечание Дж. Бокса [Box 1918: 43, примеч. 6, 54, примеч. 4] о том, что этот эпитет отвечает греч. \acute{o} $\iota\sigma\chi\rho\rho\acute{o}\varsigma$ и евр. *hā'el* (ср. такое соответствие: Неем. I, 5).

Авраама» таким образом. В частности, выражение «крѣпокъ Б[ог]ъ» (Сильв., с. 38 <9:3>) может рассматриваться именно как перевод *'el šadday* (с инверсией слов, возникшей при переводах).

Обращение к Септуагинте не дает сколько-нибудь веских аргументов в этом отношении, поскольку фраза (*'el*) *šadday* переводится здесь непоследовательно, а иногда и вовсе не переводится, отклоняясь при этом от еврейского текста. Так, слово *šadday* вообще не переведено в Пятикнижии; вместо него здесь появляются местоимения *μου* ‘меня, мой’, *σου* ‘тебя, твой’ (которых нет в еврейском тексте). В книге Бытия эти местоимения могут добавляться к слову *θεός*, где *θεός* является переводом слова *'el* ‘бог’. Соответственно, *'el šadday* передается здесь как *ὁ Θεός μου* ‘бог мой’ (Быт. XXVIII, 3; XLIII, 14; XLVIII, 3) или *ὁ Θεός σου* ‘бог твой’ (Быт. XVII, 1; XXXV, 11). Сходным образом при отсутствии *'el* — в качестве обособленного наименования — *šadday* передается здесь как *ὁ Θεός ὁ ἐμός* ‘бог мой’ (Быт. XLIX, 25). Между тем в книге Исход *'el šadday* передается как *θεός* ‘бог’ (Исх. VI, 3); так же передается *šadday* (без *'el*) в книге Чисел (Чис. XXIV, 4, 16) (см. [Успенский 2014: 39—40]; ср. [Wevers 1996: 105]). В Пс. LXVII, 15 / LVIII, 14 *šadday* (без *'el*) опущено, т. е. никак не отражается в тексте; в Пс. XC, 1 / XCI, 1 это слово передается как *τοῦ θεοῦ τοῦ οὐρανοῦ* ‘бог небесный’. В других библейских книгах *šadday* передается в Септуагинте такими словами, как *θεός* (Ис. XIII, 6), *κύριος* (Иов, VI, 4, 14; XIII, 3; XXI, 20; XXII, 3, 23, 26; XXIV, 1; XXXI, 35) и *παντοκράτωρ* (Иов, V, 17; VIII, 5; XI, 7; XV, 25; XXII, 17, 25; XXIII, 16; XXVII, 2, 11, 13; XXXII, 8; XXXIII, 4; XXXIV, 10; XXXV, 13; XXXVII, 23), т. е. общими наименованиями Бога (см. [Hatch, Redpath 1897])³⁵. В некоторых случаях это слово переведено как *ἰκανός* (Руфь, I, 20, 21; Иов, XXI, 15; XXXI, 2, XL, 2; Иез. I, 24, вар. чтения), что восходит к переводу Оригена, см. [Успенский 2014: 40—41]. Наконец, в книге Иезекииля *šadday* может не переводиться, а воспроизводиться в греческой транскрипции: *σαδδαι* (Иез. I, 24, вар. чтения; X, 5)³⁶; соответственно, *'el šadday* передается здесь как *θεός σαδδαι* (Иез. X, 5); в некоторых рукописях к слову *σαδδαι* добавляется *ἰκανός* (ср.: *σαδαι ἰκανου, θεοῦ σαδδαι ἰκανου* [Ziegler 1977: 95, 125])³⁷.

Итак, наименования Бога в «Откровении Авраама» — «Превѣчный (Преже вѣка)» и «Крѣпкий» — восходят, по-видимому, к еврейским *miqqedem* и *šadday*.

4. И еще раз Авраам слышит глас Божий, но на этот раз Господь обращается не к нему, Аврааму, а к кому-то иному. Авраам слышит, что происходит на небе, при том что происходящее недоступно его взору. Он слышит разговор, звучащий на небесах, подобно тому как мы можем услышать происходящее за кулисами. Вот что он слышит: «Слышахъ глас гл[аголю]ще: Иди Наоиль тѣже посредѣства неизрекомаго имени моего с[ва]ти ми мужа оного и оукрѣпи ѿт трепета юго» (Сильв., с. 38 <10:3>).

Перед Авраамом является ангел в человеческом обличе («в подобьи мужьстѣ») посланный Аврааму Богом. Он представляется Аврааму, называя свое имя: «Азь ѣсмь Илоиль...» (Сильв., с. 39 <10:8>); см. подробнее ниже (§ 5).

³⁵ Слово *šadday* передается как *παντοκράτωρ* только в книге Иова (при этом *'el šadday* переводится как *κύριος παντοκράτωρ*, ср.: Иов, VIII, 3, XV, 25). В других книгах *παντοκράτωρ*, как правило, соответствует еврейскому *tseba'ot*, т. е. наименованию «Саваоф» (ср., однако, другие соответствия этого слова: Зах. IX, 14, XI, 4, XII, 4).

³⁶ Эта транскрипция отразилась в ранних южнославянских рукописях, где находим формы «садаи», «садьдаи» и т. п. (см. ниже, примеч. 73). Вместе с тем формы «шаддаи», «шеддаи» встречающиеся в русских списках Библии (см. о них ниже, § 7), — не греческого, а еврейского происхождения, см. [Успенский 2012а: 106].

³⁷ Ср. объяснение слова *šadday* у Феодорита Кирского в толковании на книгу Иезекииля (по болгарскому списку Библии 1350—1370 гг., РНБ, F.I.461, л. 269): «...садаи бо са жидовскы реч[е]ть постижень», «садаи же есть постижень. постижень сыи Б[ог]ъ и въсесилень Б[ог]ъ. въсе творить оудобѣ елико хщет» [Тасева, Йовчева 2003: 163, 103]. Слово «постижныи» ‘достигающий, способный’ выступает вообще как перевод греч. *ἰκανός* [Срезневский, II: стлб. 1263].

Несомненно, речь идет об одном и том же имени, которое как в первом, так и во втором случае дается в искаженной форме: переписчик этого или, вернее всего, какого-то предшествующего списка спутал близкие по начертанию буквы: в одном случае буквы *И* («и восьмеричное») и *Н* («наш»), в другом — *Л* («люди») и *А* («аз»). В целом это имя восстанавливается как *Иаоиль*, и именно в такой форме («*иаоиль*») оно встретится нам в дальнейшем (Сильв., с. 43 <17:3>) — в славословии Богу, о котором мы будем говорить специально (в § 7)³⁸.

В других списках это имя предстает как *Наоиль* / *Илоиль* / *Иоиль* (Музейск.)³⁹, *Наоиль* / *Илаиль* / *Иаоил* (Увар.)⁴⁰, *Аоиль* / *Иаоль* / *Иаоль* (Румянц.), *Яол* / *Иаоль* / *Иаоиле* (зват.) (Солов.), *Иоаль* / *Иоаль* / *Иаоиль* (Барс.), *Аоль* / *Иоаль* / *Иаоиль* (Синод.), *Оль* / *Иаоль* / *Иоиль* (Пряниш.), *Аль* / *Аоль* / *Иоаиль* (Волок.), *Аоль* / *Иаоль* / *Иаоиль* (Саров.), *Аоль* / *Иоаль* / *Иаоиль* (Погод.), *Аль* / *И^ооль*⁴¹ / *Иоаилѣ* (зват.) (Кир.-Бел.), *Аол* / *Иаоиль* / *Иаоиле* (зват.) (Вязем.), *Аль* / *Ифоль*⁴² / *Иаоиль* (1-й Мазур.), *Доль* / *Идоль* / *Иасиль* (Тихонр.)⁴³. В Академическом списке Бог именует своего посланника «ангелом» («*Иди анг[е]ле...*»), но сам он представляется Аврааму как *Иоиль*, и так же — *Иоиль* — звучит это имя в славословии Богу; сходная картина во 2-м Мазуринском списке. См. *Приложения I—III* к настоящей работе.

Итак, имя Ангела восстанавливается как *Иаоил*, где окончание *-ил* передает греческое произношение (с итацизмом). По-еврейски оно должно было звучать יָאוֹ'ֵל *Yao'el* или, в более полной форме, יָהוֹ'ֵל *Yaho'el*. Такого рода именем в апокрифическом сказании об Адаме, дошедшем до нас в славянском переводе, называющийся ангел, служащий посредником между Богом и Адамом после изгнания его из рая, см. [Порфирьев 1877: 118, примеч. 1]; ср. изд. [Тихонравов, I: 11—12]; о еврейских, греческих и коптских текстах, где ангел фигурирует с подобным именем см. [Paterson 1926: 89; Alexander 1983: 244; Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 31 (примеч. 2, 3)]⁴⁴. Для дальнейшего изложения важно отметить, что имя *Yaho'el* / *Yeho'el* встречается в третьей (еврейской) книге Еноха как одно из имен ангела Метатрона (см. ниже, § 5).

Между именем Ангела и дальнейшим текстом («...посредѣства неизрекомаго имени моего») вычленяется слово «*тъже*». В большинстве списков это слово представлено в форме «*тезе*» (варианты: «*тесе*», «*тезѣ*») или «*тъзе*». В некоторых списках оно превратилось в «*зе*», в других — в «*тъже*», «*тоже*» или «*тож*» (см. *Приложение I*). Перед нами слово

³⁸ В некоторых списках «Откровения Авраама» имя Ангела фигурирует еще и в том месте, где Авраам приносит жертву Богу <13:1>. Так, в Соловецком списке читаем: «И сотворишь все по повелѣнію агг[е]лову. И дахъ агг[е]ломъ пришедшимъ к намъ протесанія животна, а птица взя агг[е]ль *Иаоиль*» (Солов., с. 120); в Саровском списке: «...и птицю взя агг[е]л *Иаоль*» (Саров., л. 175 об.); в списке Вяземского: «...а птѣци взя агг[е]ль *Иаоиль*» (Вязем., л. 140). В Синодальном списке во фразе «и птицю взя агг[е]ль» к слову «агг[е]ль» на полях приписано его имя: «*Иооль*» (Синод., л. 81 об.). В других известных нам списках имя Ангела в этом месте отсутствует.

³⁹ Ссылаясь на рукопись, здесь и далее мы указываем три формы имени, которые в ней фигурируют. Первая форма соответствует главе 10:3 «Откровения Авраама» (Бог обращается к Ангелу), вторая — главе 10:9 (Ангел представляется Аврааму), третья — главе 17:3 (славословие Богу). См. *Приложения I—III*.

⁴⁰ Музейский и Уваровский списки, как уже отмечалось, восходят к Сильвестровскому (см. выше, § 2), поэтому в них повторяются ошибки Сильвестровского списка.

⁴¹ Буква *а* в этой форме вставлена над строкой позднейшим редактором.

⁴² Буква *ф* необычного начертания с поперечной перекладной наверху.

⁴³ В Тихонравовском списке Ангел именуется «*Идолом*». Соответственно, выражение «*Иди Доль тезе*» может трактоваться как «*Ид[и] Идоль тезе*». См. *Приложения I и II*.

⁴⁴ Ср. у Иеронима Стридонского: «*Ioahel — vita dei sive exordium dei vel praestolans deum*» (Hieronimi liber interpretationis hebraicorum nominum), см. [Lagarde 1887: 34 (7, 25—26)]. В гностическом «Евангелии египтян» дева *Иуел* (*Yuel*) вместе с Саваофом и Иисусом образует троицу, см. [Böhlig, Wisse 1975: 47—48].

«тьзь / тьзе» — существительное, означающее ‘тезка’, ‘тезоименный’ (см. [Lunt 1985: 59—60], ср. [Срезневский, III: 1078; СлРЯ XI—XVII вв., XXIX: 262—266]), представленное здесь в звательном падеже. Формы этого слова варьируются в наших списках, но эта вариация легко объяснима. Исходной формой является «тьзе» (зват. падеж от «тьзь»); такая именно орфография и сохраняется в Барсовском, Соловецком, Саровском списках и в списке Вяземского. Слабый редуцированный *ь* в этой форме должен был исчезнуть, и в результате должна была образоваться форма «тзе»; консонантное сочетание «тз» подлежало упрощению, и таким образом «тзе» превращалось в «зе»; такую форму имеем в 1-м Мазуринском и Румянцевском списках. Отсюда же объясняется и форма «тъже» в Сильвестровском списке: это результат так называемого шоканья (шепелявения), характерного прежде всего для древнеславянских, но отчасти и для древненовгородских говоров (заметим, что Сильвестровский сборник новгородского происхождения); ср. также «тоже», «тож» в Уваровском и Музейском списках, которые являются копиями Сильвестровского (см. выше, § 2)⁴⁵. Наконец, в ряде списков (Волоколамском, Синодальном, Тихонравовском, Погодинском, Кирилло-Белозерском, 2-м Мазуринском и Прянишниковском) наблюдается форма «тезе / тесе / тьзъ» — вторичное образование звательного падежа от формы с прояснившимся сильным редуцированным (т. е. от формы «тезь», а не от формы «тьзь»).

Отсюда объясняется, конечно, и «ангел Альтез» в цитированном выше послании проропа Аввакума.

Итак, «Иди Наоиль тъже...» и тому подобные фразы означают: ‘Иди, Иаоил одноименник...’. Мы должны предположить, что Бог и Ангел носят одно и то же имя; точнее говоря, Иаоил — это одно из имен Бога. Это предположение подтверждается ниже в тексте, когда Ангел учит Авраама песни, славословящей Бога, и сам поет ее вместе с ним. Песнь эта, как мы увидим, в основном состоит из наименований Бога, и среди имен, которыми Он называется, упоминаются Саваоф и Иаоил (Сильв., с. 43 <17:13>; см. ниже, § 7). Имя Иаоил фигурирует в этом случае именно как имя Бога, а не как имя Ангела. Уместно отметить в этой связи, что имя *Yao 'el / Yaho 'el* представляет собой сочетание Божественных имен *Yahveh* и *'El*, т. е. Иаоил означает не что иное, как ‘Господь Бог’⁴⁶.

Оставшаяся часть интересующей нас фразы («...посредства неизрекомаго имени моего») трудна для понимания, что и отразилось в списках «Откровения Авраама»: переписчики, по-видимому, не всегда понимали текст, который они переписывали, и в некоторых случаях старались его исправить. Это испорченное место, как его определил Н. С. Тихонравов [Тихонравов, I: 38, примеч. 3], и обычно его переводят, исходя из общего смысла текста, не обращая внимания на грамматику.

Переводчики могут усматривать здесь слово «посредство», переводя всю фразу так, как если бы это слово стояло в творительном падеже. Так, например, в переводе Р. Рубинкевича, отредактированном Г. Лантом, читаем: «Go, Iaoel of the same name, through the mediation of my ineffable name, consecrate this man for me and strengthen him against his trembling» [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 693]⁴⁷. Это типичный перевод по смыслу, игнорирующий форму.

⁴⁵ О псковском и новгородском шоканье, т. е. шепелявом произношении [z'] перед гласным переднего ряда, см. [Зализняк 2004: 52 (§ 2.14); Успенский 2002: 204 (§ 8.2.8); Каринский 1909: 178; Зеленин 1954: 53]. Аномальным в слове «тъже» является наличие *ь* вместо *ь*: после падения слабого редуцированного *ь* или *ь* в данной позиции не имело фонетического значения, и писец легко мог заменить одну букву на другую.

⁴⁶ Форма «Иао» (греч. *Ιαω*), восходящая к тетраграмме *YHWH*, — составной компонент имени «Иаоил» — часто встречается в гностических текстах.

⁴⁷ Ср. аналогичные переводы: «Go, Jaobel, and by means of my ineffable Name raise me yonder man, and strengthen him (so that he recover) from his trembling» [Box 1918: 46]; «Va, Jaobel, toi qui portes Mon nom, par le moyen de Mon nom ineffable relève cet homme et fortifie-le en chassant son effroi!» [Philonenko-Sayar, Philonenko 1981: 59].

Действительно, в ряде списков мы находим сочетание «посредства», как правило с выносной буквой *ð* (Солов.; Саров.; Синод.; Акад.; Погод.; Кир.-Бел.; Вязем.; 2-й Мазур.), ср. также «посредства» (Барс.), «посредства» (1-й Мазур.), «посредства» (Пряниш.) (см. *Приложение I*). Если видеть здесь слово «посредство», необходимо признать, что оно стоит в родительном, а не в творительном падеже. Исходя из этого, А. Кулик в новейшем переводе «Откровения Авраама» трактует это слово как определение к слову «тъзь» («тез»): «тъзь посредства». По-церковнославянски ожидалось бы определение в дательном падеже, но при переводе с греческого мог сохраняться греческий синтаксис с определением в родительном [Kulik 2005: 55]. Соответственно, А. Кулик переводит нашу фразу следующим образом: «Go, Yahoel, the namesake of the mediation of my ineffable name, sanctify this man and strengthen him from his trembling!» [Ibid.: 17]. Таким образом, ангел Иаоил признается тезоименным посредничеству (действию) Божьего имени.

Предложенный перевод вызывает сомнения, в частности, текстологического характера. В других списках вместо формы «посредства» мы находим несколько отличную форму: «посредства» (Сильв.; Увар.), «посредства» (Музейск.), «посредства» (Волок.), «посредства» (Румянц.) и, наконец, «посредства» (Тихонр.) (см. *Приложение I*). Здесь явно вычленяется слово «посреди (посредь)». Это слово трудно вывести из формы «посредства», при том что обратная операция, напротив, трудности не представляет. Мы предлагаем читать соответствующий текст как «посреди (посредь) естества». Такое чтение находит подтверждение затем в словах Ангела, когда он представляется Аврааму, заявляя о себе: «сила посредь исьмь неизгль[агол]емаго слежаща имене въ мнѣ» (Сильв., с. 39 <10:8>) (см. ниже, § 5).

Тем самым перевод обращения Господа к Ангелу должен выглядеть так:

«Иди, Иаоил, одноименник посреди естества (природы, субстанции) неизрекомого имени моего, освяти мне оного мужа и укрепи его от трепета его»⁴⁸. Отметим выражение «неизрекомого имя»; оно отвечает запрету произносить имя Бога, сохраняющемуся в еврейской традиции⁴⁹.

Как уже упоминалось, имя *Yaho'el / Yeho'el* встречается в третьей (еврейской) книге Еноха как одно из имен ангела Метатрона; последний, как и Иаоил, также является небесным посланником и посредником (см. [Odeberg 1928, II: 4, 42, 172—179; Alexander 1983: 256, 304, 313—315]; 3 En. I, 4, 9; XVB, 5; XLVIII, 1). Ангел Метатрон упоминается еще в Вавилонском Талмуде (в трактате «Санхедрин» из четвертого раздела «Мишны» — «Низикин»); при этом о Метатроне здесь говорится — с отсылкой к книге Исход, — что его имя подобно имени Бога: «Это Метатрон, чье имя подобно имени его Господина, поскольку написано: “ибо имя Мое в нем” [Исх. XXIII, 21]» (Санх. 38b); между тем в третьей книге Еноха в аналогичном контексте — и с такой же мотивацией — Метатрон называется «малым *Yahveh*»: «Он [Господь] назвал меня “малым YHVH”; поскольку написано: “имя Мое в нем”» [Odeberg 1928, II: 32, ср. с. 169; Alexander 1983: 265, ср. с. 312]; 3 En. XII, 5, ср. XLVIII, 7⁵⁰; в другом месте той же книги читаем, что Метатрон называется

⁴⁸ Близким образом в свое время переводил эту фразу Г. Н. Бонвеч, но ему осталось непонятным слово «тъзь» / «тез», и соответственно, в его переводе ничего не говорится об одноименности. Ср.: «Gehe Iaoel inmitten der Natur (in Kraft, als Mitler?) meines unaussprechliches Namens und stelle mir auf jenen Mann und stärke ihn von seinem Zittern» [Bonwetsch 1897: 653]. Ср. перевод Р. Рубинкевича: «Va Iaoël! (Toi qui as été) appelé selon la nature de mon Nom ineffable! Consacre-moi cet homme et fortifie-(le) en l'arrachant à sa crainte!» [Rubinkiewicz 1987: 129].

⁴⁹ Это выражение фигурирует во всех списках, кроме Музейского, где читается «изрекомого имени» (см. *Приложение I*). Этот список, как мы знаем, представляет собой копию с Сильвестровского; таким образом представленным в нем разночтениям нельзя придавать значение.

⁵⁰ См. о «малом Иао» или «малом Саваофе» в гностических текстах [Odeberg 1928, I: 141, 188—192]. «Малый Иао» упоминается, в частности, в трактате «Пистис София» (кн. I, гл. 7), здесь же говорится и о «великом Иао» (кн. II, гл. 86, кн. IV, гл. 141); см. [Schmidt 1978: 12, 196, 366].

семьдесятью именами своего Создателя ([Odeberg 1928, II: 8; Alexander 1983: 258]; 3 En. IV, 1; ср. ниже, § 5)⁵¹. Таким образом, Метатрон, как и Иаоил, соименен Богу: сходство их представляется разительным⁵².

Нельзя не отметить, что Раши (1046—1105) в комментарии к книге Исход (Исх. XXIII, 21), основываясь на гематрии (операции с числовыми значениями букв), установил, что нумерологическое значение имени *metatron* равно значению слова *šadday* и выражается числом 314 ($314 = 50 + 6 + 200 + 9 + 9 + 40$; מטטרון; $314 = 10 + 4 + 300$; ידש). Это понималось в том смысле, что ангел Метатрон носит одно имя с Богом (ср. [Odeberg 1928, I: 141, II: 33, примеч. 5]; см. еще в этой связи [Архипов 2003: 17, 19]). То же самое, как мы знаем, утверждается и о Иаоиле; при этом эпитет «Крѣпкий» как наименование Бога в «Откровении Авраама» восходит, по-видимому, именно к слову *šadday* (см. выше, § 3). Комментарий Раши — относительно поздний источник; но если принять, что он отражает древнюю традицию, можно было бы предположить, что Метатрон — соименник Бога по гематрии, а Иаоил — по составу частей этого имени (см. выше о значении этого имени).

5. Обратимся теперь к тому, что говорит Ангел, явившись пред Авраамом (как Ангел представляется Аврааму). Этот текст мы отчасти уже цитировали, приведем его в полном виде.

Азь есмь Илоиль сы именованъ ѿт трасущаго сущаа съ мноу на седмѣи широтѣ на тверди, сила посредѣемъ неизгъл[агол]емаго слежаща имене въ мнѣ (Сильв., с. 39 <10:8>).

Определение «трясущий», несомненно, относится к Богу⁵³; слово «трясущий» семантически соотносится со словом «трепет», который упоминается по отношению к Аврааму (см. выше, § 4). Бог, говорит Ангел, сотрясает (потрясает, приводит в трепет) все, что находится с ним «на седмѣи широтѣ на тверди»⁵⁴; по-видимому, речь идет о херувимах и других небесных чинах (см. ниже, § 6).

Называя свое имя, Ангел заявляет, что он «именован от Трясущего». Эти слова обычно понимаются в том смысле, что так его назвал Бог; такое понимание оправдано с точки зрения греческого синтаксиса: это обычный синтаксический грецизм [Успенский 2002: 258, § 8.9.9]. При всем том здесь может быть и другой смысл: ведь ранее Ангел говорит о себе

⁵¹ Ср. слова Бога: «Seventy names did I take from [my] names and called him [Metatron] by them to enhance his glory» ([Odeberg 1928, II: 169]; ср. [Alexander 1983: 312]; 3 En. XLVIII, 9); слова Метатрона: «I have seventy names, corresponding to the seventy tongues of the world and all of them are based upon the name of Metatron [no др. стискам: upon the name of my King, the Holy One]» ([Odeberg 1928, II: 6—7]; ср. [Alexander 1983: 257]; 3 En. III, 1). См. также ниже, примеч. 58.

Семьдесят имен Бога или Метатрона определяется количеством народов на земле. О понятии эклиптического имени Бога см. ниже (§ 5).

⁵² О связи Иаои́ла и Метатрона см. вообще [Vox 1918: XXV, XXX—XXXI, 46 (примеч. 5); Odeberg 1928, I: 117; Шолем 2004: 105—107].

Иаоил, как мы увидим, выступает как руководитель небесного хора (см. ниже, § 6). Аналогичную функцию А. Орлов усматривает у Метатрона, но из текста, который он приводит («Shi'ur Qomah»), прямо этого не следует [Orlov 2005: 113—120], со ссылкой на [Cohen 1985: 162—164]; ср. цитату ниже, примеч. 58.

⁵³ Ср. образ Бога, трясу́щего вселенную, в слове Иоанна Златоуста о Давиде царе и о Павле апостоле и о покаянии по древнерусскому списку XII—XIII в.: «послоушаи самого пр[o]p[o]ка [Давида] гл[агол]юща. сънидеть [Господь] ѿко тоуча на роуно [Пс. LXXI, 6 / LXXII, 5], понеже бо пришьдь с[ы]нъ б[о]жии. не приде трасыи въселенюю. ни блициания поущаа ни шибения съла. нагъмь б[о]жъстъмь» (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., фонд. № 12, л. 186). На это место нам любезно указал А. А. Гиппиус.

⁵⁴ В некоторых списках вместо «на седмѣи широтѣ» читается «на среднеи (среднии) широтѣ» (так в Волоколамском, Кирилло-Белозерском и 2-м Мазуринском, см. *Приложение II*). По-видимому, это инновация, которая вызвана ассоциацией с выражением «посредѣ есмь», присутствовавшим в тексте на предыдущих стадиях (см. ниже).

как о «тезе» (одноименнике) Бога, и в этом смысле слова «именован от Трясущего» могут означать, что он, Ангел, назван по Его имени, т. е. носит Его имя⁵⁵.

Отметим, далее, что в преобладающем большинстве списков вместо «неизглаголемаго» (имени) читается «изглаголемаго»: так в Волоколамском, Соловецком, Синодальном, Барсовском, Академическом, Румянцевском, Саровском, Погодинском, Кирилло-Белозерском, 1-м Мазуринском, 2-м Мазуринском списках и в списке Вяземского; в Тихонравовском списке это место опущено. Форма «неизглаголемаго», помимо Сильвестровского списка, имеется лишь в Музейском, Уваровском и Прянишниковском списках⁵⁶; при этом Музейский и Уваровский списки, как уже упоминалось (см. выше, § 2), представляют собой копии Сильвестровского. См. *Приложение II*.

Переводчики «Откровения Авраама», как правило, исходят из формы «неизглаголемаго» и считают форму без отрицания («изглаголемаго») ошибочной; предполагается, что слово «неизглаголемый» больше подходит по смыслу; соответственно, они переводят это место как *ineffable name, nom ineffable* и т. п. Это, однако, вызывает сомнения: ведь до этого Бог, обращаясь к Ангелу, говорил о своем «неизрекомом имени» (<10:3>; см. выше, § 4), и кажется странным, что столь важное понятие передается разными способами. Вообще «неизглаголемый», как и «неизглаголаныи», — частое слово, привычный эпитет [ССЯ, I: 360; Срезневский, II: стлб. 386; СлРЯ XI—XVII вв., XI: 128; СДРЯ XI—XIV вв., V: 277—288]; напротив, «изглаголемый» — слово очень редкое. В этой ситуации более вероятно замена переписчиками слова «изглаголемый» на «неизглаголемый», т. е. замена непривычного эпитета на привычный, нежели утрата частицы «не».

Полагаем, что речь идет в данном случае о «изглаголемом», т. е. эксплицитном, выраженном имени Бога, ср. [Kulik 2005: 55—56, примеч. 14]. Это выражение восходит к евр. שם המפורש (*šem hameforaš*, букв. ‘ясно выраженное, выставленное, изъясненное имя’, ср.: *ausdrückliche Name, explicit name, nomen expositum*), которое встречается в третьей (еврейской) книге Еноха и в «Книге Сияния» (*Sefer habahir*); см. об этом слове [Scholem 1983: 62; Stroumsa 2003: 231—232; Архипов 2003: 6—11]. Имеется в виду имя Бога, сообщенное Моисею на Синайской горе (которое, как предполагается, заключено в тетраграмме YHVN), — то имя, которое, согласно преданию, провозглашал первосвященник в иерусалимском храме в День Очищения (Иом Киппур)⁵⁷. В третьей книге Еноха говорится о семидесяти эксплицитных (выраженных) именах Бога и, вместе с тем, о семидесяти именах Метатрона, которые являются отражением эксплицитного имени Бога⁵⁸; при этом

⁵⁵ Ср. в слове Григория Богослова о св. Василии Великом по древнерусскому списку XIV в.: «аз же и великий Василии. супруга именуема w^r всѣх w^r Ареста же и Пелада» (ГИМ, Син. № 954, л. 152). Предлог «от» употреблен здесь дважды — в двух разных значениях: первый раз в значении ‘названы кем’, второй раз — в значении ‘названы по имени кого’.

⁵⁶ Рубинкевич называет еще и Академический список, но это ошибка. См. [Rubinkiewicz 1987: 128, 131, примеч. к <10:8>].

⁵⁷ Вообще же это имя нельзя было произносить, и таким образом по существу выражение *šem hameforaš* относится к неизрекому имени Бога. Ср.: «The variant of S [Сильвестровского списка] *неизглаголемаго* ‘ineffable’ (and not *изглаголемаго* ‘said,’ ‘uttered’ of other mss) seems to be more plausible in this context. Nevertheless the reading of most mss may go back to Heb שם המפורש ‘Explicit (lit. ‘expressed clearly’) Name’ denoting actually the same *nomen ineffable* (Tetragrammaton) in its explicit form» [Kulik 2005: 55—56, примеч. 14].

⁵⁸ См. выше, примеч. 51. Ср. здесь об именах Бога: «The Holy One, blessed be He has seventy names, that are explicit [*ор. перевод*: which may be expressed], and the rest that are not explicit are innumerable and unsearchable» ([Odeberg 1928, II: 160]; ср. [Alexander 1983: 310]; 3 En. XLVIII, 1); об именах Метатрона: «These 70 names (are) a reflection of the Explicit Name... which the Holy One, blessed be He, took from his Explicit Name and put upon the name of Metatron» ([Odeberg 1928, II: 176]; ср. [Alexander 1983: 314]; 3 En. XLVIII, 5; см. также [Odeberg 1928, II: 172; Alexander 1983: 313]; 3 En. XLVIII, 1). Ср.: «When the ministering angels utter the “Holy” then all the explicit names that are graven with a flaming style on the Throne of Glory fly off like angels, with sixteen wings. And they surround and compass the Holy One, blessed be He, on the four sides of the place of His Shekina [места Его Славы]» ([Odeberg

на первом месте в списке этих имен Метатрона значатся имена *Yeho'el Yah* или *Yaho'el Yah* (см. [Odeberg 1928, II: 172; Alexander 1983: 313]; 3 En. XLVIII, 1).

По остроумному предположению А. А. Архипова, славянское «изъглаголемый» может восходить к греч. ὄνομα ἐκλεκτόν, которое, в свою очередь является переводом евр. *šem hameforaš*. Греч. ἐκλεκτόν означает ‘избранное, особенное’, но славянский переводчик мог читать это слово как ἐκ-λεκτόν ‘из-глаголемое’ (А. А. Архипов, устное сообщение)⁵⁹.

Необходимо остановиться, наконец, на слове или выражении, стоящем между словами «сила» и «(не)изглаголемаго». В Академическом списке здесь значится «посре^а есмь» (Акад., л. 26). Между тем в пяти списках читается форма «посредиемь» (Румянц., л. 102 об.; Пряниш., л. 155) или же «посредіемь» (Солов., с. 118), «посредіе^м» (Волок., с. 61), «посредіе^м» (Вязем., л. 138—138 об.). Ср. также: «посредѣмь» (Сильв., с. 39), «посрѣдѣмь» (Погод., л. 63), «посрѣдѣ^м» (Музейск., л. 449), «посредѣмь» (Увар., л. 302 об.) «посре^лемь» (Синод., л. 80 об.; Тихонр., л. 73 об.), «посре^лемь» (Кир.-Бел., л. 114 (115 верх. фолиации)), «посрѣ^лемь» (Саров., л. 173 об.), «посредѣмь/посредѣмь» (1-й Мазур., л. 125 об.; Барс., л. 7); см. **Приложение II**. Исходя из формы «посредиемь», Рубинкевич и Лант перевели «сила посредиемь неизглаголемаго слежаща имене во мнѣ» как «a power through the medium of his ineffable name in me» [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 694]; форма «слежаща» при этом осталась без перевода. Фраза «посредиемь неизглаголемаго имене» в словах Ангела, обращенных к Аврааму <10:8>, перекликается при этом с фразой «*посредством неизрекомаго имени», которую Рубинкевич и Лант усматривают в словах Бога, обращенных к Ангелу (<10:3>; см. выше, § 4). Однако форма «посредством», как мы видели, отсутствует в тексте; вместе с тем, превращение словосочетания «посрѣдѣ есмь» в «посрѣдѣмь», «посредѣмь» или «посрѣ^лемь» проще объяснить, чем превращение обратного порядка. Заметим к тому же, что форма «посредіе» в значении ‘посредничество, посредство’ зафиксировано лишь в поздних текстах (XVII в.) и только в актовом языке [СлРЯ XI—XVII вв., XVII: 220; СЦРЯ, III: стлб. 828].

Полагаем, таким образом, что интересующее нас сочетание должно читаться «посрѣдѣ есмь» (ср. [Kulik 2005: 18, 55, примеч. 14]); исходное сочетание и сохранилось в Академическом списке. Будучи написана над строкой, буква *c* в слове «есмь» могла смешиваться с диакритикой и в этом случае легко терялась, ср. отсюда формы типа «посредѣмь» в Сильвостровском списке и т. п.

1928, II: 123—124]; ср. [Alexander 1983: 290—291]; 3 En. XXXIX, 1); или описание ангела Керубиеля: «there is a crown upon his head on which (crown) the Explicit Name is graven» ([Odeberg 1928, II: 73]; ср. [Alexander 1983: 277—278]; 3 En. XXII, 5).

В трактате «Shi'ur Qomah», о котором упоминалось выше (см. примеч. 3, 52), описывается, как Метатрон, в ознаменование Славы Божией, провозглашает «the explicit name... in seven voices, in seventy voices» ([Cohen 1985: 162—164]; ср. [Sh'ur Qoma 2001]).

⁵⁹ Слово *meforaš* (страд. причастие от *farš* ‘отделять > объяснять’) не библейское, и таким образом выражение *šem hameforaš* представляет собой относительно поздний, таннайский термин. По мнению А. А. Архипова, это выражение является переводом греч. ὄνομα ἐρμηνεῖκόν ‘тайное имя’; при этом слово ἐρμηνεῖκόν было соотносено с ἐρμηνεύω ‘объяснять, толковать’, т. е. его псевдо-этимологический перевод — ‘имя истолкованное, подвергнутое герменевтике’. Иначе говоря, первичным было значение ‘герметическое имя’, а вторичным — его еврейский перевод и дальнейшее использование в специальной герметической литературе и практике.

Таким образом, согласно Архипову, выстраивается цепочка:

- 1) ὄνομα ἐρμηνεῖκόν ‘тайное имя’, термин греческой герметической литературы,
- 2) *šem hameforaš*, его (ошибочный) перевод в еврейской герметической и апокалиптической литературе,
- 3) ὄνομα ἐκλεκτόν, описательный перевод предыдущего (исходное греческое слово в еврейском переводе становится при этом неузнаваемым),
- 4) «изглаголемое имя» — поморфемный перевод предыдущего.

Наш перевод:

Я — Иаоил, названный по имени Того, Кто потрясает все, находящееся со мною на седьмой широте на небесном своде. Я — сила посреди (внутри) выговариваемого имени, солежащего (прилежащего, пребывающего совместно) во мне⁶⁰.

Конец этой фразы перекликается со словами Бога из книги Исход: «Ибо имя Мое в нем» (Исх. XXIII, 21). Слово «сила» может восходить к семитскому 'el, которое может означать как 'бог', так и 'сила', ср. [Vox 1918: 59, примеч. 4; Cross 1973: 279]⁶¹. О выражении «седьмая широта» мы скажем отдельно.

Как кажется, обе характеристики Ангела Иаоила — определение, которое ему дает Бог (Сильв., с. 38 <10:3>; см. выше, § 4), и его собственное самоопределение (Сильв., с. 38 <10:8>) — перекликаются одна с другой. Мы могли бы определить этого Божьего вестника как Ангела Имени. Рассматриваемый пассаж «Откровения Авраама» соответствует книге Исход: «Вот, я посылаю пред тобою Ангела (Моего) хранить тебя на пути и ввести тебя в то место, которое Я приготовил (тебе). Блуди себя пред лицом его и слушай гласа его... Ибо имя Мое в нем» (Исх. XXIII, 21). Как мы видели, это место книги Исход отвечает и характеристике ангела Метатрона, другого соименника Бога (см. выше, § 4).

Необходимо остановиться на космологических координатах, о которых сообщает Ангел: по его словам, он пребывает «на седмѣи широтѣ на тверди». Слово «твердь» означает «небо, небесный свод», ср. в Библии (Быт. I, 8) «и нарекъ [Богъ] твердь н[е]бо» (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., фонд. № 1, л. 1; см. также [Срезневский, III: стлб. 942]). «Широта» и «твердь» выступают здесь, по-видимому, как синонимы [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 694, примеч. с; Rubinkiewicz 1987: 131, примеч. к <10:9>]. Под «седьмой широтой» имеется в виду седьмое небо, ср. «широта небесная» как обозначение небесного свода [Срезневский, III: стлб. 1595]. Во второй книге Еноха, апокрифе, сочиненном приблизительно в то же время, что «Откровение Авраама» и сохранившемся в славянском переводе, седьмое небо — место престола Бога, окруженного воинством херувимов и серафимов (гл. IX, см. [Соколов 1899—1910: 19]; о семи небесах речь идет также в третьей (еврейской) книге Еноха (гл. XVII, XVIII, см. [Odeberg 1928, II: 45, 52—53; Alexander 1983: 269, 271])⁶² и в апокрифическом Вознесении Исаии (VI, 13, VII, 27, см. [Charles, Barton 1984: 796, 799]); см. также [Шолем 2004: 91].

Устройство небесных сфер описывается в «Откровении Авраама» и позднее, после вознесения Авраама (Сильв., с. 44—45 <19:3—19:9; 21:1, 2>). Слово «широта» более не употребляется, но в сходном значении выступают слова «простертие» и «протяжение». Термины «твердь» <10:8; 19:6>, «твердость / твердевание» <19:4,7>, «широта» <10:8>,

⁶⁰ Приведем другие переводы:

«I am Iaoel and I was called so by him who causes those with me on the seventh expanse, on the firmament, to shake, a power through the medium of his ineffable name in me» [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 694].

«I am Poil, so named by him who shakes what is with me on the seventh expanse above the vault of heaven, a power by virtue of the ineffable name that dwells in me» [Pennington 1984: 376].

«Je suis Iaoël et c'est ainsi que j'ai été appelé par le Terrible. Grâce à Lui, la force de son Nom (In)effable, qui est avec moi sur le septième espace, sur le firmament, demeure en moi» [Rubinkiewicz 1987: 129—131].

«I am Yahoel named by him who shakes those which are with me on the seventh vault, on the firmament. I am a power in the midst of the Ineffable who put together his names in me» [Kulik 2005: 18]. Перевод второй фразы этого текста основывается на недоразумении. Отказ от перевода «слежаща» как «dwelling» связан с тем, что форму «имени» (ср.: «слежаща имени во мнѣ» Солов., с. 118—119) А. Кулик трактует как форму вин. множ. [Kulik 2005: 56, примеч. 14]. Между тем форма вин. множ. от «има» — не «имени», но «имена».

⁶¹ На это обстоятельство нам указал А. А. Архипов.

⁶² Одновременно в третьей книге Еноха речь идет о семи небесных дворцах (чертогах), расположенных на седьмом небе один внутри другого ([Odeberg 1928, II: 3, 4, 54—55, 121]; ср. [Alexander 1983: 255, 271, 290]; 3 En. I, 1, 6; XVIII, 3; XXXVII, 1). См. в этой связи [Alexander 1983: 240].

«простертье» <15:4; 18:1; 19:3, 5; 21:1, 2>, «протяжение» <19:3, 4; 21:1> представляют собой, видимо, синонимичные архитектурные термины, относящиеся к небесным чертогам [Kulik 2000: 141—142].

Сам Авраам находится при этом на седьмом «твердстве», т. е. на седьмой тверди (на седьмой широте): «и видѣхъ на седмемъ на немже стоахъ твердствѣ...» (Сильв., с. 44 <19:4>); «и ꙗже на .7.мь. твердествии сила юже видѣхъ...» (Сильв., с. 45 <19:8>).

Вместе с тем здесь упоминается и «осмая твердь», т. е. восьмое небо, к которому подвешено седьмое небо, где находится Авраам: он видит бесплотное множество духовных ангелов, творящих повеления огненных ангелов; о последних сообщается, что они пребывают «на осмѣи тверди, ꙗкоже быхъ [по др. спискам: бѣ, бѣхъ] стоа на повешеньихъ [по др. спискам: повѣшениихъ, повѣшени] ꙗга» (Сильв., с. 45; Волок., с. 68; Солов., с. 123; Барс., л. 9; Синод., л. 84; Тихонр., л. 76 об.; Кир.-Бел., л. 119 об. / 120 об. верх. фолиации: 1 Мазур., л. 132; 2-й Мазур., л. 125 <19:6>). Исследователи обычно усматривают в этом месте ошибку. А. Пеннингтон переводит «на осмѣи тверди» как «on the seventh firmament», отмечая, при этом: «the manuscripts read “eighth”»; «на повешеньихъ» переводится при этом как «on the heights» [Pennington 1984: 382]. Г. Лант полагает, напротив, что цифра 8 заменила здесь цифру 6, поскольку глаголическая буква Ѡ («сѣло») с числовым значением '8' соответствует кириллической букве Ѣ, имеющей числовое значение '6' [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 698, примеч. f]⁶³. Однако и в этом случае текст остается неясным; «на повешеньихъ ꙗга» переведено здесь как «on its elevation». И та, и другая конъектура вызывает сомнения; перевод слова «повѣшения» как «heights» или «elevation» трудно признать удачным. Некоторые исследователи, однако, трактуют выражение «осмая твердь» (восьмое небо) в нашем тексте буквально, исходя прежде всего из видения Иезекииля (Иез. I, 22): предполагается, что Бог находится над небесами и спускается на седьмое небо во время обращенных к Нему молитв; существует вообще традиция, позволяющая говорить о существовании восьмого неба [Kulik 2000: 143; 2005: 25; Poirier 2004: 395—396]. При таком объяснении слово «повѣшения» становится более понятным: восьмое небо предстает как остов (основание), к которому подвешены небеса⁶⁴.

6. Ангел возводит Авраама на гору Хорив («Орив / Орива», т. е. Синайскую гору) с тем чтобы тот принес там жертву Богу: «иду с тобою до жертвы [в др. списках: до требы] видимъ, а по жертвѣ невидимъ до вѣка» (Сильв., с. 40; ср.: Волок., с. 62; Солов., с. 119; Барс., л. 7; Синод., л. 81; Тихонр., л. 74; Кир.-Бел., л. 115 / 116 верх. фолиации <11:6>)⁶⁵. «И рекохъ ко англыу “Пѣвце Превѣчнаго, се нѣс[тъ] со мною жертвы, ни мѣста требищнаго не съвѣдѣ

⁶³ Это наблюдение сопровождается замечанием: «S [Сильвестровский список] has other indications of a fore-text written in Glagolitic». По-видимому, имеются в виду общие соображения, изложенные в работе [Lunt 1985]. См. выше, примеч. 9.

Было бы понятнее, если бы глаголическая буква с числовым значением '6' соответствовала кириллической букве с числовым значением '8', но дело обстоит иначе. Очевидно, Г. Лант исходит из предположения, что цифры 6 и 8 могли взаимно заменять одна другую при переводе глаголицы на кириллицу.

⁶⁴ Вслед за тем Господь повелевает шестому простертию (шестому небу) раскрыться, и Авраам, стоящий на седьмом небе, видит под собой пятое небо с силами звездными. В издании Сильвестровского списка напечатано: «и повелѣ .3.му простертью възтѣса. и видѣхъ ту на .5.мь силы звѣздныа...» (Сильв., с. 45 <19:8, 9>). Вместо числа 3 должно стоять 6. Это ошибка издателя (Н. С. Тихонравова), вызванная, очевидно, невольной — чисто автоматической — ассоциацией славянской буквы Ѣ (перевернутый вариант буквы «сѣло») и курсивной буквы ꙗ (славянской буквы «глаголь»). Ср. это место в подлиннике: РГАДА, ф. 381 № 53, л. 175 об.

⁶⁵ Перед этим описывается облик Ангела: «Баше видѣние тѣла ꙗго сапфирь, и взорь лица ꙗко хрусалитъ, и власы главы ꙗго ꙗко снѣгъ, и кидарь на главѣ ꙗго, и видѣние лука облачнаго, и одѣние ризь ꙗго багорь, и жезль ... в десници ꙗго» (Сильв., с. 39—40; Синод., л. 81 <11:2—3>). В других списках: «...видѣние тѣла ногу ꙗго самфирь [или: ꙗко самфирь], и взорь лица ꙗго хрусалитъ [или: хрусалитъ], и власы главы ꙗго ꙗко снѣгъ, и кидарь [или: соударь] на главѣ ꙗго ꙗко видѣние лука облачнаго...» (Солов., с. 119; ср.: Саров., л. 174—174 об.; Барс., л. 7; Волок., с. 62; Тихонр., л. 73 об.; Кир.-Бел., л. 114 об. / 115 об. верх. фолиации; Румянц., л. 103; 1-й Мазур., л. 126). *Кидарь* — головной

на горѣ, да како створю жертвоу”. И рече “озрѣса оубо за са”. И се идаше по наю жертвенное повеленье все: телець и коза, и овень, и горлица, и голубь» (Барс., л. 7 об.; Волок., с. 62; Солов., с. 119; Синод., л. 81; Акад., л. 27; Пряниш., л. 156 об.; Румянц., л. 103 об.; ср.: Сильв., с. 40 <12:4—6>)⁶⁶. Жертва, которую должен принести Авраам, очень похожа на ту, о которой говорится в книге Бытия (Быт. XV, 9—11); при этом согласно «Откровению Авраама» в жертву не приносятся голубь и горлица (точно так же и в книге Бытия говорится, что Авраам рассек напополам жертвенных животных, а птиц не рассек). Потом на их крыльях Ангел и Авраам вознесутся на небо, к Богу.

Отметим обращение к Ангелу: «Пѣвце Превѣчнаго». Наименование Ангела «певцом» предвосхищает его последующую роль: вознесясь на небо, он будет руководить пением Авраама (см. ниже). В дальнейшем Ангел выступает также как руководитель хора херувимов («херувимских животных»)⁶⁷.

Ангел предписывает Аврааму заколоть и разделить жертвенных животных (кроме птиц) и отдать их мужам (ангелам), которые неожиданно оказываются около него (Авраама): ранее они были невидимы, также как были невидимы и жертвенные животные; можно предположить, что с этого момента Ангел, как и Авраам, становится невидимым для внешнего мира (ср. цитированные слова Ангела: «иду с тобою до жертвы видимъ, а по жертвѣ невидимъ до вѣка» (Сильв., с. 40 <11:5>)). Эти мужи (ангелы), стоящие рядом с Авраамом, и являют собой жертвенник, т. е. место принесения жертвы. Ср.:

И реч[е] ми “Все се исколи и протеси, собравы полома въ премь [в др. списках: въ прамь], а птицю не протесаи. И даиже мужемъ, таже ти азъ покажу, стояща оу тебе, тако ти суть жертвеникъ на горѣ приносити жертву вѣчному. Горлицю же и голубь даси мнѣ и азъ возиду на крилу птицю показати тебѣ на н[е]б[е]с[н]ыхъ и на земли и в мори и в безднхъ и въ пресподнихъ и въ вретепѣ въ иедемѣ и в рѣкахъ его и во исполнени вселенныа и кругъ иеа оузриши въ всѣхъ”. И створихъ все по повелѣнию Анг[е]лову. И дахъ анг[е]л[о]мъ пришедшимъ к нама протесания животна, а птици вза Анг[е]л (Сильв., с. 40; Волок., с. 62; Солов., с. 120 <12:9—10; 13:1>)⁶⁸.

Позднее читаем: «И быс[ть] солнцю заходящю и се дымъ яко пещьныи, и взидоша имуща жертвы протесаныа анг[е]ли wt верха пещи дымьныа» (Сильв., с. 41—42 <15:1>). Ср. в книге Бытия (XV, 17) по Пятикнижию XIV—XV в: «И с[о]лнцю зашедшу и се пещь курающа и свѣща огнены проидоша межю полотми сими» (РГБ, ф. 304.1/Тр.-Серг., фонд. № 1, л. 13 об.)⁶⁹.

убор первосвященников (Исх. XXVIII, 4) и царей (Иез. XXI, 26); *сударь* ‘головное покрывало, убрус’ (Ин. XX, 7) — это слово относится к позднейшей редакции. Ср. к этому месту: Дан. X, 6.

Слово *ногу* (дв. число род. падежа от *нога*), опущенное в Сильвестровском и Синодальном списках, представлено в большинстве списков «Откровения Авраама». А. Кулик читает фразу «видѣние тѣла ногу его» как «видѣние тѣла ногуего», полагая, что Ангел является в виде грифа («ногуя») [Кулик 2005: 54, 118, примеч. 90]. Это никак не следует из текста (кроме того, в таком случае ожидалась бы форма «ногуева»). Фразу эту следует, видимо, понимать буквально: ‘вид тела ног его’ или, может быть, ‘вид тела и ног его’ (ср.: «видѣние тѣла и ногу его аки самфирь», 2-й Мазур., л. 120 об.); относительно последней конъектуры см. [Rubinkiewicz, Lunt 1983: 694, примеч. a].

⁶⁶ Здесь говорится о «тельце», а не о телке, при том что Бог заповедал Аврааму принести в жертву «уницю», т. е. телку (Сильв., с. 38 <9:5>; см. выше, § 3). Так и в других списках.

Съвѣдѣ — форма 1 лица ед. числа наст. времени глагола *съвѣдѣти*, наряду со *съвѣмь*; ср. формы *вѣдѣ* и *вѣмь* в старославянских памятниках [Вайан 1952: 347—348, § 224]. В Сильвестровском списке вместо «не съвѣдѣ» стоит «нѣсвѣ».

⁶⁷ Речь идет о небесных «животных» (*hayuot*) из видения Иезекииля, которые сам пророк отождествляет с херувимами (Иез. I, 5—14; X, 15). В «Откровении Авраама» они называются «животами» или «животными» <18:3—11>, в одном случае — «херувимскими животами» или «животными» <10:9>.

⁶⁸ «Полома/польма» — ‘пополам’; ‘въ прѣмь / въ прамь» — ‘равно’ [ССЯ, III: 144, 361]. Таким образом, заколотых животных предписывается сложить и ровно расчлениить пополам.

⁶⁹ «Польть/полоть» — ‘кусок’ [Срезневский, III: стлб. 1148; СлРЯ XI—XVII вв., XVI: 247—248]. В Елизаветинской библии: «...междѣ растесаніи сими».

Ангел сажает Авраама на правое крыло голубя, сам садится на левое крыло горлицы, и они возносятся вверх «на край пламени огньаго»; на высоте, на которой они оказались, Авраам видит «свѣт силныи, яко же нелзѣ сказати» (Сильв., с. 42 <15:2, 3, 5>⁷⁰). Он видит много людей, меняющих свой образ, которые взывают к Господу на незнакомом языке («народъ многъ моужескаго образа, вси ти пременуемї видим[ым] образомъ [по др. *спускам*: видом и образом], текоуща и преобразѹючиса и поклоняючис[а] и зовоуща гл[а]с[о]мъ словесъ его [же] не вѣдах») (Волок., с. 65; Кир.-Бел., л. 117 / 118 верх. фолиации; ср.: Сильв., с. 42; Солов., с. 121; Синод., л. 82 об.; Тихонр., л. 75 <15:7>).

«Како [в др. *спусках*: камо] ма нынѣ вознесе сѣмо, зане ако не могу ныне зрѣти, оуже ныне зане разъялабѣх, и д[8]хъ мой штѣпает шт мене», — в ужасе восклицает Авраам. Ангел отвечает ему: «Пребоуди съ мною не боиса. Егоже оузриши прамо градоуща к нама во мнозѣ глас[ѣ] св[а]тъгы, то естъ возлюбленыи [в др. *спусках*: възлюбивыи] та Превѣчныи. И самогоже не зриши, но да не ослабѣет д[8]хъ твои кличемъ» (Волок., с. 65; Погод., л. 65 об.; Кир.-Бел., л. 117—117 об. / 118—118 об. верх. фолиации; ср.: Синод., л. 82 об. — 83; Солов., с. 121; Саров., л. 178 об.; Пряниш., л. 159; Вязем., л. 142; Сильв., с. 42; Тихонр., л. 75 <16:1—3>⁷¹). Отметим слово «св[а]тъба»; то же слово встретится затем в описании херувимов («херувимских животных», евр. *ḥayyot*), многоочитых колес (евр. *'ofannim*) и всего «народа огненного», славословящего Господа: «и слышахъ глас сватьбы ихъ, яко глас мужа ѳдиногъ» (Сильв., с. 44 <18:14>). Это слово («сватьба») фигурирует в старославянском Синайском евхологии XI в., а также в русском Христианопольском апостоле XII в., болгарском Охридском апостоле XII в. и ряде других памятников в значении «освящение» [ССЯ, IV: 45]; кроме того, оно может иметь значение «жертва» [Там же]. В то же время в нашем тексте слово «сватьба» означает, по-видимому, «славословие» [Срезневский, III: 311]. Можно предположить, что эти значения — «освящение» и «славословие» — не противопоставлены одно другому: славословие Господу освящает человека. Когда Авраам начинает славословить Господа (см. ниже), то тем самым, по всей видимости, выполняется наказ, данный Господом Ангелу: «с[ва]ти ми мужа оногъ...» (Сильв., с. 38 <10:3>).

К этому же, т. е. к славословию, относятся, видимо, и слова: «да не ослабѣет д[8]хъ твои кличемъ», что означает, очевидно: да не устанешь славословить (Господа).

Затем описывается появление Бога: «И се огонь градъи противу нама окръсть. И глас быс[тъ] въ огни яко глас водъ многъ, яко глас мора въ възмущении яго» (Сильв., с. 42 <17:1>)⁷². Здесь цитируется книга пророка Иезекииля (Иез. I, 24; ср.: Пс. XXVIII, 3 / XXIX, 3),

⁷⁰ Во второй (славянской) книге Еноха последний возносится на небо на ангельских крыльях (гл. III, см. [Соколов 1899—1910: 4]).

⁷¹ В Соловецком списке: «его же оузриши грядуща прамо нама во мнозе гласѣ гл[агол]юще “с[вя]тъ с[вя]тъ с[вя]тъ с[вя]тъ Г[оспод]ъ”. Тои естъ възлюбивыи тя Превѣчныи, самого же не оузриши»; аналогично в Саровском, Синодальном списке и в списке Вяземского; цитируется видение царя Озии из книги пророка Исаии (Ис. II, 3), но там «свят, свят, свят Господь Саваоф» у престола Господа поют серафимы, а не херувимы. В Прянишниковском: «Его же оузриши градѹща прамо нама во мнозѣ аг[е]ль с[ва]тъгы тои естъ възлюбивыи та Превѣчныи самого же не изречиши». В Сильвестровском списке слово «сватьбы» превратилось в «быѣ» (Сильв., с. 42), в Тихонравовском — в «с[ва]тъми» (Тихонр., л. 75).

Обращает на себя внимание кажущееся противоречие между словами «узрѣти» и «зрѣти», как если бы они употреблялись в разных смыслах, ср. в Сильвестровском списке: «Ѳгоже оузриши градоуща шт прамо к нама. въ мнозѣ гласѣ... самого же не зриши». А. Орлов усматривает здесь парадокс, объясняя его противопоставлением молитвенной практики и почитания зрительно воспринимаемого образа («aural and visionary praxis», см. [Orlov 2013: 62]; ср. также [Orlov 2009: 34]). Цитированная фраза не дает основания для такого вывода: она означает, по-видимому, что Авраам узнает приближение Господа по сопровождающим его явлениям, но не увидит Его самого. Примерный перевод ее может быть таким: «Ты увидишь многих славословящих Его, Самого же ты не увидишь».

⁷² Ср. затем сходное место после молитвы Авраама: «И глас слышахъ яко възмущения морьска» (Сильв., с. 43 <18:2>).

причем у Иезекииля таким образом возвещается появление Бога, который именуется *šadday* (в «Откровении Авраама»), как уже отмечалось, этому наименованию соответствует название «Крѣпкий», см. выше, § 3)⁷³.

Далее читаем: «И поклаче [в др. списках: поникъ] съ мною Агг[е]ль [и] поклониса и хотѣхъ пасть ниць на земли. И мѣсто висо[ко]сти на немъ же стоахъ, швогда стоаше на горѣ, швогда же валашес[а] долу. И реч[е] “поклониса точію Авраме, и гл[агол]и пѣс[нь], еж[е] та наоучихъ”, зане [не] баше земля, яко пасти на неи. И поклонихса токмо и рѣхъ пѣс[нь] еж[е] наоучи ма. И реч[е] “гл[агол]и не престаа”, и гл[агол]ахъ. И гл[агол]аше самъ съ мною» (Тихонр., л. 75 об.; Солов., с. 121—122; Саров., л. 178 об.; Синод., л. 83; Румянц., л. 105 об.; Пряниш., л. 159 об.; ср.: Волок., с. 65; Акад., л. 29 об.; Погод., л. 65 об.; Кир.-Бел., л. 117 об. / 118 об. верх. фолиации; Вязем., л. 142; ср. также: Сильв., с. 42 <17:2—7>)⁷⁴. Далее следует текст песни, которая в некоторых списках озаглавлена: «Пѣснь I Авраамла еже наоучи его Анг[е]ль с[ва]тѣи Іау^н шествѣа с ни^м по аерѣ» (Саров., л. 179; Солов., с. 122)⁷⁵.

Из цитированного только что текста следует, что Ангел ранее уже научил Авраама этой песни. Выше об этом прямо не говорится; какое-то упоминание о песни содержится в эпизоде, рассказывающем, как Ангел, посланный Богом, явился перед Авраамом; представляясь Аврааму, Иоаил говорит: «Азь есмь даньи по повелѣнію Его [Бога] смѣрати херувимьскы^н животѣ^н [в др. списках: животень] дрѣгъ на дрѣга прѣтбы и оучаа носашаа Его пѣс[нь] сре^дство^м ч[е]л[овѣ]чьскыа ноши се^дмаго часа» (Синод., л. 81; Погод., л. 63; Волок., с. 61; Сильв., с. 39; ср.: Солов., с. 119; Саров., л. 176; Барс., л. 7; Кир.-Бел., л. 114 / 115 верх. фолиации; Вязем., л. 136 об.; Тихонр., л. 73 об.; 1-й Мазур., л. 125 об.; 2-й Мазур., л. 120 <10:9>)⁷⁶. Текст испорчен, в Сильвестровском списке вместо «средством» — «средствомъ»; возможно следует читать: «...средѣ ч[е]ловѣ[ѣ]чьскыа ноши седмаго час[а]»⁷⁷. «Оучааносящая Его пѣснь...» (т. е.: обучая песни носящих Его) относится, видимо, к херувимам, на которых восседает Бог (Пс. XVII, 11 / XVIII, 10; LXXIX, 1 / LXXX, 1; XCVIII, 1 / XCIX, 1; I Царств IV, 4; II Царств VI, 2; Ис. XXXVII, 16), и к многоочитым колесам (*'ofannim*) Его колесницы.

В дальнейшем Авраам видит, как Ангел исполняет это поручение:

И видѣхъ подь ѡгнь престоль и ѡт огня многочесньныхъ окрестъ и гл[гол]юще пѣснь. И подь пр[е]ст[о]ломъ животны 4 ѡгнены, и поюще красна и гласна. А зракъ ихъ единъ, кождо четвероличень взоръ таковъ имуще лицъ ихъ, лвовъ волюи мужескъ врль, и коемуждо 4 главы на тѣле ихъ, и яко быти лицъ ихъ 16. Бяху крила ѡт плещу и ѡт полу ихъ и ѡт чресль ихъ. Крылома же иже ѡт плещу ихъ покрывающе лица своя, а иже ѡт чресль двема крилома ѡдѣваху

⁷³ Ср. в болгарском Григоровичеве паремейнике XII — нач. XIII в.: «И слышахъ глас криль ихъ. треплащемъ са имъ. и глас водь многоъ. ѣко глас Б[ог]а сададаи» [Григ. пар.: л. 70 об.]; аналогично и в болгарском Лобковском паремейнике 1294—1320 гг. (ГИМ, Хлуд. № 142): «...яко глас Б[ог]а сададаи», тогда как в русском Захарьинском паремейнике 1271 г. (РНБ, Q.п.І.13) в соответствующем месте значится «Савафа». См. [Григ. пар.: л. 70 об.; ССЯ IV: 6—7]; ср.: [Успенский 2012а: 106]. О формах «сададаи», «садъдаи» и т. п. см. выше, примеч. 36.

⁷⁴ Текст Сильвестровского списка в этом месте испорчен; вместо «поклаче съ мною» здесь стоит «поклачесы съ множай» (Сильв., с. 42). Глагол «поклачати (поклациати)» означает «клониться, сгибаться» [Срезневский, II: стлб. 1110], ср. польск. *kłękać* «преклонять колени».

⁷⁵ Название «песнь первая Авраамля», возможно, обусловлено упоминанием в тексте других песен, ср. «песнь мира», которой Ангел обучает херувимов <18:11>. См. ниже.

⁷⁶ В Сильвестровском списке: «...оучаа носашаго пѣснь средствомъ ч[е]л[овѣ]чьскыа ноши седмаго час[а]». В Соловецком списке: «...предбывыйносящая его пѣснь средствомъ ч[е]л[овѣ]чьскыа ноши 7-го часа»; аналогично в Саровском списке и в списке Вяземского.

Слово «прѣтба» означает «угроза» [ССЯ, III: 499]; И. И. Срезневский [Срезневский, II: стлб. 1708] цитирует тот же текст — Мучения св. Вита — как «претьба», с е, а не с ѣ); ср. [Lunt 1985: 60].

⁷⁷ Ср. перевод: «teach those who bear him [to sing] the Song in the middle of man's night, at the seventh hour» [Kulik 2005: 18]. Ср.: Пс. XLI, 9 / XLII, 8 (в Синайской псалтири: «Въ день заповѣсть Г[оспод]ь милость своѣя. ѿ ношѣжъ пѣснь его отъ мене» [Северьянов 1922: 55]. Согласно апокрифическому «Откровению Адама» седьмой час ночи — время отдыха небесных сил [James 1893: 143; Rubinkiewicz 1987: 131, примеч. к <10:9>].

нозѣ свои, крилома же средними ихъ двама простирахуся летяща прости. И егда кончваху пѣние взираху другъ на друга и другъ другу прещаше [в Сильв.: прелщаше]. И бысть яко видехъ я, иже со мною агг[е]ль, яко прещаху си, встави мя на мѣстѣ и шедъ къ нимъ скоро и оуврати лице коемуждо животу ѿ супротивна лица ихъ, да не видятъ своихъ к себѣ лицъ претяще. И оучаше я пѣсни мира иже в себѣ прѣже вѣчнаго. И единаче ми стоящу и смотрящу, видѣхъ во слѣдѣ животныхъ колесницю и колесы ѿгнены, кождо коло полно ѿчес вкрестъ, и свыше колесъ бѣаше пр[е]ст[о]ль, егоже видѣхъ. И тои бѣаше покрываемъ ѿгнемъ, и ѿгнь ѿбождаше и вкрестъ, и свѣтъ неизреченный ѿбстояше народа ѿгненаго. И слышахъ гласъ святѣбы ихъ яко гласъ мужа единого (Солов., с. 122—123; Синод., л. 83 об. — 84; Кир.-Бел., л. 118 об. — 119 / 119 об. — 120 верх. фолиации; Погод., л. 65 л. — 66 об.; Тихонр., л. 77; Вязем., л. 143 об. — 144; Волок., с. 67; Сильв., с. 43—44 <18:3—11>)⁷⁸.

Можно предположить, что песнь, которую поют «херувимские животные» и которой их обучает Ангел, — это та же песнь, которой он учит Авраама (и которую он поет вместе с ним). Когда «херувимские животные» прекращают пение и начинают угрожать друг другу, Ангел предотвращает распрю и учит их «песни мира» — видимо, той же самой, пение которой они возобновляют.

7. Песнь, которую поет Авраам вместе с Ангелом, представляет собой славословие Богу и в основном состоит из относящихся к Нему наименований. Она начинается уже знакомыми нам именами Бога «Превѣчныи Крѣпкий» и заканчивается именем «Иаоил», т. е. именем Ангела, одноименника Бога (см. выше, § 3, 4). Вот как выглядит этот текст в Сильвестровском сборнике:

Превѣчне крѣпче с[ва]те эль. б[ож]е ѣдиневластне самородене нетлѣѣме. бескверне нерожене беспорочне бесм[е]ртѣне. самосвершене. самосвѣтне. безматерне безъотѣчне безродне. высоче огньне ч[е]л[о]в[ѣ]колюбче щедре даровите ревнителю мои. терпѣливе прем[и]л[о]ст[и]ве. ели рекше б[ож]е мои. вѣчныи крѣпче с[ва]те Саваофе преславне. эль. эль. эль. эль. ѿаоиль (Сильв., с. 43 <17:8—14> [Успенский 2013: 101, илл. 18])⁷⁹.

Слово «эль», встречающееся один раз в начале этого текста и четырежды повторенное в его конце, читается — во всяком случае в такой форме — только в Сильвестровском списке. В Музейском и Уваровском списках, представляющих собой копию Сильвестровского (см. выше, § 2), эти слова написаны не с буквой «э оборотное», а с буквами Є (славянская

⁷⁸ Этот пассаж отвечает видениям Иезекииля (Иез. I, 5—20; Иез. X, 11—17) и Иоанна Богослова (Откр. IV, 6—8); ср. также Ис. VI, 1—3.

Слово «окр[е]сть» надо, по-видимому, читать как «колеса»: греч. κύκλος ‘колеса’ было принято за κύκλω ‘окрест, вокруг’ [Kulik 2005: 24, 39]. «Многоочесные» колеса (‘ofannim), которые согласно видению Иезекииля находятся вместе с херувимами (Иез. I, 15—21, X, 9—17), представляют собой разряд ангельской иерархии; в «Откровении Авраама» это колеса Божественной колесницы, на которой устроен престол Господа. О словах «животы», «животные» как обозначении херувимов см. выше, примеч. 67.

⁷⁹ К эпитету «высоче огньне» ср. слова Авраама после завершения песни: «И глас слышахъ ѿко възмушениа морьска [Иез. I, 24]... и ѿко възвысиса огнь възспара на высочекъ» (Сильв., с. 43 <18:3>). Слово «человѣколюбче» — по-видимому, грецизм (греч. φιλόανθρωπος). Обращает на себя внимание вместе с тем рядом стоящее «щедре», в других списках — «любовищедре». Ср.: «щедр и милостив» (οἰκτιρῶν καὶ ἐλεῖν) как постоянные эпитеты Господа в Библии (Пс. LXXXV, 15 / LXXXVI, 15; Сп, 8 / Сп, 8; CXLIV, 8; CXLV, 8; Исх. XXXIV, 6; Неем. IX, 17; Прем. XV, 1; Иоил II, 13; Иона IV, 2). В Синайской псалтири: «І ты Г[оспод]і Б[о]же моі штедръ і прѣмѣлостѣвъ трѣпѣлѣвъ і прѣмѣлостѣвъ и рѣсотѣвънъ» (Пс. LXXXV, 15 / LXXXVI, 15 [Северьянов 1922: 115]); «Щедръ мѣлостѣвъ Г[оспод]ѣ трѣпѣлѣвъ и прѣмѣлостѣвъ» (Пс. Сп, 8 / Сп, 8 [Там же: 132]).

Слово «самосвершене» как эпитет Бога может напоминать греч. ἰκανός как перевод евр. šadday (ср. выше, § 3). Ср. в этой связи толкование имени šadday как ‘самодостаточный’: šē-dai hū lô (букв.: ‘который достаточен он ему’) [Вох 1918: 58, примеч. 7].

буква «е») ⁸⁰ или *E* (славянская буква «есть») в обычном положении (т. е. обращенными вправо, а не влево). При этом в Музейском списке на месте первого «эль» Сильвестровского сборника стоит «Сль», где *С*, как кажется, исправлено из *И* (т. е. первоначально здесь было, видимо, «иль»); на месте же «эль. эль. эль. эль» здесь значится «ель. ель. ель. ель». В Уваровском списке первое «эль» опущено, а вместо «эль. эль. эль. эль» стоит «ель. ель. ель». В прочих списках такого рода слов нет вообще (см. *Приложение III*).

Очевидно, что слово «эль» — это семитизм, восходящий к еврейскому или арамейскому *'el* «бог»; при этом присутствие данного слова в начале и в конце цитированного текста (по Сильвестровскому списку) имеет, по-видимому, разное объяснение.

В первом случае слово «эль» вставлено перед «боже», так что слово «боже» оказывается в переводе слова «эль»; одновременно «эль» соотносится с предшествующим (правда, не непосредственно) словом «крѣпче». Если «крѣпкий» — перевод слова *šadday* как определения Бога (см. выше, § 3), то здесь можно усмотреть сочетание *'el šadday*.

Во втором же случае слово «эль», четырежды повторенное («эль. эль. эль. эль»), восходит, по-видимому, к заклинательной формуле. Повторение соответствующего слова в качестве заклинания встречается в других источниках, в частности, в греческих и коптских гностических текстах ⁸¹. Едва ли можно сомневаться, что аналогичное заклинание было известно и на других языках — таких как еврейский или арамейский ⁸².

Это же семитское слово — *'el* — отразилось в цитированном тексте (молитве Авраама) еще в одном случае, а именно, в слове «ели», которое при этом сопровождается переводом: «ели рекше б[ож]е мои». Если слово «эль» читается только в одном списке «Откровения Авраама» (Сильвестровском), то фраза «ели рекше б[ож]е мои» представлена — в той или иной форме — почти во всех списках: в Тихонравовском и Погодинском списках слово «ели» выступает как «или» («или рекше б[ож]е мои»), в Уваровском, Соловецком, Саровском, Синодальном и списке Вяземского оно исправлено на «елико» («елико рекше б[ож]е мои»); это исправление особенно очевидно в Синодальном списке, где стоит «ели^{ко}», причем конец слова — «ко» — приписан над строкой другой рукой. Наконец, в Волоколамском, 1-м Мазуринском и 2-м Мазуринском списках вместо «ели» стоит «велии / велїи» («велии рекше б[ож]е мои»), в Академическом — «ве^ими» («ве^ими рекше б[ож]е мои»), в Барсовском и Кирилло-Белозерском — «вели» («вели рекше б[ож]е мои»). В Румянцевском списке это слово («ели») опущено, но сохранился перевод: «рекше б[ож]е мои». В Прянишниковском списке от этой фразы остались только слова «б[ож]е мои». См. *Приложение III*.

Необходимо думать, что слово «ели» восходит к прототексту, т. е. к исходному семитскому тексту «Откровения Авраама». То обстоятельство, что оно сопровождается переводом («рекше б[ож]е мои»), позволяет предположить, что фраза «ели рекше б[ож]е мои» восходит к недошедшему до нас греческому переводу этого памятника. Слово «ели» представляет собой транскрипцию еврейского или арамейского *'ly*, и к этой транскрипции уже в греческом переводе было добавлено объяснение: «рекше б[ож]е мои». Наличие формы «или» в Тихонравовском и Погодинском списках, наряду с формой «ели», отразившейся в большинстве других списков нашего текста (см. выше), соответствует вариации в передаче этого слова в старославянских евангелиях: слова распятого Христа («ели ели лем'ма завах'тани. еже есть б[о]же б[о]же мои вьскъжъ ма остави» — Мф. XXVII, 46) могут передаваться здесь

⁸⁰ Буква *є* (ее называют иногла «*e* широкое» или «*e* якорное»), т. е. зеркальный вариант буквы «*ѣ* оборотное», в славянских азбуках называлась не «есть», а «е» [Успенский 2013: 29, примеч. 43]. В грамматике Смотрицкого она именуется «*є* великое» [Смотрицкий 1648: л. 51 об.].

⁸¹ Так, в коптском папирусе из Бодлеанской библиотеки (MS. Copt. c (P) 4) читаем: «Adonai, Eloie, Eloi, Eloi, Eloi! Jao, Jao, Jao, Jao! Sabaoth, Emanuel, el, el, el, el, el, el, el!» [Crum 1896: 87, 89]. Ср. еще такого рода примеры [Paterson 1926: 90].

⁸² По мнению Дж. Бокса, четырехкратное повторение слова «эль» в нашем тексте может отражать тетраграмму [Box 1918: 59, примеч. 6]. В других известных нам текстах (см. выше, примеч. 81) повторение соответствующего слова не является четырехкратным.

как с «ели» (Зографское, Остромирово евангелия), так и с «или» (Саввина книга; так же и в сербском Никодимовом евангелии XV в.) [ССЯ, I: 569, 763]⁸³.

Иначе обстоит дело со словами «эль... эль. эль. эль. эль», которые, как упоминалось, встречаются только в Сильвестровском списке и отразились (в несколько иной форме, без буквы «э оборотное») в Музейской и Уваровской копиях с этого списка. Во всех остальных списках этих слов нет. В подобной ситуации естественно предположить, что слова эти представляют собой позднейшую интерполяцию. Но даже если признать, что слова эти были в протографе — в еврейском или греческом тексте, который явился источником, опосредованным или непосредственным, для русских списков «Откровения Авраама», — и сохранились только в одном списке (отразившись затем в снятых с него копиях), то возникает вопрос: почему эти слова пишутся в нем через э оборотное? Можем ли мы полагать, что написание «эль» (с э оборотным) отражает какое-то греческое написание? При отсутствии удовлетворительного ответа на этот вопрос мы должны думать, что слова «эль... эль, эль, эль, эль» отсутствовали в греческом тексте и были вставлены в славянский перевод. В самом деле, непонятно, чему могла бы соответствовать эта буква, если представить себе, что это слово (несколько раз повторенное) восходит к греческому оригиналу. Вместе с тем наличие этой буквы может быть объяснено, если признать, что данное слово представляет собой интерполяцию, появившуюся в славянском тексте, т. е. если считать его вторичным, а не исконным семитизмом. Мы имеем основания утверждать, что именно так и обстояло дело.

Действительно, буква Э («э оборотное») в великорусской письменности встречается — до XVII в. — исключительно в еврейских словах, относящихся к наименованию Бога, или же в формах, восходящих к такому наименованию (см. в этой связи [Успенский 2012а; 2013; 2014]). Такое написание отражает славяно-еврейские контакты, которые имели место на восточнославянской территории.

В настоящее время можно признать доказанным, что еврейские книжники, жившие на Руси, последовательно сверяли христианское Пятикнижие как с еврейской Торой, так и с арамейским таргумом; в тех случаях, когда текст христианской Библии расходился с их источниками, они вносили в церковнославянский текст соответствующие глоссы и исправления [Алексеев 1999: 182—184; 2007: 55; 2010: 177; 2014: 169—171; Успенский 2012а: 111; 2014]. Эта работа осуществлялась в Средние века (по всей видимости, не позднее XIII в.) и захватывала, вероятно, несколько поколений книжников; во всяком случае в текстах отчетливо выделяются несколько этапов сверки [Успенский 2014: 46—47]. Можно предположить, что славяноязычные евреи пользовались славянской Библией (Пятикнижием) в качестве таргума, т. е. подспорья, позволяющего понимать древнееврейский текст Торы⁸⁴; при этом они осуществляли сверку как с масоретским текстом Библии, так и с арамейским таргумом: глоссы и исправления по арамейскому таргуму даются именно там, где нужно указать на правильную (раввинистическую) интерпретацию оригинала (см. [Алексеев 2014: 169—171]; ср. примеры в [Алексеев 1999: 183—184, группы *d* и *e*]).

Впоследствии эти исправленные в еврейской среде тексты попадают к славянским книжникам и переписываются в русских монастырях. Ср.: «Очевидно, что славянский текст Пятикнижия, появившийся как перевод греческого оригинала в Болгарии в X в., использовался

⁸³ Эта фраза восходит к Псалтири (Пс. XXI, 2 / XXII, 1). Ср.: «This is the only utterance of Jesus recorded by Matthew and Mark [Мф. XXVII, 46; Мк. XV, 34] during the crucifixion. The fact that it was in Aramaic may suggest that Jesus knew and remembered the Psalms in Aramaic» [Albright, Mann 1973: 350].

⁸⁴ По правдоподобию предположению А. Я. Гаркави, евреи, жившие на Руси, пользовались в быту славянским языком [Гаркави 1865]; лишь в XIV в. в Восточной Европе появляются евреи, пользующиеся в быту языком идиш, который со временем становится общим разговорным языком; см. также [Кулик 2008; Kulik 2012: 373—374; 2014].

Ср. в этой связи славянскую азбуку XIII в. с названиями букв в еврейской транскрипции из Бодлеанской библиотеки в Оксфорде (MS. Or. 3, л. 72 об. — 73 об. [Kulik 2012: 389—399]).

в синагогах в качестве перевода на обиходный язык (таргума). Попавшие в него при этом глоссы и маргиналии оказались достоянием рукописной традиции, как это типично для всякого текста в эпоху рукописного копирования. Монастырские копиисты охотно воспроизводили эти черты, не опасаясь возможных канонических или богословских осложнений» [Алексеев 2010: 177].

В результате преобладающее число русских списков Пятикнижия отражает еврейское влияние [Пичхадзе 1996: 21; Успенский 2014: 46, примеч. 78]. Это влияние проявляется, в частности, в появлении гебраизмов, воспроизводящих в кириллической транскрипции еврейскую форму слова. Особенно это характерно для сакральных имен, которые в арамейском таргуме сохраняют свою исконную еврейскую форму: материал сакральных имен показывает, что заимствования из Торы переводились в славянской Библии, тогда как заимствования из таргума воспроизводились в ней в исходной форме [Успенский 2012а; 2014].

Следует отметить при этом, что при передаче сакральных имен наблюдаются элементы транслитерации, т. е. попытка воспроизвести еврейскую букву исходного слова [Алексеев 2014: 171—172; Успенский 2012а: 96—98, 101—104; 2013: 106—107; 2014: 32—36]. Это относится к букве алеф: славянская буква нестандартного начертания может воспроизводить как книжную, так и скорописную форму этой буквы. По предположению А. А. Алексеева (повторенному в наших работах), соответствующее слово в славянских рукописях было первоначально записано еврейскими буквами, после чего транслитерация слова была заменена на его транскрипцию [Алексеев 2014: 172]; ср. [Успенский 2012а: 102; 2014: 32]. Едва ли дело обстояло таким образом: еврейские глоссы (вносимые в славянскую Библию славяноязычными еврейскими книжниками) записывались в кириллической транскрипции, но в именах Бога первая буква имени (во всех известных нам случаях это была буква алеф) воспроизводилась в еврейской форме. Тем самым еврейская буква, стоящая в начале слова, сигнализировала его сакральность⁸⁵.

Одним из способов передачи буквы алеф в восточнославянской (великорусской) письменности и была буква Э («э оборотное»). Как уже упоминалось, эта буква до XVII в. встречается в транскрипции еврейских слов, а именно, в словах, относящихся к еврейскому наименованию Бога, — иначе говоря, в тех словах, где особый статус воспроизводимого имени обуславливал необходимость использования частичной транслитерации.

Мы знаем три случая такого рода (каждый из них представлен в целом ряде рукописей), и все они относятся к книге Исход.

Один из этих случаев — ответ Бога Моисею в III главе книги Исход (Исх. III, 14): Моисей спрашивает Бога о Его имени, и Бог отвечает словами *'ehyeh 'ašer 'ehyeh*, которые в Септуагинте переведены как *Ἐγώ εἰμι ὁ ὢν*, а в Вульгате как «Ego sum qui sum». В славянской Библии эти слова переводятся как «Азь есмь сыи» (или иногда: «Азь есмь сыи и сыи», «Азь есмь сщзии»), что точно соответствует Септуагинте [Успенский 2012а: 95—96]⁸⁶. Исключение составляет лишь перевод Острожской библии 1581 г. «Азь есмь еже есмь», повторенный затем в Московской библии 1663 г. [Библия 1581: л. 26 отд. фолиации; Библия 1663: л. 20 об.], который восходит, возможно, к Библии еврейской [Agranz 1991: 500; 1993: 14; Успенский 2012а: 95—96]. В русских списках Библии этому месту может сопутствовать

⁸⁵ В еврейском письме буква алеф в начале слова (как и другие буквы, передающие согласные) обозначает слог, представляющий собой сочетание согласного и гласного звуков. В славянской артикуляции соответствующий согласный (гортанный смычный) не произносился, и тем самым алеф выступал как обозначение гласного звука (в разных словах этот звук мог быть разным).

⁸⁶ Древнейший славянский перевод этой фразы читается в Изборнике 1073 г.: «Азь есмь сии» [Изб. 1073 г.: л. 154]. Такой же перевод («Азь есмь сии») представлен затем в «Похвале Иоанну Богослову» Иоанна, экзарха Болгарского, по среднеболгарскому списку Германова сборника 1359 г. (Бухарест, Патриаршая б-ка, Slav. № 1, л. 32 об.; см. изд. [Иванова-Мирчева 1971: 167]); вслед за тем по отношению к Богу употребляется форма «сжи». См. [Гиппиус, в печати; Успенский 2014: 28, примеч. 15].

гlossа, воспроизводящая данный текст по-еврейски, например: «егее ешерь егее» (БАН, № 17.16.33, л. 94), «егее ешерь егее» (РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, л. 80 об.), «азь ьгие. ашерь. ьгее» (РГБ, ф. 256 / Румянц. № 27, л. 114 об.) или же «егее эшерь эгее» (РГБ, ф. 256 / Румянц. № 28, л. 40 об.). При этом в рукописях варьируются формы «ешерь», «эшерь» и «ашерь», «егее», «эгее» и «агее» [Успенский 2012а: 98—100; 2014: 29—30, 45]⁸⁷.

В рукописях, где в ответе Бога Моисею дается транскрипция слов *'ehyeh 'aşer 'ehyeh*, первое слово этой фразы (т. е. транскрипция слова *'ehyeh* 'я емь') может повторяться в поручении Бога Моисею (Исх. III, 14), выступая как отдельное слово (притом в функции подлежащего!), а не как часть фразы. В русских рукописях мы находим здесь не «сыи ма пѣсти к вамъ», а «егее сыи ма пѣсти к вамъ» (РНБ, Кир.-Бел. № 1/6, л. 113 об.) или же «эгее ма поусти к вамъ» (РГБ, ф. 256 / Румянц. № 28, л. 40 об.) и т. п. [Успенский 2012а: 101—103 (илл. IV, VI, VIII); 2013: 104—107 (илл. 22, 24, 26, 28); 2014: 35—37]⁸⁸.

Еще один случай воспроизведения еврейского имени Бога в кириллической транскрипции — отражение выражения *'el šadday* в VI главе книги Исход, как правило, в тексте Исх. VI, 3⁸⁹. Отражение этого выражения соответствует еврейскому, но не греческому тексту Библии [Успенский 2014: 35]; ср. выше, § 3. В русских рукописях это выражение представлено как «эль шаддаи» (РНБ, Q.I.1407, л. 138—138 об.) или «эль шаддаи» (РГБ, ф. 256 / Румянц. № 28, л. 42) и т. п.

Именно в этих глоссах в списках книги Исход появляется буква Э («э оборотное»), которая отражает букву алеф в транскрипции еврейских слов. Все эти случаи относятся к восточнославянским — более того, к русским (великорусским) рукописям. В некоторых из этих рукописей буква Э варьируется с буквой Л (славянская буква «люди», иногда в скорописной форме), т. е. оба знака предстают как графические варианты одной и той же буквы (передающей еврейский алеф). Заметим, что буквы Э и Л топологически близки: они получаются друг из друга простым растягиванием элементов. См. [Успенский 2013: 104—107].

Приведем случаи с Э по рукописям книги Исход (XV—XVI вв.):

РГАДА, ф. 181 (собр. МГАМИД) № 354/803, л. 39: «эгее» [Успенский 2013: 103, илл. 19].

РГБ, ф. 256 / Румянц. № 28, л. 40 об.: «эгее эшерь эгее» [Там же: 104, илл. 22].

РГБ, ф. 256 / Румянц. № 28, л. 42: «эль шаддаи» [Там же: 104, илл. 23].

РНБ, Солов. № 74 / 74, л. 62 об.: «эгее» [Там же: 105, илл. 24].

РНБ, Солов. № 74 / 74, л. 65: «эль шаддаи» [Там же: 105, илл. 25].

РГАДА, ф. 188 (Рук. собр. ЦГАДА) № 790, л. 68: «эль шаддаи» [Там же: 106, илл. 27].

РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол. № 8, л. 108: «эль шаддаи»⁹⁰.

Еще в двух случаях буква Э отражена как буква З (славянская буква «земля») — очевидно, потому, что начертание Э («э оборотное») было незнакомо русскому копиисту.

Так, в Пятикнижии Иосифо-Волоколамского собрания (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол. № 7, л. 74 об.) мы встречаем форму «згее»; это означает, по-видимому, что в протографе была

⁸⁷ Таким образом, еврейская буква алеф в этих словах могла передаваться в славянской транскрипции как [e] или как [a]. См. выше, примеч. 85.

⁸⁸ Отметим, что последняя буква (еврейская буква «хе») в слове *'ehyeh* никогда не отражается в кириллической транскрипции этого слова (в глоссах к Пятикнижию), что свидетельствует о том, что речь идет именно о транскрипции, а не о транслитерации: на конце слова эта буква не читалась. См. [Успенский 2014: 30, примеч. 19].

⁸⁹ Исключение составляет рукопись РНБ, Кир.-Бел. № 2/7, где такого рода глосса дается к тексту Исх. VI, 6. Скорее всего, это ошибка, которая не отражает сколько-нибудь древней традиции (см. [Успенский 2014: 35, примеч. 35]); нет оснований усматривать в этом случае следование таргуму, как это делает А. А. Алексеев [Алексеев 2014: 170, 179, примеч. 30].

⁹⁰ В последней рукописи фраза «эль шаддаи» стерта, но хорошо читается. Эта форма не учтена в нашей работе, посвященной употреблению буквы «э оборотное» в великорусской письменности XIV—XVI вв. (см. [Успенский 2013]).

форма «эгее» — псец отождествил букву Э, ему неизвестную, с буквой З (славянской буквой «земля») в форме арабской цифры три. При этом буква «земля» в других случаях пишется в данной рукописи как зигзагообразное Z [Успенский 2013: 103, илл. 20].

В этой же рукописи мы находим «эль шеддаи» (РГБ, ф. 113 / Иос.-Вол. № 7, л. 78), где буква З («земля») представлена в традиционном начертании Z (в виде зигзага, а не в виде буквы, похожей на цифру три), и это, опять-таки, позволяет реконструировать в протографе написание с «э оборотным» — «эль шеддаи»: Z заменило З, а З перед тем заменило Э. Иначе говоря, выстраивается последовательность, отразившаяся при переписывании рукописей: «э оборотное» → «земля» в виде тройки → «земля» в виде зигзага. Мы можем реконструировать форму протографа: «эль шеддаи» [Успенский 2013: 104, илл. 21].

Итого мы знаем шесть рукописей и девять случаев такого рода.

Как видим, слово «эль ~ эль» пишется в рукописях книги Исход так же, как пишется оно в песни Авраама, — с буквой «э оборотное». Именно отсюда, надо думать, и объясняется такого рода написание в Сильвестровском списке «Откровения Авраама». Какой-то еврейский книжник (живший на Руси), знакомый с данной традицией — с тем, как транскрибируется алеф в еврейских глоссах к Библии (к книге Исход), — вставил на полях имеющегося у него славянского списка Откровения Авраама глоссы «эль» и «эль, эль, эль, эль», которые затем и перекочевали в основной текст.

Между тем к относительно более древнему пласту, как уже упоминалось, должны быть отнесены слова «ели рекше боже мои». Слово «ели» могло быть записано по-гречески, но слово «эль» отражает работу славяно-еврейского глоссатора: «э оборотное» — это чисто славянское явление.

8. Итак, мы полагаем, что «эль» и «эль, эль, эль, эль» были вставлены относительно поздно (в Средние века) на Руси неизвестным еврейским книжником, принадлежавшим к тому кругу книжников (глоссаторов), которые сличали церковнославянскую Библию с арамейским таргумом [Успенский 2012а; 2013; 2014]. Так может быть объяснено появление буквы Э («э оборотного») в тексте Откровения Авраама.

Однако, возможно и другое, альтернативное объяснение этого явления. Г. Лант предположил, что наш текст восходит к глаголическому оригиналу, т. е. первоначально был написан глаголицей [Lunt 1985: 57]⁹¹. Если согласиться с этим предположением, можно было бы считать что Э («э оборотное») отражает глаголическую букву Э («есть») не дошедшего до нас первоначального славянского оригинала. Сохранение глаголической буквы в кириллическом тексте могло быть обусловлено при этом сакральностью воспроизводимого имени. Это объяснение согласовалось бы с известным предположением П. А. Сырку, В. Н. Щепкина и Е. Ф. Карского о глаголическом происхождении буквы «э оборотное» (см. [Сырку 1897: LV; Щепкин 1918: 119, § 79; Карский 1928: 186]; ср. также [Успенский 2012а: 107—108; 2013: 100]; иначе [Успенский 2014: 33, примеч. 27]). В таком случае оказывалось бы, что формы «эль» и «эль, эль, эль, эль» Сильвестровского списка являются исконными для славянского текста «Откровения Авраама», при том что они сохранились только в Сильвестровском сборнике. Между тем буква Э в глоссах к славянской Библии имеет, по-видимому, другое происхождение [Успенский 2014: 33, примеч. 27]: существенно при этом, что эта буква варьируется с буквой Л (славянской буквой «люди»; см. выше, § 7).

Если принять это предположение, окажется, что совпадение написания слова «эль» в «Откровении Авраама» и в глоссах к Библии — не более чем простая случайность. Нам это не кажется вероятным.

⁹¹ Ср. выше (§ 5) о возможности числовой ошибки, которая, по мнению Г. Ланта, могла бы объясняться таким образом (могла возникнуть при переписывании глаголического текста в кириллической транскрипции). Как мы отмечали, интерпретация Лантом соответствующего пассажа «Откровения Авраама» не выглядит убедительной.

Приложение I

БОГ ОБРАЩАЕТСЯ К АНГЕЛУ

Сильв., с. 38	Иди Наоиль тѣже посредѣства неизрекомаго имени моего с[ва]ти ми мужа оного и оукрѣпи ѿ трепета его
Музейск., л. 447	Иди Наоиль то* посредѣстѣва. изрекомаго имени моего. с[ва]ти ми мѣжа оного и оукрѣпи ѿ трепета его
Увар., л. 301 об.	Иди Наоиль. тоже посредѣства неизрекомаго имени моего. с[вати] ты ми моужа оного оукрѣпи ѿ трепета его
Волок., с. 61	Иди Аль тезе. посредиства неизрекомаго имени моего. и с[ва]ти ми моужа оного. и оукрепѣ ѿ трепета е[о]
Солов., с. 118	Иди Яол тѣже посре ^а ства не изрекомаго имени моего. с[вя]ти ми мужа оного и оукрѣпи ѿ трепета его
Барс., л. 6 об. —7	Иди Иоаль тѣже посредѣства неизрекомаго имени моего. с[ва]ти мужа оного и оукрѣпи и ѿ трепета его
Синод., л. 80 об.	Иди Аоль. тезе посре ^а ства. неизрекомаго имени моего. с[ва]ти ми мѣжа оного и оукрѣпѣ и ѿ трепета его
Тихонр., л. 73	Иди Доль тезе. посре ^а е ^с ства неизрекомаго. имени моего. сте [sic!] ми моужа оного и оукрѣпи его. ѿ трепета его
1-й Мазур., л. 125 об.	Иди Аль зе посредѣства. неизрекомаго имени моего. с[ва]ти ми моужа оног ^г . ѿ оукрѣпѣ [sic!] и ѿ трепета его
2-й Мазур., л. 119 об.	Иди агг[е]ле тезе посрѣ ^а ства неизрекомаго имени моего. с[ва]ти ми мѣжа оног ^г и оукрѣпи ѿ трепета его
Акад., л. 25 об.	Иди анг[е]ле посре ^а ства неизрѣкомаго имени моего. с[ва]ти ми мѣжа оног ^г и оукрѣпи ѿ трепета его
Румянц., л. 102	Иди Аоиль зе посредиства неизрекомаго имени моего. с[ва]ти ми мѣжа оного и оукрѣпи и ѿ трепета его
Пряниш., л. 154 об.	Иди Оль тезѣ посредѣства неизрекомаго имени моего. с[ва]ти ми мѣжа оного. и оукрѣпи его ѿ трепета его
Саров., л. 173	Иди Аоль тѣже посре ^а ства не изрѣкомаг ^г имени моего. с[вя]ти ми мѣжа оного и оукрѣпи ѿ трепета его
Погод., л. 62 об.	Иди Аоль тезе посре ^а ства не изрекомаго имени моего. с[вя]ти ми мѣжа оного и оукрѣпи и ѿ трепета его
Кир.-Бел., л. 113 об. (114 об. верх. фолиации)	Иди Аль тезе посре ^а ства. не изрѣкомаго имени моего. с[вя]т[и] ми моужа оного. и оукрѣпи ѿ трепета моего
Вязем., л. 138	Иди Аоль тѣже посре ^а ства не изрекомаго имени моего с[вя]ти ми мѣжа оного и оукрѣпѣ ѿ трепета его

Приложение II

АНГЕЛ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ АВРААМУ

- Сильв., с. 39 Азь ѳсмь Илоиль сы именованъ ѱ^т трасуѡщаго. суѡщаѡ съ мною на седмѣи широтѣ на тверди. сила посредѣемъ неизгл[агол]емаго слежаша имене въ мнѣ
- Музейск., л. 449 Азь есмь Илоиль сы именованъ ѱ^т трасѡщаго. сѡщаѡ съ мною на седмѣи широтѣ. на тверди. сила посрѣдѣемъ неизгл[агол]емаго слежаша. имене въ мнѣ
- Увар., л. 302 об. А³ есмь Илоиль сѣи именованъ ѱ^т трасоуѡщаго. соуѡщаѡ съ мною на се^мѣи широтѣ на тверди. сила посредѣемъ неизгл[агол]емаго слежаша имене [далее текст утрачен]
- Волок., с. 61 Азь есмь Аоль сѣи именованъ. ѱ^т трасоуѡщаго соуѡщаѡ съ мною. на средней широтѣ. на тверди сила посредѣемъ изгл[агол]имаго же слежаша. имене во мнѣ
- Слов., с. 118—119 Азь есми Иооль сѣи именованъ ѱ^т трасоуѡщаго суѡщаѡ со мною. на седмѣи широтѣ на тверди сила посредѣемъ изгл[агол]емаго слежаша имени во мнѣ
- Барс., л. 7 Азь ѳсмь Иоаль сѣи. именованъ ѱ^т трасоуѡщаго соуѡщаѡ со мною. на седмѣи широтѣ. на тверди сила посредѣемъ изгл[агол]емаго слежаша имене во мнѣ
- Синод., л. 80 об. — 81 Азь есмь Иоаль сы именованъ. ѱ^т трасоуѡщаго [sic!] соуѡщаѡ съ мною на се^мѣи широтѣ на тверди сила посрѣ^мемъ. изгл[агол]емаго слежаша имене въ мнѣ
- Тихонр., л. 73 об. Азь есмь Идолъ сѣи именованъ. ѱ^т трасоуѡщаго а соуѡщѡ на седмѣи широтѣ. на тверди сила^м посрѣ^мемъ
- 1-й Мазур., л. 125 об. Азь есмь Ифоль [sic!] сѣи. именованъ ѱ^т трасоуѡщаго [sic!] со соуѡщаѡ со мною. на седмѣи широтѣ. на тверди сила посредѣемъ изгл[агол]емаго [sic!] слежаша имене во мнѣ
- 2-й Мазур., л. 120 А³ есми агг[е]лъ сѣи именованъ ѱ^т трасоуѡщаго соуѡщаѡ со мною. на сре^мѣи широтѣ на тверди. посредних слежаша имене и во мнѣ и гл[агол]емаго
- Акад., л. 26 Азь Иоиль. сѣи именованъ ѱ^т трасѡщаго [sic!]. сѡщаѡ со^мною на се^мѣи широтѣ. на тверди. сила посрѣ^мемъ изгл[агол]емаго. слежаша имене во мнѣ
- Румянц., л. 102 об. Азь есмь Иооль сѣи именованъ ѱ^т трасѡщаго сѡщаѡ со мною. на 7. широтѣ на тверди сила посредѣемъ изгл[агол]емаго слежаша [sic!] имене во мнѣ
- Пряниш., л. 155 Азь есмь Иооль сѣи именованъ ѱ^т трасѡщаго, сѡщаѡ со мною на седмѣи широтѣ на тверди сила посредѣемъ неизгл[агол]емаго слежаша имени во мнѣ
- Саров., л. 173—173 об. Азь есмь. Иооль сѣи. именованъ ѱ^т трасѡщѡ сѡщаѡ со мною. на се^мѣи широтѣ. на тверди сила посрѣ^мемъ. изгл[агол]емаго слежаша имене въ мнѣ
- Погод., л. 63 Азь есмь Иоаль сѣи именованъ. ѱ^т трасоуѡщаго [sic!] соуѡщаѡ со мною. на седмѣи широтѣ на тверди сила посрѣдѣемъ. изгл[агол]емаго слежаша имене въ мнѣ
- Кир.-Бел., л. 114
(115 верх. фолиации) Азь есмь Иооль сѣи. именованъ. ѱ^т трасоуѡщаго соуѡщаѡ со мною. на сре^мѣи широтѣ. на тверди сила посрѣ^мемъ. изгл[агол]емѡго. слежаша имене во мнѣ
- Вязем., л. 138—138 об. А³ есмь Иоиль сѣи именованъ ѱ^т трасѡщѡ сѡщаѡ со^мною. на седмѣи широтѣ на тверди сила посредѣемъ изгл[агол]емаго слежаша имени во мнѣ

Приложение III
СЛАВОСЛОВИЕ БОГУ:
ПЕСНЬ, КОТОРУЮ ПОЕТ АВРААМ
ВМЕСТЕ С АНГЕЛОМ (ФРАГМЕНТЫ)

- Сильв., с. 43 Превѣчне крѣпче с[ва]те эль. б[о]же ... или рекше б[о]же мои. вѣчныи крѣпче с[ва]те Саваофе преславне. эль. эль. эль. эль. Іаоиль
- Музейск.,
л. 456—456 об. Превѣч'не крѣп'че. с[ва]те Эль. б[о]же ... или рек'ше б[о]же мои. вѣчныи крѣп'че с[ва]те Савао^{к*} преслав'не. ель. ель. ель. ель. Иоиль
- Увар., л. 306 Превѣчне крѣпче с[ва]те. б[о]же ... елико рекше б[о]же мои. вѣчныи крѣпче. с[ва]те Саваоде преславне. ель. ель. ель Іаои^н
- Волок., с. 66 Превѣчныи крѣпче. с[ва]те б[о]же ... велии рекше б[о]же мои вечныи. крѣпче с[ва]те Саваофе. преславне. Иоаиль
- Солов., с. 122 Превѣчне крѣпче с[ва]те б[о]же ... елико рекше б[о]же мои вѣчныи крѣпче с[ва]те Саваофе преславне Иоаиле
- Барс., л. 8 об. Превѣчне. крѣпче. с[ва]те б[о]же ... вели. рекше б[о]же мои вѣчныи. крѣпче. с[ва]те. Саваофе. преславне Иоаиль
- Синод., л. 83 Превѣчне крѣпче. с[ва]те б[о]же ... ели^{ко} рек'ше б[о]же мои. вѣч'ныи крѣпче. с[ва]те Саваоде. преславне. Иоаиль
- Тихонр., л. 75 об. Превѣчне крѣпче. с[ва]те ... или рекше б[о]же мои вѣчныи. крѣпче с[ва]те. Саваод преславне. Иасиль
- 1-й Мазур., л. 129 об. Превѣч'не крѣп'че с[ва]те б[о]же ... велии. рек'ше б[о]же мои вѣчныи. крѣп'че с[ва]те Саваофе. преслав'не. Іаоиль
- 2-й Мазур., л. 123 об. Превѣчныи^н крѣпки^н с[ва]ты^н б[о]же ... вели^н. ре^к'ше б[о]же мо^н вѣ^н'ны^н крѣпче с[ва]те Ваваофе [sic!] пресла^не Иоаи^н
- Акад., л. 29 об. — 30 Превѣчне крѣпче с[ва]те б[о]же ... ве^нми. рекше б[о]же мои вѣчныи. крѣпче. с[ва]те Саваофе. преславне Иоиль
- Румянц.,
л. 105 об. — 106 Превѣчне крѣпче с[ва]те б[о]же ... рекше б[о]же мои вѣчныи крѣпче с[ва]те Саваофа [sic!]. преславне Иооль
- Пряниш., л. 159 об. Превѣчне, и крѣпкии, и с[ва]тыи б[о]же ... б[о]же мои вѣчныи. с[ва]те Саваоде преславне. Иоиль
- Саров., л. 179 Превѣчне крѣпче. с[ва]те б[о]же ... елико рекше б[о]же мои вѣчныи. крѣпче. с[ва]те. Саваофе. пресла^не Іаоиль
- Погод., л. 64 об. Превѣчне крѣпче. с[ва]те б[о]же ... или рекше б[о]же мои вѣчныи крѣпче с[ва]те Саваофе. пресла^не Іаоиль
- Кир.-Бел.,
л. 117 об. — 118
(118 об. — 119 верх.
фолиации) Превѣчне крѣпче. с[ва]те б[о]же ... вели. рекше. б[о]же мои вѣчныи. крѣпче. с[ва]те. Саваофе. преславне Іоаиль
- Вязем., л. 142 об. Превѣчне крѣ^нче с[ва]те б[о]же ... елико рекше б[о]же мои вѣчныи^н крѣпче с[ва]те Саваофе пресла^не Іаоиле

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ КНИГОХРАНИЛИЩ

- ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
 РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
 РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аввакум 1927 — Сочинения протопopa Аввакума // [Барсков Я. Л., Смирнов П. С.]. Памятники истории старообрядчества. Кн. I. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. (= «Русская историческая библиотека». Т. XXXIX). [Avvakum's writings. *Pamyatniki istorii staroobryadchestva* [Barskov Ya. L., Smirnov P. S.]. Book I. No. 1. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1927 (= «Russkaya istoricheskaya biblioteka». Vol. XXXIX).]
- Алексеев 1999 — Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. [Alekseev A. A. *Tekstologiya slavyanskoi Biblii* [Textology of the Slavonic Bible]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999.]
- Алексеев 2007 — Алексеев А. А. Апокрифы Толковой Палеи, переведенные с еврейских оригиналов // ТОДРЛ. Т. LVII. СПб.: Наука, 2007. С. 41—57. [Alekseev A. A. The Apocrypha of the Palaea Interpretata translated from Hebrew originals. *Trudy otdeleniya drevnerusskoi literatury*. Vol. LVII. St. Petersburg: Nauka, 2007. Pp. 41—57.]
- Алексеев 2010 — Алексеев А. А. Библейский канон на Руси // ТОДРЛ. Т. LXI. СПб.: Наука, 2010. С. 171—193. [Alekseev A. A. The biblical canon in Russia. *Trudy otdeleniya drevnerusskoi literatury*. Vol. LXI. St. Petersburg: Nauka, 2010. Pp. 171—193.]
- Алексеев 2014 — Алексеев А. А. Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи: Результаты и перспективы исследования // Jews and Slavs. Vol. XXIV. М.; Иерусалим: Гешарим, 2014. С. 165—180. [Russian-Hebrew literary contacts of the Kievan period: Research results and perspectives. *Jews and Slavs*. Vol. XXIV. Moscow; Jerusalem: Gesharim, 2014. Pp. 165—180.]
- Архипов 2003 — Архипов А. Имя чресел его: Информация к размышлению о божественных именах в еврейской мистике // Успенский Ф. Б. (сост.). Именослов: Заметки по исторической семантике имени. М.: Индрик, 2003. С. 5—70. [Arkhipov A. The name of his loins: information for reflection on divine names in the Jewish mysticism. *Imenoslov: Zametki po istoricheskoi semantike imeni*. Uspenskij F. B. (comp.). Moscow: Indrik, 2003. Pp. 5—70.]
- Библия 1581 (Острожская библия) — Библия сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта, по азыкѣ словенскѣ. Острог, 1581. [The Bible, The Old and New Testament. Ostrog, 1581.]
- Библия 1663 (Московская библия) — Библия сирѣчь книги ветхаго и новаго завѣта, по азыкѣ славенскѣ. М., 1663. [The Bible, The Old and New Testament. Moscow, 1663.]
- Библия 1751 (Елизаветинская библия) — Библия, сирѣчь книги священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта. СПб., 1751⁹². [The Bible, The Old and New Testament. St. Petersburg, 1751.]
- Библия 1897, I—II — Священные книги Ветхого Завета, переведенные с еврейского языка для употребления евреям. Т. I—II. Вена: Британское и иностранное библейское об-во, 1897. [*Svyashchennye knigi Vetkhogo Zaveta, perevedennye s evreiskogo yazyka dlya upotrebleniya evreyam* [The Sacred Books of the Old Testament translated from Hebrew for Jews]. Vol. I—II. Vienna: The British and Foreign Bible Society, 1897.]
- Бороздин 1898 — Бороздин А. К. Протопop Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб.: Тип. В. Демакова, 1898. [Borozdin A. K. *Protopop Avvakum: Ocherk iz istorii umstvennoi zhizni russkogo obshchestva v XVII veke* [Avvakum: A survey of the history of the Russian society intellectual life in the 18th century]. St. Petersburg: Tip. V. Demakova, 1898.]
- Вайан 1952 — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. [Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku* [A manual on Old Slavonic]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1952.]
- Гаркави 1865 — Гаркави А. Я. Об языке евреев, живших в древнее время на Руси, и о славянских словах, встречаемых у еврейских писателей (из Исследований об истории евреев в России).

⁹² Все последующие издания славянской четвь Библии воспроизводят этот текст.

- СПб., 1865⁹³. [Garkavi A. Ya. *Ob yazyke evreev, zhivshikh v drevnee vremya na Rusi, i o slavyanskikh slovakh, vstrechaemykh u evreiskikh pisatelei (iz Issledovaniy ob istorii evreev v Rossii)* [About the language of Jews who lived in old times in Russia and about Slavic words in the texts of the Jewish writers (from the Studies in the history of Jews in Russia)]. St. Petersburg, 1865.]
- Гиппиус в печати — Гиппиус А. А. «Сакральная грамматика» Преславской книжной школы (в печати). [Gippius A. A. «*Sakral'naya grammatika*» Preslavskoi knizhnoi shkoly [«The sacred grammar» of the Preslav Literary School] (in print).]
- Грибов 1993 — Грибов Ю. А. Значение палеографических особенностей для определения состава и генеалогии четвых сборников // История и палеография. М.: ИРИ РАН, 1993. Вып. 1. С. 34—55. [Gribov Yu. A. The role of paleographic characteristics for determination of composition and genealogy of the Miscellanies. *Istoriya i paleografiya*. Moscow: Institute of the Russian History, Russian Academy of Sciences, 1993. No. 1. Pp. 34—55.]
- Грибов 2009 — Грибов Ю. А. О реконструкции новгородского иллюстрированного сборника XIV в. // Хризограф. Вып. 3: Средневековые книжные центры: местные традиции и межрегиональные связи: труды междунар. науч. конф. Москва, 5—7 сентября 2005 года. М.: СканРус, 2009. С. 253—267. [Gribov Yu. A. About the reconstruction of the Novgorod illuminated Miscellany of the 14th century. *Khrizograf*. No. 3: *Srednevekovye knizhnye tsestry: mestnye traditsii i mezhrional'nye svyazi: trudy mezhdunar. nauch. konf. Moscow, September 5—7, 2005*. Moscow: SkanRus, 2009. Pp. 253—267.]
- Григ. пар. — Григоровичев паремейник XII — нач. XIII в. // Рибарова З., Хауптова З. Григоровичев паремейник, I. Текст со критички апарат. Скопје: Македонската академија на науките и уметностите, 1998⁹⁴. [Prophetologion of Grigorovich, XII — early XIII century. *Grigorovichev parimejnik, I. Tekst so kritichki aparat*. Ribarova Z., Khauptova Z. Skopje: The Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1998.]
- Елеонский 1905 — Елеонский Ф. Древнеславянский перевод Исх. I, 7 и III, 4 // Христианское чтение. Т. ССХІХ. 1905, апрель. С. 486—499. [Eleonskii F. The Old Slavonic translation of the Exodus I, 7 and III, 4. *Khristianskoe chtenie*. Vol. ССХІХ. 1905, April. Pp. 486—499.]
- Елизаветинская библия — см. [Библия 1751].
- Живов 1995 — Живов В. М. Буковница 1592 г. и ее место в истории русской грамматической мысли // Birnbaum H., Flier M. (eds). *The language and verse in Russia: In honor of Dean S. Worth on his sixty-fifth birthday*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. С. 291—303. (= «UCLA Slavic Studies». New Series. Vol. 2). [Zhivov V. M. The Bukovnitza of 1592 and its place in the history of the Russian grammatical thought. *The language and verse in Russia: In honor of Dean S. Worth on his sixty-fifth birthday*. Birnbaum H., Flier M. (eds). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1995. Pp. 291—303. (= «UCLA Slavic Studies». New Series. Vol. 2).]
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialect* [The Old Novgorod dialect]. 2nd ed., revised. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2004.]
- Зеленин 1954 — Зеленин Д. К. О происхождении северо-великоруссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. № 6. М., 1954. С. 81—94. [Zelenin D. K. On the origin of the North Great Russians of Veliky Novgorod. *Doklady i soobshcheniya In-ta yazykoznaneya AN SSSR*. № 6. Moscow, 1954. Pp. 81—94.]
- Иванова-Мирчева 1971 — Иванова-Мирчева Д. Иоан Екзарх Български. Слова. Т. 1. София: Изд-во на БАН, 1971. [Ivanova-Mircheva D. *Ioan Exarkh Bŭlgarski. Slova* [Ioann, Exarch of Bulgaria. Sermons]. Vol. 1. Sofia: The Bulgarian Academy of Sciences, 1971.]
- Изб. 1073 г. — Изборник Святослава 1073 года: Факсимильное изд. / Под ред. Л. П. Жуковской. М.: Книга, 1983⁹⁵. [Izbornik Svyatoslava 1073 goda: *Faksimil'noe izd.* [Izbornik of Svyatoslav, 1073: Facsimile ed.]. Zhukovskaya L. P. (ed.). Moscow: Kniga, 1983.]
- Изб. 1076 г. — Изборник 1076 г. / Изд. подг. Голышенко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефедов Г. Ф. М.: Наука, 1965⁹⁶. [Izbornik 1076 g. [Izbornik, 1076]. Prepared by Golyshenko V. S., Dubrovina V. F., Dem'yanov V. G., Nefedov G. F. Moscow: Nauka, 1965.]

⁹³ На обороте титульного листа указано: «Извлечено из Трудов Восточного отделения имп. Археологического общества».

⁹⁴ Воспроизведение рукописи: РГБ, ф. 87 / Григор., № 2 = Муз. № 1685. В этом издании приведены варианты из Лобковского паремейника 1294—1320 гг. (ГИМ, Хлуд. № 142) и Захарьинского паремейника 1271 г. (РНБ, Q.п.I.13).

⁹⁵ Воспроизведение рукописи: ГИМ, Син. № 1043.

⁹⁶ Воспроизведение рукописи: РНБ, Эрм. № 20.

- Ил. кн. — Ильина книга / Лингвистическое издание, подгот. греч. текста, коммент., словоуказатели Крысько В. Б. М.: Индрик, 2005⁹⁷. [*Il'ina kniga*. Linguistic edition, editing of the Greek text, commentaries, indices by Kryško V. B.]. Moscow: Indrik, 2005.]
- Ин. Экз. — Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна ексарха Болгарского. По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки буква в букву и слово в слово / Публ. Бодянского О. М. с предисл. Попова А. Н. М., 1878⁹⁸. [*Bogoslovie Ioanna Damaskina v perevode Ioanna eksarkha Bolgarskogo. Po kharateinomu spisku Moskovskoi Sinodal'noi biblioteki bukva v bukvu i slovo v slovo*]. Published by Bodyanskii O. M. with the preface of Popov A. N. Moscow, 1878.]
- Истрин, I—III — Истрин В. М. Книги временныя и образныя Гевргия мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. I—III. Пг.: Рос. гос. акад. тип. (Л.: Изд-во АН СССР), 1920—1930. [Istrin V. M. *Knigy vremen'nyya i obraznyya Georgiya mnikha: Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanorusskom perevode. Tekst, issledovanie i slovar'* [Knigy vremen'nyya i obraznyya Georgiya mnikha: The Chronicle of Georgios Amartol in the old Slavonic-Russian translation. Text, study and vocabulary]. Vol. I—III. St. Petersburg: Ros. Gos. Akad. Tip. (Leningrad: Academy of Sciences of the USSR.), 1920—1930.]
- Каринский 1909 — Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV веке. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1909. (= «Записки историко-филологического ф-та СПб. ун-та», XCIII). [Karinskii N. M. *Yazyk Pskova i ego oblasti v XV veke* [The language of Pskov and its region in the 15th century]. St. Petersburg: Tip. M. A. Aleksandrova, 1909. (= «Zapiski istoriko-filologicheskogo f-ta Spb. un-ta», XCIII).]
- Карский 1928 — Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. [Karskii E. F. *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya* [Slavonic Cyrillic paleography]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1928.]
- Кулик 2008 — Кулик А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция // *Ruthenica*. 2008. Vol. VII. Pp. 52—70⁹⁹. [Kulik A. Jews of the Ancient Russia: sources and the historical reconstruction. *Ruthenica*. 2008. Vol. VII. Pp. 52—70.]
- Мелетий Смотрицкий 1648 — [Мелетий Смотрицкий]. Грамматика. М., 1648. [Meletii Smotritskii. *Grammatika* [Grammar]. Moscow, 1648.]
- Михайлов 1900—1908 — Михайлов А. В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе: Приложение к книге «Опыт изучения книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе». Вып. I—IV. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1900—1908¹⁰⁰. [Mikhailov A. V. *Kniga Bytiya proroka Moiseya v drevneslavyanskom perevode: Prilozhenie k knige «Opyt izucheniya knigi Bytiya proroka Moiseya v drevneslavyanskom perevode»* [Genesis by Moses the Prophet in the Old Slavonic translation: An addendum to the book «An attempt of the study of Genesis by Moses the Prophet in the Old Slavonic translation»]. No. I—IV. Warsaw: Warsaw Educational District Publ., 1900—1908.]
- Московская библия — см. [Библия 1663].
- Острожская библия — см. [Библия 1581].
- Откровение Авраама 1891 — Откровение Авраама. [СПб.], 1891. (= «Об-во любителей древней письменности», XCIX)¹⁰¹. [*Otkrovenie Avraama* [The apocalypse of Abraham. [SPb.], 1891. (= «Ob-vo lyubitelei drevnei pis'mennosti», XCIX).]

⁹⁷ Воспроизведение рукописи: РГАДА, ф. 381 / Библ. Моск. Синод. типографии № 131.

⁹⁸ Воспроизведение рукописи: ГИМ, Син. № 108. Оттиск из изд.: Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете. 1877. Кн. 4.

⁹⁹ Переиздано: История еврейского народа в России. Т. 1. От древности до раннего нового времени / Под ред. Кулика А. М.; Иерусалим: Гешарим, 2010. с. 189—213; Jews and Slavs. Vol. XXIV. М.; Иерусалим: Гешарим, 2014. с. 129—219.

¹⁰⁰ Вып. I, главы I—XII — 1900; вып. II, главы XIII—XXV — 1901; вып. III, главы XXVI—XXXVI — 1903; вып. IV, главы XXXVII—L — 1908. Продолжающаяся пагинация во всех выпусках. В последнем (IV-м) выпуске есть вклейка: «Вып. V, который готовится к печати, будет содержать введение, описание рукописей и два словаря — славяно-греческий и греко-славянский». Вып. V в свет не вышел. Книга является приложением к труду: Михайлов А. В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. I. Паримейный текст. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1912; здесь на с. I—LXXXIX раскрываются сиглы рукописей, воспроизведенных в приложении, и дается их описание.

¹⁰¹ В предисловии сказано: «Рукопись [Б-ка Московской Синодальной типографии, № 53, л. 164 об.—182 об.] воспроизведена П. П. Новицким на средства А. Ф. Маркова».

- Пичхадзе 1996 — Пичхадзе А. А. К истории четъего текста славянского Восьмикнижия // ТОДРЛ. Т. XLIX. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 10—21. [Pichkhadze A. A. Towards the history of the text of the Slavonic Octateuch. *Trudy otdeleniya drevnerusskoi literatury*. Vol. XLIX. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1996. Pp. 10—21.]
- Порфирьев 1877 — Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях // Сб. ОРЯС. Т. XVII. № 1. СПб., 1877. [Porfir'ev I. Ya. Apocryphic stories about persons and events of the Old Testament. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. Vol. XVII. No. 1. St. Petersburg, 1877.]
- ПСРЛ, I—XLIII — Полное собрание русских летописей. Т. I—XLIII. СПб. (Пг., Л.); М., 1841—2004. [*Polnoe sobranie russkikh letopisei* [The complete collection of the Russian chronicles]. Vol. I—XLIII. St. Petersburg (Petrograd, Leningrad); Moscow, 1841—2004.]
- Северьянов 1904 — Супрасльская рукопись. Труд С. Северьянова. Т. I. СПб., 1904. (= «Памятники старославянского языка». II. Вып. 1.) [*Suprasl'skaya rukopis'. Trud S. Sever'yanova* [The Suprasl' manuscript. The work of S. Sever'yanov]. Vol. I. St. Petersburg, 1904. (= «Pamyatniki staroslavjanskogo yazyka». II. No. 1.)]
- Северьянов 1922 — Синайская Псалтырь: Глаголический памятник XI века. Пригот. к печати С. Северьянов. Пг.: Издание Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, 1922. (= «Памятники старославянского языка». IV.) [*Sinaiskaya Psaltyr': Glagolicheskii pamyatnik XI veka. Prigot. k pečati S. Sever'yanov* [The Sinai Psalter. The glagolitic text of the 11th century. Ed. by S. Sever'yanov]. Petrograd: The Department of the Russian Language and Literature, Russian Academy of Sciences, 1922. (= «Pamyatniki staroslavjanskogo yazyka». IV.)]
- СДРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. I—X. М., 1988—2013—. [*Slovar' drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv.* [The dictionary of the Old Russian language of the 11th—14th centuries]. Vol. I—X. Moscow, 1988—2013—.]
- СЛРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII в. Вып. I—XXIX. М., 1975—2011—. [*Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* [The dictionary of the Russian language of the 11th—17th centuries]. No. I—XXIX. Moscow, 1975—2011—.]
- Соколов 1899—1910 — Соколов М. Материалы и заметки по старинной славянской литературе. Вып. III. № 7. Славянская книга Еноха // Чтения в имп. Об-ве истории и древностей российских при имп. Московском ун-те. М., 1899. Кн. 4; 1910. Кн. 4¹⁰². [Sokolov M. Materials and notes on the ancient Slavic literature. Vol. III. № 7. The Slavonic Book of Enokh. *Chteniya v imp. Ob-ve istorii i drevnostei Rossiiskikh pri imp. Moskovskom un-te*. Moscow, 1899. Book 4; 1910. Book 4.]
- Срезневский, I—III, доп. том — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III и Дополнения. СПб., 1893—1912. [*Sreznevskii I. I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Old Russian dictionary based on written sources]. Vol. I—III and Addenda. St. Petersburg, 1893—1912.]
- Срезневский 1863а — Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X—XIV веков): общее повременное издание с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863¹⁰³. [*Sreznevskii I. I. Drevnie pamyatniki russkogo pis'ma i yazyka (X—XIV vekov): obshchee povremennoe izdanie s paleograficheskimi ukazaniyami i vypiskami iz podlinnikov i iz drevnikh spiskov* [Old monuments of the Russian writing and language (X—XIV centuries): general chronological edition with paleographic notes and extracts from the original texts and old copies]. St. Petersburg, 1863.]
- Срезневский 1863б — Срезневский И. И. Дополнение к общему повременному обозрению древних памятников русского письма и языка // Известия имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности. Т. X. Вып. 6. СПб., 1863. С. 594—703. [*Sreznevskii I. I. An addendum to the general chronological survey of the old monuments of the Russian writing and language. Izvestiya imp. Akademii nauk po otdeleniyu russkogo yazyka i slovesnosti*. Vol. X. No. 6. St. Petersburg, 1863. Pp. 594—703.]
- ССЯ, I—IV — Slovník jazyka staroslověnské / Lexicon linguae paleoslovenicae. Т. I—IV. Praha, 1958—1997.
- СЦРЯ, I—IV — Словарь церковнославянского и русского языка, издаваемый Вторым отделением имп. Академии наук. 2-е изд. Т. I—IV. СПб., 1867—1868. [*Slovar' tserkovnoslavjanskogo i russkogo yazyka, izdavaemyi Vtorym otdeleniem imp. Akademii nauk* [Church Slavonic and Russian

¹⁰² Единая пагинация в обоих выпусках.

¹⁰³ Приложение: снимки с памятников. СПб., 1866.

- dictionary published by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. 2nd ed. Vol. I—IV. St. Petersburg, 1867—1868.]
- Сырку 1897 — Краткий отчет о занятиях за границей доцента имп. С.-Петербургского университета П. А. Сырку в летние месяцы 1893 и 1894 гг. // Сб. ОРЯС. Т. LXIII. СПб., 1897. С. XXV—LXI. [A short report of the research abroad of Syrku P. A., Associate Professor of the Imperial St. Petersburg University, during the summer months of 1893 and 1894. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti*. Vol. LXIII. St. Petersburg, 1897. Pp. XXV—LXI.]
- Тасева, Йовчева 2003 — Старобългарският превод на Стария Завет / Под общ. ред. и с въведение от С. Николова. Т. II: Книга на пророк Иезекиил с тълкования. Изданието е подгот. от Л. Тасева, М. Йовчева; подбор на гръцкия текст Т. Илиева. София: Кирило-Методиевски научен център, 2003. [*Starobulgariskiyat prevod na Stariya Zavet*. S. Nikolov (ed.). Vol. II: *Kniga na prorok Iezekiil s tolkovaniya* [The Book of Ezekiel with interpretations]. L. Taseva, M. Yovcheva (eds); selection of the Greek texts by T. Ilieva. Sofia: Cyril and Methodius Scientific Center, 2003.]
- Тип. устав — Типографский Устав: Устав с кондакарем конца XI — начала XII века / Под ред. Успенского Б. А. Т. I—III. М.: Языки славянских культур, 2006 (Т. I. Факсимильное воспроизведение; Т. II. Наборное воспроизведение рукописи; Т. III. Исследования)¹⁰⁴. [*Tipografskii Ustav: Ustav s kondakarem kontsa XI — nachala XII veka*. [The “Typography Turikon”: Turikon and Kondakar of the end of the 11th century—the beginning of the 12th century]. Uspenskij B. A. (ed.). Vol. I—III. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2006 (Vol. I. Facsimile reproduction; Vol. II. Typesetting reproduction of the manuscript; Vol. III. Studies).]
- Тихонравов, I—II — Памятники отреченной русской литературы (Приложение к сочинению «Отреченные книги древней России») / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. Т. I—II. М., 1863. [*Pamyatniki otrечennoi russkoi literatury (Prilozhenie k sochineniyu «Otrechennyye knigi drevnei Rossii»)*] [Monuments of the apocryphal Russian literature (An addendum to the work «Apocrypha of the Ancient Russia»). Collected and published by N. Tikhonravov]. Vol. I—II. Moscow, 1863.]
- Тихонравов 1898 — Тихонравов Н. С. Сочинения. Т. I: Древняя русская литература. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. [Tikhonravov N. S. *Sochineniya*. T. I: *Drevnyaya russkaya literatura* [Writings. Vol. I: Old Russian literature]. Moscow: Izd. M. i S. Sabashnikovykh, 1898.]
- Успенский 2002 — Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2002. [Uspenskij B. A. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.)*] [History of the Russian literary language (XI—XVII centuries)]. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Aspekt Press, 2002.]
- Успенский 2012а — Успенский Б. А. Имя Бога в славянской Библии (К вопросу о славяно-еврейских контактах в Древней Руси) // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 93—122. [Uspenskij B. A. The name of God in the Slavonic Bible (On the problem of Slavic-Hebrew contacts in Medieval Russia). *Voprosy jazykoznanija*. 2012. No. 6. Pp. 93—122.]
- Успенский 2012б — Успенский Б. А. Ego loquens: Язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр. и доп. М.: РГГУ, 2012. [Uspenskij B. A. *Ego loquens: Yazyk i kommunikatsionnoe prostranstvo* [Ego loquens: Language and the space of communication]. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2012.]
- Успенский 2013 — Успенский Б. А. Буква Э в древнерусских певческих текстах и в списках библейской книги Исход // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 79—114. [Uspenskij B. A. The letter Э in Old Russian hymns and copies of Exodus. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 6. Pp. 79—114.]
- Успенский 2014 — Успенский Б. А. Из истории славянской Библии: Славяно-еврейские языковые контакты в Древней Руси (на материале *Nomina sacra*) // Вопросы языкознания. 2014. № 5. С. 24—55. [Uspenskij B. A. From the history of Slavonic Bible: Slavic-Hebrew language contacts in Medieval Russia (based on *Nomina sacra*). *Voprosy jazykoznanija*. 2014. No. 5. Pp. 24—55.]
- Фасмер, I—IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1964—1973. [Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [An etymological dictionary of the Russian language]. Translation from German and addendum by Trubachev O. N. Vol. I—IV. Moscow: Progress, 1964—1973.]
- Шолем 2004 — Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике / Пер. с англ. М.; Иерусалим: Гешарим, 2004. [Sholem G. *Osnovnye techeniya v evreiskoi mistike* [The main trends in the Jewish mysticism. Translation from English. Moscow; Jerusalem: Gesharim, 2004.]

¹⁰⁴ Воспроизведение рукописи: Гос. Третьяковская галерея, К—5348.

- Щепкин 1918 — Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М.: Издание Об-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1918. [Shchepkin V. N. *Uchebnik russkoi paleografii* [A manual on Russian paleography]. Moscow: The Society of History and the Russian Antiquities at the Moscow University, 1918.]
- Ягич 1886 — Служебные мины за сентябрь, октябрь, ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. Труд И. В. Ягича. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1886. (= «Памятники древнерусского языка». I.) [*Sluzhebnye minei za sentyabr', oktyabr', noyabr' v tserkovnoslavjanskom perevode po russkim rukopisyam 1095—1097 g. Trud I. V. Yagicha* [The office menaia for September, October, November in Church Slavonic translation according to the Russian manuscripts of 1095—1097. The work of I. V. Yagich]. St. Petersburg: Tip. imp. Akademii nauk, 1886. (= «Pamyatniki drevnerusskogo yazyka». I.)]
- Albright, Mann 1971 — *The Anchor Bible: Matthew*. Introduction, transl., and notes by Albright W. F., Mann C. S. Garden City, NY: Doubleday, 1971. (= «Anchor Bible». Vol. 26.)
- Alexander 1983 — 3 (Hebrew Apocalypse of) Enoch (Fifth to sixth century A. D.). A new transl. and introduction by Alexander P. In Charlesworth J. H. (ed.). *The Old Testament pseudepigrapha*. Vol. 1: *Apocalyptic literature and testaments*. Garden City, NY: Doubleday, 1983. Pp. 223—316¹⁰⁵.
- Arranz 1991 — Arranz M. Une traduction du tétragramme divin dans quelques textes liturgiques slaves. In Perić R. (ed.). «*Homo imago et amicus Dei*»: *Miscellanea in honorem Ioannis Golub*. Roma: Pontificium Collegium Croaticum Sancti Hieronymi, 1991. Pp. 497—504.
- Arranz 1993 — Arranz M. Une traduction du tétragramme divin dans quelques textes liturgiques slaves. In *Jews and Slavs*. Vol. I: Jerusalem; St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. Pp. 11—19.
- Böhlig, Wisse 1975 — Böhlig A., Wisse F. (eds, with transl. and comm.). *Nag Hammadi Codices III, 2 and IV, 2. The Gospel of the Egyptians (The Holy Book of the Great Invisible Spirit)*. Leiden: Brill, 1975. (= «Nag Hammadi studies». Vol. IV.)
- Bonwetsch 1897 — Bonwetsch G. N. (Hrsg.). *Die Apocalypse Abrahams: Das Testament des vierzig Märtyrer*. Leipzig: Deichert, 1897. (= «Studien zur Geschichte der Theologie und der Kirche». Bd 1. Hft 1.)
- Box 1918 — Box G. H. (ed., with the assistance of Langman J. I.). *The Apocalypse of Abraham*. London: S.P.C.K.; New York: Macmillan, 1918¹⁰⁶.
- Charles, Barton 1984 — The Ascension of Isaiah. The transl. of Charles R. H. revised by Barton J. M. T. In Sparks H. F. D. (ed.). *The Apocryphal Old Testament*. Oxford: Clarendon Press, 1984. Pp. 775—812.
- Charles, Rabin 1984 — The Book of Jubilees. The transl. of Charles R. H. revised by Rabin C. In Sparks H. F. D. (ed.). *The Apocryphal Old Testament*. Oxford: Clarendon Press, 1984. Pp. 1—139.
- Cohen 1985 — Cohen M. S. *The Shi'ur Qomah*. Tübingen: Mohr, 1985. (= «Texte und Studien zum Antiken Judentum». Vol. 9.)
- Cross 1973 — Cross F. M. 'El. In Butterweck G. J., Ringgren H. (Hrsg.). *Theologisches Wörterbuch zum Alten Testament*. Bd I. Stuttgart: Kohlhammer, 1973. SS. 259—279.
- Crum 1896 — Crum W. Eine Verfluchung. In *Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Alterthumskunde*. Bd XXXIV. 1896. SS. 85—89.
- Diez Macho 1968—1979, I—VI — Diez Macho A. *Neophyti I. Targum Palestinense, ms de la Biblioteca Vaticana. Edición príncipe, introducción y versión Castellana*. T. I—VI. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1968—1979 (I. Génesis, 1968; II. Éxodo, 1970; III. Levítico, 1971; IV. Números, 1974; V. Deuteronomio, 1978; VI. Apéndices, 1979). (= «Textos y estudios», 7—11, 20).
- Floss 1991 — Floss J. P. «Ich bin meine Name»: Die Identität von Gottes Ich und Gottes Namen nach Ex 3, 14. In Gross W., Irsigler H., Seidl Th. (Hrsg.). *Text, Methode und Grammatik: Wolfgang Richter zum 65. Geburtstag*. St. Ottilien: EOS, 1991. SS. 67—80.
- Fossum 1985 — Fossum J. E. *The Name of God and the Angel of the Lord: Samaritan and Jewish concepts of intermediation and the origin of gnosticism*. Tübingen: Mohr, 1985. (= «Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament». Vol. 36.)
- Fossum 1995 — Fossum J. E. In the beginning was the Name: Onomanology as the key to Johannine Christology. In Fossum J. E. *The image of the invisible God: Essays on the influence of Jewish mysticism on early Christianity*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1995. Pp. 109—133. (= «Novum Testamentum et Orbis Antiquus». Vol. 30.)

¹⁰⁵ Introduction (p. 223—254), translation (p. 255—302). Appendix to 3 Enoch (chapters 15B, 22B, 22C, 23, 24, 48B, 48C, 48D, with notes) (p. 303—315).

¹⁰⁶ Дж. Бокс — автор введения и примечаний, Дж. Ландсман перевел славянский текст.

- Hatch, Redpath 1897 — Hatch E., Redpath H. A. *Concordance to the Septuagint and the other Greek versions of the Old Testament (including the Apocryphal books)*. Vol. I—II. Oxford: Clarendon Press, 1897¹⁰⁷.
- Hayward 1981 — Hayward R. *Divine name and presence: The Memra*. Totowa, NJ: Allanheld, 1981.
- James 1893 — James M. R. *Apocrypha Anecdota*. No. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1893.
- Kulik 2000 — Kulik A. *Apocalypse of Abraham: Towards the lost original*. Ph. D. Dissertation. Jerusalem: The Hebrew University, 2000.
- Kulik 2005 — Kulik A. *Retroverting Slavonic pseudoepigrapha: Toward the original of the Apocalypse of Abraham*. Leiden: Brill, 2005. (= «Society of Biblical literature. Text-Critical Studies». Vol. 3.)
- Kulik 2012 — Kulik A. Jews from Rus' in Medieval England. In *The Jewish quarterly review*. Vol. CII. 2012. No. 3. Pp. 371—403.
- Kulik 2014 — Kulik A. Jews and the language of Eastern Slavs. In *The Jewish quarterly review*. Vol. CIV. 2014. No. 1. Pp. 105—143.
- Lagarde 1887 — de Lagarde P. *Onomastica sacra: Studio et sumptibus*. Alterum edita. Gottingae, 1887.
- Lunt 1985 — Lunt H. G. On the language of the Slavonic Apocalypse of Abraham. In *Slavica Hierosolymitana*. 1985. Vol. 7. Pp. 55—62.
- Manson 1947 — Manson W. The ΕΓΩ ΕΙΜΙ of the messianic presence in the New Testament. In *Journal of theological studies*. 1947. Vol. XLVIII. No. 191—192. Pp. 137—145.
- McNamara 1992 — *Targum Neofiti I: Genesis*. Transl., with apparatus and notes by McNamara M. Edinburgh: Clark, 1992. (= «The Aramaic Bible». Vol. 1A.)
- Odeberg 1928 — Odeberg H. *3 Enoch or the Hebrew Book of Enoch*. Cambridge: Cambridge University Press, 1928.
- Orlov 2005 — Orlov A. A. *The Enoch-Metatron Tradition*. Tübingen: Mohr, 2005. (= «Texte und Studien zum Antiken Judentum». 107.)
- Orlov 2009 — Orlov A. A. Praxis of the Voice: The Divine Name traditions in the Apocalypse of Abraham. In Orlov A. A. *Selected studies in the Slavonic pseudoepigrapha*. Leiden: Brill, 2009. Pp. 21—40. (= «Studia in Veteris Testamenti Pseudoepigrapha». Vol. 23.)
- Orlov 2013 — Orlov A. A. *Heavenly priesthood in the Apocalypse of Abraham*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Paterson 1926 — Paterson E. *ΕΙΣ ΘΕΟΣ: Epigraphische, formgeschichtliche und religionsgeschichtliche Untersuchungen*. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1926. (= «Forschungen zur Religion und Literatur des Alten und Neuen Testament». N. F., Hft. 24.)
- Pennington 1984 — The Apocalypse of Abraham. Transl. by Pennington A. In Sparks H. F. D. (ed.). *The Apocryphal Old Testament*. Oxford: Clarendon Press, 1984. Pp. 363—392¹⁰⁸.
- Philonenko-Sayar, Philonenko 1981 — Philonenko-Sayar B., Philonenko M. *L'Apocalypse d'Abraham*. Paris: Adrien Maisonneuve, 1981. (= «Semitica». Vol. 31.)
- Poirier 2004 — Poirier J. C. The ouranology of the Apocalypse of Abraham. In *Journal for the study of Judaism in the Persian, Hellenistic and Roman period*. 2004. Vol. XXXV. No. 4. Pp. 391—408.
- Roberts, Donaldson, I—X — Roberts A., Donaldson J. (eds). *Ante-Nicene Fathers. Transl. from the writings of the Fathers down to A. D. 325*. American reprint of the Edinburgh edition. Revised and chronologically arranged with brief prefaces and occasional notes by Cleveland Coxe A. Vol. I—X. Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 1978—1979.
- Rubinkiewicz 1980 — Rubinkiewicz R. Les Semitismes dans l'Apocalypse d'Abraham. In *Folia Orientalia*. 1980. T. 21. SS. 141—148.
- Rubinkiewicz 1983 — Rubinkiewicz R. Introduction. In Charlesworth J. H. (ed.). *The Old Testament pseudoepigrapha*. Vol. 1: *Apocalyptic literature and testaments*. Garden City, NY: Doubleday, 1983. Pp. 681—688.
- Rubinkiewicz 1987 — Rubinkiewicz R. *L'Apocalypse d'Abraham en vieux slave: Introduction, texte critique, traduction et commentaire*. Lublin: Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1987. (= «Źródła i monografie». 129.)
- Rubinkiewicz, Lunt 1983 — Apocalypse of Abraham (First to second century A. D.). A new transl. and introduction by Rubinkiewicz R. (The Apocalypse of Abraham transl. by Rubinkiewicz R.; revised and

¹⁰⁷ Продолжающаяся пагинация в обоих томах. Ср.: Redpath H. A. *Supplement*. Oxford, 1906.

¹⁰⁸ Introduction (pp. 363—368), translation (pp. 364—392).

- notes added by Lunt H. G.). In Charlesworth J. H. (ed.). *The Old Testament pseudepigrapha*. Vol. 1: *Apocalyptic literature and testaments*. Garden City, NY: Doubleday, 1983. Pp. 681—705.
- Rubinstein 1953 — Rubinstein A. Hebraisms in the Slavonic Apocalypse of Abraham. In *Journal of Jewish studies*. 1953. Vol. 4. No. 3. Pp. 108—115.
- Rubinstein 1954 — Rubinstein A. Hebraisms in the Slavonic Apocalypse of Abraham. In *Journal of Jewish studies*. 1954. Vol. 5. No. 3. Pp. 132—135.
- Schmidt 1978 — *Pistis Sophia*. Text ed. by Schmidt C., transl. and notes by Macdermot V. Leiden: Brill, 1978. (= «Nag Hammadi studies». Vol. 9.)
- Scholem 1983 — Scholem G. *Le Nom et les symboles de Dieu dans la mystique juive*. Paris: Éditions du Cerf, 1983.
- Sh'ir Qoma 2001 — *Sh'ir Qoma: The measure of the (Divine) Body. From Sefer Raziel HaGadol: Book of (the Angelic Secrets of) Raziel the Great One*. Available at: <http://www.workofthechariot.com/PDF/NewShirQoma.pdf>.
- Stroumsa 2003 — Stroumsa G. G. A nameless God: Judaeo-Christian and Gnostic «theologies of the Name». In Tomson P. J., Lamberts-Petry D. (eds). *The image of the Judaeo-Christians in ancient Jewish and Christian literatures*. Tübingen: Mohr, 2003. Pp. 230—243. (= «Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament». Bd 158.)
- Uspenskij 2013 — Uspenskij B. Glagolitic script as a manifestation of sacred knowledge. In *Studi Slavistici*. Vol. X. 2013. Pp. 7—27.
- Wetter 1915 — Wetter G. P. «Ich bin es»: Eine johanneische Formel. In *Theologische Studien und Kritiken*. 1915. Bd 88. Hft 2. SS. 224—238.
- Williams 2000 — Williams C. H. *I am He: The interpretation of «Aní Hú» in Jewish and Early Christian literature*. Tübingen: Mohr, 2000. (= «Wissenschaftliche Untersuchungen zum Neuen Testament. 2 Reihe». 113.)
- Wevers 1996 — Wevers J. W. The interpretative character and significance of the Septuagint version. In M. Sæbø (ed.). *Hebrew Bible — Old Testament: The history of its interpretation*. Vol. I: *From the beginnings to the Middle Ages (Until 1300)*. Pt. 1: *Antiquity*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1996. Pp. 84—107.
- Zickendraht 1922 — Zickendraht K. ΕΓΩ ΕΙΜΙ. In *Theologische Studien und Kritiken*. 1922. Bd 94. Hfte 1—2. SS. 162—168.
- Ziegler 1977 — Ziegler J. (ed.). *Ezechiel*. Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1977. (= «Septuaginta: Vetus Testamentum graecum auctoritate Academiae scientiarum Göttingensis editum». Vol. 16/1.)
- Zimmermann 1960a — Zimmermann H. Das absolute Εγώ εἰμι als die neutestamentliche Offenbarungsformel. In *Biblische Zeitungen*. N. F. Jhrg 4. 1960. Hft 1. (SS. 54—69). Hft 2 (SS. 266—276).
- Zimmermann, 1960b — Zimmermann H. Das absolute «Ich bin» in der Redeweise Jesu. In *Trierer theologische Zeitschrift*. 1960. Jhrg 69. Hft 1. SS. 1—20.

Статья поступила в редакцию 08.12.2014.

ЮЖНОРУССКИЕ СИСТЕМЫ УДАРНОГО ВОКАЛИЗМА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ*

© 2015 г. Дмитрий Михайлович Савинов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия
crillon@yandex.ru

В статье представлено синхронное описание южнорусских систем ударного вокализма, а также дан диахронический анализ соответствующего языкового материала. Так, полный параллелизм фонетической структуры дифтонгов, реализующих фонемы /ѣ/ и /о/ в южнорусских говорах различной локализации, указывает на дифтонгическую природу гласного /ѣ/ в древнерусском языке и подтверждает мнение о том, что фонема /о/ появилась как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы. Фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /y/, /o/ и /e/, а также упрежденность реализаций фонемы /a/ может свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в недалеком прошлом противопоставления /о/ ~ /o/ и /ѣ/ ~ /e/.

Ключевые слова: русская фонетика, диалектология, южнорусские говоры, ударный вокализм

STRESSED VOWEL SYSTEMS IN SOUTHERN RUSSIAN AS A SOURCE FOR LINGUISTIC RECONSTRUCTION

Dmitry M. Savinov

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019,
Russia
crillon@yandex.ru

The paper is focussing on the synchronic and diachronic study of stressed vowel systems of the different South Russian dialects. A vowel system which consists of seven phonemes can exist only with diphthongs [iĕ] and [uŏ], which are the realization of the phonemes /ѣ/ and /о/ respectively. These diphthongs manifest a completely parallel structure. Firstly, it explains the nature of the diphthongal /ѣ/ in the Old Russian language; secondly, it supports the view that the phoneme /о/ appears to be a correlate of the phoneme /ѣ/, which is a result of the trend towards the symmetrisation of the Old Russian language system. In the archaic South Russian dialects phoneme /y/, /o/ and /e/ may be realised by lowered sounds [ɯ], [ɔ], [ɛ] and phoneme /a/ — by more front sound [a]. The fixation of the sounds [ɯ], [ɔ], [ɛ], [a] in the dialect with the vowel system of five phonemes can be used as an evidence of the archaism of this system and the presence in it not so long ago the opposition of /о/ ~ /o/ and /ѣ/ ~ /e/.

Keywords: Russian phonetics, dialectology, South Russian dialects, stressed vocalism

Введение

Одной из наиболее ярких особенностей, характеризующих фонетические системы архаических русских говоров, является отличный от литературного языка набор гласных фонем: сохранение различия /ѣ/ и /e/, /о/ и /o/. Сегодня семифонемный вокализм — реликтовая диалектная черта. В современных русских диалектах, даже в наиболее архаичных,

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 14-04-00378а «Активные процессы в просодической системе русского языка на современном этапе его развития».

семифонемная система вокализма никогда не бывает представлена в «идеальном» виде, с последовательным распределением отличающихся друг от друга звукотипов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов. «Характерной особенностью современного состояния говоров русского языка является почти полное отсутствие так называемых “чистых” систем, таких, в которых не проявлялись бы одновременно элементы какой-то другой системы <...>. Иными словами, на современном этапе развития говоров мы имеем дело с различными формами сосуществования двух или даже нескольких систем в пределах одного говора» [Панов 1968: 189]. Соотношение между частотностью и дис-трибуцией подобных вариантов может быть различным, а их появление зависит как от экстралингвистических факторов, так и от факторов собственно языковых.

Система противопоставления /ω/ и /o/, /Ъ/ и /e/ может существовать в нескольких вариантах: эти фонемы реализуются различными монофтонгами и дифтонгами, артикуляция которых предполагает разнообразные переходы от одного звукотипа к другому. Специфика диалектных различий в структуре «трапецидов» гласных при семифонемной системе вокализма выявлена в известной статье С. С. Высотского [1967]. Основные виды локализации подъемов гласных представлены в указанной работе с некоторой степенью условности и не исчерпывают того многообразия, которое может обнаружиться при дальнейшем изучении архаических говоров. Они дают лишь общее представление о структурной сложности семифонемной системы, отражают функциональные связи и возможные способы распределения ее значимых элементов на синхронном уровне. Для диахронической интерпретации фонемных изменений, которые происходят в различных вокалических системах, необходимо комплексное исследование всего многообразия звукотипов, характерных для русского диалектного языка в целом и для южнорусского наречия в частности.

Анализ образцов диалектной речи свидетельствует о высокой вариативности характеристик ударных гласных, что может выражаться, во-первых, в изменении их формантных областей, во-вторых, в различных соотношениях между компонентами неоднородных вокальных образований — дифтонгов или дифтонгоидов. Появление этих вариантов может быть обусловлено комбинаторным воздействием фонетического контекста (место образования или мягкость / твердость соседнего согласного), фразовой позицией, особенностями артикуляционной базы говора, а также сосуществованием в пределах одного говора нескольких фонологических подсистем. Наибольшее внимание в дальнейшем описании уделено аллофонам, реализующим /Ъ/, /ω/, /e/ и /o/, поскольку звуковые воплощения именно этих фонем располагаются в наиболее широком тембральном диапазоне.

1. Фонемы /Ъ/ и /ω/

Данные большинства архаических систем вокализма свидетельствуют о том, что основными реализациями фонем /Ъ/ и /ω/ в южнорусских говорах должны быть признаны восходящие дифтонги [йӗ] и [yŏ]: д[’йӗ]душка, д[’йӗ]вкиной, в Москв[’йӗ], об[yŏ]рки, за ст[yŏ]л, скул[yŏ]¹ (‘передняя часть печи’) и др.

Первые компоненты этих дифтонгов обычно не отличаются ни по слуховому впечатлению, ни по формантным характеристикам от аллофонов фонем /и/ и /у/. При этом значения F₁ первой части дифтонга [yŏ] несколько превышают аналогичные значения дифтонга [йӗ], что отражает соответствующие отношения между основными реализациями фонем /у/ и /и/. Последняя фаза дифтонгов на месте /Ъ/ и /ω/ также не отличается от характерной части монофтонгов, реализующих фонемы /e/ и /o/. Поэтому несимметричность по уровню подъема, свойственная основным реализациям /e/ и /o/, характерна и для вторых компонентов соответствующих дифтонгов; приблизительно в половине случаев дифтонг на месте

¹ Соответствующие графики (осциллограммы, спектрограммы и огибающие интенсивности) здесь и далее опущены для экономии места; с ними можно познакомиться в диссертационном исследовании [Савинов 2013: 98—190], размещенном по адресу: <http://www.ruslang.ru/doc/diss/savinov.pdf>.

фонемы /ω/ завершается гласным средне-нижнего подъема [ɔ]. В том случае, если в говоре в соответствии с фонемой /e/ отмечено произношение звука [ɛ], последняя фаза дифтонга [ӣɛ] также может локализоваться в зоне средне-нижнего подъема, что зафиксировано, например, в селах Солдátское Старооскольского р-на Белгородской обл. и Кирéйково Ульяновского р-на Калужской обл.

Скольжение тембра сложных гласных [ӣɛ] и [ӯо] происходит за счет постепенного понижения подъема с плавным нарастанием интенсивности, их начальные *и*-образный и *у*-образный участки, как правило, составляют не менее половины общей длительности дифтонга, подобное количественное соотношение между фазами дифтонгов на месте /ʙ/ и /ω/ можно признать характерной чертой архаических южнорусских говоров [Касаткин 1999: 380]; при этом максимум интенсивности приходится на второй элемент звукового комплекса, что и создает его слоговость. Таким образом, в большинстве южнорусских диалектных систем неоднородный гласный, реализующий фонемы /ʙ/ и /ω/, характеризуется восходящей силовой структурой, а также сильноконечным образованием.

Особенно часто звуковые комплексы, наиболее полно представляющие шкалу последовательной смены ступеней подъема, отмечаются в сильной фразовой позиции: при выделенности слова. Под влиянием ритмико-просодических условий неоднородные гласные на месте /ʙ/ и /ω/ получают большее растяжение и становятся полифтонгами типа [ӣɛɛ] или [ӯоо], последний наиболее открытый участок которых обычно образуется в зоне средне-нижнего подъема.

В некоторых южнорусских говорах происходят еще более значительные тембральные изменения ударных гласных, что также связано со значительным просодическим выделением слова и обычно фиксируется в конце речевого периода в позиции ауслата, а также при изолированном произнесении слова. В этом случае звуковые комплексы, реализующие фонемы /ʙ/ и /ω/, в завершающей части могут достигать *а*-образного тембра иногда с оттенком редукции в последних фазах: *ведр*[ʙӣэ̄], *молок*[ӯо̄а] и др.

Иногда фонемы /ω/ и /ʙ/ реализуются дифтонгоидами [ӯо] и [ӣɛ] с незначительным изменением тембра: *на бол*[ӯо̄]те, *б[ӣ]льше*, *б[ӣ]лим*, *б[ӣ]гать* и др.; их *у*-образная и *и*-образная части обычно не превышают 30% общей длительности звука, на слух эти гласные воспринимаются как монофтонги верхне-среднего подъема. Подобные дифтонгоиды с неконтрастным противопоставлением частей, одна из которых значительно преобладает над другой, представляют собой переходные звукотипы и появляются в результате постепенной монофтонгизации соответствующих дифтонгов.

Этот процесс протекает с разной степенью интенсивности во многих архаических южнорусских говорах. Практически в любой системе фонемы /ω/ и /ʙ/ могут реализоваться не только дифтонгами, но и различными монофтонгами, особенно часто однородные гласные фиксируются в безакцентных участках высказывания, при отсутствии выделенности слова. Кроме того, гласный, реализующий фонему /ʙ/ между мягкими согласными, имеет тенденцию к повышению уровня образования; неслучайно в некоторых диалектных системах в указанном положении произносится исключительно звук верхне-среднего подъема [ɛ], что может быть характерно как для сильной, так и для слабой фразовых позиций.

Последовательное развитие процесса монофтонгизации дифтонгов на месте /ʙ/ и /ω/, как правило, приводит к становлению системы вокализма, различающей три степени подъема. Однако даже при наличии в диалектной системе всего пяти гласных фонем в сильных (чаще — в «гиперсильных») фразовых позициях могут сохраняться следы прежнего распространения semifонемной системы вокализма: произношение на месте этимологических фонем /ʙ/ и /ω/ «полноценных» дифтонгов [ӣɛ] и [ӯо]. В качестве примера можно привести говор с. Анненково Фатéжского р-на Курской обл., который характеризуется пятифонемной системой вокализма. Однако при эмфазе, а также удлинении гласного на месте /ʙ/ и /ω/ под ударением встречаются дифтонги: *хладно́а̄*, *во́рт*, *с'м'и́эху* [Касаткина 1999: 66].

Следует отметить, что не всегда монофтонгизация дифтонгов [ӣɛ] и [ӯо] приводит к утрате оппозиций /ʙ/ ~ /e/, /ω/ ~ /o/. Во-первых, зоны рассеивания фонем /ʙ/ и /ω/, локализующиеся в области верхне-среднего или среднего подъемов, могут не смешиваться

с зонами рассеивания фонем /e/ и /o/ благодаря общему увеличению артикуляционного пространства. Так, понижение основных реализаций фонем /e/, /o/ и /a/ наблюдается в говоре с. Солдатское и способствует стабильному сохранению здесь semifонемной системы вокализма, а также архаических типов аканья и яканья.

Во-вторых, противопоставление монофтонгов на месте фонем /ѣ/ и /е/, /о/ и /о/ последовательно проводится в тех говорах, которые сохраняют общую напряженную артикуляционную базу. Ранее зависимость между высокой степенью напряженности артикуляции и стабильным сохранением semifонемного вокализма была описана для некоторых севернорусских говоров Вологодской и Кировской областей [Касаткина 1991: 210—215]; подобная особенность отмечена также в некоторых юго-западных диалектных системах, например в с. Кирейково, подробнее см. [Савинов 2014: 308—311].

Фонема /о/ может употребляться не только после твердых, но и после мягких согласных, а также после отвердевших шипящих. Эти случаи, как правило, отмечаются в суффиксах и флексиях и «могут быть объяснены как явившиеся по аналогии»: *плеч' ѓ/*, *бель' ѓ/* (как *сел' ѓ/*), *горяч' ѓ/* (как *тепл' ѓ/*), *Селезн' ѓ/в* (как *Петр' ѓ/в*), *земл' ѓ/ѹ* (как *сестр' ѓ/ѹ*), *на ч' ѓ/м* (как *на т' ѓ/м*) и т. д. [Васильев 1929: 23]. Указанная особенность не ограничивается только суффиксами и окончаниями, а распространяется также и на некоторые корни: *т' ѓ/тка*, *т' ѓ/пло*.

В южнорусских говорах /о/ после мягких согласных так же, как и после твердых, обычно реализуется восходящим дифтонгом (или полифтонгом), но в отличие от «классического вида» имеет в экскурсии короткую переходную фазу с тембром переднего гласного, за которым сначала следует уперденная *y*-образная часть с низким уровнем лабиализации ($F_2 = 1200—1400$ Гц), а затем *o*-образная часть, образующаяся в зоне среднего или средне-нижнего подъема (типа [“*y*o] или [“*y*o]).

Описанная особенность характерна далеко не для всех архаических южнорусских систем. Например, в с. Веретье Острогжского р-на Воронежской обл. после мягких согласных как в соответствии с /о/, так и в соответствии с /о/ фиксируется гласный среднего подъема [o] с небольшим *u*-образным начальным элементом, что свойственно и литературному языку. Наличие этого единого звукотипа в позиции после мягких согласных указывает на общую низкую значимость в местном говоре фонологической оппозиции /о/ ~ /о/. По данным К. В. Горшковой, фонемы /ѣ/ и /о/ дольше сохраняются в тех говорах, где «в результате морфологических процессов возникает сочетание “мягкий согласный + /ѓ/” — /с' ѓ/, устанавливается фонологическое противопоставление /ѓ/ — /ѣ/ с ДП “лабиализованность-нелабиализованность”» [Горшкова 1972: 116].

Употребление особых реализаций /ѣ/ после твердых согласных обычно представлено либо во флексиях типа *на конц' ѣ/*, *в шалаш' ѣ/*, *в душ' ѣ/*, либо в корнях: *ц' ѣ/льй*, *ц' ѣ/вка*, *ц' ѣ/п*, *ц' ѣ/ны*. В некоторых южнорусских говорах с semifонемной системой вокализма в этой позиции произносятся различные дифтонги (и более сложные гласные образования), а также монофтонги верхне-среднего подъема, несколько отодвинутые в сторону передне-среднего ряда. Наличие особых аллофонов фонемы /ѣ/ после отвердевших шипящих и [ц], отличающихся от аллофонов /е/ (*ц[ѣ]ѣвка*, но *ц[ѣ]рква*), можно признать архаической диалектной чертой, которая исключительно важна для фонологической интерпретации звукотипов на месте исконных *ѣ и *е. Различение этих гласных в положении после согласных, внепарных по твердости/мягкости, «позволяет говорить о противопоставлении в говорах <ѣ> и <е>» [Касаткин 1999: 396; Высотский 1967: 52].

В исследованиях некоторых диалектологов содержится указание на то, что фонема /о/ в ряде южнорусских систем может реализовываться не только восходящими дифтонгами типа [yо], но и нисходящими дифтонгами типа [оy]. Так, З. В. Жуковская приводит следующие примеры, записанные в нижедевицких говорах: *ноўжсык*, *коўжын*, *скоўл' наоа*, *поўт* («часть печи»), *т' оўтка* [Жуковская 1954: 65].

Инструментальный анализ дифтонгов, реализующих /о/ в южнорусских говорах различной локализации, противоречит наблюдению З. В. Жуковской: эта фонема всегда

представлена открывающимися звуковыми комплексами (дифтонгами и полидифтонгами) с восходящей силой звука. Кроме того, перед аллофонами фонемы /ω/ произносятся согласные со значительной степенью лабиализации, что особенно заметно у губных и заднеязычных согласных: *к^оудт*, но *кзы*, *раб^оқты*, но *бэх* и т. д., см. [Высотский 1949: 11—12]. Подобная сочетаемость, как правило, способствует восприятию гласного образования на месте /ω/ как дифтонга [y̥o] при возможной незначительной у-образной фазе в его экскурсии. Описанная ситуация характерна, например, для говора с. Солдатского, где перед гласным [o], реализующим в большинстве случаев фонему /ω/, произносится сильно лабиализованный согласный, что создает на перцептивном уровне отсутствие контраста между этим монодифтонгом и дифтонгическими образованиями типа [y̥o] на месте /ω/, но противопоставляет эти гласные аллофонам фонемы /o/.

Очевидно, что говоры, для которых характерен дифтонгический переход между гласным и согласным типа *С^оуд*, представляют собой более архаичные системы по сравнению с теми, в которых дифтонгический переход выражен слабее, а тембровая окраска первых фаз гласного создается исключительно за счет сильной лабиализации предшествующего согласного: *С^оо*; это же верно и относительно пары *С^ие* и *С^е*. Очевидно, что изменение *С^оуд* → *С^оо* и *С^ие* → *С^е* демонстрирует переход от силлабем, то есть нерасчлененных сочетаний согласного с последующим гласным, к отдельным фонологическим единицам, составляющим слог, где определяющую роль играют консонантные элементы.

Таким образом, фонетическая структура основных дифтонгических реализаций фонем /ʏ/ и /ω/ обнаруживает полный параллелизм как в тембральных характеристиках их частей, так и в структуре распределения силы звука; подобное соотношение основных аллофонов /ʏ/ и /ω/ характерно и для некоторых архаических севернорусских говоров [Высотский 1967: 31]. Параллелизм отношений между аллофонами /ʏ/ и /ω/ существует в говорах с последовательно проведенным семифонемным вокализмом (при отсутствии тенденции к разрушению системы дифтонгов), о чем свидетельствует симметричное распределение их вариантов. Например, в говоре с. Тагарино Каменского р-на Воронежской обл. дифтонг [йе] в соответствии с /ʏ/ отмечается в 76 % случаев, [y̥o] на месте /ω/ — в 72 % случаев, такая же картина характерна и для говора с. Истобного Репьевского р-на Воронежской обл. (71 % и 72 % соответственно).

Тенденция к монодифтонгизации в первую очередь затрагивает дифтонгические образования на месте /ω/, и лишь во вторую — на месте /ʏ/. Постепенное развитие этого процесса приводит к появлению асимметричных систем вокализма, которые характеризуются статистически значимым преобладанием дифтонгов типа [йе] над дифтонгами типа [y̥o]. Так, в с. Веретье звукотип [йе] фиксируется в 68 % случаев, тогда как [y̥o] — только в 39 %, то есть практически в два раза реже, что указывает на деградацию архаической системы вокализма [Дьяченко 2012: 37].

2. Фонемы /e/ и /o/

В отличие от /ʏ/ и /ω/, фонемы /o/ и /e/ в южнорусских архаических говорах не имеют обобщенного звукотипа определенной структуры и могут реализоваться целым спектром различных гласных: как монодифтонгов, так и более сложных образований, локализующихся в зонах верхнего, верхне-среднего, среднего и средне-нижнего подъема. Аллофоны этих фонем обладают одной характерной особенностью, связанной с их динамической структурой: все они отличаются резким возрастанием интенсивности в начальных фазах гласного и максимальной концентрацией энергии в его центральной части. Как правило, у этих гласных образований отсутствуют начальные переходные элементы, в результате чего характерный тембр звукотипа, реализующего фонемы /e/ и /o/, достигается в его первых же сегментах. Кроме того, аллофоны /e/ и /o/ имеют слабую степень аккомодации с предшествующими согласными, что также обуславливает специфику их звучания.

Самыми распространенными аллофонами /e/ и /o/ в южнорусских говорах следует признать гласные [e] и [ɔ]. Такое широкое распространение систем с несимметричным уровнем

подъема гласных на месте фонем второй ступени подъема, возможно, обусловлено следующей особенностью: при наличии «одинакового числа фонем в передней и задней сериях зоны безопасности оказываются уже в задней области, чем в передней, и этим частично объясняются различия в поведении этих двух серий» [Мартине 1960: 132].

В ряде говоров основной реализацией фонемы /e/ становятся монофтонги верхне-среднего или даже пониженно-верхнего подъема. Например, в с. Татарино в 59 % случаев в соответствии с /e/ произносятся гласные [ɛ] и [ɨ], они характерны для сильной и слабой фразовых позиций и употребляются как перед следующими мягкими, так и перед твердыми согласными, а также на конце слова: *пл[ʹɛ]сть, в[ʹɛ]чером, ч[ʹɛ]шем, натр[ʹɛ]шь, спек[ʹɛ]шь, сплет[ʹɛ], замет[ʹɛ], пряд[ʹɛ]; у дер[ʹɨ]вьях, пл[ʹɨ]сть, из ов[ʹɨ]чьей* и др.

Наличие того или иного звуко типа, реализующего /e/, а также тенденции развития частной системы гласных напрямую обусловлены особенностями артикуляционной базы говора. Так, для диалектной системы с. Татарино свойственна более передняя артикуляция ударных гласных; в результате чего «аллофоны фонем /и/ и /е/ продвигаются вперед и вверх, зона их пересечения становится больше» [Дьяченко 2011: 65]. Видимо, этой особенностью обусловлен переход в зону среднего подъема и основного аллофона фонемы /o/ — общее упреждение артикуляционной базы гласных способствует увеличению зоны безопасности между /o/ и /ω/. Звуко тип [ɔ] в соответствии с /o/ сохраняется здесь как реликт и фиксируется в единичных примерах: *з[ɔ]да, т[ɔ]нко*.

Появление гласных верхнего и верхне-среднего подъемов на месте /e/ разного происхождения перед мягкими согласными широко отмечается в среднерусских говорах [Копорский 1945: 13—14; Высотский 1949: 18; Сидоров 1966: 93—94; Антонова 1974: 28—29]. С. А. Копорский и В. Н. Сидоров считают, что эта специфическая языковая черта образовалась в результате взаимодействия говоров. Одна диалектная система имела на месте ударного *ѣ* перед мягкими согласными гласный [и], другая — гласный [е] (так же как и на месте *е*). Контактное влияние этих говоров привело к тому, что [и] распространился «на всякое *е* в положении между мягкими согласными» [Копорский 1945: 13—14; Сидоров 1966: 93—95].

Однако Р. Д. Антонова, исследовавшая инструментально-фонетическими методами владимирско-поволжский тип вокализма д. Белой Зеленодольского р-на Татарстана, показала, что возникновение этой диалектной особенности имеет сугубо фонетическое объяснение. По сравнению с литературным языком, а также многими другими диалектными системами говору д. Белой присуща более передняя артикуляция ударных гласных, которые «могут быть охарактеризованы как выдвинутые в пределах того же самого ряда». Произношение [и] на месте /e/ между мягкими согласными «связано с упрежденным характером ударного [е] в говоре, т. к. окружающие мягкие согласные еще более упреждают гласный [е], который достигает зоны переднего ряда, характерного для ударного [и]. Это в свою очередь влияет на уровень подъема» [Антонова 1974: 54—57].

Напротив, в тех говорах, где в соответствии с /e/ возможны гласные средне-нижнего подъема [ɛ] или [æ], ударные гласные переднего ряда обычно последовательно перемещаются в более задний ряд и более низкую зону образования, о чем свидетельствуют их средние значения F_1 и F_2 .

В некоторых диалектных системах фонема /o/ также может реализоваться гласным верхне-среднего подъема [ɔ]. Так, Е. С. Клейменова писала, что в говоре Кирейкова и Верхней Передели «спорадически *ѵ* выступает и в иных условиях — на месте *о* под нисходящим ударением или *о* из *ѵ*: *вѵс, у рѵѵ, вѵлка, хѵлат, ѵѵлат, ѵѵрла, кѵлас, с ѵѵлам, у гѵрат, кѵсѵј, мѵльѵѵј*» [Клейменова 1956: 62]. Случаи употребления [ɔ] на месте /o/ обнаружены и в магнитофонных записях, сделанных в с. Кирейково в 2009 г.: *под[ɔ]хнеть, пром[ɔ]ешь, [ɔ]сенью, д[ɔ]м, дв[ɔ]е, без[ɔ]м, круг[ɔ]м, нож[ɔ]м* и др. В этой позиции возможно также произношение гласного [o]: *н[o]чь, д[o]чь, с[ɔ]лечки, хт[o], пос[ɔ]дуть, дв[ɔ]е, д[ɔ]сточки, кр[o]вь, нож[ɔ]м, как[ɔ]й-то, слеп[ɔ]й* и др.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в местной диалектной системе в ряде позиций происходит смешение аллофонов фонем /o/ и /ω/. По всей видимости,

распространение гласных [o] и [ɔ] на месте /o/ также связано с особенностями артикуляционной базы говора. Более напряженная артикуляция, свойственная местной фонетической системе, обуславливает меньший челюстной растрвор, чем в некоторых других южнорусских говорах, например, в рязанских или белгородских. В речи практически всех местных информантов в соответствии с /a/ отмечается гласный [a] или дифтонг с начальным участком среднего подъема ($F_1 = 600\text{—}750$ Гц), наиболее часто — после переднеязычных согласных.

Как показывают данные южнорусских архаических систем, звукотипы [ɔ] и [a] обычно не сосуществуют в пределах одного говора, поскольку возникает частичное наложение зон рассеивания /o/ и /a/ [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 14]. Как правило, оно устраняется за счет понижения подъема у аллофонов фонемы /a/, что отмечено, например, в вокалической системе села Солдатского. В исследуемом говоре этому препятствует меньшая степень челюстного растрвора, поэтому происходит постепенное передвижение фонемной границы /o/, на месте которой появляются гласные среднего и даже верхне-среднего подъемов, а также дифтонги с *o*-образной и *ɔ*-образной частями. Это способствует лучшему контрастированию аллофонов фонем /o/ и /a/, но создает условия для утраты противопоставления /ω/ ~ /o/. В речи любого информанта фонема /o/ в одних и тех же позициях может реализовываться несколькими вариантами: [ɔ], [o], [ɔ] или дифтонгами: $\partial[\omega\partial]m$, $\partial[\omega]m$, $\partial[o]m$ и $\partial[o]m$; $\partial v[\omega]e$, $\partial v[\omega]e$ и $\partial v[\omega]e$; *ведр*[ω]м и *нож*[ω]м; *молод*[ω]й и *слеп*[ω]й и т. д.

Звукотип [ɔ] в исследуемом говоре постепенно расширяет сферу употребления и обычно произносится в новых словах: *бит*[ω]ны, *шт*[ω]ры, *зак*[ω]нных, *колх*[ω]зу, *шк*[ω]лы, *ваг*[ω]н. Монофтонг [e] на месте /e/ фиксируется в единичных случаях (*н*[ω]кому, *н*[ω]куды, *дер*[ω]мни, *дет*[ω]й, *Коз*[ω]льск).

Таким образом, распространение [e] и [ɔ] в соответствии с гласными 2-го уровня подъема обусловлено разными причинами и обычно не происходит параллельно. Например, в описанном выше говоре с. Татарино звукотип [e] на месте /e/ отмечается в 59 % случаев, а звукотип [ɔ] на месте /o/ — только в 8 %.

Под фразовым ударением фонемы /e/ и /o/ могут реализоваться дифтонгоидами с первой более открытой и длинной фазой и второй — более короткой и закрытой: *огур*[ω]и, *з*[ω]млю, *подб*[ω]жник ('деревянная полочка для икон в переднем углу'), *лот*[ω]к и др. Значения F_1 первой и второй частей дифтонгоидов в среднем отличаются не более чем на 100 Гц, эти гласные имеют *e*-образный и *o*-образный тембр на всем своем протяжении. Длительность второй более закрытой части составляет около 30 % от длительности первой.

Подобные «квазидифтонги» перцептивно воспринимаются как настоящие дифтонги потому, что «при таком разворачивании динамики тембра оказывается нарушенным стереотип скольжения тембра гласного в русском литературном произношении: ведь обычно наблюдается “сползание” гласного под ударением по подъему, если этому не препятствуют комбинаторные условия». Поэтому короткая конечная фаза гласного, локализуемая на более высоком уровне подъема, воспринимается «как полноправный компонент дифтонга» [Касаткин 1999: 385].

Следует отметить, что дифференциация фонем /ʎ/ и /e/, /ω/ и /o/ может поддерживаться также качеством предшествующего им согласного: перед различными реализациями фонемы /e/ произносятся твердые согласные или согласные с более слабой степенью смягчения, перед реализациями /ʎ/ — мягкие согласные; перед аллофонами /o/ — согласные с низкой степенью лабиализации, перед аллофонами /ω/ — сильно лабиализованные согласные.

Фонологическая дифференциация сочетаний /Cʎ/ и /Ce/ осуществляется за счет различий в аккомодации гласного с предшествующим согласным: аллофоны фонемы /ʎ/ обычно отличаются своей экскурсией от аллофонов /e/. Для реализаций /ʎ/ характерно высокое *u*-образное начало. Звуковые сочетания на месте /e/ могут иметь *e*-образную первую фазу, однако зачастую переходный участок в экскурсии отсутствует: в этом случае они отличаются резким возрастанием интенсивности и достигают основного тембра гласного в первых же его фазах.

Как известно, в большинстве русских говоров развитие фонетической системы шло по пути становления категории «твердость / мягкость» у согласных, что, в частности, проявилось в распространении мягкого коррелята перед фонемой /e/. В результате аллофоны /e/, как и /ʙ/, сохраняя своеобразие реализаций, постепенно развивают в экскурсии *и*-образную фазу, что дает возможность адаптироваться к рекурсии мягких согласных. В большинстве современных южнорусских диалектных систем немягкий согласный перед /e/ характеризует лишь отдельные слова или формы слова, например в говорах липецко-воронежского ареала записаны примеры: *вез*[é]м, *пек*[é]м, *отсек*[é]м, *м*[é]льницу. Как правило, после немягкого согласного отмечаются качественно однородные гласные, без *и*-образного начала (после веларизованного согласного аллофоны /e/ обычно локализируются в области средне-нижнего подъема: *м*[é]льницу, *ш*[é]я), тогда как после мягкого — дифтонги и дифтонгоиды [Фомина 1982: 147]. В дальнейшем парные твердые согласные в указанной позиции произносятся лишь в некоторых местоименных наречиях: *отт*[э]да, *отс*[э]да, а также в косвенных падежах формы ед. ч. ж. р. *одна*: с *одн*[э]ю, у *одн*[э]й.

Со становлением категории твердости / мягкости согласных в южнорусских говорах связано появление на месте /e/ открывающихся дифтонгических образований типа [ǣ̃] или [ǣ̃̃]. В отдельных случаях возможно значительное увеличение начального элемента с *и*-образным тембром, что приводит к появлению на месте /e/ дифтонгов типа [iǣ̃], то есть происходит полное совпадение аллофонов /ʙ/ и /e/. Параллельно также разрушается оппозиция /ω/ ~ /o/, что, в частности, проявляется в появлении *у*-образного начала у дифтонга, репрезентующего /o/ [Там же: 145]. Развитие этих процессов приводит к становлению пятифонемной системы вокализма, сохраняющей лишь отдельные следы противопоставления фонем верхне-среднего и среднего подъемов.

Система с рефlekсами семифонемного вокализма обнаружена, например, в говоре с. Апúхтино Одоевского р-на Тульской обл.: фонема /e/ в речи старшего поколения «стабильно представлена восходящим дифтонгом [iǣ̃]» со второй частью, локализуемой в области передне-среднего ряда средне-нижнего подъема ($F_1 = 580\text{—}640$ Гц, $F_2 = 1800\text{—}2100$ Гц): *ов*[iǣ̃]и, *в*[iǣ̃]рх, *дер*[iǣ̃]вни, *бер*[iǣ̃]зник, тогда как в соответствии с фонемой /ʙ/ обычно произносится восходящий дифтонг [iǣ̃] со второй частью, локализуемой в области переднего ряда среднего подъема ($F_1 = 500\text{—}580$ Гц, $F_2 = 2200\text{—}2700$ Гц): *за д*[iǣ̃]дой, *кип*[iǣ̃]ла, *на сторон*[iǣ̃], *хл*[iǣ̃]б, *на л*[iǣ̃]то и др.

Подобное соотношение характерно (менее последовательно) и для этимологических /o/ и /ω/: «при сознательном акцентировании, а также в сильной фразовой позиции» в речи некоторых информантов на месте фонемы /o/ зафиксирован восходящий дифтонг [yǔ̃]²: *с*[yǔ̃]чные, *пос*[yǔ̃]хла, при этом фонема /ω/ «стабильно представлена восходящим дифтонгом [yǔ̃]»: *зab*[yǔ̃]ты, *дом*[yǔ̃]в, *за дор*[yǔ̃]гой, *кор*[yǔ̃]ва, *ми*[yǔ̃]го, *нар*[yǔ̃]ду и др. [Родина 2012: 35—48].

Инструментально-фонетические исследования выявляют в южнорусских пятифонемных системах вокализма и другие рефlekсы этимологических /ʙ/ и /ω/, противопоставляющих их /e/ и /o/. Так, в говоре с. Матýра Луховицкого р-на Московской обл., относящего к Тульской группе межзональных говоров типа Б, на месте /ω/ «возможно появление гласного, отодвинутого назад по ряду», а на месте /ʙ/ — «сохранение одинаковой длительности ядра и НПЭ, что придает гласному *и*^е-образное звучание» [Кульшарипова 1974: 102, 107].

3. Фонемы /и/ и /у/

Во многих южнорусских говорах фонемы /и/ и /у/ реализуются звуками пониженного образования. Особенно часто гласные пониженного верхнего или верхне-среднего подъема отмечаются на месте /у/: подобные звукотипы зафиксированы в Белгородской, Воронежской,

² Наряду с [yǔ̃]. В целом различие между рефlekсами этимологических /ω/ и /o/ еще менее контрастно, чем между рефlekсами /ʙ/ и /e/; слабый контраст между соответствующими звукотипами делает выделение в местной системе фонематической оппозиции /ʙ/ ~ /e/ и /ω/ ~ /o/ проблематичным.

Липецкой, Орловской, Рязанской, Калужской областях, а также в некоторых севернорусских и среднерусских диалектных системах [Кульшарипова 1974: 114; Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 29; Фомина 1980: 8—9; Касаткина 1999: 137; Дьяченко 2012: 38—40]. Произношение пониженных гласных на месте фонемы /y/ в архаических системах вокализма всегда поддерживается наличием, во-первых, гласного средне-нижнего подъема [ɔ] в соответствии с /o/, во-вторых, дифтонгических образований на месте /ω/.

В некоторых диалектных системах значение F_1 аллофонов фонемы /y/ может достигать значения 500—550 Гц (при обычном 350—450 Гц). Очевидно, что наличие в ряде южнорусских говоров на месте /y/ гласных верхне-среднего подъема может создавать условия для смешения аллофонов фонем /ω/ и /y/. Особенно часто у-образные гласные в соответствии с /ω/ отмечаются в с. Кирейково, что, по-видимому, связано с общей напряженностью артикуляционной базы местного говора, в частности с напряженным характером гласного верхне-среднего подъема [ɔ]: *м[ý]лишься, пом[ý]лится, мол[ý]ли, б[ý]льше, пораб[ý]тали, хор[ý]шая, дор[ý]гу, нал[ý]гом, год[ý]в, в свят[ý]м, уво втор[ý]м, в восьм[ý]м* и др.

Следует отметить, что ни в одном русском говоре указанная тенденция к переходу напряженного гласного [ɔ] в [y] не приобрела «устойчивости, а встречается лишь как случайное явление речи» [Высотский 1967: 43]. При этом в описанном калужском говоре намечается некоторая лексическая и грамматическая прикрепленность употребления звука [y] на месте /ω/. Так, формы глагола *молиться* и его производных с ударением на основе обычно имеют гласный [y]: *м[ý]лишься, пом[ý]лишься, пом[ý]лится*, так же как и формы ед. ч. П. п. прилагательных, числительных и местоимений: *в свят[ý]м, уво втор[ý]м, в восьм[ý]м, в одн[ý]м*. Видимо, эта особенность обусловлена появлением флексии -ум и в безударном положении: *в девят[у]м, в пёрв[у]м, в конако́вск[у]м* (см. рукописные материалы «Диалектологического атласа русского языка»: *у кра́снум, у зауран'и́шнум, у з'ил'о́нум, у то́нкум* (Запад 728, лист 87)).

Гласный на месте фонемы /y/ может иметь неоднородную структуру, примыкая по соотношению стационарных участков к дифтонгам. Как правило, фазы такого дифтонга имеют на всем протяжении у-образный тембр, отмечается незначительное изменение по ряду (переход в более передний или более задний ряд) или по подъему (обычно от более открытого участка к более закрытому). Дифтонгические рефлекс фонемы /y/ характерны и для некоторых других русских говоров, что свидетельствует о глубокой архаичности их вокалических систем [Касаткин 1999: 378].

Неоднородная структура может быть характерна также для аллофонов /y/, находящихся после мягких согласных, однако в обследованных южнорусских говорах подобные примеры немногочисленны: полноценные дифтонги в этой позиции встречаются значительно реже, чем на месте /'o/ и /'a/. Обычно в этой позиции произносится упрежденный гласный [y], его значение F_2 может достигать 1900 Гц.

Как правило, аллофоны фонемы /и/ после мягких согласных имеют более низкие значения F_1 по сравнению с аллофонами /y/; эта особенность, характерная и для русского литературного языка, связана с известной асимметричностью «трапецоида», обусловленной особенностями «строения ротовой полости и возможности движений языка» [Касаткин 2014: 34].

Спорадически в архаических южнорусских говорах в позиции перед [и] отмечаются немягкие согласные. Подобные примеры записаны в с. Кирейково: *ни́т'к'и, н'е ад'и́н, ан'и́, у ни́х, к'о́с'ци, пады́* (= пойди); а также в 1964 г. Л. Л. Касаткиным и Ю. Г. Сохацкой в д. Липовка Пичаевского р-на Тамбовской обл.: *пт'и́ць, платк'и́, ан'и́, см'ал'и́, мат'и́ф* [Касаткин 1999: 393]. Как правило, перед [и] в этих примерах произносится невелиризованный апикальный согласный, что и создает перцептивный эффект полумягкости, а сам гласный несколько отодвинут назад по сравнению с литературным [и].

Помимо литературного [ы], образующегося в зоне среднего ряда, в южнорусских говорах отмечается два особых звукотипа: [ы́] и [ы̀]; первый звукотип, локализующийся в задней зоне и отличающийся значительной напряженностью, характерен для некоторых калужских

говоров [Касаткина 1999: 38], второй упрежденный звукотип — для говоров воронежско-липецкого ареала [Фомина 1980: 9]. Как в первом, так и во втором случае [ы] может реализовываться неоднородным гласным, представляющим изменение по ряду: от более заднего к более переднему.

4. Фонема /a/

Наиболее распространенный аллофон фонемы /a/ в архаических южнорусских говорах — упрежденный гласный нижнего подъема [a] с $F_1 = 700\text{—}900$ Гц, $F_2 = 1500\text{—}2000$ Гц; высокие значения F_2 свидетельствуют о более переднем, чем в литературном языке, образовании этого гласного [Фомина 1980: 5]. По данным З. М. Альмухамедовой и Р. Э. Кульшариповой, звукотип [a] «характерен для тех говоров, в которых употребителен [o] или [o̞]», что дает возможность увеличения контраста между аллофонами /a/ и /o/. Подобная особенность, то есть упреждение основных реализаций /a/, отмечается во многих южнорусских говорах: тульских, орловских, калужских, воронежских [Альмухамедова, Кульшарипова 1980: 13].

В некоторых оскольских говорах происходит значительное понижение подъема аллофонов /a/, появление на месте этой фонемы звука [a̞] с $F_1 = 1000$ Гц. Подобное изменение связано, во-первых, с общей тенденцией звукового строя говора к локализации гласных в более низкой зоне, во-вторых, с конкуренцией старой (диссимилятивной) и новой (ассимилятивной) связей, оформляющих фонетическое слово в целостную единицу: понижение подъема ударного [a] создает необходимый контраст с *a*-образными гласными 1-го предударного слога, образуящимися на более высоком уровне подъема.

Реализации фонемы /a/ также могут быть представлены дифтонгами и полифтонгами: как правило, сложный звук на месте /a/ состоит из двух фаз — первой более закрытой и второй более открытой, хотя иногда в этой позиции отмечаются и закрывающиеся дифтонги типа [a̞a̞]. В речи некоторых информантов старшей возрастной группы первый участок подобного звукового комплекса может образовываться в зоне передне-среднего ряда повышено-нижнего подъема и имеет *e*-образный тембр: *ведр*[ǣ̞], *у бинт*[ǣ̞]х (для начальной фазы характерна F_1 в области 640—700 Гц и $F_2 = 1800\text{—}2000$ Гц).

После мягкого согласного на месте /a/ довольно часто произносятся дифтонги или дифтонгоиды с начальной *e*-образной или *y*-образной фазами: *в лагер*[’e̞a]х, *ч*[’e̞a]с, *оставл*[’e̞a]ть, *кол*[’e̞a]ска, *пр*[’e̞a]ли, *нелъз*[’i̞a], *стол*[j̞e̞a]ть, *на плеч*[’i̞a]х, *удар*[’i̞a]ть, *л*[’i̞a]тнами и др. Подобные примеры широко распространены в различных южнорусских говорах и могут встречаться в диалектных системах, не обладающих другими архаическими чертами, например в говорах Тульской группы. Следует отметить, что перед дифтонгом [e̞a] могут произноситься твердые согласные: *м’итe̞ашка*, *рe̞адэм*, *лe̞шe̞дe̞ах*, *фсe̞ак’иш* [Касаткина 1999: 127], что дает возможность интерпретировать эти гласные звуки как представителя особой фонемы /a/, см. [Касаткин 1999: 153, 371].

5. Диахроническая интерпретация материала

Проблема происхождения фонем /ω/ и /o/, /ѣ/ и /e/, их артикуляционных особенностей и позднейших трансформаций в восточнославянских языковых ареалах рассматривалась во многих работах диалектологов и историков языка. В обобщенном виде многочисленные гипотезы, высказанные по этому вопросу, можно свести к двум основным реконструкциям. Первая реконструкция предполагает, что в древнерусском языке фонема /ѣ/, а также фонема /ω/, вошедшая в систему позднее, реализовались гласными неоднородного тембра. Эта теория была выдвинута А. А. Шахматовым³ в 1912 г.: «В весьма древнюю эпоху жизни русского языка имело место диалектологическое явление, по которому исконное *o* в положении

³ Впрочем, еще Ф. Ф. Фортунатов писал о дифтонгическом характере ѣ в общерусском языке [Фортунатов 1957: 14, 50, 55].

под ударением за согласную переходило в дифтонг \widehat{iu} <...>. Утверждает меня в таком предположении параллельное развитие $\widehat{ie} — \acute{e}$ в тех говорах, где известны $\widehat{iu} — \acute{o}$; едва ли подлежит сомнению, что \widehat{ie} (из древнего \acute{b}) древнее \acute{e} (на месте \acute{b})» [Шахматов 1964: 117].

Теория А. А. Шахматова была развита в работах Н. Н. Дурново, который также считал, что «гласные \acute{b} и o старое (не из \acute{b}) под восходящим ударением <...> звучали как гласные смешанной артикуляции, начинавшейся с верхнего подъема, или как дифтонги с гласной верхнего подъема в первой части», что подтверждается данными «архаических северно-великорусских и северномалорусских говоров»; неоднородность тембра гласного / \acute{b} / древнерусский язык унаследовал из праславянского [Дурново 2000/1924: 112, 179, 184—185].

Другая реконструкция связана с именем А. М. Селищева⁴. Полемизируя с Н. Н. Дурново, А. М. Селищев писал: «Прежде чем отодвигать вологодские или северноукраинские, словацкие, сербохорватские ie в эпоху праславянскую, требуется дать ответ на вопрос: не появились ли того или иного вида ie данных групп в их отдельной жизни? Ведь ie в этих говорах может быть и вместо $*e$, подвергшегося удлинению и вместе с тем сужению \acute{e} <...>. Параллельно с этим происходила судьба \acute{o} : $\acute{o} \rightarrow \widehat{iu} \dots$ » [Селищев 1968/1927: 175—176].

Приведенный выше материал свидетельствует о том, что в центре внимания исследователей находилась проблема эволюции фонем / \acute{b} / и / ω /, но оставались в стороне вопрос о развитии их коррелятов / e / и / o /, а также проблема практической реализации противопоставления / \acute{b} / ~ / e / и / ω / ~ / o / на различных исторических этапах развития. Подобное изолированное рассмотрение судьбы фонем верхне-среднего подъема (вне общего вокалического контекста) было определено общим уровнем знания о языковой системе русского диалектного языка. Теоретические схемы, созданные изначально как гипотетические диахронические модели, затем всегда верифицируются фактами современных говоров, сохраняющих в своей массе архаические пережитки различных этапов развития. Однако в конце XIX — первой половине XX в. исследователи еще не имели в своем распоряжении необходимого фактического материала: артикуляционные и акустические характеристики гласных как элементы различных фонологических систем, характерных для русских говоров, долгое время оставались малоисследованной областью диалектологии. Такое положение препятствовало детальному изучению компонентов языковой структуры.

Много нового для решения вопроса вокалической реконструкции дала обработка материалов «Диалектологического атласа русского языка», а также экспериментально-фонетическое изучение русских говоров, проведенное С. С. Высотским, Р. Ф. Касаткиной, Л. Л. Касаткиным, группой казанских фонетистов под руководством З. М. Альмухамедовой. В результате этой работы был создан «фонд объективных, свойственных определенному звуковому строю данных», полученных «в результате точных физических и математических методов измерения компонентов звуков речи — тембра, длительности, интенсивности, высоты» [Высотский 1967: 5]. Правильное представление о физической природе гласных образований имеет существенное значение не только для их фонологической интерпретации, но и для выявления этапов исторического развития вокализма различных говоров, неслучайно постепенное накопление нового материала, а также развитие инструментальных методов исследования в фонетике способствовали уточнению и пересмотру старых эволюционных концепций.

Так, С. С. Высотский обнаружил в говоре д. Лёка Шатурского р-на Московской обл., который ранее обследовал А. А. Шахматов, не только дифтонги [\widehat{ie}] и [\widehat{uo}] в соответствии с фонемами / \acute{b} / и / ω /, но также дифтонги [\acute{ei}] и [\acute{ou}] в соответствии с / e / и / o / [Высотский 1949: 24—31]. Такое противопоставление «н и с х о д я щ и х дифтонгов, а чаще — дифтонгоидов \acute{e} , \acute{e}^u дифтонгическим образованиям обратной структуры — в о с х о д я щ и м \widehat{uo} , \widehat{ie}

⁴ О. Брок, обнаруживший дифтонги на месте \acute{b} и ω в говоре с. Шуйского Тотемского уезда Вологодской губ., также считал, что сочетания [\widehat{ie}] и [\widehat{uo}] представляют собой дальнейшее развитие первоначальных однородных гласных [\acute{e}] и [\acute{o}], являются результатом «распадения» последних [Брок 1907: 31—32, 50—51].

создает в говоре значительный контраст, способствующий различению фонем /o/ и /ω/, /e/ и /ѣ/» [Высотский 1967: 44]. В различных русских говорах в разное время были отмечены и другие дифтонги: [оу] (в соответствии с [y]), [ѣи] (в соответствии с [ы]), [ѣа], [ѣя], [ѣо], [ѣю] (в соответствии с [ʼa], [ʼo], [ʼy]), подробнее см. [Касаткин 1999: 376–389].

Наличие в некоторых диалектных системах под ударением разнообразных дифтонгов Л. Л. Касаткин объясняет архаичностью их вокалических систем: «Исторический процесс развития русского языка характеризуется процессом монофтонгизации дифтонгов, еще не завершившимся в ряде говоров до сих пор» [Касаткин 1999: 390]. Проанализировав структуру распределения гласных неверхнего подъема в подобных архаических русских говорах различной локализации, Л. Л. Касаткин пришел к выводу, что в наиболее архаичном виде семифонемная система вокализма реализовалась как система восходящих и нисходящих дифтонгов в соответствии с фонемами верхне-среднего и среднего подъемов: [yo] ~ [ou] и [ie] ~ [ei] [Там же: 388–389].

Материал южнорусских говоров полностью подтверждает это предположение: наличие однотипных образований определенной структуры на месте /ѣ/ и /ω/ в говорах различной локализации свидетельствует о дифтонгической природе этих гласных в древнерусском языке. В пользу данного предположения говорит также характер субституций фонемы /ѣ/ в севернорусских, украинских и белорусских говорах: здесь отмечаются различные монофтонги верхнего, верхне-среднего, среднего подъемов, а также различные сложные гласные образования, которые легко возводятся к дифтонгу *iē.

Вероятно, дифтонги на месте /ѣ/ обладали в древнерусском языке диалектной спецификой, связанной с распределением интенсивности и длительности между их компонентами. Так, в русских говорах новгородского типа, а также в подавляющем большинстве украинских говоров ѣ изменился в [и] ([i]) уже в XII—XIV вв. «Такое раннее изменение дифтонга на месте ѣ в *i* объясняется тем, что в соответствующих восточнославянских говорах издавна более отчетливо произносилась начальная закрытая часть дифтонга *ie*» [Мельничук 1966: 104]. В других диалектных системах первая часть звукового комплекса iē была более краткой и/или менее интенсивной, что акустически сближало его с монофтонгом [e] и обусловило в дальнейшем переход ѣ в [e], см. [Горшкова 1972: 110]. Восточнославянские говоры, сохраняющие дифтонги на месте /ѣ/⁵, и сегодня демонстрируют диалектные различия в распределении силы звука и соотношении компонентов соответствующих гласных образований, см. [Высотский 1967: 28–31; Касаткин 1999: 379–382; Ищенко 2010].

Однако «дифтонг — само по себе неустойчивое сочетание звуков», поэтому монофтонгизация «принадлежит к числу очень частых и распространенных явлений в языках мира» и возможна «как неспецифическая реакция на любые возмущающие обстоятельства» [Чекман 1979: 146]. В русском языке утрата дифтонгов связана с развитием тенденции к уменьшению напряженности артикуляционной базы: дифтонги — это неоднородные звуки, которые образуются в результате сложного комплекса движений артикуляционных органов [Касаткин 1999: 135].

Актуализация названной тенденции приводит к трансформации исходной прототипичной системы ударного вокализма, к преобразованию дифтонгов [yo] ~ [ou] и [ie] ~ [ei] в монофтонги. Этот процесс проходит в два этапа: на первом этапе монофтонгируются нисходящие дифтонги, представляющие фонемы /o/ и /e/, на втором — восходящие. В зависимости от конкретной системы на месте фонемы /ω/ появляются звуки верхне-среднего и среднего подъемом [o] и [o], на месте фонемы /o/ — звуки среднего и средне-нижнего подъемов [o] и [ɔ]; основными реализациями фонемы /ѣ/ становятся гласные [e] и [e], фонемы /e/ — гласный [e].

Монофтонгизация дифтонгов перестраивает вокалическую систему говоров. И хотя в результате количество гласных фонем остается прежним (в отдельных системах возможно

⁵ А также на месте /ω/ в соответствии с различными принципами распределения /ω/ и /o/, свойственными восточнославянским диалектам [Зализняк 1985: 173–174].

лишь появление зон неразличения), в артикуляционном пространстве увеличивается число монофтонгов, что ведет к значительному уменьшению вариативности артикуляторных характеристик гласных фонем. Сокращение зон рассеивания аллофонов требует более сильного напряжения речевого аппарата при их произнесении, что снова входит в противоречие с развивающейся тенденцией к уменьшению напряженности артикуляционной базы. Существует два пути устранения этого противоречия.

Во-первых, возможно упрощение самой системы предупредительного вокализма, устранение противопоставления фонем /*ω*/ ~ /*o*/ и /*ʋ*/ ~ /*e*/. Как правило, в результате складывается пятифонемная система вокализма, сходная в общих чертах с системой литературного языка. Подобное развитие характерно для Курско-Орловской и Тульской групп: здесь представлены пятифонемные системы вокализма, которые могут сохранять лишь следы прежнего различия /*ω*/ и /*o*/, /*ʋ*/ и /*e*/ или лексикализованное произношение [и] в соответствии с фонемой /*ʋ*/ (примеры см. в [Касаткина 1999: 66, 84—85, 89; Савинов 2013: 184]).

Во-вторых, расширение артикуляционных зон семи гласных фонем возможно за счет увеличения челюстного раствора. Очевидно, что чем «больше раствор, тем меньшая напряженность артикуляции нужна, чтобы произвести “нужное” качество звука» [Касаткин 1999: 133]. При расширении артикуляционного пространства основными реализациями фонем /*o*/ и /*e*/ становятся исключительно гласные средне-нижнего подъема [ɔ] и [ɛ], причем гласный [ɔ] может смещать локус в зону аллофонов фонемы /*a*/ литературного языка, соответственно, на месте фонемы /*a*/ в такой системе появляются более открытые или упередненные звуки, что отмечается, например, в некоторых белгородских говорах. Аллофоны фонем /*ω*/ и /*ʋ*/ обычно локализируются в зоне среднего подъема. Подобный вариант развития возможен только при наличии в говорах тенденции к симметричности, «геометризации» отношений между гласными. Ее действие приводит к развитию систем противопоставлений /*ω*/ и /*o*/, /*ʋ*/ и /*e*/ как оппозиции двух степеней подъема: средний ~ средне-нижний.

Однако различие четырех степеней подъема, как правило, довольно быстро устраняется системой: семь гласных фонем в большинстве русских говоров могут последовательно функционировать только при стабильном сохранении дифтонгических образований на месте /*ʋ*/ и /*ω*/. Исключение представляют лишь некоторые северо-восточные (вологодско-вятские) и юго-западные (калужские) говоры, отличающиеся напряженной артикуляционной базой.

Поэтому даже в тех говорах, где происходит расширение артикуляционного пространства, вокалическая система со временем также упрощается за счет совпадения фонем /*ω*/ и /*o*/, /*ʋ*/ и /*e*/. Описанная тенденция приводит к формированию пятифонемной системы вокализма. Ее главная особенность: фонемы /*o*/ и /*e*/ реализуются гласными более пониженного подъема, чем в литературном языке: на месте /*o*/ произносится открытый слаболабиализованный [ɔ], на месте /*e*/ — [ɛ]. Наличие большой зоны рассеивания для реализаций фонем /*i*/ и /*y*/ определяет потенциальную возможность сохранения ими пониженной зоны образования (подобные вокалические системы представлены в некоторых рязанских, тульских, а также среднерусских акающих говорах [Высотский 1967: 25; Кульшарипова 1974: 114; Касаткина 1999: 137]).

Произношение неоднородных гласных на месте [ы] также можно признать архаической диалектной чертой, которая, по всей видимости, свидетельствует о том, что в праславянский период «делабиализация **u*:₁ прошла через стадию дифтонгизации (но не бифонемизации!) **u*: > **[ɥ]» > **y*:» [Попов 2004: 152].

В результате делабиализации древнего **ū* появился гласный заднего ряда [ɥ], который затем через стадию дифтонга начал продвигаться в более передний ряд. Это изменение было обусловлено общим давлением системы: в частности, развитием в славянских языках «нового» *и* (из дифтонгов **ai* и **oi*). Однако долгое время упереднение гласного [ɥ] было ограничено. По всей видимости, до формирования противопоставления согласных по твердости/мягкости в русских говорах твердые (немягкие) согласные произносились не только перед [ы], но и перед [и]. Эти гласные выступали в одной и той же позиции и представляли на этом этапе разные функциональные единицы. Основной реализацией фонемы /*i*/ был

звук [и], сдвинутый (как в украинском языке) в область передне-среднего ряда, основной реализацией фонемы /ы/ — гласный заднего ряда [ы]⁶.

Возможно, контраст между аллофонами /ы/ и /у/ создавался не только наличием /отсутствием лабиализации, но и основной зоной их локализации: в соответствии с фонемой /у/ произносились гласные понижено верхнего или верхне-среднего подъема. Лишь после утверждения у согласных фонологической категории твердости /мягкости происходит упреждение гласных [и] и [ы], что обусловило и возможность повышения подъема основных реализаций фонемы [у]. Таким образом, можно согласиться с Р. Э. Кульшариповой, которая считает звукотип [у] верхне-среднего подъема более архаичной (по сравнению с [у] верхнего подъема) реализацией фонемы /у/ [Кульшарипова 1974: 114].

Заключение

Таким образом, в большинстве архаических русских говоров конститутивным признаком фонем /ѣ/ и /о/ должно быть признано скольжение тембра от верхнего к среднему подъему (с постепенным нарастанием интенсивности); это свидетельствует о том, что в подобных системах с фонетической точки зрения отсутствует различие четырех уровней подъема гласных, а часть фонем представлена сочетанием реализаций некоторых других фонем. Следует также иметь в виду, что противопоставление верхне-среднего и среднего подъемов, постулируемое иногда для фонем /ѣ/ ~ /е/ и /о/ ~ /о/, в целом «достаточно неустойчиво и обычно поддерживается (сопровождается) каким-то другим признаком» [Попов 2004: 236].

Фонетическая структура основных дифтонгов в соответствии с /ѣ/ и /о/ обнаруживает полный параллелизм, что, во-первых, свидетельствует о дифтонгической природе гласного /ѣ/ в древнерусском языке, во-вторых, подтверждает мнение о том, что фонема /о/ появилась как задний коррелят фонемы /ѣ/ в результате развития тенденции к симметризации структуры древнерусской фонологической системы [Там же: 151].

Иное соотношение отмечается между основными аллофонами /е/ и /о/, что объясняется общими различиями в поведении передних и задних гласных. То есть тенденция к симметризации вокалической системы всегда «принципиально ограничена асимметрией речевого аппарата» [Журавлев 1986: 178] и проявляется в большинстве говоров с семифонемным вокализмом как тенденция, которая обычно не получает последовательного выражения.

Фиксация в говоре с пятифонемным вокализмом звуков пониженного образования на месте /у/, /о/ и /е/, а также упрежденность реализаций фонемы /а/ также могут свидетельствовать об архаичности этой системы, о наличии в недалеком прошлом противопоставления /о/ ~ /о/ и /ѣ/ ~ /е/.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Альмухамедова, Кульшарипова 1980 — Альмухамедова З. М., Кульшарипова Р. Э. Редукция гласных и просодия слова в окающих русских говорах. Казань: Изд-во Казанского университета, 1980. [Al' mukhamedova Z. M., Kul'sharipova R. E. *Reduktsiya glasnykh i prosodiya slova v okayushchikh russkikh govorakh* [Vowel reduction and word prosody in the Russian dialects with okanye]. Kazan: Kazan State Univ., 1980.]
- Антонова 1974 — Антонова Р. Д. Экспериментально-фонетическое изучение вокализма говора д. Белой Зеленодольского района ТАССР. Дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский государственный университет, 1974. [Antonova R. D. *Eksperimental'no-foneticheskoe izuchenie vokalizma govora d. Beloi Zelenodol'skogo raiona TASSR. Kand. diss.* [An experimental phonetic study of vocalism in the dialect of Belaya village, Zelenodolsk district, TASSR. Cand. diss.]. Kazan: Kazan State Univ., 1974.]
- Брок 1907 — Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. LXXXIII. № 4. СПб., 1907.

⁶ Рефлексы подобной системы до сих пор отмечаются в некоторых архаических севернорусских говорах [Касаткин 1999: 145—166, 365—375].

- [Brok O. *Opisanie odnogo govora iz yugo-zapadnoi chasti Totemskogo uezda* [A description of a dialect from the south-western part of the Tot'ma district]. *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*. Vol. 83. No. 4. St. Petersburg, 1907.]
- Васильев 1929 — Васильев Л. Л. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о происхождении звука *o* в великорусском наречии. Сборник по русскому языку и словесности. Т. I. Вып. 2. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929. [Vasil'ev L. L. *O znachenii kamory v nekotorykh drevnerusskikh pamyatnikakh XVI—XVII vekov. K voprosu o proiskhozhdenii zvuka o v velikoruskom narechii* [About the meaning of kamora in some Old Russian XVI—XVII-centuries literary texts. The origin of “o” sound in the Russian dialects revisited]. *Sbornik po russkomu yazyku i slovesnosti*. Vol. I. No. 2. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1929.]
- Высотский 1949 — Высотский С. С. О говоре д. Лека (По материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. С. 3—71. [Vysotskii S. S. About the dialect of Leka village (Based on the materials of the expedition of 1945). *Materialy i issledovaniya po russkoi dialektologii*. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1949. Pp. 3—71.]
- Высотский 1967 — Высотский С. С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М.: Наука, 1967. С. 5—82. [Vysotskii S. S. Determination of vowel phonemes inventory in connection with sound quality in Northern Russian dialects. *Ocherki po fonetike severnorusskikh govorov*. Moscow: Nauka, 1967. Pp. 5—82.]
- Горшкова 1972 — Горшкова К. В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. [Gorshkova K. V. *Istoricheskaya dialektologiya russkogo yazyka* [Historical dialectology of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie, 1972.]
- Дурново 2000/1924 — Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки русской культуры, 2000. [Durnovo N. N. *Izbrannye raboty po istorii russkogo yazyka* [Selected works on the history of the Russian language]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000.]
- Дьяченко 2011 — Дьяченко С. В. Система ударных гласных в русских говорах запада Воронежской области // Современная славистика и научное наследие С. Б. Бернштейна. Тезисы докладов международной конференции. М.: МГУ, 2011. С. 64—68. [D'yachenko S. V. A system of stressed vowels in the Russian dialects of the western part of Voronezh region. *Sovremennaya slavistika i nauchnoe nasledie S. B. Bernsheina. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow: Moscow State Univ., 2011. Pp. 64—68.]
- Дьяченко 2012 — Дьяченко С. В. Наблюдения над ударным вокализмом трех архаических воронежских говоров // Актуальные проблемы русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции. М.: ИРЯ РАН, 2012. С. 36—40. [D'yachenko S. V. Observations on the stressed vowels of three archaic dialects in Voronezh region. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii. Tezisy dokladov mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2012. Pp. 36—40.]
- Жуковская 1954 — Жуковская З. В. Говоры западной части Воронежской области. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания, 1954. [Zhukovskaya Z. V. *Govory zapadnoi chasti Voronezhskoi oblasti. Kand. diss.* [The dialects of the western part of Voronezh region. Cand. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics, 1954.]
- Журавлев 1986 — Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. [Zhuravlev V. K. *Diakhronicheskaya fonologiya* [Diachronic phonology]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Ищенко 2010 — Ищенко О. С. Дифтонги в північноукраїнських діалектах (за даними інтонографування) // Волинь-Житомирщина: Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. Житомир: Вид-во Житомирського державного університету, 2010. С. 89—100. [Ishhenko O. S. Diphthongs in the Northern Ukrainian dialects (based on the data of intonography). *Volyn'-Zhytomyrshhyina: Istoryko-filogichnyj zbirnyk z regional'nyh problem*. Zhytomyr: Zhytomyr State Univ., 2010. Pp. 89—100.]
- Касаткин 1999 — Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. [Kasatkin L. L. *Sovremennaya russkaya dialektnaya i literaturnaya fonetika kak istochnik dlya istorii russkogo yazyka* [Modern Russian dialect and literary phonetics as a source for the history of the Russian language]. Moscow: Nauka; Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1999.]
- Касаткин 2014 — Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. М.: Академия, 2014. [Kasatkin L. L. *Sovremenniy russkii yazyk. Fonetika* [Modern Russian language. Phonetics]. Moscow: Akademiya, 2014.]

- Касаткина 1991 — Касаткина Р. Ф. (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 1: Севернорусские говоры. Москва; Бохум, 1991. [Kasatkina R. F. (ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 1: Severnorusskie govory* [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part I: Northern Russian dialects]. Moscow; Bohum, 1991.]
- Касаткина 1999 — Касаткина Р. Ф. (ред.). Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Ч. 2: Южнорусское наречие. М.: Наука, 1999. [Kasatkina R. F. (ed.). *Russkie narodnye govory. Zvuchashchaya khrestomatiya. Ch. 2: Yuzhnorusskoe narechie* [Traditional Russian dialects. Sounding anthology. Part 2: Southern Russian dialects]. Moscow: Nauka, 1999.]
- Клейменова 1956 — Клейменова Е. С. Говоры южной части Калужской области. Дис. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания, 1956. [Kleimenova E. S. *Govory yuzhnoi chasti Kaluzhskoi oblasti. Kand. diss.* [Dialects of the southern part of Kaluga region. Cand. diss.]. Moscow: Institute of Linguistics, 1956.]
- Копорский 1945 — Копорский С. А. Архаические говоры Осташковского р-на Калининской обл. // Учен. зап. Калнинского пед. ин-та. Т. X. Вып. 3. Калинин, 1945. С. 3—163. [Koporskii S. A. Archaic dialects of Ostahkov district, Kalinin region. *Uchenye zapiski Kalininskogo ped. in-ta*. Vol. X. No. 3. Kalinin, 1945. Pp. 3—163.]
- Кульшарипова 1974 — Кульшарипова Р. Э. Экспериментально-фонетическое исследование некоторых среднерусских говоров. Дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский государственный университет, 1974. [Kul'sharipova R. E. *Ekspperimental'no-foneticheskoe issledovanie nekotorykh srednerusskikh govorov. Kand. diss.* [Experimental phonetic study of some Central Russian dialects. Cand. diss.]. Kazan: Kazan State Univ., 1974.]
- Мартине 1960 — Мартине А. Принцип экономии в фонетических изменениях. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. [Martinet A. *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh* [The economy principle in phonetic changes]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1960.]
- Мельничук 1966 — Мельничук О. С. (ред.). Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов. Київ: Наукова думка, 1966. [Mel'nichuk O. S. (ed.). *Vstup do porivnjal'no-istorychnogo yuvchen-nja slov'jans'kyh mov* [Introduction to comparative-historical study of the Slavic languages]. Kyi'v: Naukova dumka, 1966.]
- Панов 1968 — Панов М. В. (ред.). Русский язык и советское общество. Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М.: Наука, 1968. [Panov M. V. (ed.). *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo. Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Narodnye govory* [The Russian language and the Soviet society. Phonetics of Modern Literary Russian. Traditional dialects]. Moscow: Nauka, 1968.]
- Попов 2004 — Попов М. Б. Проблемы синхронической и диахронической фонологии русского языка. СПб., 2004. [Popov M. B. *Problemy sinkhronicheskoi i diakhronicheskoi fonologii russkogo yazyka* [The problems of synchronic and diachronic phonology of the Russian language]. St. Petersburg, 2004.]
- Родина 2012 — Родина М. А. Говор села Апухтино Одоевского района Тульской области (системно-языковой анализ). Дис. ... канд. филол. наук. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. [Rodina M. A. *Govor sela Apukhtino Odoevskogo raiona Tul'skoi oblasti (sistemno-yazykovoi analiz)*. *Kand. diss.* [The dialect of Apukhtino village, Odoev district, Tula region (systemic linguistic analysis). Cand. diss.]. Moscow: St. Tikhon's Orthodox Univ., 2012.]
- Савинов 2013 — Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2013. [Savinov D. M. *Evoljutsiya sistem vokalizma v yuzhnorusskikh govorakh. Dokt. diss.* [The evolution of vowel systems in South Russian dialects. Doct. diss.]. Moscow: Vinogradov Institute of the Russian Language, 2013.]
- Савинов 2014 — Савинов Д. М. Динамика ударного вокализма в одном калужском говоре // Каленчук М. Л., Савинов Д. М. (ред.). Проблемы фонетики. VI: К 85-летию Л. Л. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2014. С. 297—320. [Savinov D. M. Dynamics of stressed vowels in one of Kaluga dialects. *Problemy fonetiki. VI: K 85-letiyu L. L. Kasatkina*. Kalenchuk M. L., Savinov D. M. (eds). Moscow: AST-PRESS, 2014. Pp. 297—320.]
- Селищев 1968/1927 — Селищев А. М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. [Selishchev A. M. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow: Prosveshchenie, 1968.]
- Сидоров 1966 — Сидоров В. Н. Из истории звуков русского языка. М.: Наука, 1966. [Sidorov V. N. *Iz istorii zvukov russkogo yazyka* [From the history of the sounds of the Russian language]. Moscow: Nauka, 1966.]
- Фомина 1980 — Фомина Т. Г. Вокализм акающего говора с архаическим диссимилиативным яканьем задонского типа (по экспериментальным данным). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов:

- Саратовский государственный университет, 1980. [Fomina T. G. *Vokalizm akayushchego govora s arkhaiskim dissimilyativnym yakan'em zadonskogo tipa (po eksperimental'nyim dannym)*. Avtoref. kand. diss. [Vowels of a dialect with akanye with archaic dissimilative yakanye of Zadonsk type (based on experimental data). Author's abstract of the cand. diss.] Saratov: Saratov State Univ., 1980.]
- Фомина 1982 — Фомина Т. Г. К вопросу о качестве гласных фонем <e>, <o> в одном южнорусском говоре (на основе экспериментальных данных) // Собинникова В. И. (ред.). Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1982. С. 142—149. [Fomina T. G. On the quality of the vowel phonemes <e>, <o> in one South Russian dialect (based on experimental data). *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu*. Sobinnikova V. I. (ed.). Voronezh: Voronezh Univ., 1982. Pp. 142—149.]
- Фортунатов 1957 — Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 2. М.: Просвещение, 1957. [Fortunatov F. F. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. Moscow: Prosveshchenie, 1957.]
- Чекман 1979 — Чекман В. Н. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Минск: Наука и техника, 1979. [Chekman V. N. *Issledovaniya po istoricheskoi fonetike praslavyanskogo yazyka* [Studies in historical phonetics of the Proto-Slavic language]. Minsk: Nauka i Tekhnika, 1979.]
- Шахматов 1964 — Шахматов А. А. Дифтонги $\bar{y}\bar{o}$ и $\bar{i}\bar{e}$ в великорусских говорах // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 110—120. [Šakhmatov A. A. The diphthongs $\bar{y}\bar{o}$, $\bar{i}\bar{e}$ in Russian dialects. *Voprosy jazykoznanija*. 1964. No. 5. Pp. 110—120.]

Статья поступила в редакцию 03.02.2015.

**МОРФОЛОГИЯ ФОРМ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО
СКЛОНЕНИЯ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В МОКШАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ ПОВОЛЖЬЯ
(лингвогеографический аспект исследования)**

© 2015 г. Мария Захаровна Левина

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, 430010, Россия
lev.mariya@mail.ru

Исследование диалектных особенностей методами лингвистической географии, описание говоров и диалектов мордовских (мокшанского и эрзянского) языков является одной из актуальных задач мордовского и финно-угорского языкознания. Важность обозначенной проблемы определяется малой изученностью материала исследования, а также необходимостью представления своеобразия мокшанского языка в связи с исчезновением ряда говоров. В статье рассматривается парадигма неопределенного склонения имени существительного и обсуждается употребление вариантных морфем и изоглоссы их распространения в мокшанских диалектах Поволжья.

Ключевые слова: диалекты и говоры мокшанского языка, территориальное распространение, морфологические особенности, грамматические признаки

**MORPHOLOGY OF NOMINAL INDEFINITE DECLENSION
IN MOKSHA MORDVIN DIALECTS OF THE VOLGA REGION
(a linguo-geographic aspect)**

Maria Z. Levina

Ogarev Mordovia State University, Saransk, 430010, Russia
lev.mariya@mail.ru

The study of dialectal features by the methods of linguistic geography, description of sub-dialects and dialects of Mordvin (Moksha and Erzya) languages is one of the relevant objectives of Mordvin and Finno-Ugric linguistics. The importance of the designated problem is defined by the fact that many of the dialects are under-described, as well as by the necessity to present the originality of the Moksha language, some sub-dialects of which are to date extinct or endangered. This article considers not only the paradigm of indefinite declension of noun, but also discusses the use of variant morphemes and isoglosses of their distribution in Moksha dialects of Volga region.

Keywords: dialects and subdialects of Moksha language, geographical distribution, morphological traits, grammar characteristics

Современная лингвистика уделяет большое внимание выявлению общих закономерностей и основных тенденций формирования и развития национальных языков, а это невозможно без глубокого и всестороннего изучения их диалектов и говоров.

Совокупность говоров, согласно концепции Р. И. Аванесова, может быть рассмотрена как некая макросистема территориальных вариантов языка, внутри которой исследуются как отдельные варианты (частные диалектные системы, реально представленные в речи жителей той или иной местности), так и их совокупности (группы говоров, наречия), представляющие собой результат обобщения языковых черт, фиксируемых в речи жителей более обширных территорий [Аванесов 1965].

Диалекты мордовских языков распространены на больших пространствах Волго-Окского междуречья и Заволжья вплоть до южного Урала. Граница между мокшанскими и эрзянскими диалектными зонами не является сколько-нибудь определенной линией, они размываются пограничными переходными и смешанными говорами, на территории которых в разной степени распространяются окраинные отрезки ареалов языковых явлений, порознь свойственных тому или иному диалекту [Феоктистов 1990: LX].

«Диалектное членение мордовских языков, — отмечает Д. В. Цыганкин, — имеет много-ступенчатый характер. Это означает, что существует определенная иерархия диалектов, суть которой заключается в том, что внутри основных диалектных типов выделяются более мелкие поддиалекты, противопоставленные внутри основного, более крупного диалекта по другим чертам. Эти более мелкие поддиалекты образуют иную степень членения по сравнению с основными диалектами» [Цыганкин 2000: 19].

Традиционной и общепринятой является классификация мокшанских диалектов, предложенная А. П. Феоктистовым, в которой учитываются фонетический, морфологический, лексический и территориальный аспекты. Ученый выделяет пять диалектных типов, которые имеют отличительные языковые особенности и относительную территориальную очерченность: центральный, западный, юго-восточный, переходный, находящиеся на территории Республики Мордовии (см. рис. 1, с. 106), и смешанный, расположенный за пределами Мордовии (в Нижегородской, Пензенской, Саратовской и некоторых других областях), [Феоктистов 1990: LXXI—LXXXVI; Feoktistov, Saarinaen 2005: 47].

Ареальные исследования на материале финно-угорских языков были предприняты в работах Д. В. Бубриха [Бубрих 1936; Бубрих и др. 1997], Б. А. Серебренникова [Серебренников 1973], Р. М. Баталовой [Баталова 1982], Г. И. Ермушкина [Ермушкин 1984], Е. И. Коведяевой [Коведяева 1987], А. П. Феоктистова [Феоктистов 2002], Д. В. Цыганкина и М. Т. Бибина [Цыганкин, Бибин 2002] и др. Попытки применения методов лингвистической географии сделаны и в данной работе при исследовании морфем неопределенного склонения имени существительного: установлены по возможности зоны наибольшей вариантности и уточнены границы ареалов диалектных явлений.

В мокшанских диалектах и мокшанском литературном языке существительное характеризуется категориями числа, падежа, определенности/неопределенности и притяжательности. В мокшанском диалектном ареале, как и в мокшанском литературном языке, 13 падежей (см. табл. 1).

Таблица 1

Алломорфы в мокшанском литературном языке и диалектах

Падеж	Мокш. лит.	Мокш. диал.
Номинатив	∅	∅
Генитив	-ń	-ń/-n
Датив	-ńd'i	-ńd'i/-ndi
Аблатив	-dal-ta	-dal-dəl-d'e, -tal-təl-t'e
Инессив	-sa/-ca	-sa-sə/-ca-cə
Элатив	-sta/-cta	-sta-stə/-cta-ctə
Иллатив	-s/-c	-s/-c
Латив	-v/-u/-i	-v/-u/-i
Пролатив	-va/-ga/-gä/-ka	-va/-ga/-gä/-gel/-ka/-käl/-ke /-vga/-gava/ -kava/-java
Транслатив	-ks	-ks
Компаратив	-ška	-ška
Абессив	-ftəma	-ftəma/-ftəmə/-ftəmə/-ftəmə/-ft'imä/-ftəm/-ftəm
Каузатив	-nksa	-nksa/-nksə

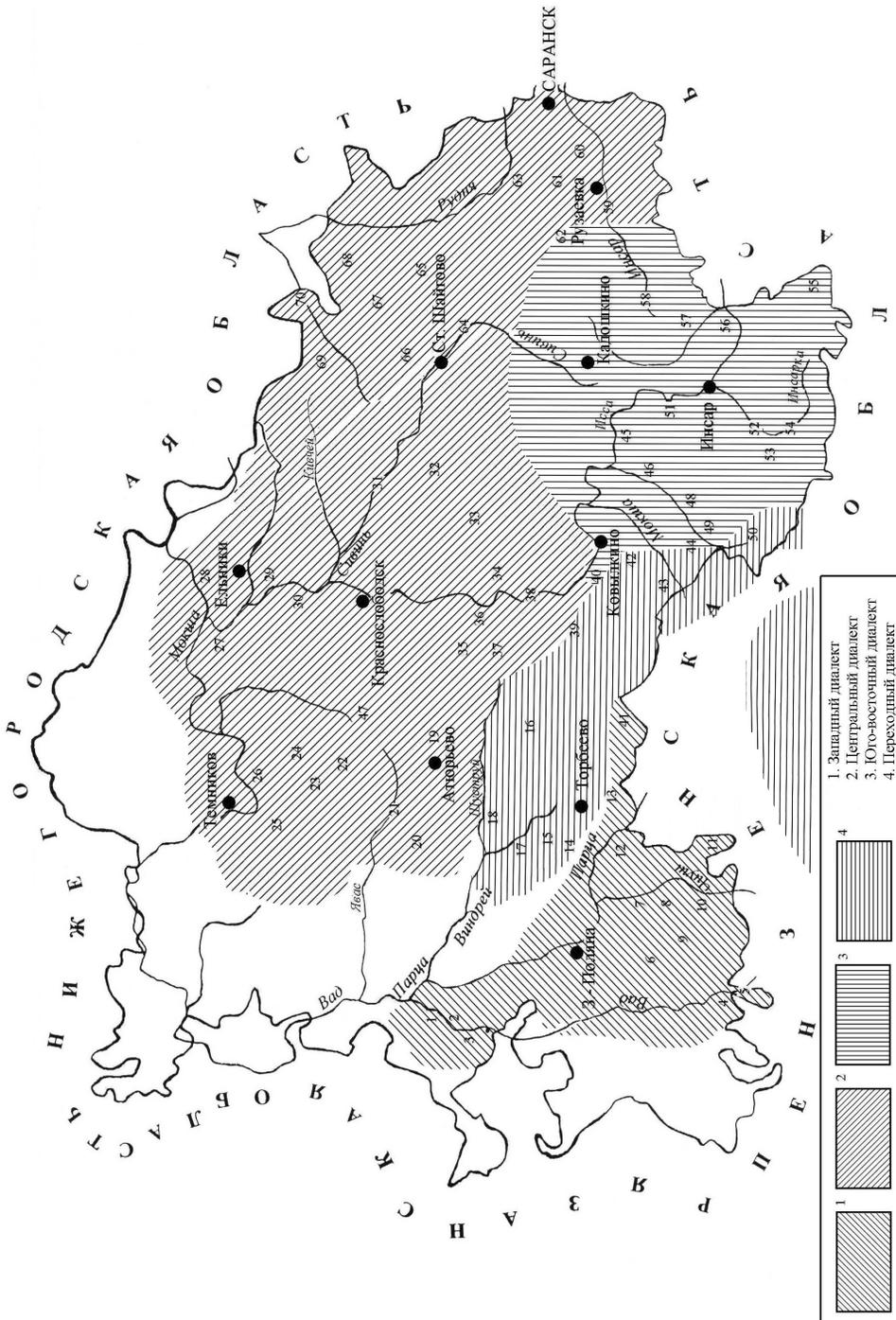

Рис. 1. Диалектологическая карта мокша-мордовского языка на территории Республики Мордовии [Левина 2014: 22]

В системе неопределенного склонения падежные показатели агглютинируют к именным основам.

Номинатив является исходной формой склонения и не имеет показателя: центр. *pakšä / pakše*, юго-вост. *pakše*, зап. *pakšä / pakše*, мокш. лит. *pakšä* 'поле'; центр. *viř / vər*, юго-вост. *viře*, зап. *viř*, мокш. лит. *viř* 'лес'.

Аффикс генитива неопределенного склонения в мокшанском диалектном ареале представлен двумя алломорфами: *-ń*, *-n* (мокш. лит. *-ń*), см. табл. 2. Формант *-ń* обнаруживается в преобладающем большинстве мокшанских говоров и присоединяется как после гласных переднего и заднего ряда, так и после палатализованных и непалатализованных согласных. Употребление твердого генитивного *-n* ограничено и в отношении круга охватываемых слов, и территориально. Отмеченная морфема зафиксирована в говорах западного и переходного диалектов в формах с основой на непалатализованный согласный (см. рис. 2, с. 109).

Таблица 2

Алломорфы генитива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный: <i>veĭä</i> 'село'	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>
гласный <i>i</i> , <i>i̇</i> (в неодносложных существительных): <i>maći</i> 'гусь', <i>šari̇</i> 'колесо'	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń</i>	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń/-ń</i>	<i>ja-ń</i>
гласный <i>u</i> (в неодносложных существительных): <i>kelu</i> 'береза'	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń</i>	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń/-ń</i>	<i>va-ń</i>
палатализованный согласный: <i>viř</i> 'лес'	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ń</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-ə-ń</i>	<i>-ə-ń</i>

Примеры: центр. *viř-ə-ń*, *mař-ə-ń*, *veĭä-ń* / *viĭä-ń*, *kud-ə-ń*, *kal-ə-ń*; юго-вост. *viř-ə-ń*, *mař-ə-ń*, *veĭä-ń*, *kud-ə-ń*, *kal-ə-ń*; зап. *viř-ń*, *mař-ń*, *veĭ-ń*, но *kud-n*, *kal-n*; перех. *viř-ń*, *mař-ń*, *veĭ-ń*, но *kud-n*, *kal-n*; мокш. лит. *viř-ə-ń* 'леса', *mař-ə-ń* 'яблока', *veĭä-ń* 'села', *kud-ə-ń* 'дома', *kal-ə-ń* 'рыбы'.

Следует указать, что алломорф *-n* отмечен и в некоторых говорах эрзянского языка. Например, в говоре с. Чукалы Большеигнатовского района: *loĭu-n lomań*, *sarazu-n gormo*, *sadu-n dikše*, эрз. лит. *lovo-ń lomań* 'снежный человек', *sarazo-ń groom* 'куриный корм', *sado-ń dikše* 'садовое сено' [Давыдов 1963: 158].

Б. А. Серебренников считает, что твердый *-n* в качестве суффикса генитива отражает древнее состояние генитива, так как некогда формант этого падежа был только твердым [Серебренников 1967: 16].

В западном диалекте, по предположению С. З. Деваева, алломорфы *-ń/-n* после гласной основы удлиняются, если слово в форме генитива находится в постпозиции: *ščamś ava-ń* 'рубашка та женская', *kuc šuftä-ń* 'дом тот деревянный', *kajmäs kšni-ń* 'лопата та железная', *piŋget'ňä kelu-ń* 'дрова те березовые', но ср.: *t'evś / i'ivś kud-n* 'дело то домашнее' [Деваев 1963: 332].

Как показывают примеры, в неодносложных существительных с основой на *i*, *i̇* и *u* морфема генитива агглютинирует непосредственно к основе или к сочетаниям *-jə-*, *-və-*: *maći* 'гусь' — *maći-ja-ń* / *maći-ń*; *iňäzi* 'малина' — *iňäzi-ja-ń* / *iňäzi-ń*; *kelu* 'береза' — *kelu-va-ń* / *kelu-ń*; *kuću* 'ложка' — *kuću-va-ń* / *kuću-ń*.

В качестве дативного суффикса в диалектах мокшанского языка используются варианты *-ńd'i*, *-ndĭ* (мокш. лит. *-ńd'i*), см. табл. 3. Первый из них функционирует в мокшанских говорах, присоединяясь как к основам на гласный, так и к основам на палатализованный и непалатализованный согласный, а второй формант, *-ndĭ*, употребляется лишь в говорах западного и переходного диалектов и следует непосредственно за непалатализованным согласным (см. рис. 2, с. 109); в словоформах с палатализованными согласными и гласными переднего ряда в этих же говорах употребляется вариант *-ńd'i*, например: зап. *kud-ńdĭ*, *kal-ńdĭ*, *val-ńdĭ*, но *viř-ńd'i*, *velǎ-ńd'i* / *vilǎ-ńd'i*; центр. *kud-ǎńd'i*, *kal-ǎńd'i*, *val-ǎńd'i*, *viř-ǎńd'i*, *velǎ-ńd'i*; мокш. лит. *kud-ǎńd'i* 'дому', *kal-ǎńd'i* 'рыбе', *val-ǎńd'i* 'слову', *viř-ǎńd'i* 'лесу', *velǎ-ńd'i* 'селу'.

Таблица 3

Алломорфы датива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный: <i>velǎ</i> 'село'	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>
гласный <i>i</i> , <i>ĭ</i> (в неодносложных существительных): <i>maći</i> 'гусь', <i>šarĭ</i> 'колесо'	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>jǎ-ńd'i</i>
гласный <i>u</i> (в неодносложных существительных): <i>kelu</i> 'береза'	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i> / <i>-ńd'i</i>	<i>vǎ-ńd'i</i>
палатализованный согласный: <i>viř</i> 'лес'	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ndĭ</i>	<i>-ndĭ</i>	<i>-ǎńd'i</i>	<i>-ǎńd'i</i>

Употребление твердых формантов генитива *-n* и датива *-ndĭ* после непалатализованных согласных основ можно проследить и за пределами Мордовии, на юге расселения мокши, — в некоторых говорах Белинского и Бессоновского районов Пензенской области (Карсаевка, Пичёвка, Козловка, Старая Каштановка, Новая Каштановка, Сярда, Пяркино, Доншино, Линёвка, Озёрки, Кижеватово и др.).

Следует учесть фонетическую особенность, заключающуюся в том, что слогаобразующий редуцированный гласный, появляющийся в говорах центрального, юго-восточного диалектов, а также в мокшанском литературном языке перед суффиксами генитива, датива и каузатива, в западном и переходном диалектах отсутствует. Данное явление зафиксировано и в средневадских говорах мокшанского языка [Деваев 1963: 321].

Как и в генитиве, неодносложные слова с основой на *i*, *ĭ* и *u* имеют двоякое оформление: *maći* 'гусь' — *maći-jǎ-ńd'i* / *maći-ńd'i*, *karu* 'муха' — *karu-vǎ-ńd'i* / *karu-ńd'i* и т. д.

Морфема датива по происхождению, вне всякого сомнения, является сложной и относится к вторичным образованиям падежного характера. Она возникла на основе сращения генитивного форманта *-n* с послелегом *tēŋ* 'к' [Бубрих 1953: 65].

Аблатив в мокшанском языке имеет показатели *d* + гласный или *t* + гласный, выступающие в виде нескольких фонетических вариантов, обусловленных характером основы имени существительного и ареалом распространения, см. табл. 4. Во многих говорах и диалектах, как и в мокшанском литературном языке, после гласных и звонких согласных, кроме *b*, *g*, *d*, *d'*, употребляется *-dal-dǎ*, а после глухих согласных и *b*, *g*, *d*, *d'* — *-tal-tǎ*: центр. *pakša-da* / *pakša-dǎ*, зап. *pakša-da*, перех. *pakša-da*, юго-вост. *pakša-da*, мокш. лит. *pakša-da* '(от) поля', '(от) полей'; центр. *viř-da* / *viř-dǎ*, зап. *viř-da*, перех. *viř-da*, юго-вост. *viř-d'e*, мокш. лит. *viř-da* '(от) леса', '(от) лесов'.

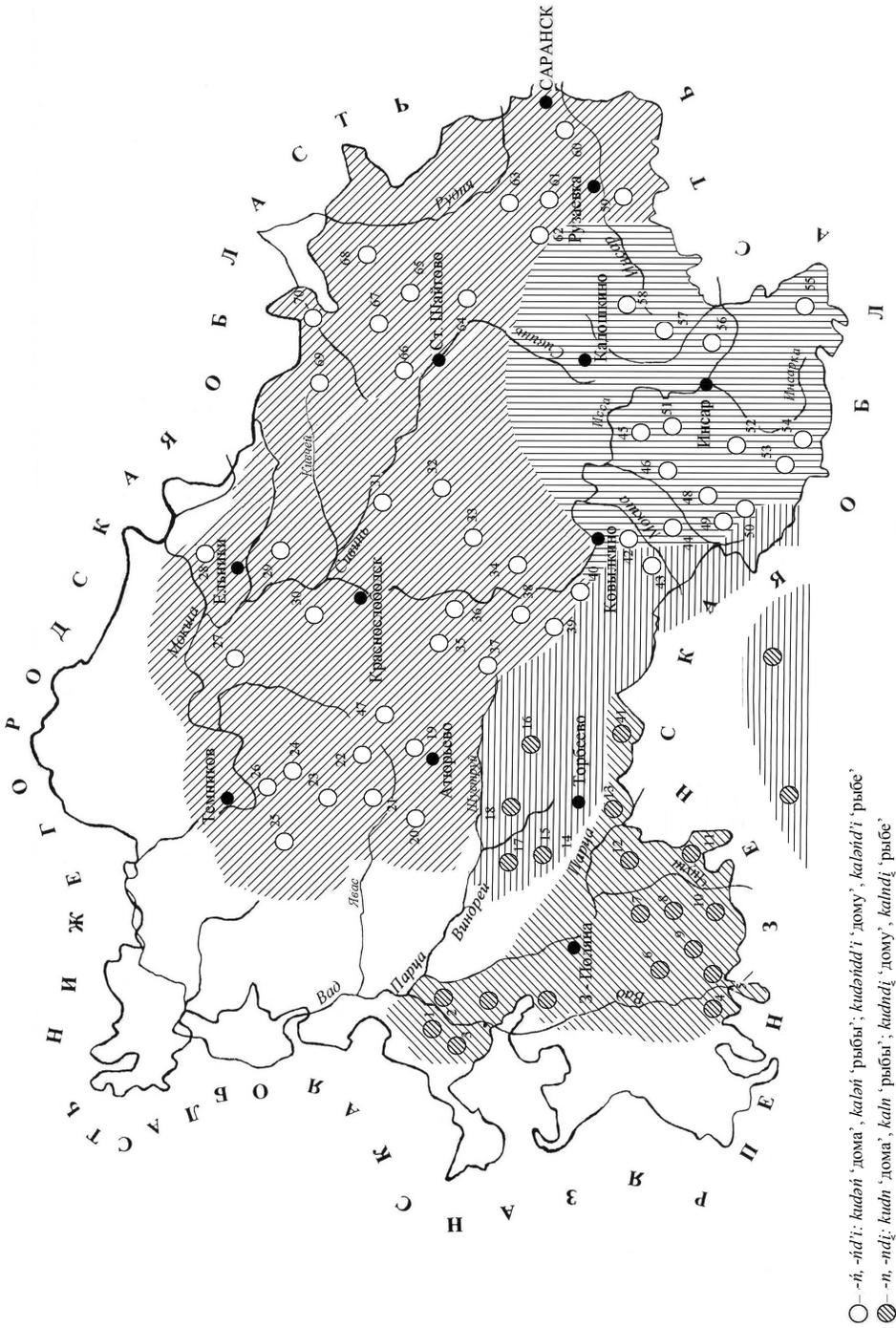

Рис. 2. Морфемы гентива -n, -n и датива -nd'i, -nd'i в формах с основой на непалатализованный согласный

Для говоров юго-восточного диалекта, как для эрзянского языка, характерно следующее распределение алломорфов: *-da*, *-ta* для основы с конечным заднерядным гласным или непалатализованным согласным, *-d'e*, *-t'e* (с переднерядной огласовкой) для основы с исходом на переднерядный гласный или палатализованный согласный: юго-вост. *valma-da*, *kut-ta*, *leš-ta*, но *viř-d'e*, *viř-t'e*, *miř-t'e*, *kažne-d'e*, *vilä-d'e*, *mař-d'e*; мокш. лит. *valma-da* '(от) окна', *kut-ta* '(от) дома', *leš-ta* '(от) инея', *viř-da* '(от) леса', *vet-ta* '(от) воды', *met-ta* '(от) меда', *kažne-da* '(от) подарка', *velä-da* '(от) села', *mař-da* '(от) яблока'; ср. эрз. *kal-do* '(от) рыбы', но *viř-d'e* '(от) леса', *met-t'e* '(от) меда', *šet-t'e* '(от) моста'. Также следует указать, что в исследуемом диалекте для основ на *-ä* значение имеет мягкость последнего согласного, например: *vilä* 'село' — *vilä-d'e*, *pilä* 'ухо' — *vilä-d'e*, *piňä* 'собака' — *piňä-d'e*.

Таблица 4

Алломорфы аблатива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный непереднего ряда: <i>valma</i> 'окно'; непалатализованный звонкий согласный, кроме <i>b</i> , <i>g</i> , <i>d</i> : <i>sur</i> 'палец'	<i>-da/-dä</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>
гласный переднего ряда или среднего ряда <i>ä</i> с предшествующим палатализованным согласным: <i>kažne</i> 'подарок', <i>velä</i> 'село'; палатализованный звонкий согласный, кроме <i>d</i> : <i>viř</i> 'лес'	<i>-da/-dä</i>	<i>-d'e</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>
непалатализованный глухой согласный: <i>leš</i> 'иней'; непалатализованные звонкие согласные <i>b</i> , <i>g</i> , <i>d</i> : <i>kud</i> 'дом'	<i>-ta/-tä</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>
палатализованный звонкий согласный <i>d</i> : <i>ved</i> 'вода'	<i>-ta/-tä</i>	<i>-t'e</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>	<i>-ta</i>

В темниковско-атюрьевской и атюрьевской подгруппе говоров центрального диалекта прослеживается употребление алломорфов *-dä*, *-tä*, в которых исходный гласный неполного образования: темн.-атр. г. *pakša-dä*, *viř-dä*, *vet-tä*, *kut-tä*, *kažne-dä*, *met-tä*, *leš-tä*; атр. г. *pakša-dä*, *viř-dä*, *viř-tä*, *kut-tä*, *kažne-dä*, *miř-tä*, *liš-tä*; мокш. лит. *pakša-da*, *viř-da*, *vet-ta*, *kut-ta*, *kažne-da*, *met-ta*, *leš-ta*.

Согласно широко распространенному и общепринятому в финно-угроведении мнению, аблативный формант существовал уже в прафинно-угорском языке-основе и характеризовался суффиксами **-ta*, **-tä* [Серебренников 1967: 19; Феокистов 1975: 290; Цыганкин 1977: 6].

В большинстве диалектов морфемы инессива, элатива, иллатива представлены следующими алломорфами: ин. *-s* + гласный, *-c* + гласный; эл. *-st* + гласный, *-ct* + гласный; илл. *-s*, *-c*. Эти алломорфы реализуются в нескольких вариантах, обусловленных также характером основы: *-sal-säl-ca* / *l-cä*; *-stal-stäl-cta* / *l-ctä*; *-s/-c* (мокш. лит. *-sal-ca*; *-stal-cta*; *-s/-c*), см. табл. 5, например, ин.: кр.-синдр. г. *řev-sa*, атр. г. *řiv-sa* / *řiv-sä*, темн.-атр. г. *řev-sä*, юго-вост. *řiv-sa* 'в деле', 'в делах'; эл.: кр.-синдр. г. *velä-sta*, атр. г. *vilä-sta* / *vilä-stä*, темн.-атр. г. *velä-stä*, юго-вост. *vilä-sta* 'из села'; илл.: кр.-синдр. г. *šovän-c*, атр. г. *šovän-c*, темн.-атр. г. *šovän-c*, юго-вост. *šovän-c* 'в глину'.

В говорах и диалектах на территории Мордовии употребление форманта *c* вместо *s* возможно лишь в словоформах с основой на *-n*, *-ń*, так как между *n* и *s* возникает смычный элемент — центр., зап., юго-вост., перех.: ин. *san-ca* ‘в жиле’, ‘в жилах’, *šovəń-ca* ‘в глине’, *lomań-ca* ‘в человеке’, ‘в людях’; эл. *san-cta* ‘из жилы’, ‘из жил’, *šovəń-cta* ‘из глины’, *lomań-cta* ‘от человека’, ‘от людей’; лат. *san-c* ‘в жилу’, *šovəń-c* ‘в глину’.

Следует обратить внимание на смешанные говоры, которые расположены за пределами Мордовии, где падежные суффиксы *-ca/-cə*, *-cta/-ctə*, *-c* агглютинируют также к основам на сонорные согласные *r*, *ř*, *l*, *ĺ*: кирт. г. *viř-cə*, *kař-cə*, *medaĺ-cə*, *val-ctə*, *umař-c*; урум. г. *viř-cə*, *kař-cə*, *medaĺ-cə*, *val-ctə*, *umař-c*; мокш. лит. *viř-sa* ‘в лесу’, *kař-sa* ‘в лаптях’, *medaĺ-sa* ‘в медальях’, *val-sta* ‘из слова’, ‘из слов’, *mař-s* ‘за яблоками’.

Таблица 5

Алломорфы инессива, элатива, иллатива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный: <i>velə</i> ‘село’; согласный, кроме <i>n</i> , <i>ń</i> : <i>kud</i> ‘дом’, <i>leš</i> ‘иной’, <i>kād</i> ‘рука’	<i>-sa/-sə</i> , <i>-sta/-stə</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>
согласные <i>n</i> , <i>ń</i> : <i>san</i> ‘жила’, <i>šovəń</i> ‘глина’	<i>-ca/-cə</i> , <i>-cta/-ctə</i> , <i>-c</i>	<i>-ca</i> <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-ca</i> , <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-ca</i> , <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-sa</i> , <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-ca</i> , <i>-cta</i> , <i>-c</i>
согласные <i>r</i> , <i>ř</i> , <i>l</i> , <i>ĺ</i> : <i>viř</i> ‘лес’, <i>medaĺ</i> ‘медаль’	<i>-sa/-sə</i> <i>-sta/-stə</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>	<i>-ca</i> <i>-cta</i> , <i>-c</i>	<i>-sa</i> <i>-sta</i> , <i>-s</i>

Форманты инессива *-sa*, *-ca* возникли из более древних форм **-sna*, **-sno*, **-sně*, которые составлены из двух суффиксов — лативного суффикса **-s* и вариантов суффикса локатива **-na*, **-no*, **-ne* [Серебренников 1967: 21].

Наглядным доказательством того, что формы инессива некогда включали *n*, является употребление суффикса *-sne* наряду с суффиксом *-so*, *-se* в большеигнатовском диалекте эрзя-мордовского языка после основ, оканчивающихся на шипящие: *jarsak peńc-sne*, *vilkanok vasolot* ‘Ешь ложкой, вилки наши далеко’; *tožuroš nit' tarva-sne* ‘Пшеницу жнут серпами’ [Давыдов 1963: 157].

В говорах и диалектах мокшанского языка исчезновение *n* связано с ассимиляцией его предшествующим *s* (*sn* > *ss* > *s*). «Возможность такого пути подтверждается данными прибалтийско-финских языков, ср. фин. *talossa* ‘в доме’ < **talo-s-na*» [Феоктистов 1975: 291].

Показатели элатива *-sta*, *-cta* образованы из двух падежных суффиксов: суффикса латива **-s* и суффикса аблатива **-ta*, **-tä*, а формант иллатива *-s* представляет суффикс *s*-латива [Серебренников 1967: 22].

Морфема латива во всех диалектах мокшанского языка, как и в литературном языке, представлена следующими алломорфами: *-v*, *-u*, *-i*. На большей части территории распространения мокшанского языка существительные на гласную основу оформляются вариантом *-v*: повсем. *pakša-v* ‘в поле’, *potma-v* ‘в с. Потьму’. Алломорфы *-u*, *-i* в говорах центрального, западного, юго-восточного и переходного диалектов присоединяются к основе на согласный или редуцированный гласный, выпадающий перед суффиксом, причем *-u* выступает после твердых согласных, *-i* — после мягких согласных, а также после *-gə*, если непосредственно предшествует мягкий согласный: центр., зап., перех. *kaldaz-u*, *mastər-u*, *kuž-u*, *viř-i*, *vel-i* / *vil-i*, *kärg-i* / *keřg-i*; юго-вост. *kaldaz-u*, *mastər-u*, *kuž-u*, *viř-i*, *vil-i*; мокш. лит. *kaldaz* — *kaldaz-u* ‘в хлев’, *mastər* — *mastər-u* ‘в страну’, *kužə* — *kuž-u* ‘в село Мордовская Поляна’, *viř* — *viř-i* ‘в лес’, *velə* — *vel-i* ‘в село’, *kärgə* — *kärg-i* ‘в село Старая Кярьга’, см. табл. 6.

Таблица 6

Алломорфы латива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный, кроме <i>ə</i> : <i>paksä</i> 'поле', <i>luga</i> 'луг', <i>pe</i> 'конец'	-v	-v	-v	-v	-v	-v
гласный <i>ə</i> : <i>velä</i> 'село'; непалатализованный согласный + <i>ə</i> с предшествующим палатализованным: <i>käd'gə</i> 'посуда'	-i	-i	-i	-i	-u/-uv	-i
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'	-u	-u	-u	-u	-ov/-uv	-u
палатализованный согласный: <i>vir</i> 'лес'; непарный с предшествующим палатализованным: <i>pirf</i> 'двор'	-i	-i	-i	-i	-u/-ij	-i

В отдельных говорах смешанного диалекта на месте *i* выступает формант *u*, а также функционируют более древние падежные варианты латива с конечным *-v*, или *j*, что не характерно для мокшанского литературного языка. В эрзянском языке *v* встречается обычно после гласных заднего ряда, а *j* — после гласных переднего ряда. В формах латива в данном языке *v* почти полностью обобщено за счет *j*. Обычно на месте *j* употребляется *v*: эрз. *vele-v* 'в село' вместо ожидаемого *vele-j* [Бубрих 1953: 19]; ср. кирт. г., урм. г. *vel-u* / *vel-uv*, *kud-ov* / *kud-uv*, *kal'-u*, *vir'-u*, но *vir'-ij*; эрз. *vel'e-v*, *vir'e-v*, *kudo-v*; мокш. лит. *vel'-i* 'в село', *vir'-i* 'в лес', *kud-u* 'в дом', *kal'-i* 'в поселок Каль', восходящие к древним формам: *vel'i* / *vel'u* < *velej* < **velej*, *kudu* < *kudov* < **kudon* и пр. В вышеуказанных говорах формы с *j* единичны.

Согласно предположениям Д. В. Бубриха, А. П. Феоктистова, Д. В. Цыганкина, падежные суффиксы (*-v*, *-u*, *-i*) восходят к общемордовскому лативному суффиксу *η*, отражающему рефлексы двух финно-угорских падежных суффиксов: лат. **-n* и лат. **-k*, который расщепился вследствие исчезновения фонемы *η* [Бубрих 1953: 58; Феоктистов 1975: 291; Цыганкин 1977: 80].

По материалам диалектов мокшанского языка этот процесс, согласно С. З. Деваеву, представляется в следующем виде. В тот период, когда фонема *η* перестала осознаваться как единая смысло-форморазличительная единица, она функционировала как *v* после гласных заднего ряда, как *j* — после гласных переднего ряда. После гласных *a*, *o*, *ä*, *э* (< *ä*) *η* перешел в *v* и в этом виде сохранился [Деваев 1963: 333].

Пролатив в диалектах мокшанского языка оформлен суффиксами *-gal-gä/-ge*, *-kal-käl/-ke*, *-va*, *-gava*, *-kava*, *-java* (мокш. лит. *-gal-gä*, *-ka*, *-va*), выбор которых в одном и том же диалекте обусловлен характером основы (см. табл. 7) — *-va* после гласной основы, *-kal-käl/-ke* после глухой согласной основы, *-gal-gä/-ge* после звонкой согласной основы: центр. *velä-va* / *vilä-va*, *kud-ga*, *vir-gä* / *vir-ga*, *vär-gä* / *ver-ga*, *šaj-gä* / *šej-ga*, *ki-gä* / *ki-ga* / *ki-va*, *pirf-ka* / *pirf-ka-va*; юго-вост. *vilä-va*, *kud-ga*, *vir-ge*, *ver-ge*, *šej-ge*, *ki-ge*, *pirf-ke*; зап. *velä-va* / *vilä-va*, *kud-ga*, *vir-ga*, *vär-ga* / *ver-ga*, *šaj-ga* / *šej-ga*, *ki-ga* / *ki-ga-va*, *pirf-ka-va*; мокш. лит. *velä-va* 'по селу', *vir-gä*

‘по лесу’, *kud-ga* ‘по дому’, *vär-gü* ‘поверху’, *šäj-gü* ‘по болоту’, *ki-gü* ‘по дороге’, *piřf-ka* ‘по двору’. Данные суффиксы представляют собой переосмысление древнеуральского латива на *-k [Феокистов 1975: 291].

Формант *-kä/-ke* функционирует лишь в единичных говорах центрального и юго-восточного диалектов мокшанского языка и связан с наличием в корне переднерядной гласной, ср.: рыбк.-ммл. г. *kenkš-kä*, юго-вост. *kinkš-ke*, мокш. лит. *kenkš-ka* ‘мимо / по двери’; рыбк.-ммл. г. *mäntf-kä*, юго-вост. *meñtf-ke*, мокш. лит. *mäntf-ka* ‘по изгибу’, но рыбк.-ммл. г. *pulf-ka*, юго-вост. *pulf-ka*, мокш. лит. *pulf-ka* ‘по снопу’. Данный суффикс употребляется редко и полностью совпадает в исследуемых говорах с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-kä/-ke*: *kenkš* ‘дверь’ – *kenkš-kä* / *kinkš-ke* ‘мимо / по двери’, ‘дверца’, *mäntf* ‘изгиб’ – *mäntf-kä* / *meñtf-ke* ‘по изгибу’, ‘изгибчик’. Следует попутно отметить, что с основами на *-k* диминутивное *-kä, -ke* не используется, функционирует другой суффикс *-ñä*: *porak* ‘порог’ – *porak-ə-ñe* ‘порожек’, *čolak* ‘плохой мальчик’ – *čolak-ə-ñe* ‘плохенький мальчик’, ‘плохиш’.

В некоторых ареалах центрального, западного и смешанного диалектов выявляются сложные суффиксы *-gava, -kava, -java*, образованные путем агглютинации двух пролативных суффиксов (*-gava < -ga + -va, -kava < -ka + -va*): темяш. г. *ki-ga-va, piřf-ka-va*, атр. г. *ki-ga, piřf-ka-va*, зап. *ki-ga-va, piřf-ka-va*, пенз. г. *ki-ja-va, piřf-ka-va*, мокш. лит. *ki-gü* ‘по дороге’, *piřf-ka* ‘по двору’. Сложные варианты *-gava, -vga (-v + -ga)* отмечены и в северо-западных говорах центрального диалекта мокшанского языка: ельн. г. *vilä-v-ga* ‘по селу’, *pakša-v-ga* ‘по полю’ [Плаксина 2002: 10—11].

Таблица 7

Алломорфы пролатива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
гласный, кроме <i>i</i> в односложных словах: <i>velä</i> ‘село’, <i>iñäzi</i> ‘малина’	<i>-va/-vga</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>	<i>-va</i>
гласный <i>i</i> в односложных словах: <i>ki</i> ‘дорога’	<i>-va/ -gü/ga</i>	<i>-ge</i>	<i>-gava</i>	<i>-gava</i>	<i>-java</i>	<i>-gü</i>
палатализованный звонкий согласный или <i>j</i> : <i>vir</i> ‘лес’, <i>šäj</i> ‘болото’	<i>-gü/-ga/ ə-va</i>	<i>-ge</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-gü</i>
непалатализованный звонкий согласный: <i>kud</i> ‘дом’	<i>-ga/-ə-va</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-ga</i>	<i>-gava/ -ə-va</i>	<i>-ga</i>
непалатализованный глухой согласный (при наличии в корне последней заднерядной гласной): <i>pulf</i> ‘сноп’	<i>-ka/-kava</i>	<i>-ka</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-ka</i>
непалатализованный глухой согласный (при наличии в корне последней переднерядной гласной): <i>kenkš</i> ‘дверь’	<i>-ka/-kä/ -kava</i>	<i>-ke</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-kava</i>	<i>-ka</i>

Морфема транслатива в диалектах мокшанского языка представлена алломорфом *-ks*, при его присоединении к основе перед ним может возникать вокалический элемент: центр. *lomañ-ks*, кирт. г. *lomañ-ə-ks* ‘как человек’; центр. *mař-ks*, кирт. г. *umař-ə-ks* ‘как яблоко’; атр. г. *ov-ə-ks*, темн.-атр. г. *ov-ə-ks*, кр.-синдр. г. *ov-ə-ks*, юго-вост. *ov-ks*, зап. *ov-ə-ks* ‘как зять’.

В лингвистической литературе нет единого мнения относительно происхождения морфемы транслатива *-ks*. По мнению И. Синнеи и К. Е. Майтинской, данный показатель возник в результате слияния двух лативных суффиксов: **-k* и **-s* [Szinnyei 1922: 77; Майтинская 1974: 255]. П. Аристэ допускает, что формант транслатива может восходить к словообразовательному именному суффиксу *-ks* [Аристэ 1955: 26—31]. Д. В. Бубрих рекомендовал обратить внимание на имена с суффиксом *-ks* со значением «то, чем нечто служит, для чего нечто служит, для чего нечто предназначено»: *surks* ‘кольцо’ предназначено ‘для пальца’ от *sur* ‘палец’ [Бубрих 1953: 62—63]. Б. А. Серебренников соглашается с мнением Д. В. Бубриха [Серебренников 1967: 27]. Д. Т. Надькин утверждает, что транслатив своим возникновением обязан иллативу на *-s*, о чем свидетельствуют следы былой омонимичности этих падежей, сохранившиеся в нижнепьянском диалекте [Надькин 1968: 44]. Д. В. Цыганкин отмечает, что основой образования транслативных форм явились имена существительные, содержащие *k*-овый показатель признака по лицу, предмету, месту. Связь со словами, обозначающими признак, транслатив не потерял до сих пор: *lomañks* (*koda?* ‘как?’) ‘по-людски’, ‘как человек’. Поэтому автор допускает, что формы транслатива типа *avaks* могли возникнуть из *avaka* (‘принадлежащая матери, имеющая какое-то отношение к матери, похожая на мать’) + иллатив на *-s*: *avaka* + *s* > *avakas* > *avaks* [Цыганкин 1977: 86—87].

Интересное явление встречается в смешанных говорах мокшанского языка, где вместо транслативного *-ks* употребляется суффикс *-əm/-om*, взятый из русского языка: центр. *učitäl-ks*, зап. *učitäl-ks*, кирг. г. *učitäl-əm / učitäl-om*, мокш. лит. *učitäl-ks* ‘учителем’.

Компаратив в мокшанском диалектном ареале образуется при помощи суффикса *-škal-čka*: повсем. *kud-ška* (‘величиной’) с дом’, *sur-ška* (‘размером’) с палец’, *narməñ-čka* (‘размером’) с птицу’. Рассматриваемый суффикс является сложным по образованию: *-š-* возводится к ограничительному суффиксу *-ža*, ср. атр. г. *kava-ža* ‘твердоватый’, и *-ka* — к уменьшительному суффиксу *-ka* [Бубрих 1953: 61].

Следует отметить, что в некоторых говорах западного диалекта *ška* встречается и в самостоятельном употреблении как отдельная словарная единица с суффиксом инессива: *paksac gektar ška-sa* ‘Его поле величиною в (один) гектар’; *kafta fkä ška-sa krukt* ‘Два одинаковых круга’.

Морфема абессива *-ftəma* в диалектах мокшанского языка реализуется в виде нескольких алломорфов: *-ftəmal-ftəməl-ftəmel-ftimal-ftimäl-ftəmel-ftəml-ftəm*. Показатель является сложным по происхождению и разбивается на *-fto* (< **-vto*) и *-ma, -me, -mä*. Из этих слагающих частей вторая — *-ma, -me, -mä* встречается в формах имен прилагательных и местоимений: *išt'a-mo* ‘такой’ от *išt'a* ‘так’, *koda-mo* ‘какой’ от *koda* ‘как’ [Серебренников 1967: 28].

В говорах центрального и юго-восточного диалектов употребляются алломорфы абессива *-ftəmal-ftəmel-ftəməl-ftimä*, которые различаются качеством конечного вокалического элемента, подчиняющегося сингармонизму гласных, а также второго согласного *-t-* или *-t'*, см. табл. 8: юго-вост. *kut-ftəma* ‘без дома’, ‘без домов’, *lomañ-ftəma* ‘без человека’, ‘без людей’, но *vir-ftəme* ‘без леса’, ‘без лесов’, *ki-ftəme* ‘без дороги’, ‘без дорог’; кр.-синдр. г. *vir-ftəmä*, *kät-ftəmä*, *pilk-ftəmä*; темяш. г. *vir-ft'imä*, *kät-ft'imä*, *pilk-ft'imä*; мокш. лит. *vir-ftəma* ‘без леса’, ‘без лесов’, *kät-ftəma* ‘без руки’, ‘без рук’, *pilk-ftəma* ‘без ноги’, ‘без ног’ (см. рис. 3, с. 116). Внимание заслуживает тот факт, что в темяшевском говоре мокшанского языка огласовка показателя абессива находится в зависимости от вокализма основы: если в основе гласный переднего ряда, то и падежный аффикс имеет переднерядную огласовку: *pej-ft'imä* ‘без зуба’, ‘без зубов’, *pilk-ft'imä* ‘без ноги’, ‘без ног’, но *moda-ftəma* ‘без земли’, ‘земель’, *lov-ftəma* ‘без снега’. В части говоров центрального диалекта вопреки переднерядной огласовке основы агглютинируются твердые варианты суффикса *-ftəma/-ftəmə*: темн.-атр. г. *vir-ftəmə*, *ki-ftəmə*, *kät-ftəmə*, *pej-ftəmə*; атр. г. *vir-ftəma* ‘без леса’, ‘без лесов’, *ki-ftəma* ‘без дороги’, ‘без дорог’, *kei-ftəma* ‘без руки’, ‘без рук’, *pej-ftəma* ‘без зуба’, ‘без зубов’.

Таблица 8

Алломорфы абессива

Исход основы	Центр.	Юго-вост.	Зап.	Перех.	Смешан.	Мокш. лит.
непалатализованный согласный: <i>kud</i> 'дом'; гласный заднего ряда: <i>todu</i> 'подушка'	<i>-ftəma/ -ftəmə</i>	<i>-ftəma</i>	<i>-ftəm</i>	<i>-ftəm</i>	<i>-ftəma</i>	<i>-ftəma</i>
палатализованный согласный: <i>vir</i> 'лес'; гласный переднего ряда: <i>ki</i> 'дорога'	<i>-ftəma/ -ftəmə/ -ft'əme/ -ft'əmā/ -ft'imä</i>	<i>-ft'əme</i>	<i>-ft'əm</i>	<i>-ft'əm</i>	<i>-ft'əma</i>	<i>-ftəma</i>

В некоторых говорах юго-восточного диалекта функционирует форма абессива неопределенного склонения, где падежный суффикс *-ftəma/-ft'əme* следует за элементом *-t'*, который является суффиксом определенности, однако употребляется она со значением неопределенного склонения: *lomañ-t'-ftəma* 'без человека', *sumañ-t'-ft'əma* 'без зипуна', *joñ-t'-ft'əma* 'без мозгов'. Подобные образования зафиксированы и в верхнеалатырских говорах Горьковской области, но там они встречаются со значением определенности: *moda-t'-ftəma* 'без этой земли', *lomañ-t'-ftəma* 'без этого человека' [Ананьина 1974: 13].

В говорах западного и переходного диалектов широко распространено употребление так называемой усеченной формы абессива *-ftəm/-ft'əm*: *kut-ftəm* 'без дома', 'без домов', *vir-ft'əm* 'без леса', 'без лесов' (см. рис. 3, с. 116). Данное явление характерно не только для имени существительного, но и для глаголов: *moŁ'tam*, *kañtam*, *moŁ'tad*, *kañtad*, ср. мокш. лит. *moŁ'tama* 'мы идем', *kañtama* 'мы несем', *moŁ'tada* 'вы идете', *kañtada* 'вы несете' и т. д.

Каузатив в мокшанском диалектном ареале грамматически оформлен суффиксом *-nksa(ə)*, который образован от послелога *iñksa* 'ради' [Бубрих 1953: 68; Феоктистов 1975: 292]: центр. *modamañ-ə-nksa* / *modamañ-ə-nksə jakañ*, юго-вост. *modamañ-ə-nksa jakañ*, зап. *mañ-ə-nksa jakañ*, перех. *mañ-ə-nksa jakañ*, мокш. лит. *modamañ-ə-nksa jakañ* 'за картошкой ходил'. Отметим, что в некоторых говорах смешанного диалекта обнаруживаются конструкции, где вместо каузативной формы употребляются аналитические формы с послелогом: кирт. г. *ved' mełge* 'за водой', *modamañ mełge* / *kərtafej mełge* 'за картофелем'.

Проанализировав парадигму неопределенного склонения имени существительного, можно констатировать наличие в диалектах мокшанского языка многообразных и разнохарактерных вариантных алломорфов:

- генитива *-ñ*, *-n* (мокш. лит. *-ñ*): зап. *vir-ñ* 'леса', *vel-ñ* / *vil-ñ* 'села', но *kal-n* 'рыбы';
- датива *-ñd'i*, *-ndi* (мокш. лит. *-ñd'i*): зап. *vir-ñd'i* 'лесу', *vel-ñd'i* / *vil-ñd'i* 'селу', но *kal-ndi* 'рыбе';
- аблатива *-da/-də/-d'e*, *-ta/-tə/-t'e* (мокш. лит. *-da*, *-ta*): юго-вост. *valma-da* 'окна', *kut-ta* 'дома', но *vir-d'e* 'леса';
- пролатива *-gal-gäl-ge*, *-kal-käl-ke*, *-va*, *-gava*, *-kava*, *-java* (мокш. лит. *-gal-gä*, *-ka*, *-va*): центр. *velə-va*, *kud-ga*, *vir-gä*, *ki-gä* / *ki-ga* / *ki-va*, *piřf-ka*; юго-вост. *vilə-va*, *kud-ga*, *vir-ge*, *ki-ge*, *piřf-ke*; зап. *velə-va* / *vilə-va*, *kud-ga*, *vir-ga*, *ki-ga* / *ki-ga-va*, *piřf-ka-va*; мокш. лит. *velə-va* 'по селу', *vir-gä* 'по лесу', *kud-ga* 'по дому', *ki-gä* 'по дороге', *piřf-ka* 'по двору';
- абессива *-ftəma/-ft'əme/-ft'əmā/-ft'imä* (мокш. лит. *-ftəma*): юго-вост. *kut-ftəma* 'без дома', 'без домов', *lomañ-ftəma* 'без человека', 'без людей', но *vir-ft'əme* 'без леса', 'без лесов', *ki-ft'əme* 'без дороги', 'без дорог'.

Функционирование алломорфов ограничено как в отношении круга охватываемых слов (что в большой степени объясняется морфонологией), так и территориально. Приведенные данные, бесспорно, доказывают, что с точки зрения словоизменения имени существительного большое сходство демонстрируют говоры западного и переходного диалектов,

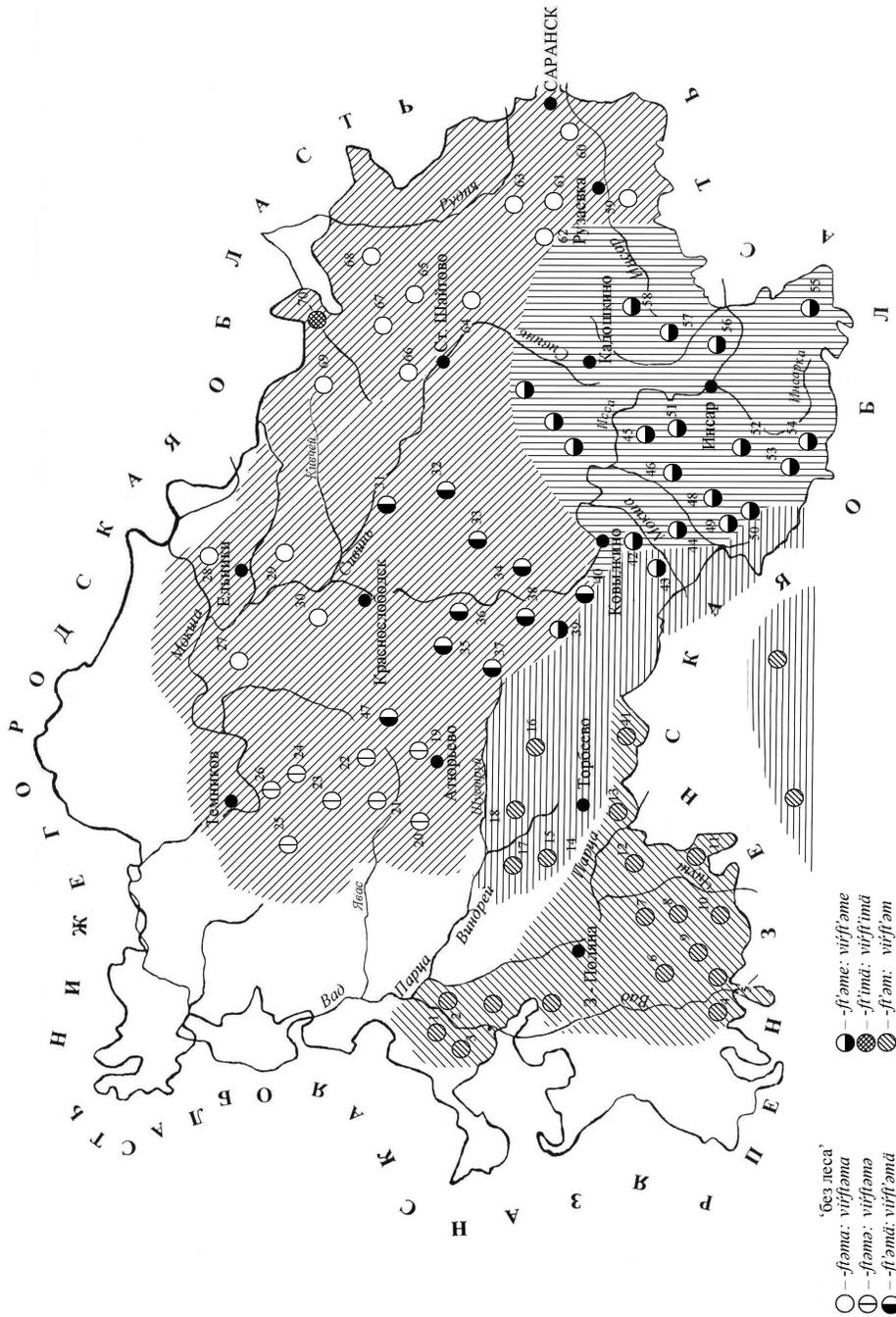

Рис. 3. Варианты морфем абессива -fəta(ə)/-fətai/-fəme/-fīmai/-fəm в формах с основой на палатализованный согласный ‘без леса’

отличаясь вместе с тем от говоров центрального и юго-восточного диалектов. Наличие в говорах западного и переходного диалектов общих черт, которые не находят отражения в говорах центрального и юго-восточного диалектов, в определенной степени, вероятно, обусловлено историческими причинами и территориальным расположением. Общность некоторых явлений может быть также вызвана взаимовлиянием этих диалектов в результате миграции их носителей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

атр. г. — говор атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка
 в.-алат. г. — верхнеалатырские говоры мокшанского языка Горьковской области
 ельн. г. — ельниковский говор центрального диалекта мокшанского языка
 зап. — западный диалект мокшанского языка
 илл. — иллатив
 ин. — инессив
 кирт. г. — говор с. Киртели Тетюшского р-на Республики Татарстан
 кр.-синдр. г. — краснослободско-синдровский говор центрального диалекта мокшанского языка
 лат. — латив
 мокш. диал. — мокшанский диалектный вариант
 мокш. лит. — мокшанский литературный язык
 манс. — мансийский язык
 пенз. г. — говоры Пензенской области
 перех. — переходный диалект мокшанского языка
 повсем. — повсеместно
 рыбк.-ммл. г. — рыбкинско-мамолаевские говоры центрального диалекта мокшанского языка
 саам. — саамский язык
 смешан. — смешанный диалект мокшанского языка
 темн.-атр. г. — говор темниковско-атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка
 темяш. г. — темяшевский говор мокшанского языка
 удм. — удмуртский язык
 урюм. г. — говор с. Урюм Тетюшского р-на Республики Татарстан
 фин. — финский язык
 центр. — центральный диалект мокшанского языка
 шайг. г. — шайговские говоры центрального диалекта мокшанского языка
 эл. — элатив
 эрз. — эрзянский язык
 эрз. лит. — эрзянский литературный язык
 юго-вост. — юго-восточный диалект мокшанского языка

СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ОБОЗНАЧЕННЫХ НА КАРТАХ

1. Подлясово Zubovo-Полянского района; 2. Вадовские Селищи Zubovo-Полянского района; 3. Промзино Zubovo-Полянского района; 4. Старое Бадиково Zubovo-Полянского района; 5. Новое Бадиково Zubovo-Полянского района; 6. Мордовская Поляна Zubovo-Полянского района; 7. Зарубкино Zubovo-Полянского района; 8. Ачадово, Тарханская Путьма Zubovo-Полянского района; 9. Буддыгино Zubovo-Полянского района; 10. Пичпанда Zubovo-Полянского района; 11. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района; 12. Кажлодка Торбеевского района; 13. Дракино Торбеевского района; 14. Савва Торбеевского района; 15. Салазгорь Торбеевского района; 16. Мордовские Юнки Торбеевского района; 17. Варжелай Торбеевского района; 18. Старая Пичеморга Торбеевского района; 19. Курташки Атюрьевского района; 20. Арга Атюрьевского района; 21. Кишалы Атюрьевского района; 22. Мордовская Козловка Атюрьевского района; 23. Кушки Атюрьевского района; 24. Польское Цыбаево Темниковского района; 25. Лесное Цыбаево Темниковского района; 26. Кондровка Темниковского района; 27. Мордовские Пашаты Ельниковского района; 28. Большой Уркат Ельниковского района; 29. Старые Пиченгуши Ельниковского района; 30. Каньгуши Ельниковского района; 31. Старое Синдрово Краснослободского района; 32. Колопино Краснослободского района; 33. Мамолаево Ковылкинского района; 34. Новое Мамангино Ковылкинского района; 35. Зайцево

Краснослободского района; 36. Рыбкино Ковылкинского района; 37. Старая Самаевка Ковылкинского района; 38. Волгапино Ковылкинского района; 39. Гумны Ковылкинского района; 40. Курнино Ковылкинского района; 41. Старые Пичуры Торбеевского района; 42. Парапино Ковылкинского района; 43. Мордовское Вечкенино Ковылкинского района; 44. Старое Дракино Ковылкинского района; 45. Паево Кадошкинского района; 46. Мордовское Коломасово Ковылкинского района; 47. Мордовские Парки Краснослободского района; 48. Шадым Ковылкинского района; 49. Красный Шадым Ковылкинского района; 50. Алькино Ковылкинского района; 51. Адашево Инсарского района; 52. Кочетовка Инсарского района; 53. Верхняя Лухма Инсарского района; 54. Мордовская Паевка Инсарского района; 55. Шадым-Рыскино Инсарского района; 56. Новые Верхиссы Инсарского района; 57. Новлей Инсарского района; 58. Болдово Рузаевского района; 59. Трусклый Рузаевского района; 60. Левжа Рузаевского района; 61. Сузгарь Рузаевского района; 62. Мордовская Пишла Рузаевского района; 63. Перхлый Рузаевского района; 64. Старая Теризморга Старошайговского района; 65. Лемдяй Старошайговского района; 66. Сарга Старошайговского района; 67. Кулддым Старошайговского района; 68. Мельцаны Старошайговского района; 69. Вертелим Старошайговского района; 70. Темяшево Старошайговского района.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аванесов 1965 — Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М.: Наука, 1965. С. 24—35. [Avanesov R. I. About two aspects of the subject of dialectology. *Obshcheshlavyanskii lingvisticheskii atlas (materialy i issledovaniya)*. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 24—35.]
- Ананьина 1974 — Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту: [б. и.], 1974. [Anan'ina K. I. *Verkhne-alatyrskie govory mokshanskogo yazyka: avtoref. kand. diss.* [Upper Alatyr dialects of the Moksha language. Author's abstract of the cand. diss.]. Tartu: sine nomine, 1974.]
- Аристэ 1955 — Аристэ П. S-овый иллатив в прибалтийско-финских языках // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. Вып. VII. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 22—31. [Ariste P. S-ilative in Finnic languages. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznavniya AN SSSR*. No. VII. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1955. Pp. 22—31.]
- Баталова 1982 — Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). М.: Наука, 1982. [Batalova P. M. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam (komi yazyki)* [Areal studies of East Finno-Ugric languages (Komi languages)]. Moscow: Nauka, 1982.]
- Бубрих 1936 — Бубрих Д. В. О работе по мордовскому диалектологическому атласу // Революция и письменность. 1936. № 2. С. 38—41. [Bubrikh D. V. About working on the Mordovian dialectological atlas. *Revolutsiya i pis'mennost'*. 1936. No. 2. Pp. 38—41.]
- Бубрих 1953 — Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1953. [Bubrikh D. V. *Istoricheskaya grammatika erzyanskogo yazyka* [Historical Erzya grammar]. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1953.]
- Бубрих и др. 1997 — Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка = Karjalan kielen murre-kartasto / Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Научно-исследовательский центр языков Финляндии. Сарвас Л. (ред.). Хельсинки: Финно-угорское общество, 1997. [Bubrikh D. V., Belyakov A. A., Punzhina A. V. *Dialektologicheskii atlas karel'skogo yazyka* = Karjalan kielen murre-kartasto [Dialectological atlas of the Karelian language]. Sarvas L. (ed.). Helsinki: Finno-Ugric Society, 1997.]
- Давыдов 1963 — Давыдов М. М. Больше-игнатовский диалект эрзя-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. II. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 118—233. [Davydov M. M. Bolshoye Ignatovo dialect of the Erzya Mordvin language. *Ocherki mordovskikh dialektov*. Vol. II. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1963. Pp. 118—233.]
- Деваев 1963 — Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов. Т. II. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1963. С. 261—433. [Devaev S. Z. Middle Vad dialect of the Moksha Mordvin language. *Ocherki mordovskikh dialektov*. Vol. II. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1963. Pp. 261—433.]
- Ермушкин 1984 — Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по финно-угорским языкам. М.: Наука, 1984. [Ermushkin G. I. *Areal'nye issledovaniya po finno-ugorskim yazykam* [Areal studies in Finno-Ugric languages]. Moscow: Nauka, 1984.]

- Коведяева 1987 — Коведяева Е. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам: Марийский язык. М.: Наука, 1987. [Kovedyaeva E. I. *Areal'nye issledovaniya po vostochnym finno-ugorskim yazykam: Mariiskii yazyk* [Areal studies in Eastern Finno-Ugric languages: Mari]. Moscow: Nauka, 1987.]
- Левина 2014 — Левина М. З. Мокшень диалектологиясь = Диалектология мокшанского языка: учебное пособие. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2014. [Levina M. Z. *Mokshen' dialektologiyas' = Dialektologiya mokshanskogo yazyka: uchebnoe posobie* [Dialectology of the Moksha language: teaching guide]. Saransk: Mordovian Univ., 2014.]
- Майгинская 1974 — Майгинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. [Maitinskaya K. E. *Comparative morphology of Finno-Ugric languages. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. Voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov*. Moscow: Nauka, 1974.]
- Надькин 1968 — Надькин Д. Т. Морфология нижнелепьянского диалекта // Очерки мордовских диалектов. Т. V. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1968. С. 3—175. [Nad'kin D. T. *Morphology of the Nizhnepe'yansky dialect. Ocherki mordovskikh dialektov*. Vol. V. Saransk: Mordovskoe Knizhnoe Izd-vo, 1968. Pp. 3—175.]
- Плаксина 2002 — Плаксина Т. А. Ареальное исследование северо-западных говоров мокша-мордовского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2002. [Plaksina T. A. *Areal'noe issledovanie severo-zapadnykh govorov moksha-mordovskogo yazyka: Avtoref. kand. dis.* [Areal study of northwest dialects of the Moksha Mordvin language. Author's abstract of the cand. diss.]. Saransk: Mordovian Univ., 2002.]
- Серебренников 1967 — Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. [Serebrennikov B. A. *Istoricheskaya morfologiya mordovskikh yazykov* [Historical morphology of Mordvin languages]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Серебренников 1973 — Серебренников Б. А. Методы лингвогеографических исследований // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973. [Serebrennikov B. A. *Methods of linguogeographic studies. Obshchee yazykoznanie. Metody lingvisticheskikh issledovaniy*. Moscow: Nauka, 1973.]
- Феоктистов 1975 — Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. Т. 2: Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. М.: Наука, 1975. С. 248—343. [Feoktistov A. P. *Mordvin languages. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaneya. T. 2: Pribaltiisko-finskie, saamskie i mordovskie yazyki*. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 248—343.]
- Феоктистов 1990 — Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Paasonens H. *Mordwinisches Wörterbuch*. Bd I: A—J. Suomalais-ugrilainen seura. 1990. С. LX—LXXXVI. [Feoktistov A. P. *Dialects of Mordvin languages. Paasonens H. Mordwinisches Wörterbuch. Bd I: A—J. Suomalais-ugrilainen seura*. 1990. Pp. LX—LXXXVI.]
- Феоктистов 2002 — Феоктистов А. П. Об исследовании диалектов финно-угорских языков методами полевой и ареальной лингвистики // Научные издания московского Венгерского колледжа. М.: Валанг, 2002. С. 318—329. [Feoktistov A. P. *About investigations of dialects of Finno-Ugric languages by methods of field and areal linguistics. Nauchnye izdaniya moskovskogo Vengerskogo Kolledzha*. Moscow: Valang, 2002. Pp. 318—329.]
- Цыганкин 1977 — Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. Саранск: Издательство Мордовского университета, 1977. [Tsygankin D. V. *Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v dialektakh erzya-mordovskogo yazyka* [Grammatic categories of the noun in the dialects of the Erzya Mordvin language]. Saransk: Mordovian Univ., 1977.]
- Цыганкин 2000 — Цыганкин Д. В. Мордовские языки глазами ученого-лингвиста. Саранск: [б. и.], 2000. [Tsygankin D. V. *Mordovskie yazyki glazami uchenogo-lingvista* [Mordvin languages through the eyes of a linguist. Saransk: sine nomine, 2000.]
- Цыганкин, Бибин 2002 — Цыганкин Д. В., Бибин М. Т. Лингвистический атлас мокшанских и эрзянских говоров. Учебное пособие по составлению атласа. Саранск: Типография «Красный Октябрь», 2002. [Tsygankin D. V., Bibin M. T. *Lingvisticheskii atlas mokshanskikh i erzyanskikh govorov. Uchebnoe posobie po sostavleniyu atlasa*. [A linguistic atlas of Moksha and Erzya dialects. A training book on atlas compiling]. Saransk: Tipografiya «Krasnyi Oktyabr'», 2002.]
- Feoktistov, Saarinen 2005 — Feoktistov A., Saarinen S. *Mokšamordvan murteet*. Helsinki: Suomalais-Ugri-lainen Seura, 2005.
- Szinnyei 1922 — Szinnyei J. *Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Berlin: Leipzig, 1922.

**К ПРОБЛЕМЕ
АРХАИЧЕСКОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО СИНКРЕТИЗМА:
ГАЛЛЬСК. *cara* VS. ЛАТ. *cara****

© 2015 г. Татьяна Андреевна Михайлова

МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Россия;
Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Россия
tamih.msu@mail.ru

Отправной точкой исследования является поздняя галльская надпись из Трира № 3909, в которой латинское слово *cara* ‘милая, дорогая’ было употреблено в значении ‘любящая’. Автор находит в корпусе латинских эпиграфических текстов, зафиксированных на территории Галлии, много аналогичных «ошибочных» употреблений, фигурирующих в надгробных надписях, и высказывает предположение о влиянии на галльскую латынь собственно галльского языка, в котором родственное прилагательное *caros, cara* обладает лабильной семантикой: ‘милый, дорогой; любящий’. В работе также рассматривается проблема семантического перехода ‘милый’ — ‘любить’ и обсуждается идея полисемантности архаических прилагательных эмоциональной оценки.

Ключевые слова: Поздняя империя, латынь на территории Галлии, галло-латинское двуязычие, вербализация прилагательных, семантический сдвиг, грамматикализация, детская речь, понятие «любовь»

**GAULISH *cara* VS. LATIN *cara*:
TOWARDS THE PROBLEM
OF ARCHAIC SEMANTIC SYNCRETISM**

Tatyana A. Mikhailova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russia;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia
tamih.msu@mail.ru

The departing point of the article is the Gaulish inscription from Trier No. 3909 (CIL) in which the Latin word *cara* ‘nice, dear’ is used in the meaning ‘loving’. The author finds many errors of the same type in late Latin funerary inscriptions from Gallia and gives a suggestion, that this error was influenced by the labile meaning of the Gaulish *caros, cara*, having both meanings: ‘dear’ and ‘loving’. The problem of semantic shift ‘dear’ — ‘to love’ and the idea of archaic polysemantic is also discussed.

Keywords: Late Empire, Latin in Gaulish districts, Gallo-Latin bilingualism, verbalization of adjectives, semantic shift, grammaticalization, the children language, the notion of *love*

Слово, стоящее в названии моего небольшого исследования, обладает неясной семантикой, неточным прочтением и современными кельтологами признается скорее ошибочным

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Семантические изоглоссы Европейского лингвистического ареала», а также инициативного проекта «Эпиграфика как объект лингвистического и историко-культурного анализа», поддерживаемого РФФИ (№ 13-06-00086).

Автор выражает благодарность рецензенту, высказавшему в своем отзыве много ценных замечаний и давшему ряд важных советов.

употреблением латинской лексемы, имеющей несколько иной смысл. Я увидела его впервые в надписи на небольшом надгробии в Археологическом музее города Трира, а затем нашла саму надпись в издании «Corpus inscriptionum Latinarum» (CIL XIII 3909): **Hic quiescit in pace Ursula qui uix annos XXI Artula kara matir titulum po(suit).**

В настоящее время надпись можно считать одной из «классических», в основном благодаря исследованию К. Штубер, в котором она названа «настоящим подарком удачи» [Stüber 2007: 90]. Австрийская исследовательница высоко оценивает «удачность» надписи как материала для лингвистического анализа, потому что в ней содержатся два имени, имеющих одно и то же значение ‘медведица’, причем имя матери — *Artula* — галльское, тогда как дочь, предположительно, названа тем же именем, но уже в его латинской форме — *Ursula* (соответственно от галльск. *arthos* и лат. *ursus*, к и.-е. **h₂rtk'o-*, см. [Matasović 2009: 42]; о кельтских именах, образованных от этого корня см. также [Delamarre 2003: 55—56; 2007: 27; Schmidt 1957: 135; Stüber 2005: 58]).

Что можно сказать о датировке текста? С одной стороны, анализ собственно археологического материала (т. е. памятника, на котором была вырезана надпись) может дать здесь очень мало. Для более богатых надгробий применялись заготовленные плиты из мрамора, известняка и песчаника, причем в разные периоды наблюдалась и разная традиция выбора самого камня, что отчасти позволяет датировать памятник в пределах полувека (от I до IV в. н. э., см. об этом подробнее [Raepsaet-Charlier 2001a: 345]). Что касается эпиграфических формул, то, как принято считать, в период христианизации традиционные латинские надгробные формулы сменяются новыми и вместо «зачина» D. M. (*dis manibus*) появляются «новые способы меморации усопшего при помощи слов *hic iacet* или *hic requiescit*» [Davies et al. 2000: 88]. Однако это не совсем так. Формулы «здесь лежит» или «здесь покоится» появляются раньше и могут соотноситься с действительно поздней установкой адресовать текст надгробия анонимным прохожим, датируются они уже I в. н. э. и могут сочетаться с римской аббревиатурой DM. Ср., например (надпись из Арлона, Бельгия: наличие *tria nomina* в официальном именовании дает дату — начиная с сер. IV в. н. э.):

DM / GAI JULI MAXIMINI EMERITI LE/GIONIS VIII BENEFICIARUS
 PROCURATO/RIS ONESTA MISSIO/NE MISSUS. ISTA ME/MORIAM PROCURA/
 VIT SIMILINIA PATE/RNA CONIUX CO/NIUGI KARISSIMO / MAXIMINUS
 (H)IC QUIESQUIT. AVE, VIA/TOR. VALE, VIATOR [ILB: 84]

‘Богам-манам Гая Юлия Максимины, пенсионера 8-го легиона, бенефициария прокуратора, ушедшего на заслуженный отдых. Симилина Патерна, супруга, супругу дражайшему памятник воздвигла. Здесь покоится Максимин. Здравствуй, прохожий, прощай, прохожий’.

Латинская формула *qui vixit* из надписи 3909 также позднего происхождения, и ее появление датируется примерно началом I в. н. э. (см. [Raepsaet-Charlier 2001b: ix]). Таким образом, собственно текст эпитафии еще ничего не говорит о его дате и мог бы быть отнесен к широкому периоду от I до IV в. н. э. Совершенно очевидно при этом, что текст эпитафии не самостоятелен, т. е. использует уже сложившиеся формулы и копирует существующие модели.

Интересующий нас текст написан на небольшой плитке красной глины, характеризующей так называемые «скромные погребения» [RIG II, 2: 227], которые, как правило, относятся к более позднему времени, когда традиция римских надгробий начала проникать в более широкие слои населения. Поэтому дата (начало V в.), стоящая в Археологическом музее Трира возле интересующего нас памятника, представляется вероятной. Надпись была обнаружена во время раскопок кладбища на окраине современного Трира, захоронения в котором датируются IV—V вв., и у нас нет оснований предполагать, что сам текст может иметь иную датировку, чем его носитель (см. о раскопках и характеристике археологического и эпиграфического окружения [Krämer 1974: 26—28]).

Что представлял собой район Трира в IV—V вв. с точки зрения этнической, политической и лингвистической? Область по течению р. Мозель, которую занимало галльское племя треверов, была присоединена к Риму еще в ходе Галльской кампании Цезаря, и около 30 г.

до н. э. там были построены римские военные укрепления. Примерно в 15 г. до н. э., уже при Октавиане Августе, там был основан город, получивший название *Augusta Treverorum* (современный Трир). К концу II в. н. э. город разросся, кроме военных укреплений в нем был построен амфитеатр, бани, виллы, а также сохранившаяся до нашего времени въездная башня — *Porta Nigra*. К концу IV в. (в 318 г. там была учреждена галльская префектура) город еще больше расширился и стал «одним из крупнейших городов галльской провинции» [Duval 1952: 60], неофициально считавшимся «северной столицей Империи». Население его к этому времени насчитывало около 100 тыс. человек (римским гражданством обладало около 10%). Но после ряда германских и гуннских вторжений город утратил свое политическое значение, а в 475 г. окончательно перешел в руки франков, в дальнейшем занявших практически все районы, заселенные ранее галльскими народностями. Однако в отличие от более южных и западных территорий, франки-завоеватели в прирейнских землях не утратили своего германского языка и не перешли на диалекты народной латыни; напротив, местное население утратило и свой исконный язык, и приобретенную латынь (в ее местной форме) и германизировалось. Предположительно, это произошло не только потому, что данные районы были захвачены франками раньше (территории, прилегающие к Сене и Луаре, попали под влияние франков всего лишь на 10 лет позднее), но и по той причине, что, несмотря на сильное римское влияние на Мозеле и Рейне, местное население сохраняло кельтские диалекты в качестве основного средства коммуникации и использовало их гораздо дольше. Существует, например, известное свидетельство св. Иеронима о сходстве языка треверов и галатов, сохранившееся в его комментариях к «Посланию к галатам» (см. [Collis 2010: 25]):

unum est, quod inferrimus et promissum in exordio reddimus. Galatas exepo sermone Graeco, quo omniis oriens loquitur, propriam linguam eadem paene habere quam Treveris

‘Одно есть, что мы отмечаем и в дальнейшем должны учитывать, галаты понимают греческую речь, на которой говорят все на востоке, но речь их самих такая же, как и треверов’.

Треверы, как и ряд других кельтских народностей прилегающих территорий, не переняли ни греческого, ни латинского алфавита для фиксации собственного языкового материала (как это имело место в западных и южных районах современной Франции, где этот процесс начался гораздо раньше). Как и в Британии, собственно кельтских текстов в прирейнских зонах не сохранилось, и галльский языковой материал представлен лишь в именах собственных и теонимах, вкрапленных в латинские эпиграфические памятники. То есть, говоря проще, треверы в основной своей массе латынь знали плохо, но и местные диалекты не имели там поддержки ни в виде письменной традиции, ни в виде реконструируемой поэтической и прозаической традиции устной (как это было, например, в Уэльсе). Невзвешенное двуязычие проявлялось, в частности, в довольно низком уровне латинской языковой компетенции местного населения, что ясно видно из многочисленных ошибок, которыми изобилуют памятники, в первую очередь — содержащие кельтские имена. В надписях встречаются ошибки как фонетического, так и морфологического характера, но также могут проявляться местные галльские черты. Так, например, в ряде памятников демонстрируется характерный «галльский датив» имен, относящихся к **ā*-основам (*Pruscia* вместо *Prusciae*, см. [ILB: 126]). В этих текстах также могут содержаться «скрытые» галльские формы, особенно ценные в свете всего сказанного выше, однако отделить «галлицизмы» от ошибочного употребления латинской лексики, близкой этимологически и семантически, оказывается возможным далеко не всегда.

Текст надписи № 3909 квалифицируется кельтологами как целиком латинский (кроме имени матери), но содержащий ряд ошибок, вызванных не только низким уровнем языковой компетенции и «описками» резчика, но и собственно народно-латинскими чертами. Так, первая половина надписи, видимо, проблем не вызывает: она, несомненно, была скопирована с аналогичных надгробных формул, причем употребление *qui* (вместо *quae*) характерно для народной латыни, обобщившей исходные формы, различавшиеся по роду, и может быть переведена как: ‘Здесь покоится с миром Урсула, которая прожила 21 год...’. Но что дальше? Трактовка формы *matir* как латинской ошибочной (вместо *mater*) автоматически

предполагает и дальнейшее «латинское» прочтение надписи, причем не только лексически, но и контекстуально. Но сочетание *cara¹ matir*, к моему удивлению, не вызывает у исследователей потребностей в какой-либо интерпретации и традиционно переводится как ‘Артула любящая мать...’. Однако в классической латыни *cārus* означает ‘любимый, милый’, но не ‘любящий’, что фиксируется и в латинской эпиграфике (ср., например, CIL XIII 1854: *mater infelicissima* ‘несчастнейшая мать...’ при CIL XIII 586: *karo contubernali* ‘дорогому товарищу...’). В романских языках продолжения лексемы также сохраняют ее семантику ‘милый, дорогой’, но не ‘любящий’ (ср. франц. *chère*, итал. *caro*, при ином типе деривации в исп. *querida* ‘милый, приятный; любимый’ < *querer* ‘любить’ < лат. *quaerere* ‘искать, стремиться, домогаться и пр.’).

В относительно недавно вышедшей статье Р. Майснера, посвященной анализу социолингвистической ситуации в районе Мозеля и Рейна в первых веках нашей эры, надписи № 3909 уделено значительное внимание. Автор обращает внимание на то, что слово *matir* может быть интерпретировано в ней не как ошибочное написание латинской лексемы, но как введение в текст соответствующего галльского слова (см. [Meiβner 2009/2010: 110]). Действительно, лексема *Matir* представлена несколько раз в галльской надписи-проклятии на табличке из Ларзака, а также в форме дат. пад. мн. ч. *matrebo* в votивной надписи из Нима (см. [Delamante 2003: 220]). Однако на этом его предположения о наличии галльского лингвистического материала заканчиваются, и слово *cara* он рассматривает как ошибочное выражение «скорби по умершему» [Meiβner 2009/2010: 110].

Я должна признать, что для такой интерпретации у Р. Майснера основания есть: в надписях данного времени и региона я сама нашла несколько ярких примеров, демонстрирующих низкий уровень языковой компетенции резчиков (заказчиков?), для которых не только слово *cara*, но и суперлатив *carissima* (своего рода штамп для выражения любви к умершему в поздних латинских эпитафиях) используются уже по отношению к самому заказчику надгробия, т. е. демонстрируют семантический сдвиг с пациенса на агенс. Ср., например:

CIL 3869: <...> FLORENTINA FILIA CARISSIMA TITULUM POSVIT

‘Флорентина, дражайшая дочь, памятник воздвигла’;

CIL 3856: <...> VENRIA CONIVX CARISSIMA TITVLVM POSVIT

‘Венрия, дражайшая супруга, памятник воздвигла’.

Ср. также (надпись на надгробии из Аквитании):

CIL XIII 11050: DIS MANIBUS ET MEMORIAE CLAUDII PLACIDI CIVIS PETRUCORII. SUADUGENA PARENS CARA POSUIT [Raybould, Sims-Williams 2007: 22]

‘Богам Манам и памяти Клавдия Плакида, гражданина Петрукория. Суадугена, дорогая родительница, воздвигла’.

Ср. правильное употребление прилагательного на надгробии из того же региона при обилии других ошибок в латыни:

CIL XIII 11162: ...]AE RUFINAE CVAE VIXIT ANNOS XXIII. RECEPTIUS DIVIXTI FILIUS CONIUGAE KARISSIMAE ET IULIAE FILIAE EIUS

‘Юлии Руфине, которая прожила 23 года. Рекепт, сын Дивихта, супруге дражайшей и Юлии, его дочери’.

То есть, как мы видим, употребление слов со значением ‘дорогой, дражайший’ с заменой пациенса на агенс в районах проживания галльских племен и распространения народной латыни происходит нерегулярно, что свидетельствует скорее об ошибке, но ошибке все же достаточно частотной, чтобы стать объектом лингвистического анализа.

¹ Возможное прочтение слова как *kaba*, открывающее путь для дополнительных возможных трактовок, в данной работе мною намеренно не учитывается, см. однако об этом в [Михайлова 2014].

Более того, в своей работе Р. Майснер приводит еще более яркий пример:

CIL 3810: NIC IACET IN PACE CONCORDIA QVAE VIXIT ANNOS PL... MN LXV
CONCORDIUS ET CONCORDIALIS FILII DVULCISSIMI TITULVM POSVERUNT

‘Здесь покоится в мире Конкордия, которая прожила... 65 лет. Конкордиус и Конкордиалис, сыновья сладчайшие, памятник воздвигли’.

Если последний пример действительно можно трактовать лишь как ошибочное употребление латинской формульной лексемы, то о словах *cara* (*carissima*) я бы остереглась говорить так однозначно. Собственно галльский материал дает множество данных ее употребления как в составе *popina* *grorgia*, так, возможно, и изолированно.

В издании «Галльские личные имена» Д. Эллиса Эванса приводится 198 имен, содержащих этот элемент (см. [Ellis Evans 1967: 163—165]), причем некоторые встречаются по многу раз. Так, например, для имени *Andecaros* ‘очень милый’ дается 11 вхождений. При этом, как признается составитель, в список им были включены не все встретившиеся имена, но лишь те, которые он счел однозначно галльскими, поскольку в ряде поздних памятников (периода Империи) трудно было избежать подозрений «в том, что имена *Caros* и *Cara* являются скорее латинскими, чем кельтскими» [Ibid.: 162]. В дальнейшем данная проблема (семантическое и фонетическое сходство галльских и латинских имен и соответствующие реинтерпретации последних) была изучена достаточно глубоко, и эти имена получили название *Decknamen* — букв. ‘покрытые имена’, или, как их называет бельгийская исследовательница М.-Т. Рапсаг-Шарлье, *noms d'apparence latine* [Raepsaet-Charlier 2001a]. Поэтому в ситуации двусычия имена *Caros* / *Cara* одновременно входили в ономастикон обоих языковых пластов. Ни о каком предположительном латинском заимствовании ономастической основы здесь говорить не приходится, так как это же имя засвидетельствовано и в раннегидельском огамическом ономастиконе (*CARI*, *NETACARI*, см. [Королев 1984: 126; McManus 1997: 107]), и в кельтиберском — *Karos*.

Car- как первый элемент имени выступает редко (ср., однако, *Caromaros* ‘милый-большой’, о нем см. ниже), но отмечен обильной суффиксацией как патронимической (*Careius*, *Carianos*), так и диминутивной (*Carissa*, *Carilla*, *Carullus*). Особый интерес вызывает суффиксация, маркирующая образование причастий, выдающая предположительную вербальную природу лексемы: *Caratos* / *Carata* ~ *Carantos* / *Caranta* (также с возможной дополнительной суффиксацией: *Carantilla* ~ *Caratilla*).

Идея о деадъективной вербализации корня *car-* уже в галльском была высказана еще К. Шмидтом (см. [Schmidt 1957: 163]) и затем более детально проанализирована Э. Хэмпом в [Hamp 1976]. Базируясь на приведенном выше ономастическом материале и реконструируя протокельтские формы, он приходит к выводу, что «*Carant-* и *Carato-* исходно являются параллельными образованиями к **karə-nt-* и **karə-tó-* с семантикой ‘любящий’ и ‘любимый’» [Ibid.: 5]. Его реконструкцию на первый взгляд можно считать безупречной. Она, как кажется, поддерживается другими данными галльского языка: так, например, во владельческой надписи из Пенн-Мирабо, нанесенной на боковую поверхность горшка, можно увидеть аналогичную вербальную деривацию: *εσκενγολατι авιατεиос цци* (G-13) [RIG I: 40], трактуемую как ‘Эскенголата неотнимаемое я есть’ (к реконструируемому глаголу **ia-* ‘брать, обладать’ с каузативным инфиксом *-i-*, трансформирующим его в ‘отнимать’, и формантом *-t-*, имеющим, однако, значение не столько супина, *amata*, сколько герундива, *amanda*). В недавней работе П.-И. Ламбера [Lamber 2014] показано, что этот же формант сохранился и в древнеирландских формах «необходимости», ср.: *Níbo chomitesti dó* ‘Не следует простить его’ (букв. ‘не есть это прощительно ему’), *Ní dénti dúib-si anísín* ‘Не следует вам делать это’ (букв. ‘не деятельно вам-же это’). Действительно, именно значение ‘не должно быть отнято’ фиксируется в процитированной надписи, но как же тогда быть с именем *Caratos*? ‘Любимый’ или уже, скорее, ‘тот, кто должен быть любим’? Или средствами латинской словообразовательной модели делается попытка реконструировать соответствующий глагол, в латыни не существующий, а в галльском — не зафиксированный?

Формы *Carantos / Caranta* на первый взгляд оформляют действительное причастие и, казалось бы, должны иметь глагольную природу. Так, др.-ирл. *carae*, gen. *carat / carad* ‘друг’ возводится к протогойдельскому **kare/ant-* ‘любящий’ [McCone 1994: 113], т. е. «друг» — это ‘тот, кто любит меня’². Однако не всегда данный формант относится к глагольной основе. Ср., например, название галльского племени бригантов: *Brigantes* < **bhregh* ‘высокий’ [IEW: 140] + *-nt-*, букв. ‘высокие, обладающие высотой’ (ср. также в ономастике: *Brigantius, Brigantia, Briganticus*)³.

Кроме того, семантика ирл. *cara*, gen. *carad* ‘друг’ не полностью соответствует ни русск. *друг*, ни реконструируемой форме *любящий*. Характерно в данном случае толкование лексемы, представленное в словаре П. Диннина: ‘a friend, a beloved one’ [Dinneen 1927: 164]. Обращает на себя внимание и то, что в современном ирландском эпистолярном этикете аналогом англ. *Dear Mary* ‘дорогая Мэри’ является *A Mháire, a chara* ‘Мэри, друг’.

Но, главное, как быть с галльскими бессуфиксальными формами *Caros / Cara*, также представленными и в гойдельском огамическом ономастике? Э. Хэмп видит в них вторичное глагольное имя (любовь как процесс), однако островными данными эта идея не поддерживается.

Древнеирландский глагол *caraid* ‘любит’ (при средневаллийском *caru* ‘то же’), который, бесспорно, соотносим с галльскими формами, является, тем не менее, глаголом слабым, т. е. имеющим отыменное происхождение. Деадъективным вербальным образованием от «незасвидетельствованного прилагательного **karo-* ‘милый, дорогой’» считает его и Р. Матасович [Matasović 2009: 191], полагая, что данная основа имела глагольное оформление уже на протокельтском уровне. Я не могу с уверенностью говорить, что это не так, однако не могу быть уверенной и в обратном, учитывая, что разделение прагойдельской и прабриттской ветвей кельтских языков имело место, по данным глоттохронологии, примерно в 1200 г. до н. э. Сопоставление данных кельтских языков здесь может лишь свидетельствовать о том, что основа в них уже присутствовала на самом раннем реконструируемом уровне, но судить о ее морфологической природе у нас оснований нет (см. выше предположение Хэмпа о вербализации адъектива в рамках галльских диалектов).

Более того, в словаре Ю. Покорного [IEW: 515], где в качестве исходного дается глагольная основа **kā-* ‘охотно использовать, предпочитать’, деривации с формантом *-ro-* характеризуют, как правило, имена и адъективы (кроме уже приведенных кельтских и латинских данных, ср. также гот. *hors* ‘блудница’, др.-в.-нем. *huora* ‘шлюха’, др.-исл. *hōra* ‘супружеская измена’ при лит. *kars* ‘распутный’; ср. также тох. А/В *krant / krent* ‘хороший’, соотносимые с галльскими *-nt-* формами). Германский семантический переход ‘милый, любимый, любовь’ → ‘распутный, имеющий отношение к незаконной любви’, видимо, произошел в результате вытеснения в общегерманском указанной основы другим корнем, получившим статус базового для обозначения любви в целом (**leub^h-* [IEW: 683]).

² Аналогичное развитие ср. также в англ. *friend*, образованное от глагола *freōn* ‘любить’ (см. [Skeat 1887: 220]).

³ Проблема противопоставления активных и пассивных причастий деадъективного происхождения в континентальном кельтском является достаточно сложной, причем выходит далеко за рамки кельтского ареала. Не случайно одной из последних конференций по индоевропеистике было рабочее совещание «Отглагольные прилагательные и причастия в индоевропейских языках» (обзор см. [Иванова 2015]). В частности, в докладе Ж. Пино отмечалось, что «из-за омонимии с 3 л. мн. ч. инфюнктива активного залога отглагольные прилагательные на **e/ont-* грамматикализуются как активные процессуальные причастия во всех и.-е. языках, кроме анатолийских (где *šekkant-* может значить как ‘знающий’, так и ‘известный’)» [Там же: 175]. Но, как принято считать, в континентальном кельтском данная омонимия хотя и возникла, однако процесс грамматикализации не прошла, и поэтому активные и пассивные форманты практически семантически не различались, конкурируя одновременно с адъективными формами с вербальной семантикой (см. выше о рассуждениях Хэмпа, вряд ли представляющих как верные в свете всего сказанного).

В свое время К. Уоткинсом высказывалось предположение о «другой» этимологии кельтских основ, которая, говоря строго, интерпретации Покорного не противоречит. Он возводил их к реконструируемому им слову детской речи, точную семантику и форму которого он не указывает, но предполагает аналогичное развитие в лат. *amāre* ‘любить’ [Watkins 1962: 185]. Действительно, латинский глагол, также имеющий именную природу, принято соотносить с лат. *amma* — словом детской речи, имеющим значение ‘мама, бабушка, старшая родственница’ (см. [Egnout, Meillet 1939: 44, 46; IEW: 36]) и, добавим, находящим множество параллелей в других языках.

Возведение значимой лексемы к звукам, издаваемым соответствующим живым существом, в языкознании засвидетельствовано широко и называется ономотопеей⁴. В узком смысле слова под этим явлением понимается перенос характерного звука, который издает животное или даже неживое существо, на собственно обозначение этого существа: ср. обозначения типа *квакушка*, *мявка*, *гузутка*, *кукушка*, но также *треск*, *хрупанье*, *стрекот* и пр. Продолжая рассуждать о звуках, издаваемых младенцем, и уловив в них, вслед за Р. Якобсоном, характерные губные, дентальные и сонорные, мы должны будем прийти к выводу, что элементы так называемого «гуления» должны будут переноситься на обозначение самого ребенка. Такие феномены фиксируются достаточно широко (ср.: *лялька*, англ. *baby*, франц. *bébé*, итал. *bimbo*, исп. *niño*, др.-ирл. *lelap* ‘младенец, не умеющий говорить’ и пр.). Однако в известной работе Якобсона «Почему *мама* и *nana*?» [Jakobson 1967], посвященной в основном фонетической стороне проблемы и описывающей характерную редупликацию слога, отмечается и другой момент. В отличие от животных, ребенок предстает (поразительным образом универсально, хотя и интуитивно) как обучаемый объект, который должен получить от родителей (или иных старших родственников) основы коммуникативных навыков, вначале — на уровне идентифицирующей номинации. Так, с одной стороны, как он пишет, «так называемый “baby-talk”, используемый внутри группы для общения с детьми, представляет собой своего рода пиджин, типичный смешанный язык, в котором адресанты стараются применяться к речевым особенностям адресатов и таким образом вырабатывать общий коммуникативный код, одинаково приемлемый для обеих сторон взросло-детской коммуникации» [Jakobson 1967: 538]⁵. В то же время «использование этих форм взрослыми призвано приучить ребенка к более четкой фонетической дистинктивности и более высокой стабильности значения слов» [Ibid.]⁶. Таким образом, например, спонтанно возникающий в детской речи (baby talk) слог *ta*, пройдя через стадию эмоциональной редупликации, становится элементом «детского пиджина» (nursegy form) и затем закрепляется за семантемой «взрослый родственник, преимущественно мужского пола». Или, как писал об этом еще Есперсен, «ребенок дает звуковую форму, а взрослые придают ей значение» [Jespersen 1949: 150]⁷. Естественно, отдельные слоги, продуцируемые младенцем, еще не собственно семантически, и лишь участие взрослого делает их единицами языка, в первую очередь обозначениями близкого родства. Естественно и то, что сами возникающие лексемы условны (общеизвестно, например, что в грузинском языке *дэда* ‘мама’, а *мама* ‘папа’). Для меня

⁴ В данном случае речи об ономотопозитической («звукоподражательной») теории происхождения языка, естественно, не идет.

⁵ Ср. из собственных наблюдений автора:

В. (53 года), обращаясь к внучке (3 года): — Ну, *кушай*, *покушай* еще!

Обращаясь к невестке Т. (28 лет): — Мне кажется, она уже не хочет *есть*.

⁶ О коммуникативной стратегии в общении с детьми до года см., например, [Bryant, Barrett 2007].

⁷ Данная, в общем-то, более чем распространенная теория категорически не принимается О. Н. Трубачевым, который в каждом конкретном случае (*тятя*, *баба*, *ляля* и пр.) буквально с ненавистью говорит о «ссылках на детский лепет» (см. [Трубачев 2006: 23]) и каждый раз пытается дать соответствующую индоевропейскую этимологию. В целом его критика (см. [Там же: 193—197]) теории Lallwörter не лишена интереса и звучит сейчас по-новому в свете возврата интереса к проблеме происхождения языка (речи?) в целом.

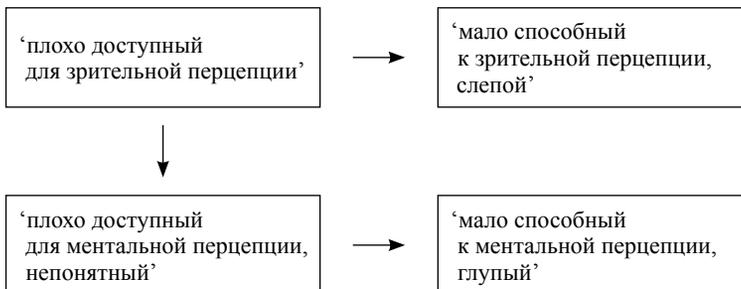
в данном случае наиболее важными оказываются омонимичные лексемы, восходящие к детскому до-речевому производству, но обозначающие как собственно ребенка, так и старшего родственника. Ср., например, пары: *baby* ~ *baba, lala* (ребенок) ~ *lala* (сестра матери или отца в ряде славянских языков), *ninio* ~ *n'an'a* и др.

Приведенные примеры были взяты из разных языков и сведены в пары искусственно, что, казалось бы, должно привести к логичному выводу о принципиальной дополнительной дистрибуции плана выражения соответствующих слогов. Так, например, если в языке X слог *la* в его редуцированной форме кодирует обозначение ребенка, то в «детском языке» (в его кодифицированном взрослыми виде) он уже не может стать обозначением взрослого родственника. И вот тут я подхожу к наиболее тонкой и проблемной части моей работы, которая требует выхода из собственно лингвистической сферы в область субъективно-эмоциональную, что, впрочем, предполагает стоящая в названии работы лексема *cara*.

Взаимоотношения детей и родителей (или замещающих их функций взрослых) строятся на принципе взаимного обмена информацией, базирующемся на том, что может быть названо любовью. Причем эмоциональный поток в данном случае оказывается двунаправленным, и именно это обуславливает успешность контакта. На уровне языкового оформления этот процесс может быть описан как реципрокный, т. е. вызывающий появление лексем, как имен, так и глаголов, описывающих взаимные связи. По определению, данному еще А. М. Пешковским, эти ситуации порождают конструкции с субъектами, каждый из которых «является одновременно и действующим предметом (субъектом), и предметом, подвергающимся действию (объектом)» [Пешковский 2001: 115]. Понятие реципрокности обычно связывают с глаголом и в первую очередь выделяют его формальную морфологическую составляющую. Но, как верно отмечает А. Б. Летучий, в данном случае возможен и иной подход, «скорее семантический: реципроком называется любая конструкция, выражающая значение взаимности. При таком понимании к разряду реципроков относятся не только производные глаголы, но и лабильные лексемы типа англ. *kiss* ‘целовать(ся)’, стативные глаголы типа *соответствовать*, существительные со значением симметричной ситуации типа *конфликт*» [Летучий 2009: 336—337].

Я полагаю, семантическая реципрокность (или лабильность) может постулироваться и у существительных и прилагательных, причем относящихся не обязательно к «симметричной ситуации», но и к симметричному перцептивному признаку.

Так, С. М. Толстой было убедительно продемонстрировано, что в славянских языках слово *темный* может иметь не только значение ‘мало доступный для зрительного восприятия’, но и ‘мало способный к зрительному восприятию, слепой’ (многочисленные яркие и убедительные примеры см. в [Толстая 2008]). Вспомним, например, прозвище русского князя, который был ослеплен в ходе распри: Василий Темный (= ‘слепой’). Как я понимаю, современное русск. *темный* со значением ‘необразованный, мало понимающий’ возникло, предположительно, в результате семантического сдвига ‘темный — плохо доступный для зрительной перцепции’ → ‘темный — плохо доступный для ментальной перцепции, непонятный’ (также засвидетельствовано в контекстах) → ‘темный — мало способный к ментальной перцепции, глупый’. Но так ли это? Представим сказанное в виде схемы:

У меня нет уверенности в том, что в полученной схеме стрелки расставлены правильно и что не может быть реконструирован также семантический переход ‘слепой’ → ‘глупый’. Более того, нет уверенности и в том, что изначальной семантикой в данном случае оказывается именно собственно ‘темный’ (как ‘плохо видный’).

Естественно, в данном случае встает вопрос о глубинной первичной семантике лексемы *темный* (как и рассматриваемых С. М. Толстой аналогичных лексем *глухой*, *слепой*). Ссылаясь на работу М. Войтыла-Свежовской «Почему глухой не слышит?» [Wojtyła-Świerzowska 1991], базирующуюся на чисто этимологической реконструкции, автор осторожно высказывает предположение, что для славянского *слепой* исходным следует считать значение ‘закрытый, замкнутый’, тогда как значение ‘плохо видящий, невидящий’ можно считать вторичным (см. выше на схеме, но уже применительно к лексеме *темный*).

Аналогичное семантическое развитие мы можем наблюдать и для ирл. *dall* ‘слепой, темный’, ср. *fer dall* ‘слепой человек’, но *daire dall* ‘темный лес’, а также *beith dall ar rud* ‘не понимать чего-л.’. Этимологически лексема возводится к и.-е. **dheu-* ‘мутный, грязный, неясный’ [LEIA: 18], т. е., как и в приведенных выше случаях, исходным полагается обозначение объекта как плохо доступного для зрительной (и слуховой, ср. гот. *daufs* ‘глухой’) перцепции и уже вторичным — обозначение субъекта как мало способного к перцепции. Видимо, речь идет об одном из универсальных семантических переходов (см. подробнее в [Зализняк 2013]), как кажется, еще не описанном на широком языковом материале. В работе С. М. Толстой семантическая реконструкция, проведенная методом непосредственной этимологизации, дается с некоторым сомнением, причем сомнением справедливым. Как она пишет, «вопрос об этимологии как *слепого*, так и *глухого* нельзя считать окончательно решенным. И дело не только в формальной стороне этимологии, которая может вызывать сомнения у тех или иных этимологов. Дело в самой семантической реконструкции. При всей очевидности наличия двух “автономных” центров в семантической структуре обоих гнезд (сенсорного и физического), при всей той смысловой дистанции, которая существует между значениями “закрытости” и “чувственного восприятия”, эти значения способны взаимодействовать <...> и в рамках самой сенсорной семантики» [Толстая 2008: 172]. То есть, как пишет об этом же Анна А. Зализняк, «иногда возникают проблемы с направлением семантического перехода» [Зализняк 2013: 43], которые на материале проведенного С. М. Толстой исследования проблемными уже не кажутся: на глубинном уровне можно предположить наличие семантем с неопределенной и размытой семантикой (например, ‘мутный, плохо видный, темный, плохо доступный для зрительной перцепции’), при которых собственно агенс и пациенс еще не выражены⁸. В дальнейшем они находят свое морфологическое воплощение при помощи соответствующей суффиксации, а при переходе в область глаголов — в каузативных инфиксах, выраженных далеко не во всех языках. Ср. русск. *темнеть* — *темнить* при франц. *noirsir* ‘делать черным — становиться черным’.

Аналогичных примеров, наверное, можно было бы найти еще множество (причем в разных языках), но, приближаясь к основному объекту моего исследования, мне хотелось бы вновь вернуться к теме любви и остановиться подробнее на семантике русск. *милый*, также содержащего симметрично-реципрокный перцептивный признак.

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой даются два разных основных значения у лексемы *милый*: «1. Славный, привлекательный, приятный; 2. Дорогой, любимый» [Ожегов, Шведова 1998: 356]. С одной стороны, это действительно так: в ряде контекстов можно реконструировать описание «приятного» человека, который говорящему вовсе не «дорог», тогда как в других, напротив, «дорогой, любимый» человек или объект может описываться и как лишенный таких качеств, как приятность, доброта, красота и пр.

⁸ Данный двунаправленный семантический процесс не обязательно кроется в глубинах языковой реконструкции. Ср., например, современное русск. *отказник* — как ‘тот, кто отказался от чего-либо’ (например, от службы в армии), так и ‘тот, кому отказали в чем-либо’ (например, в визе), а также ‘тот, от кого отказались’ (например, отказалась мать в родильном доме).

«Она мила, скажу меж нами...», — пишет Пушкин, но из дальнейшего содержания стихотворения становится очевидно, что сердце автора отдано вовсе не «ей».

Ср., также, например:

Какая может быть польза от занятий (талантливое, милого, но странного) А. Д. нострамикой — гипотезой о родстве языков мира? (А. Жолковский. Эросипед и другие виньетки. М., 2003. С. 180).

Национальный корпус русского языка, естественно, дает обилие примеров как на *милый-1*, так и на *милый-2*, например:

Она, государь, очень мила и, кажется, девушка скромная и добрая [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1827)].

При «противоположных» значениях (как правило, с дативом в роли логического субъекта):

И понял, что она ему так мила, что он хочет взять ее в жены [М. Гиголашвили. Чертовое колесо (2007)];

Так чем же так мила нам эта стеклянная колбочка с вольфрамовой нитью? [М. Русанова. До лампочки // «Парадокс» (2004)].

Субстантивированные *милый* и *милая* получают значение ‘друг, возлюбленный’ — ‘подруга, возлюбленная’ и семантически акцентируются уже в гораздо большей степени на неких конвенционализированных взаимоотношениях любви и партнерства, чем на описании привлекательных качеств. Ср., яркий пример из «жестокой» баллады:

*Милый мой строен и высок,
Милый мой ласков, но жесток,
Больно хлещет шелковый шнурок.*

Вряд ли этого человека можно назвать симпатичным или приятным, однако показательно само его обозначение *милый мой* = ‘тот, кто меня любит’ (в дальнейшем тексте идея подтверждается описанием его самоубийства как реакции на измену героини). Естественно, я понимаю, что в данном случае, как и во многих других аналогичных случаях, в тексте употреблено реляционное имя, уже отчасти десемантизированное и маркирующее лишь тип отношений, ср. *женех, муж, любовник*. Ср. также *мой миленок* как персонаж частушек. Однако о полной десемантизации и условности обозначения мы здесь говорить не можем. *Мой милый* — это одновременно и конвенционализованное обозначение сексуального партнера, отношения с которым строятся на взаимной привязанности и избирательности (т. е. ‘тот, кто любит меня’ и ‘тот, кого люблю я’).

Естественно, четкой границы между *милый-1* и *милый-2* нет, и оба значения входят в одно широкое семантическое поле ‘привлекательный, приятный, любимый’. Трудно удержаться и не процитировать здесь русскую поговорку *Не по хорошу мил, а по милу хорош*, т. е. мы любим не тех, в ком видим разного рода достоинства, но мысленно наделяем этими достоинствами тех, кого мы любим.

Ср. пример из Национального корпуса русского языка:

Он уверял меня, что я мила, что я хороша, что он любит меня всем сердцем [П. Ю. Львов. Даша, деревенская девушка (1803)].

В последнем примере уже не совсем ясно, употреблено *мила-1* или *мила-2*, видимо, в нем соединены оба значения: герой уверяет, что любит девушку, и поэтому она кажется ему милой? Или она сама так мила, что невольно вызвала его любовь? Грань в данном случае нащупывается уже так искусственно, что проводить ее, как кажется, нет и смысла.

В обоих случаях употребления (условно *милый-1* и *милый-2*) объект, обладающий признаком ‘быть милым’, в ситуации коммуникации играет скорее пассивную роль (ср. пример с электрической лампочкой — «колбочкой с вольфрамовой нитью»). Более того, он требует

предположительного наблюдателя, который может оценить наличие у объекта данного признака. Однако это не совсем так, и тот же Национальный корпус дает здесь интересные примеры (впрочем, и так известные и предсказуемые):

Шереховской был со мной мил и любезен [В. П. Аничков. Екатеринбург-Владивосток (1934)];

Светочка умела быть мила, а уж когда собеседник привыкал к ее выдающейся черте лица и птичьему голосу и переставал их замечать, то эффект и вовсе был сногшибателен [Т. Соломатина. Девять месяцев (2010)].

Произносимая Фаиной Раневской фраза «Я никогда не была красива, но всегда была чертовски мила» означает примерно то же: при отсутствии природной красоты субъект умеет казаться приятным и привлекательным, прикладывая для этого определенные усилия.

Возвращаясь к анализу семантики понятий *темный* / *слепой* С. М. Толстой, проведем сопоставление:

— *темный*, говоря условно, это тот, кого не видят, и тот, кто не видит;

— *милый* — это тот, кого любят, и тот, кто любит и/или старается быть любимым⁹.

Говоря строго, я не пытаюсь буквально настаивать на полной симметричности приведенного соотношения, особенно на современном языковом уровне, а также в рамках семантики современного русск. *милый*. Анализ приведенных в работе С. М. Толстой примеров, особенно ее диахронические отступления (не случайно она пишет не только о *темном*, но и *слепом* и *глухом*), заставил меня прийти к идее принципиальной «лабильности» или двунаправленности прилагательных перцептивного восприятия и эмоциональной оценки. Так, например, русск. *хороший*, естественно, имеет в первую очередь значение «наделенный какими бы то ни было положительными свойствами». Возьмем, однако, серию примеров:

Володенька проснулся сегодня такой сердитый, такой сердитый, а я ему сразу кофе в кровать — и он стал хороший (Б. Ф. Егоров. Воспоминания, СПб., 2004. С. 273).

Естественно, изменившееся настроение описываемого лица не прибавило ему положительных качеств ни объективно, ни в глазах его жены, но изменило его поведенческую тактику по отношению к ней, т. е. «он стал производить впечатление доброго человека». Слово *хороший* в данном контексте имеет значение «быть добрым, милым по отношению к кому-либо», что уже изначально заложено в двойной валентности адъективов данного класса. Ср. другой пример (из случайно услышанного на улице телефонного разговора):

— *Лешка, ну будь хорошим!*

Полная отчаяния реплика неизвестной девушки была вызвана, как я могла понять из предыдущего разговора, равнодушием ее собеседника и нежеланием не только отвечать на ее чувства, но даже принимать их.

И наконец, пример из известного стихотворения Агнии Барто:

*Все равно его не брошу,
Потому что он хороший!*

Естественно, слова реконструируемого ею ребенка следует понимать не как «старая игрушка обладает определенными положительными свойствами», а просто — «я его люблю».

Несомненно, данными амбивалентными свойствами (или потенциальной лабильностью) обладают прилагательные эмоциональной оценки и в других языках. Ср., например, англ. *nice* «милый, приятный» в конструкции *be nice* «будь мил (и сделай что-л. для меня)»; совр. франц. *aimable* «приятный, любезный», т. е. старающийся показаться милым объекту коммуникации (букв. «тот, кого следует любить»); также франц. *amabilité* «любезность, приветливость» при лат. *amābiliās* «любовь, любовные чувства, красота, прелесть».

⁹ Данное сопоставление не показалось убедительным моему рецензенту, что заставило меня обратиться к дополнительным примерам, иллюстрирующим мою идею.

Ср. вновь пример из реальной жизни:

С., три с половиной года, сказала своей бабушке: «Я люблю тебя мило». В ответ на удивленный вопрос, чем это объясняется, она ответила: «Потому что я еще маленькая».

Видимо, в речи ребенка проявилось потенциальное лабильное значение понятия *милый*: ребенок не может проявлять свою любовь в виде активных поступков, но может осознанно стараться быть милым и приятным по отношению к тому, кого он любит.

То есть, переводя признак в категорию активных действий, я могу выделить потенциальную лабильность несуществующего в русском языке глагола: ‘воспринимать как наделенный признаком ‘милый’, любить’ — ‘быть милым, заставлять любить себя’ (или с характерным русским каузативным инфиксом: **милеть* — **милить*).

Образование деадъективных глаголов (а к данному типу формообразования предлагает относиться Р. Магасович островные кельтские глаголы любви, а также предположительные галльские партиципальные формы), естественно, необычайно широко представлено в языках мира. Оно, как правило, носит характер семантического сдвига: ‘признак X’ → ‘наделять признаком X (пациенса или себя самого)’. Ср. *мертвый* — *умертвить* (ср. др.-ирл. *tarb* — *tarbaid*), *белый* — *белить* / *белеть* (при французском лабильном *blanchir*) и т. д., где сдвиг вносится дополнительными морфемами и не является в строгом смысле семантическим. Данный морфо-семантический сдвиг у «глаголов любви» также засвидетельствован достаточно широко, ср.: болг. *мил* ‘милый, дорогой’ — *милея* ‘люблю’, рум. *dragă* ‘милый, приятный’ — *dragoste* ‘любить’, чеш. *milovat* ‘любить’, литов. *mylėti* ‘любить’, русск. разг. *миловать*, франц. *chêr* ‘милый, дорогой’ — *chêrir*¹⁰ ‘нежно любить, дорожить’ и др. То есть, как я понимаю, в данном случае речь идет уже не столько о наделении пациенса признаком X, сколько о мысленной оценке пациенса как обладающего данным признаком по субъективному взгляду агенса. Как пишет А. Б. Летучий, «для глаголов эмоций типа ‘нравиться’ <...> ни один из актантов не является прототипическим пациенсом или агенсом. Тем самым ни один из актантов также не является прототипическим субъектом/объектом. Это означает, что язык может выбрать любую из моделей — с субъектом-экспериментером или с субъектом-стимулом <...> или не выбрать ни одну. Именно в последнем случае возникает конверсивная лабильность» [Летучий 2013: 148]. Но конверсивная лабильность автоматически возникнет, если язык одновременно выберет и обе модели!

Нечто подобное, видимо, произошло и с английским глаголом *like* ‘любить’, который в древнеанглийском употреблялся имперсонально и имел значение ‘нравиться’ (значение фиксируется еще в языке Шекспира [Skeat 1887: 333]; см. трактовку с грамматических позиций семантического перехода ‘нравиться’ — ‘любить’ у англ. *like* на примере фразы *Him like oysters* в [Есперсен 1958: 182] и ее критику в [Филмор 1981]). Насколько я понимаю, реконструируемый общегерманский глагол **likēnan* обладал отмеченной «конверсивной лабильностью», вызванной и его этимологией: этот слабый глагол восходит к прилагательному **likaz* ‘похожий, подобный, одинаковый’ (видимо, нравилось то или тот, кто был подобен говорящему). Однако в языках-потомках произошла интересная семантическая дивергенция, ср.: гот. *leikan*, др.-англ. *lician* ‘нравиться’ при др.-исл. *lika*, др.-фриз. *likia*, др.-в.-нем. *lihhen* ‘любить’ (см. [Orel 2003: 248]). Дальнейшая судьба английского глагола демонстрирует «цикличность пути диахронического семантического развития» [Deo 2015: 192].

По отношению к глаголам любви, как мне кажется, данное явление в реконструируемой диахронии должно представлять скорее характерный случай. Чтобы понять механизм переноса, необходимо, видимо, точнее определить, что именно понимается под любовью на уровне не только эмоционально-психологического, но и лингвистического анализа. Так, Ю. Д. Апресяном дается следующее определение понятия *любовь*:

¹⁰ Естественно, позднее образование, демонстрирующее продуктивность модели.

Любовь X-а к Y-у (например, любовь к книгам, к природе, к искусству, к детям, к родителям, к родине) =

‘Чувство, испытываемое X-ом по отношению к Y-у, который приятен X-у и вызывает у X-а желание быть в контакте с Y-ом или каузировать Y-у добро’ [Апресян 1974: 107].

Данное очень верное и емкое (благодаря противопоставлению *и/или*) определение было в дальнейшем уточнено в [Зализняк 2006: 377—381], которая со ссылкой на исследование А. Д. Шмелева [Шмелев 2002: 170—175] предлагает выделить понятия любви «эгоистической» (предполагающей получение удовольствия от использования соответствующего предмета¹¹) и любви «альтруистической» (предполагающей в первую очередь делать кому-то добро). Отчасти соглашаясь с выделением А. Д. Шмелевым двух «режимов употребления» слова *любовь* (первый из которых указывает на чувство, «которое субъект испытывает по отношению к объекту любви», а второй на свойство субъекта, состоящее в том, что «субъект обычно испытывает удовольствие от реализации некоторой ситуации», см. [Шмелев 2002: 170]), Анна А. Зализняк вводит важное для меня понятие «душевного контакта», возможного лишь в том случае, если «объектом любви является класс живых существ» [Зализняк 2006: 378]. Иными словами, любовь (точнее, один из ее подвидов) изначально предполагает взаимность или «реципрокность».

Приведем вновь пример из реальной жизни:

Ю. (54 года) рассказывает автору о своем неудачном романе с Н.: «*Она меня обманула. Она сказала: я всегда мечтала о большой любви. И я на это купился! Так где же теперь ее любовь?!*».

Совершенное очевидно, что, говоря о *большой любви*, Н. имела в виду, что мечтала быть ее объектом, тогда как Ю. понял ее слова как потенциально субъектные. Но очевидно и то, что сам русский язык, семантически плохо различающий несколько типов любви, способствовал возникновению данной коммуникативной неудачи. Но поскольку, как кажется, данное различие отчасти предстает как искусственное, абсолютно ошибочным такое понимание не было: скорее всего, Н. предполагала, что ответом на проявление любви Ю. также будет ее любовь.

Все многочисленные примеры «превратностей любви» относятся ко взаимоотношениям взрослых людей, отравленных интроспекцией. Взаимная любовь детей и родителей (на раннем этапе и в идеале) базируется на инстинкте продолжения рода и заботе о потомстве¹². Но при этом сам «объект заботы» неизбежным образом маркирует себя вербально по отношению к ближайшим родственникам, от которых находится в полной зависимости, и для общества человеческого наиболее надежным средством в данном случае оказываются такие интуитивные системы, как жесты и мимика, а на уровне конвенциональном — речь. Так возникают на базе «лепет» собственно лексемы, кодирующие понятия «мама» — «дитя» — «любить». Как правило, нормированный язык разводит их на границы семантического поля, чтобы избежать ненужной омонимии (по сформулированному И. Кларком «принципу контраста» (см. [Clark 1993])¹³, однако на уровне диалектов и в случае языковых контактов они могут сталкиваться и переплетаться, проявляясь в псевдоошибках.

Я полагаю, что с таким случаем мы и имеем дело, анализируя галльск. *caros* — *cara*, родственное др.-ирл. *caraid* ‘любит’ и оказавшееся в контакте с лат. *carus* ‘милый, дорогой’.

Кроме многочисленных *nomina propria*, эта основа встречается изолированно в надписи на пряслице (которые также, отметим, писались по латинским моделям):

¹¹ Я бы назвала этот тип любви «преферентным использованием», охватывающим как одушевленные объекты (родители, возлюбленные, супруги, друзья), так и объекты неодушевленные (книги, фильмы, искусство, ананасы, прогулки и пр.).

¹² Интерпретация этого феномена находится далеко за рамками моего исследования и вне границ моей компетенции. Среди многочисленных работ об этом отсылаю, например, к разделу «Эволюция альтруизма» в [Марков 2011: 291—392].

¹³ Подробнее см. в [Бурлак 2011: 124—130].

GENETA VIS CARA (L-114) [RIG II, 2: 325].

Надпись традиционно-предположительно переводится как ‘Девушка, будь (?) милой’, и в таком случае, видимо, подаривший пряслице хотел сказать просто нечто приятное либо что-то вроде «Будь мила со мной» (ср. приведенные выше русские примеры). Однако сам характер надписи и отсутствие пробела между элементами VIS и CARA позволяют говорить о двучленной лексеме, причем первым элементом, как предполагается в издании П. И. Ламбера, может быть общекельтский элемент **wis-* ‘знание, мудрость, добро’. В таком случае, как он предлагает, надпись в целом можно перевести как что-то вроде ‘девушка — умница’ (букв. ‘мудрость любящая’, в оригинале *qui aime le bien* [RIG II, 2: 326]). Ср. также эпитет Аполлона в галло-римской эпиграфике — *Apollo Iouantu-carus* ‘Аполлон молодость любящий’, в котором форма *carus*, по мнению П. И. Ламбера (как и многих других), употреблена «с активным значением» [RIG II, 2: 325]. Переход пассивного значения в активное, с точки зрения издателя, здесь даже не нуждается в комментарии, что не означает, естественно, что он остался им не замеченным. Как я понимаю, в данном случае (издание корпуса галльских текстов с относительно небольшими комментариями) ему показалось справедливо неуместным углубляться в сложную дискуссию о двунаправленной семантике галльской лексемы. Однако приведенная им параллель с эпитетом Аполлона подтверждается и упомянутым мною выше именем *Caromaros* ‘милый-большой’. По мнению Д. Эванса, имя следует трактовать как композит с первой основой с вербальной семантикой и второй основой — морфологизованным адективом ‘большой’, имеющим скорее статус суффикса (см. [Ellis Evans 1967: 61]). Иными словами, в его трактовке, с которой я согласна, имя означает что-то вроде ‘многолюбящий’, т. е. агентивная природа галльского *caros* проявляется и здесь.

Итак, можно прийти к выводу, что галльск. *caros* одновременно могло означать и ‘милый, любимый’, и ‘любящий’, что подтверждается не только, точнее, не столько морфологической неразвитостью смешанных галльских диалектов (особенно в зонах длительных контактов с народной латынью), сколько потенциальной лабильностью самого понятия ‘любить — вызывать любовь’.

Итак, возвращаясь к нашей надписи ARTULA KARA MATIR, можем ли мы теперь однозначно считать ее ошибочной? С одной стороны, безусловно, да, особенно на фоне безусловно ошибочных надписей типа FILIA CARISSIMA. Но ошибочной с точки зрения латинского языка. Присутствующий в тексте галльский элемент заставляет предположить, с другой стороны, что в условиях несбалансированного двуязычия и низкой компетенции прирейнских галлов в латыни даже суперлативные формы могли восприниматься как означающие повышенное содержание признака X, и *filia carissima*, заказавшая эпитафию своему отцу, безусловно, хотела назвать себя «очень любящая». Впрочем, все «дражайшие» женщины, оставившие нам эти анекдотические памятники смешения языков, действительно были любимы умершими мужьями или отцами. По крайней мере, как можно предположить, считали себя таковыми. Хотя бы на уровне этикетных формульных эпитафий.

Начав писать о надписи CIL XIII 3909, я ушла от нее довольно далеко. Но языковой феномен и должен описываться в комплексе составляющих — социолингвистических, психологических, семантических, грамматических и, может быть, даже каких-то иных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1974 — Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. [Apresjan Yu. D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics. Synonymic means of language]. Moscow: Nauka, 1974.]
- Бурлак 2011 — Бурлак С. Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. [Burlak S. *Proiskhozhdenie yazyka. Fakty, issledovaniya, gipotezy* [The origins of language: facts, studies, hypotheses]. Moscow: Astrel', 2011.]
- Есперсен 1958 — Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. [Jespersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1958.]

- Зализняк 2006 — Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянской культуры, 2006. [Zaliznyak Anna A. *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya* [Polysemy in language and the ways of its presentation]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006.]
- Зализняк 2013 — Зализняк Анна А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32—51. [Zaliznyak Anna A. Semantic change as an object of a typological investigation. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 2. Pp. 32—51.]
- Иванова 2015 — Иванова О. В. Хроника: Рабочая встреча Общества индоевропейских исследований: «Отглагольные прилагательные и причастия в индоевропейских языках», Париж, 24—26 сентября 2014 г. // Вопросы языкового родства. 2015. № 13/1. С. 173—177. [Ivanova O. V. Chronicle: A working meeting of the Society of Indo-European Studies: «Verbal adjectives and participles in the Indo-European languages», Paris, September 24—26, 2014. *Voprosy yazykovogo rodstva*. 2015. No. 13/1. Pp. 173—177.]
- Королев 1984 — Королев А. А. Древнейшие памятники ирландского языка. М.: Наука, 1984. [Korolev A. A. *Drevneishie pamyatniki irlandского yazyka* [The earliest Irish literary texts]. Moscow: Nauka, 1984.]
- Летуций 2009 — Летуций А. Б. Двойной реципрок: значение и употребление // Киселева К. Л., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Татевосов С. Г. (ред.-сост.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 335—361. [Letuchii A. B. Double reciprocal: meaning and use. *Korpusnyye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L., Plungyan V. A., Rakhilina E. V., Tatevosov S. G. (eds-comp.). Moscow: Probel, 2009. Pp. 335—361.]
- Летуций 2013 — Летуций А. Б. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Letuchii A. B. *Tipologiya labil'nykh glagolov* [A typology of labile verbs]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Марков 2011 — Марков А. Эволюция человека II. Обезьяны, нейроны и душа. М.: Астрель-Corpus, 2011. [Markov A. *Evolutsiya cheloveka II. Obez'yany, neirony i dusha* [Human evolution II. Apes, neurons and the soul]. Moscow: Astrel'-Corpus, 2011.]
- Михайлова 2014 — Михайлова Т. А. URSULA ~ ARTULA: о возможных прочтениях надписи CIL XIII, 3909 // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII. Материалы чтений, посвященных памяти проф. И. М. Тронского. СПб.: Наука, 2014. С. 223—231. [Mikhailova T. A. URSULA ~ ARTULA: about possible interpretations of inscription CIL XIII, 3909. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya — XVIII. Materialy chtenii, posvyashchennykh pamyati prof. I. M. Tronskogo*. St. Petersburg: Nauka, 2014. Pp. 223—231.]
- Ожегов, Шведова 1998 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [An explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik, 1998.]
- Пешковский 2001 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in the scientific interpretation]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.]
- Толстая 2008 — Толстая С. М. Глухой и слепой // Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. С. 134—174. [Tolstaya S. M. «Deaf» and «blind». Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoi perspektive*. Moscow: Indrik, 2008. Pp. 134—174.]
- Трубачев 2006 — Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: URSS, 2006. [Trubachev O. N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroya* [The history of Slavic kinship terms and some oldest terms of social system]. Moscow: URSS, 2006.]
- Филмор 1981 — Филмор Ч. Дело о падеже // Звегинцев В. А. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369—495. [Fillmore Ch. The case for case. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Zvegintsev V. A. (ed.). No. X: *Lingvisticheskaya semantika*. Moscow: Progress, 1981. Pp. 369—495.]
- Шмелев 2002 — Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Shmelev A. D. *Russkaya yazykovaya model' mira* [Russian language model of the world]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Bryant, Barrett 2007 — Bryant G. A., Barrett H. C. Recognizing intentions in infant-directed speech. Evidence for universals. *Psychological Science*. 2007. Vol. 18. No. 8. Pp. 746—751.
- Clark 1993 — Clark E. V. *The Lexicon in acquisition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- Collis 2010 — Collis J. *The Celts. Origins, myths, inventions*. Gloucestershire: The History Press, 2010.
- Davies et al. 2000 — Davies W., Graham-Campbell J., Handley M., Kershaw P., Koch J. T., Le Duc Gw., Lockyear K. (eds). *The inscriptions of Early Medieval Brittany — Les inscriptions de la Bretagne du Haut Moyen Age*. Oakville, CT, Aberystwyth: Celtic Studies Publications, 2000.

- Delamarre 2003 — Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise: une approche linguistique du vieux-celtique continental*. Paris: Errance, 2003.
- Delamarre 2007 — Delamarre X. *Noms de personnes celtique dans l'épigraphie classique*. Paris: Errance, 2007.
- Deo 2015 — Deo A. Diachronic semantics. *Annual Review of Linguistics*. 2015. Vol. 1. Pp. 179—197.
- Dinneen 1927 — *Foclóir Gaedhilge agus Béarla — Irish-English dictionary*. Dinneen P. S. (comp.). Dublin: Educational Company of Ireland, 1927.
- Duval 1952 — Duval P.-M. *La vie quotidienne en Gaule pendant la paix romaine*. Paris: Hachette, 1952.
- Ellis Evans 1967 — Ellis Evans D. *Gaulish personal names. A study of some continental formations*. Oxford: Clarendon Press, 1967.
- Ernout, Meillet 1939 — Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris: Klincksieck, 1939.
- Hamp 1976 — Hamp E. P. On some Gaulish names in *-ant-* and Celtic verbal nouns. *Ériu*. 1976. Vol. 27. Pp. 1—20.
- IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bernn: Francke Verlag, 1959.
- ILB — *Les inscriptions Latines de Belgique*. Deman A., Raepsaet-Charlier M. Th. (eds). Bruxelles: Edition de l'université de Bruxelles, 1985.
- Jakobson 1967 — Jakobson R. Why 'mama' and 'papa'? Jakobson R. *Selected Writings. Vol. 1: Phonological studies*. The Hague: Mouton, 1967. Pp. 538—545.
- Jespersen 1949 — Jespersen O. *Language, its nature, development and origin*. London: G. Allen & Unwin Ltd., 1949.
- Krämer 1974 — Krämer K. Die frühchristlichen Grabinschriften Triers. *Trierer Grabungen und Forschungen*. Mainz: Verlag Phillip von Zabern, 1974. Bd 8.
- Lamber 2014 — Lamber P.-Y. Some Gaulish participial formations. *Continental Celtic word formation. The onomastic data*. García Alonso J. L. (ed.). Salamanca: Ediciones Universidad De Salamanca, 2014. Pp. 123—130.
- LEIA — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes: lettre D*. Lambert P. Y. (par). Dublin; Paris: Dublin Institute for Advanced Studies; Centre National de la Recherche Scientifique, 1996.
- McCone 1994 — McCone K. An tSean-Ghaeilge agus a réamhstair. *Stair na Gaeilge*. McCone K., McManus D., Ó Háinle C., Williams N., Breatnach L. (eag.). Maigh Nua: Coláiste Phádraig, 1994. Pp. 61—220.
- McManus 1997 — McManus D. *A guide to Ogam*. Maynooth: An Sagart, 1997.
- Matasović 2009 — Matasović R. *Etymological dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill, 2009.
- Meißner 2009/2010 — Meißner T. Das Hieronymuszeugnis und der Tod des Gallischen. *Zeitschrift für celtische Philologie*. 2009/2010. Bd 57. S. 107—112.
- Orel 2003 — Orel V. *A Handbook of Germanic etymology*. Leiden: Brill, 2003.
- Raepsaet-Charlier 2001a — Raepsaet-Charlier M.-Th. Caractéristique et particularités de l'onomastique trévir. *Noms: Identités culturelles et romanisation sous le Haut-Empire*. Dondin-Payre M., Raepsaet-Charlier M.-Th. (eds). Bruxelles: Le Livre Timperman, 2001. Pp. 343—398.
- Raepsaet-Charlier 2001b — Raepsaet-Charlier M.-Th. Critères de datation épigraphique pour les Gaules et les Germanies. Dondin-Payre M., Raepsaet-Charlier M.-Th. (eds). *Noms: Identités culturelles et Romanisation sous le Haute-Empire*. Bruxelles: Le Livre Timperman, 2001. Pp. ix—xiv.
- Raybould, Sims-Williams 2007 — Raybould M. E., Sims-Williams P. *A corpus of Latin inscriptions of the Roman Empire containing Celtic personal names*. Aberystwyth: CMCS, 2007.
- RIG I — *Recueil des inscriptions gauloises. Vol. I: Textes gallo-grecs*. Lejeune M. (ed.). Paris: CNRS, 1985.
- RIG II, 2 — *Recueil des Inscriptions Gauloises. Vol. II. F. 2: Textes Gallo-Latins sur instrumentum*. Lamber P.-Y. (ed.). Paris: CNRS, 2002.
- Schmidt 1957 — Schmidt K. H. *Die Komposition in Gallischen Personennamen*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1957.
- Skeat 1887 — Skeat W. *An etymological dictionary of the English language*. Oxford: At the Clarendon Press, 1887.
- Stüber 2005 — Stüber K. *Schmied und Frau. Studien zur gallischen Epigraphik und Onomastik*. Budapest: Archaeolingua. Series Minor, 2005.
- Stüber 2007 — Stüber K. Effects of language contact on Roman and Gaulish personal names. *The Celtic languages in contact. Papers from the workshop within the framework of the XIII International congress of Celtic studies*. Tristram H. L. C. (ed.). Potsdam: Potsdam University Press, 2007. Pp. 81—92.
- Watkins 1962 — Watkins C. *Indo-European origins of Celtic verb. Part I: The Sigmatic Aorist*. Dublin: DIAS, 1962.
- Wojtyła-Świerżowska 1991 — Wojtyła-Świerżowska M. Dlaczego głuchy nie słyszy? Rozważania o etymologii psł. *Gluchość. Јужнословенски филолог*. Кн. 47. Београд, 1991. С. 209—220.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY. REVIEWS

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Hrsg.). *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und in der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. 394 S.

Михаил Львович Котин

Институт германистики Зеленогурского университета, Зелена-Гура, 65-001, Польша; Институт германистики Университета им. А. Мицкевича, Познань, 61-874, Польша
michaikotin1@gmail.com

Michail L. Kotin

Instytut Filologii Germańskiej Uniwersytet Zielonogórski, Zielona Góra, 65-001, Polska; Instytut Filologii Germańskiej Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań, 61-874, Polska
michaikotin1@gmail.com

В языковедении едва ли можно найти более яркое доказательство правомерности впервые в 1958 г. предложенного Э. Косериу разграничения системы и нормы в языке, чем возникновение и судьба смешанных диалектов в ареалах интенсивных языковых контактов. 19 статей рецензируемого сборника, написанных на немецком (13) и английском (6) языках, рассматривают разные аспекты структуры и функционирования двух таких феноменов — белорусской «трасянки» (в первоначальном значении — малоценной смеси разных видов сена, полученной при его «перетряхивании») и украинского «суржика» (производного от названия хлеба, в состав которого входит мука разных злаков). Возникновение таких явно оценочных названий, которые редакторы тома предлагают заменить на нейтральные «белорусско-русская смешанная речь» (БРСР) и «украинско-русская смешанная речь» (УРСР) (см. с. 4), подчеркивает исконную отрицательную коннотацию языковой смеси, содержащей элементы соседствующих говоров и/или литературных языков в условиях диглоссии, стремящейся к билингвизму (ср., в частности, статью Х. Бидера в рецензируемом сборнике, в особенности с. 101). Такая оценка вполне ожидаема по причинам, относящимся к области широко понимаемой языковой нормы и господствующих представлений о том, каким должен быть некий абстрактный «хороший» язык. С другой стороны, с точки зрения языковой органики контакты всегда ведут к реализации дремлющих в автономно существующих диалектах тенденций, ускорению процессов языковых изменений, «выравниванию» форм, спонтанной селекции, а в конечном итоге к возникновению весьма жизнеспособных структур. Однако их дальнейшая судьба во многом зависит от внешних факторов. Чем, если не своего рода «суржином», первоначально являлся, например, лежащий в основе современного немецкого литературного языка Германии восточнореднемецкий диалект, возникший в результате интенсивных контактов переселенцев из ее «старых» западных, юго-восточных, а отчасти и северо-западных территорий [Frings 1936]? Очевидно, что ни БРСР ни УРСР, с чисто системной точки зрения, возможно, обладающие вполне сравнимым потенциалом, никогда не станут литературными языками ввиду отсутствия у них необходимого для этого социокультурного, политического и прочего ресурса, который наличествовал в Саксонском Курфюршестве в XV—XVIII вв. Ожидать следует скорее обратного — оба смешанных диалектных варианта будут все больше вытесняться на периферию коммуникативного поля, уступая место «традиционным» языковым формам соседствующих языков в области их автономного функционирования, то есть вдали от территорий соприкосновения их носителей. Это объясняется выраженными центростремительными тенденциями и как сознательным,

так и стихийным снижением интенсивности интеграционных процессов в восточнославянских языковых ареалах. Таким образом, спонтанные процессы языковой интеграции в значительной степени подавляются возрастающим престижем национальной и языковой самоидентификации, внеположенной тому, что можно отнести к сфере «языковой органики».

Рецензируемый сборник состоит из работ, рассматривающих обе составляющие описанной выше проблемы — «естественную» (внутрисистемную) и «искусственную» (социокультурно-нормативную). Г. Хентшель в обширной вступительной статье, где представлены главные направления исследования БРСР и УРСР и дано краткое описание каждой из опубликованных работ, признает, что статьи отличаются высокой степенью гетерогенности, которая касается прежде всего теоретических основ и вытекающей из них методологии анализа языкового материала (с. 25). Само по себе разнообразие концепций, пусть в рамках одного сборника, можно было бы только приветствовать. К сожалению, в рецензируемом сборнике методологический разнобой зачастую достигает критической отметки, а целый ряд тезисов, не только выдвигаемых авторами отдельных статей, но и в известной мере пропихивающих книгу в целом, нельзя рассматривать иначе, как лингвистические курьезы. Так, едва ли не в половине работ обсуждается вопрос о том, относятся ли оба рассматриваемых феномена к языку или к речи (большинство авторов, ставящих данный вопрос, склонны утверждать второе), причем открыто указывается, что имеется в виду именно классическая сосюрловская дихотомия *langue vs. parole* (ср. статьи Н. Мечковской, Г. Цыхуна, Л. Масенко и др.) [Saussure 1916]. Как внутри данной дихотомии речь может существовать без языка и зачем в этом случае сам Ф. де Соссюр вводит столь ясный методологический интеграл, как *langage*, остается за рамками этой необычной теоретической дискуссии. Робкие попытки поставить под сомнение саму возможность функционирования бессистемной и «безузной» речи, предпринимаемые, в частности, Г. Хентшелем, С. дель Гаудио, отчасти И. Климовым (ср. с. 17—18, 165—168, 291—292), при всей их обоснованности, не сформулированы как методологический императив, а следовательно, могут толковаться как точка зрения, альтернативная якобы столь же приемлемой гипотезе, расщепляющей сосюрловскую дихотомию. Впрочем, статья дель Гаудио, содержащая целый ряд существенных положений, касающихся структуры и функций УРСР, в частности, абсолютно правомерный перенос акцента на исторический и диахронический аспекты проблемы, так и называется: «Альтернативная интерпретация суржика [...]», хотя по целому ряду параметров предлагаемый автором анализ является методологически единственно приемлемым. К счастью, вопрос о том, как вообще возможно общение носителей идиолекта при отсутствии узуса, все же ставится в достаточно категоричной форме в обширной и теоретически выверенной статье Х. Бидера (с. 116). В этой же работе выдвигается целый ряд существенных и подкрепленных детальным анализом материала положений, из которых следует особо выделить тезис о разных типах (вариантах) белорусской трасянки (с. 105—107).

Другим «новшеством» является отождествление узуса и нормы среди прочих в статье Н. Мечковской, причем как трасянке, так и суржику в наличии узуса отказано (с. 54) и они определяются как «хаотично русифицированные субстандартные идиолекты» (с. 55). Подобная точка зрения характерна и для работы С. Запрудского, в которой на с. 119, по-видимому, из-за невольной ошибки автора, сказано, что в предложении *желательна сделать савьяичанне и исчарпач 'еци вапрасы, каб саздач упечатленне* «почти все лексемы являются русскими (или скорее церковнославянскими и (разрядка моя. — М. К.))». Трудно себе представить, что может быть дальше от церковнославянского языка, чем столь явный набор советских канцеляризмов из полуабсурдного по содержанию текста 1928 г.

Норма, как известно, присуща в полной мере лишь литературным языкам и характеризуется такими признаками, как кодифицированность на основе сознательного отбора из различных вариантов, стилистическая дифференцированность, высокий уровень функциональной стратификации и т. п. (ср. [Coseriu 1958; 1979; Семенюк 1970; Горбачевич 1978]). В рамках узуса «нормирование», если данное понятие здесь вообще уместно, носит всегда более или менее спонтанный и хаотичный характер, относясь скорее к сфере языковой

органики, нежели к сознательной и целенаправленной языковой селекции. Однако это ни в коей мере не означает асистемности узуса, поскольку системность присутствует везде, где есть любой языковой код, сколь хаотично бы он ни выглядел на первый взгляд. Задача лингвиста как раз и заключается в том, чтобы выявить системные закономерности, стоящие за видимым хаосом смешанных языковых форм, и определить тенденции дальнейшего развития полудиалектов и койне разного происхождения и характера.

Следует отметить, что с этой задачей многие авторы сборника справляются достаточно успешно. В особенности это следует отнести к статьям, возникшим в результате проведенных в соответствующих языковых ареалах экспериментальных исследований в рамках так называемого Ольденбургского проекта, реализуемого немецкими учеными из Ольденбургского университета в кооперации с их украинскими и белорусскими коллегами. Жанр сравнительно краткой рецензии не позволяет подробно рассмотреть все или хотя бы большинство выводов, которые представлены в отдельных статьях сборника. Ограничимся поэтому важнейшими вопросами, которые, на наш взгляд, выходят за рамки изучения БРСР и УРСР, обогащая представления и методологический и терминологический инструментарий современной ареальной лингвистики и исследования языковых контактов.

Одной из центральных статей сборника, рассматривающих системность БРСР и УРСР на примере дистрибутивного анализа белорусских и русских вариантов служебных слов, выступает работа руководителя Ольденбургского проекта Г. Хентшеля. Теоретической базой работы являются как классические дихотомии Ф. де Соссюра (*langue — parole*) и Н. Хомского (*competence — performance*) в их строго синхроническом понимании, так и исключительно продуктивная концепция П. Гардера [Harder 2003], разграничивающая долговременные (органические) и краткосрочные (социокультурные) механизмы диахронических процессов (с. 193—194). Методологически безупречно проведено также центральное с точки зрения исследовательских задач статьи и проекта в целом разграничение между системой и нормой, в основу которого положена концепция Э. Косериу [Coseriu 1979]. Проблемам языковой вариативности отводится при этом основное место (с. 195—202). В аналитической части статьи на основе обширного корпуса сопоставляются русские и белорусские формы служебных слов по количественным и качественным параметрам, приводимые в сравнительной таблице на с. 205—206. Единственное замечание к таблице — в графе *u*) на с. 206 форма *здесь* противопоставляется форме *тут* как якобы русская и соответствующая ей по значению белорусская формы. В действительности в русском языке присутствуют обе формы в одинаковом значении, хотя *тут* стилистически тяготеет к разговорной речи, тогда как *здесь* относится к нейтральному стилю. Основной вывод работы — глубинная, многоуровневая системность исследуемых смешанных диалектов, удостоверяемая их эмпирическим изучением.

Как по содержанию, так и по методологии к данной статье в известном смысле примыкают уже упомянутые выше работы Х. Бидера и С. дель Гаудио, отчасти И. Климова, а также С. Теш. Последняя содержит эмпирический, основанный на Ольденбургском корпусе анализ гибридных словоформ трясянки. При этом вычленяются и подвергаются количественному анализу формы, содержащие белорусские, русские, общие и смешанные морфы, рассматриваемые как в парадигматическом плане, так и с точки зрения синтагматики.

Особняком стоит статья Л. Биланюк, в которой рассматриваются два подхода к исследуемому феномену, причём автор ограничивается материалом УРСР. Первый подход (Л. Биланюк называет его «натуралистическим») характерен для исследователей, живущих за пределами Украины, которых интересует прежде всего собственно лингвистическое измерение проблемы, второй («идеологический» или «социально-конструктивистский»), связанный, в частности, с идеями языкового пуризма, присущ, главным образом, украинским филологам. Автор призывает к сближению обеих позиций, что, по ее мнению, позволит достичь холистического понимания смешанных языков (с. 30). Редактор тома Г. Хентшель во вступительной статье поддерживает такой подход (с. 11), что вполне можно понять, учитывая присутствие обеих концепций в редактируемом им сборнике. К сожалению, на практике такое сближение нередко приводит к смешению лингвистических, полуплингвистических

и квазилингвистических концепций, своего рода методологической «трасянке» (или «суржику»), что, в отличие от языкового смешения, всегда чревато нестыковками и неизбежно ведет к размыванию теории и методологии проводимых исследований и в итоге — к ослаблению «доказательного статуса» собственно лингвистических аргументов, что отчасти имеет место в рецензируемом томе.

Остальные работы посвящены в основном социокультурным, политическим и прочим аспектам, которые можно было бы определить как изучение экстралингвистических условий существования и развития смешанных диалектных идиом и их оценки как филологами, писателями, общественными деятелями, так и самими говорящими, в том числе использующими трасянку и суржик в повседневном общении. При этом, если одни ученые стремятся ввести данную проблематику в социолингвистический контекст, используя имеющиеся в распоряжении исследователей специальные методы анализа, то другие ограничиваются скорее общими формулировками, переходя таким образом границу между научным исследованием и научно-популярной статьей или околonaучным эссе. Два последних жанра, к счастью, не представлены в сборнике в чистом виде, однако некоторые из статей имеют отдельные черты «окололингвистических» опусов.

К. Вулхайзер посвятил свою статью соотношению социальных и структурных механизмов возникновения смешанных белорусско-русских языковых вариантов в Западной Белоруссии. Автор подвергает аргументированной критике стремление многих, в том числе считающихся ведущими, специалистов-диалектологов заместить серьезное изучение проблемы аргументацией, основанной на «анекдотических» примерах (с. 143). Статья содержит целый ряд интересных наблюдений и теоретических обобщений, касающихся взаимодействия экстра- и интралингвистических факторов при формировании БРСР под воздействием трех исконно различных языковых систем — традиционных местных диалектов, русской литературной нормы и белорусского языкового стандарта.

Итоги экспериментального исследования отношения разных групп населения к БРСР в сравнении с другими языковыми кодами на базе тестирования 500 респондентов представлены в статье А. Лянкевич. В таблицах и диаграммах на с. 242—247 обобщены вполне ожидаемые результаты социологического опроса по различным параметрам, центральным из которых является оценка статуса смешанной белорусско-русской и русско-белорусской речи.

В качестве индикаторов социальной стратификации жителей столицы Белоруссии Минска рассматривает элементы трасянки И. Лисковец. Как и в предыдущей статье, автор анализирует результаты проведенного социологического опроса, содержащего, между прочим, мотивы, по которым тот или иной вариант признается более приемлемым, а следовательно, получает более высокую «статусную» оценку респондента.

Работа М. Набелковой и М. Слободы посвящена сопоставлению белорусской трасянки и смешанной чешско-словацкой речи, прежде всего с точки зрения оценки их статуса и распространения на основе изучения высказываний на данную тему в Интернете. В отличие от трасянки (от себя добавим — и суржика), чешско-словацкий смешанный языковой код не всегда рассматривался как смешанный диалект и восходит к представлению о чешском и словацком как якобы двух вариантах «единого чехословацкого» языка, сравнимого с сербохорватским языком, который сегодня также отвергается в пользу деления на сербский и хорватский. Последнее сравнение, не вполне корректно (о наличии сербохорватского языка можно спорить, но постулировать «чехословацкий» язык, в силу чрезвычайно высокой гетерогенности обеих его «составляющих», едва ли возможно), что, впрочем, выходит за рамки тематики рецензируемого сборника.

О. Тараненко изучает вопросы, связанные со статусом, оценкой, а также с тенденциями развития УРСР. Статья содержит как социологический и социолингвистический, так и собственно лингвистический материал. Преимуществом работы, несомненно, является солидная эмпирическая база. Вывод автора о сосуществовании в УРСР спонтанного и конвенционализованного языкового смешения в целом представляется обоснованным и подкреплен достаточным объемом и разнообразием исследуемого материала. УРСР, по мнению

Тараненко, представляет собой не форму сближения с русским языком, а смешанный социолект специфического типа. В полемике с другими украинскими, а также с белорусскими диалектологами он поддерживает тезис о системности и конвенционализированности УРСР и БРСР, а также о наличии в них узуса. Учитывая, что значительная часть белорусских и украинских лингвистов ставит данный (на мой взгляд, столь же несомненный, сколь тривиальный) вывод под сомнение, можно считать его дополнительное обоснование существенным и заслуживающим положительной оценки. Что касается двух негативных прогнозов автора относительно возможности возникновения «чистого» украинского разговорного языка на базе литературного стандарта, с одной стороны, и возможности сближения украинского стандарта с «живой» УРСР, с другой, то, при всей своей спекулятивности (в силу аргументации, основанной не столько на данных «внутренней» истории языковых кодов, сколько на таких изменчивых, а потому ненадежных параметрах, как субъективная оценка языка самими говорящими, языковая политика государства и т. п.), на сегодняшний день они действительно наиболее вероятны.

В статье Н. Шумаровой, которая рассматривает УРСР не как диалектную прослойку между украинским и русским, а как вариант украинского языка, утверждается, что суржик является языком общения миллионов жителей Украины, причем далеко не только малообразованных слоев населения. Ситуация диглоссии постулируется в статье — достаточно обоснованно — отчасти в отношении русского, отчасти — украинского языка. Суржик, по мнению автора, не является социолектом, поскольку характерен не только для одной ограниченной социальной группы. В целом, в отличие от других авторов, Н. Шумарова исходит из признания достаточно слабого, ограниченного влияния русского языка на украинский суржик. Правда, в работе отсутствует количественный анализ единиц и структур разных уровней языковой системы, который подтверждал бы данную гипотезу, но обширные фрагменты анализируемого корпуса являются заменой статистического исследования, пусть и не равноценной. Следует отметить, что автор весьма удачно совмещает лингвистическую и социокультурную методологию и аргументацию.

Л. Масенко выступает за разграничение понятий «просторечие»¹ и «суржик», полагая, что в основе русского просторечия лежит городское койне, тогда как суржик основан прежде всего на сельских говорах. Помимо этого, просторечие является, по ее мнению, внутриязыковым, а суржик — межъязыковым феноменом. При оценке статуса и уровня влияния суржика на украинский литературный язык и украинские диалекты автор придерживается крайне негативной, при этом не имеющей отношения к собственно лингвистическому анализу, позиции, отказывая УРСР не только в узусе, но и в простой системности (чего по определению не может быть ни в одном языковом коде), а также утверждая, что суржик разрушает связи между украинскими диалектами и украинским языковым стандартом (о каких связях здесь идет речь и как именно они могут быть разрушены посредством УРСР, остается за рамками статьи) и способствует распространению на Украине русского языка. Последнее утверждение лишено оснований, поскольку смешанные диалекты не приводят к замещению одного литературного стандарта другим, а, напротив, потенциально создают условия для возникновения новых языковых стандартов (возникнут ли они в действительности, зависит от целого ряда факторов). Приводимые автором на с. 342 данные об использовании суржика 14 % этнических украинцев и «всего» 5 % этнических русских и сделанный из этого вывод о русификации этнических украинцев посредством суржика с научной точки зрения является курьезом и носит исключительно «идеологический» характер, выступая свидетельством того, что некоторые вопросы даже в научном сборнике, к сожалению, далеко не всегда рассматриваются *sine ira et studio*.

¹ В сборнике многократно подчеркивается, что в немецком языке отсутствует эквивалент данного понятия и содержатся предложения его описательной характеристики, в переводе на русский звучащей, например, как «сниженно-разговорная речь». Отметим, что данному понятию, на наш взгляд, вполне соответствует немецкий термин «*saloppe Sprache / Rede*».

Исследуя функционирование суржика в небольшом городе недалеко от Киева, Б. Тарасенко приходит к выводу об усиленном распространении УРСР в том числе среди городской молодежи. Из статьи следует, что смешанный украинско-русский языковой код развивался вопреки языковой политике как в советский период, так и сегодня. Автор анализирует элементы и структуры суржика в выбранном регионе на разных уровнях языковой системы. Однако в конце статьи она, словно некий обязательный рефрен вроде известного «*ceterum censeo...*», повторяет никак не связанный с предыдущим эмпирическим исследованием и не доказываемый расхожий «самоочевидный» тезис о разрушительном влиянии суржика на украинский язык.

Сборник завершает статья Л. Ставицкой, увидевшей проблематику УРСР в совершенно ином свете — как специфическое средство коммуникации в постмодернистском литературном дискурсе. Суржик она называет незаконнорожденным дитятей постмодернизма, а борьбу с ним под флагом чистоты украинского языка — «невротическим пуризмом», которому, к сожалению, мало кто сопротивляется (с. 356). Более нейтральная, на ее взгляд, оценка белорусской тряснянки, связана с большей структурной близостью белорусского и русского языков. Данный тезис представляется не вполне корректным: во-первых, степень родства всех восточнославянских языков вполне сопоставима с точки зрения потенциала их взаимовлияния в регионах непосредственного или опосредованного языкового контакта; во-вторых, пуризм всегда отмечен повышенной эмоциональностью и столь явной «глухотой» к объективным лингвистическим аргументам, что критерии генетического или типологического родства ничего не меняют в принципиально отрицательной оценке пуристом смешения диалектов и языков.

В целом рецензируемый сборник с полным основанием можно назвать типичным «продуктом времени». Подзаголовок «Языковой инцест в Белоруссии и на Украине?», хотя и содержит знак вопроса, к сожалению, подразумевает положительный ответ большинства не только неспециалистов, но, что наводит на самые грустные размышления, также ученых-лингвистов, в том числе диалектологов. К счастью, остаются исследователи, способные изучать данную проблематику вне зависимости от постоянно меняющейся политической и прочей конъюнктуры. Именно работы этих ученых, широко представленные в сборнике, обуславливают его несомненную научную ценность и существенный вклад в развитие современной ареальной лингвистики и теории языковых контактов на примере в высшей степени интересных феноменов — белорусско-русской и украинско-русской смешанной речи в областях интенсивных контактов носителей близкородственных языков. Книга адресована диалектологам, специалистам в области языковых контактов, социолингвистике, истории языка и языковых изменений. Она может быть также полезна лингвистам, изучающим фонетику, грамматику, лексический состав языка, отдельные аспекты прагматики и теории речевых актов, а также — при условии критического чтения и осознанного выбора статей, основанных на объективном и беспристрастном анализе языкового материала, — всем, кто интересуется актуальными вопросами взаимовлияния языков в их научном освещении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Горбачевич 1978 — Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М.: Просвещение, 1978. [Gorbachevich K. S. *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Norms of Modern Standard Russian]. Moscow: Prosveshchenie, 1978.]
- Семенов 1970 — Семенов Н. Н. Норма // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. [Semenyuk N. N. Norm. *Obshchee yazykoznanie. Formy sushchestvovaniya, funktsii, istoriya yazyka*. Moscow: Nauka, 1970.]
- Coseriu 1958 — Coseriu E. *Sinchronia, diachronia e historia: El problema del cambio linguístico*. Montevideo: Universidad de la República, 1958.
- Coseriu 1979 — Coseriu E. System, Norm und Rede. Coseriu E. *Sprache. Strukturen und Funktionen*. 3. Aufl. Tübingen: Narr, 1979.
- Frings 1936 — Frings Th. *Die Grundlagen des Meissnischen Deutsch. Ein Beitrag zur Entstehungsgeschichte der deutschen Hochsprache*. Halle: Niemeyer, 1936.

Harder 2003 — Harder P. The status of linguistic facts: Rethinking the relation between cognition, social interaction and utterance from a functional point of view. *Mind and language*. 2003. Vol. 18. No. 1. Pp. 52—76.
 Saussure 1916 — Saussure de F. *Cours de linguistique générale*. Lausanne; Paris: Payot, 1916.

Е. Р. Добрушина. Корпусные исследования по морфемной, грамматической и лексической семантике русского языка. М.: Издательство ПСТГУ, 2014. 270 с. [E. R. Dobrushina. *Korpusnyye issledovaniya po morfemnoi, grammaticheskoi i leksicheskoi semantike russkogo yazyka* [Corpus-based studies on morphemic, grammatical and lexical semantics of Russian]. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU, 2014. 270 p.] ISBN 978-5-7429-0925-5.

Илья Борисович Иткин

Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, Россия; школа «Муми-Тролль», Москва, 125080, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия
 isv@gol.ru

И'ya B. Itkin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107031, Russia; Mumi-Troll School, Moscow, 125080, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia
 isv@gol.ru

«Длинное» название книги избранных работ известного лингвиста, заведующей кафедрой современного русского языка филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Екатерины Роландовны Добрушиной достаточно точно соответствует ее структуре и наглядно отражает широту научных интересов автора.

Сборник состоит из четырех глав: «Морфемная семантика», «Грамматика», «Дискурсивные слова» и «Лексическая семантика и лексикография», — каждая из которых разбита на подразделы (как правило, публиковавшиеся раньше в виде отдельных статей). Прежде чем обратиться к рассмотрению каждой из этих четырех глав, необходимо сказать несколько слов о двух предшествующих им разделах, также играющих важную роль в идейной структуре книги, — предисловии молодого лингвиста А. Б. Летучего и кратком вступлении «От автора».

А. Б. Летучий выделяет основные особенности научной методологии Е. Р. Добрушиной, в числе которых должны быть названы прежде всего систематическая ориентация на корпусные данные, комплексный анализ языковых явлений, сочетание синхронического и диахронического подходов. В то же время, оговариваясь, что в рамках избранного им жанра такое упоминание «неуместно» (с. 6), автор предисловия отмечает наличие в книге ряда спорных решений.

Е. Р. Добрушина в своем вступлении подчеркивает, что работы, вошедшие в книгу, во многом являются результатом участия автора в трех коллективных проектах: «Проекте описания русских дискурсивных слов, приставок и предлогов» под руководством Д. Пайара, «Лингво-энциклопедическом словаре русской христианской лексики», инициированном свящ. К. О. Польсковым, и «Корпусном описании русской грамматики» (известном как «РусГрам»), замысел которого принадлежит Е. В. Рахилиной и В. А. Плунгяну. Сама тональность рассказа об этих проектах, равно как и искренние слова благодарности в адрес многочисленных учителей и коллег свидетельствуют о двух качествах, свойственных, увы, далеко не всем представителям научного мира, но в полной мере присущих Е. Р. Добрушиной: умению работать в команде и умении быть по-настоящему признательным тем, кто составляет для исследователя его научную среду.

Глава «Морфемная семантика» посвящена одному из «вечных» (и, безусловно, «проклятых») вопросов русистики — описанию значений русских глагольных приставок. Е. Р. Добрушина является убежденной сторонницей инвариантного подхода к представлению семантики многозначных единиц. Как кажется, само по себе это не хорошо и не плохо: аргументы сторонников и противников поиска инвариантов достаточно известны, и ни одну из двух противостоящих точек зрения в настоящий момент нельзя признать более убедительной. «При прочих равных» инвариантный подход выглядит, пожалуй, даже привлекательнее:

исследователь, отвергающий теорию инварианта, должен еще убедить сначала себя, а затем и коллег, что (условно) выделение у русского суффикса *-ся* восьми, а не пяти и не тринадцати значений имеет под собой некоторые объективные основания, тогда как в случае ее принятия исходное значение у рассматриваемой единицы всегда и по определению одно.

Е. Р. Добрушина не избегает термина «инвариант» (так, раздел 1.2 носит название «В поисках инвариантного значения приставки *из-*»), но все же предпочитает именовать единое значение приставки или иной единицы «формальной схемой» (далее — ФС) — во-первых, «чтобы избежать <...> коннотаций», связанных с термином «инвариант» (с. 12), во-вторых — потому, что ФС, в отличие от инварианта, «не предполагает вхождение описываемого абстрактного элемента в значение лексем, содержащих приставку» (с. 83). В книге приводятся (в разных форматах, иногда существенно варьируясь) ФС для русских приставок *вы-* (с. 17, 53), *у-* (с. 21, 40), *по-* (с. 23), *о-люб-* (с. 24, 86) и *из-* (с. 40—41); две последние приставки особенно подробно рассмотрены в разделах 1.5 и 1.2 соответственно.

В рамках краткой рецензии разбор достоинств и недостатков столь сложной и оригинальной концепции семантики русских приставок выглядит делом почти невозможным. Что безусловно можно сказать о предлагаемых Е. Р. Добрушиной ФС, так это то, что они, как правило, исключительно остроумны. Однако, на наш взгляд, плата за это остроумие в ряде отношений оказывается непомерно высокой.

Во-первых, вызывает сомнения научный статус предлагаемых толкований. Сама Е. Р. Добрушина, излагая возражения скептиков, приводит следующий аргумент: «в сознании носителей языка нет ничего подобного, носитель языка и понять-то такую формулировку не может, поэтому трудно допустить, что эти формулировки имеют отношение к реальному языку и как-то в нем работают» (с. 84). Примечательно, что никаких убедительных возражений против этого тезиса в книге нет: «в качестве контрдовода» автор ограничивается пространной цитатой из статьи [Кошелев 2004], в которой лишь вновь констатируется недоступность ФС (в терминологии А. Д. Кошелева — «концептуального значения») для интуиции носителя языка, но методологическая приемлемость такого рода конструктов не обсуждается. На наш взгляд, требование «соответствия сознанию носителя языка» не выдерживает критики: такие выдающиеся достижения лингвистической мысли, как закон Ваккернагеля, «эффект крысолова» (англ. *pie-d-piping*) или, например, базисное правило постановки ударения в русских словах [Зализняк 1985: 37—38], бесспорно, соответствуют этому требованию ничуть не лучше, чем ФС Е. Р. Добрушиной. Тем не менее в настоящее время едва ли найдется лингвист, всерьез сомневающийся в их реальности и научной ценности. Как кажется, причина этого в том, что упомянутые положения (об этом свидетельствует весь наш многолетний опыт) вполне отвечают одному из важнейших методологических критериев оценки научных теорий — **критерию воспроизводимости** (иначе говоря, квалифицированный лингвист — а иногда даже добросовестный студент или увлеченный наукой школьник — способен «открыть их заново», имея перед глазами тот же самый языковой материал и исходя из тех же самых предпосылок). Между тем представляется крайне маловероятным, чтобы какой бы то ни было исследователь, проанализировав русские глаголы с приставкой *у-*, независимо от Е. Р. Добрушиной пришел к выводу, что в глаголах с этой приставкой **рассматривается результат, достигнутый за счет накопления количества действия, но это не тот результат, на который действие, обозначенное основой, направлено нормативно** (с. 21). Напротив, толкование приставки *по-*: **«акцентируется протекание действия во времени и пространстве безотносительно к итогу»** (с. 23) — воспроизвести значительно проще. И это неудивительно, если учесть, что само это толкование, по сути, отличается от толкования, которое можно найти в любом словаре, лишь подчеркнутой усложненностью языка, ср., например: «Образует глаголы со знач. <...> 2) незначительной или неполной меры действия, совершаемого в течение короткого времени» [Ожегов 1983: 465].

Во-вторых, поскольку наблюдаемые значения глаголов с соответствующими приставками сплошь и рядом не имеют ничего общего с постулируемой ФС, Е. Р. Добрушиной приходится объяснять, каким образом происходит соответствующая трансформация. Хорошо

известно, что вывести одно значение из другого можно всегда, вопрос лишь в том, какими средствами это будет достигнуто. Так, в традиционных описаниях значение «протекания действия во времени» является лишь одним из значений приставки *по-*, и, например, перед С. И. Ожеговым не стояла задача получить из него инхоативное значение, которое эта приставка имеет в глаголах направленного движения — *пойти, побежать, поползти* и т. п. Перед Е. Р. Добрушиной такая задача стоит, и, к ее чести, она не уклоняется от попытки ее решения, связывая появление значения начала движения с тем, что «пока известен лишь факт реализации определенного типа перемещения во времени и пространстве, но не ясен финальный этап» (с. 24). Это объяснение, однако, неудовлетворительно: оно никак не помогает ответить на вопрос, почему приставка *по-* имеет инхоативное значение в глаголах типа *пойти*, но не имеет его ни в глаголах типа *поговорить, порисовать* или *попрыгать*, ни даже в итеративных глаголах движения типа *походить, побегать, поползть*.

Для приставки *о-/об-* дается следующее толкование: «действие связано лишь с периферией, но не с сутью чего-либо» (с. 24). В то же время одно из основных значений этой приставки — «действие, к-рое распространяется на всю поверхность предмета...» [Ожегов 1983: 371]. Е. Р. Добрушина справляется с этой трудностью следующим образом: «Как это ни парадоксально (sic! — *И. И.*), но в таких глаголах значение “тотальности охвата объекта” является следствием идеи о том, что действию подчинена только часть объекта, тогда как важен весь объект. Именно поэтому к сочетанию *обстучать стену* естественно добавить слово *всю* — подобные слова свидетельствуют как раз о том, что обратное актуально, что в реальности подвергнуть действию всю стену невозможно» (с. 88). На первый взгляд приведенное рассуждение может показаться по-своему элегантным, но в действительности его объяснительная сила измеряется, так сказать, отрицательной величиной. Дело в том, что, согласно Е. Р. Добрушиной, инвариантное значение приставки *из-* связано с идеей «предельного воздействия» (с. 40—41). Одним из основных частных значений этой приставки называется значение «качественным изменением затронуты все участки объекта» с примерами типа *Петя изъездил всю Москву в поисках лекарства* (с. 42—43). Между тем в таких сочетаниях, как *изъездить ~ объездить всю Европу* глаголы с приставками *из-* и *об-* оказываются ближайшими синонимами (ср. два примера из [НКРЯ]: *Давид Реуевини приплыл на большом корабле, изъездил всю Европу, и то его гои дурили, то наши евреи* [Д. Маркиш. Статья Лютовым. Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Бабеля // «Октябрь» (2001)] и *Я был в Америке, Израиле, объездил всю Европу...* [С. Довлатов. Наши (1983)]). И хотя *полностью изъездить Москву* ничуть не проще, чем *полностью обстучать стену*, примеры с приставкой *из-*, в отличие от примеров с приставкой *об-*, предлагается понимать буквально, а наличие в них слова *весь* «не замечать»: более чем наглядное доказательство того, что в рамках подхода, отстаиваемого автором рецензируемой книги, одно и то же реальное значение можно с равным успехом получить из каких угодно, в том числе противоположных по смыслу ФС.

Для отадъективных глаголов с приставкой *у-* типа *увеличить, удлинить, упростить* понятие «не того результата, на который действие, обозначенное основой, направлено нормативно», разумеется, нерелевантно. Анализируя такие глаголы, Е. Р. Добрушина заменяет это понятие понятием «незначимости способа действия» (с. 32—33). Однако, во-первых, соответствующий логический ход ничем не обоснован, во-вторых, опять-таки остается совершенно неясным, чем в таком случае обусловлено отсутствие в русском языке, например, глаголов **устарить, *умолодить, *услабить* (при наличии *усилить!*) вместо реально существующих *состарить, омолодить, ослабить*. Толкование значения приставки *у-* в глаголе *удержать* (с. 40), как кажется, не может быть никаким ясным способом соотнесено с ее ФС, приведенной на с. 21.

Возражая против традиционной точки зрения, согласно которой основным значением приставки *вы-* считается значение «изнутри-наружу», Е. Р. Добрушина считает, что «приставка *вы-*, сопоставляя две ситуации, отличные друг от друга, рассматривает первую из них как уже содержащую в себе какой-то начальный этап реализации второй ситуации и указывает, что на основе некоторого процесса, протекавшего в нужном направлении, произошел переход от первой ситуации ко второй» (с. 51). Значение «изнутри-наружу», по словам

автора, «легко сводится» к приведенной ФС следующим образом: «Ведь, чтобы нечто переместилось “изнутри-наружу”, необходимо, чтобы еще тогда, когда оно находится “внутри”, существовало понятие “снаружи”, существовало сообщение между “внутри” и “снаружи” и движение было направлено в конкретную сторону...» (с. 54). В данном случае уже трудно отделаться от ощущения, что перед нами автопародия.

Число таких примеров, увы, можно было бы умножить. При этом мы ни в коем случае не хотим сказать, что концепция Е. Р. Добрушиной «хуже» каких-либо других концепций описания семантики русских приставок: такие ее недостатки, как произвольность толкований, чрезмерная свобода в постулировании семантических переходов, внимание к «удобным» примерам при отказе от рассмотрения «неудобных», составляют общую проблему данной области исследований и лишний раз свидетельствуют об ее исключительной трудности.

Более того, несмотря на эти недостатки, работы Е. Р. Добрушиной, посвященные русским глагольным приставкам, содержат немало ценных и точных наблюдений. Например, чрезвычайно интересным представляется соображение автора о том, что в семантике приставки *о-/об-* важнейшую роль играет метафорический компонент (с. 90). Самого пристального внимания заслуживает раздел 1.3 «Семантические механизмы взаимодействия приставки и глагольной основы (основа *-каз-*)», написанный на основе статьи, опубликованной автором совместно с Д. Пайаром. В этом разделе представлен тонкий и по большей части убедительный анализ семантики глагольного корня *-каз-*, в бесприставочном виде сохранившегося в русском литературном языке главным образом в возвратном глаголе *казаться*, и глагольных лексем *показать(ся)*, *доказать* и *отказать(ся)*, основанный на предположении о том, «что все значения этих глаголов являются результатом взаимодействия глагольной основы *-каз-(ать)* и приставок *по-, до- и от-*» (с. 60). Подчеркнем, что речь идет о глаголах, которые не всякий исследователь-русист вообще признает синхронно членимыми — ср., например, печально знаменитый, но по-прежнему сохраняющий определенный авторитет в глазах некоторых лингвистов словообразовательный словарь [Тихонов 1985]. К сожалению, за пределами рассмотрения при этом остаются другие приставочные производные от той же основы: *выказать*, *приказать*, *сказать*, *указать* и др. Нельзя не отметить, что такого рода незавершенность, иногда почти иллюстративность, характерна едва ли не для большинства сюжетов, рассматриваемых в сборнике: оговорки вроде «Данная работа представляет собой лишь начальный этап исследования...» (с. 118) встречаются в ней чаще, чем хотелось бы.

Раздел 2.1 «*Видев* и *увидя*»: жизнь и смерть деепричастий, образованных по непродуктивным моделям» представляет собой корпусное исследование эволюции и нынешнего состояния нестандартных для современного литературного языка моделей образования деепричастий. Некоторые результаты, приведенные в этом разделе, относятся к числу вполне ожидаемых: таков, например, вывод о том, что деепричастия совершенного вида на *-ши* от глаголов на *-ти* (типа *привезши*) практически полностью вытеснены своими аналогами на *-а* (типа *привезя*). Однако в ряде случаев исследования Е. Р. Добрушиной опровергают сложившиеся представления. Так, не подтверждается (или не вполне подтверждается) общепринятое мнение о том, что деепричастия прошедшего времени от глаголов несовершенного вида употребляются почти исключительно с отрицанием: согласно данным НКРЯ, «это верно только для *евши*, *пивши* и *спавши*, являющихся фразеологизованными» (с. 102). Еще более важной представляется демонстрация того обстоятельства, что деепричастия совершенного вида на *-а* от возвратных глаголов на *-ить* (типа *возвратясь*), хотя и встречаются в последние десятилетия реже регулярных деепричастий типа *возвратившись*, у ряда глаголов по-прежнему остаются широко употребительными. Это означает, что в области русского глагольного словоизменения имеется серьезнейшая лексикографическая лакуна. В самом деле, отрицать существование в современном русском языке, например, формы *склонясь* (> 15 вхождений в НКРЯ только с 1990 по 2014 г.) невозможно. Однако даже в таких авторитетных грамматических словарях, как [ОСРЯ] и [Грамм.], формы типа *склонясь* не признаются ни нормативными, ни допустимыми, ни устаревшими, ни даже неправильными — они просто не упоминаются вообще!

Говоря о разделе 2.1 в целом, невозможно обойтись без внушительной ложки дегтя. Статистические данные, на которых строятся выводы автора, получены на не всегда ясных основаниях, а в ряде случаев, по-видимому, прямо неверны. Так, по данным Е. Р. Добрушиной, форма *читав* может употребляться в современных текстах даже и без отрицания (с. 100). В сводной таблице на с. 101 отмечается наличие четырех таких примеров в период с 1910 по 2014 г. Однако поиск по текстам XX—XXI вв., наряду с приведенной в сборнике (с. 102) цитатой из Н. Климонтовича (2001), позволяет найти лишь еще один пример — из написанной подчеркнуто стилизованным языком эпопеи Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачев». На с. 103 утверждается, что «формы *не видевши, не говоривши*, судя по данным НКРЯ, в текстах последнего столетия отсутствуют». Между тем в той же таблице на с. 101 отмечены три примера сочетания *не видевши*, что подтверждает и НКРЯ (правда, один из этих примеров — стихотворная цитата). На с. 105 указано, что в период с 1990 по 2014 г. *деепричастия озлясь и озлившись* встретились в НКРЯ в соотношении 37/6. В действительности форма *озлясь* представлена лишь 20 вхождениями **во всем** Основном корпусе НКРЯ (с 1701 г. по настоящее время). Такие ошибки, более чем характерные для работ, построенных на базе корпусной статистики, создающей иллюзию «непогрешимой точности» и практически никогда не подвергаемой перепроверке (если же признать, что перепроверка все-таки бывает необходима, сама идея подобного рода работ во многом лишается смысла), — одна из главных причин, по которым мы никак не можем присоединиться к восторженным оценкам роли корпусных исследований в современных лингвистических описаниях, отраженных, в частности, в известных статьях [Перцов 2006] и [Плунгян 2008].

Небольшой раздел 2.2 посвящен «присчетным формам» — существительным, играющим роль «единиц измерения» в таких количественных сочетаниях, как *пять метров клеенки, пять вагонов дынь, пять штук сигарет, пять пар очков*. Наблюдения автора над употреблением «присчетных форм» носят, как подчеркивает сама Е. Р. Добрушина, предварительный характер. Важное для автора предположение о том, что такие слова «находятся в начальной степени грамматикализации» (с. 121), на наш взгляд, несколько обесценивается известной расплывчатостью самого понятия «грамматикализация».

Глава 3 состоит всего из двух разделов, но их названия — «О видах поддакивания» и «Что значит слово *нет*?» — более чем красноречивы.

В разделе 3.1 по итогам рассмотрения разнообразных коммуникативных ситуаций Е. Р. Добрушина выделяет четыре типа поддакивания: «*Да-да* повышенной кооперативности», «*Да. Да-да* подтверждающее», «*Да! Да! Да!* настаивающее» и «*Да-а... Да* задумчивое» (с. 141). Хотя ни сама эта цифра, ни критерии, на основании которых проводятся границы между разными типами, не кажутся единственно возможными, постановка задачи и методика проведенного исследования представляются весьма плодотворными.

Название раздела 3.2, хотя и вызывает искреннее восхищение интеллектуальной смелостью автора, представляется нам все же несколько неточным. Используя достаточно сложную терминологию и изощренный формальный аппарат, Е. Р. Добрушина тем не менее закономерно приходит к тому, что слово *нет* значит «Неверно, что X», хотя и формулирует этот вывод другими словами (с. 198). Основная ценность данного раздела заключается, на наш взгляд, в другом — в анализе **употреблений** русского слова *нет*. Рассматривая загадочное поведение слова *нет* при ответах на отрицательные вопросы, ср.: (1) *Он не уехал?* — *Нет*; (2) *Он не уехал?* — *Нет, не уехал*; (3) *Он не уехал?* — *Нет, уехал*, где примеры (2) и (3) противоположны по смыслу, а пример (1) однозначно понимается как синонимичный примеру (2), но не примеру (3), Е. Р. Добрушина формулирует простое и изящное правило, согласно которому **«значение последующей части высказывания, начинающегося с *нет*, определяет значение *нет*, а при отсутствии такой части значение *нет* выводится из предыдущего высказывания как негативный аналог»** (с. 151; выделено автором. — *И. И.*). Если это правило не было сформулировано раньше в необозримой литературе, посвященной русскому отрицанию, автора книги можно безоговорочно поздравить с поистине замечательным достижением.

К сожалению, от внимания Е. Р. Добрушиной ускользнуло одно из специфических употреблений слова *нет* — конструкции с дательным падежом типа *Нет мировому империализму!*. Вполне вероятно, что такие конструкции могут быть проще всего описаны как эллипсис «лозунгов» типа *Скажем «Нет!» мировому империализму!*, но, так или иначе, без упоминания о них исследование свойств слова *нет* оказывается несколько неполным.

Содержание главы 4 во многом определяется работой автора над уже упоминавшимся проектом «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики». Подзаголовок раздела 4.1 — «О ножках у стола и чешуйках на хвосте у крысы (проблема различения лингвистической и энциклопедической информации в лексикографических толкованиях и шкала лабильности)» — напрямую перекликается с определением, открывающим название словаря. Проблема, которой посвящен этот раздел, опять-таки относится к категории «вечных», однако предпринятая Е. Р. Добрушиной попытка классификации различных групп лексики в зависимости от того, какое соотношение между лингвистической и энциклопедической информацией для них наиболее характерно, представляет интерес как для практической, так и для теоретической лексикографии.

При чтении книги обращает на себя внимание большое количество, говоря спортивным языком, «невнужденных ошибок» — неверных утверждений, не соотносящихся напрямую с теоретическими воззрениями автора. Так, на с. 15 глагол *увеличить* отнесен к числу глаголов, имеющих связанную основу, сочетающуюся ровно с одной приставкой, — несмотря на существование глагола *возвеличить*. На с. 33 к той же категории отнесен еще и глагол *вытрезвиться*, как представляется совсем странным с учетом наличия в русском языке таких глаголов, как *отрезвить(ся)* и *протрезвить(ся)*; более того, в [Грамм.] отмечен бесприставочный глагол *трезвить*, встречающийся и в НКРЯ. На с. 54 говорится, что у глаголов *вылить* и *выгнать* характерное для приставки *вы-* значение «изнутри-наружу» является «скорее образом». Как кажется, выгнанная из дома собака едва ли согласилась бы здесь с автором; точно так же и вода, вылитая из кувшина, оказывается снаружи вполне буквально. На с. 142—143 вне всякой связи с основной темой раздела 3.2 утверждается, что синонимия вариантов *нет* и *нету* «производит впечатление полной, возможно единственной таковой в русском языке, по крайней мере для предикативов»; между тем среди предикативов есть, например, такая очевидная дублетная пара, как *жаль* ~ *жалко*. В таблице на с. 110 основа глагола *обрести* представлена в виде *-брести*, хотя в этом глаголе может быть выделен либо корень *-брет-*, либо (например, при сопоставлении со словом *Сретение*) корень *-рет-*; но никак не корень **-брет-*. Возможно, впрочем, что речь идет просто об опечатке. Собственно опечаток в книге сравнительно немного, но некоторые из них чрезвычайно досадны. В частности, на с. 98—99 сказано, что в русском языке «вымерли или <...> вымирают» деепричастия типа *увезя* (?!; возможно, следует читать *увидя*). Непосредственно ниже, в сн. 3 на с. 99, вместо ссылки на «Грамматический словарь русского языка» приведена ссылка на другую работу А. А. Зализняка — книгу «Русское именное словоизменение». На с. 236 сообщается, что комедия «Горе от ума» была написана в 1821 г. (вместо 1824) и сделал это некто И. Грибоедов...

Наконец, для общей оценки книги Е. Р. Добрушиной крайне существен еще один аспект, обсуждение которого, на первый взгляд, представляется совершенно неуместным в рецензии на сугубо научное исследование; тем не менее, обойти его мы не имеем возможности.

Е. Р. Добрушина — человек глубоко православный. Сам по себе этот факт едва ли как-то отличает автора книги от некоторых других российских (а равно и, например, греческих или эфиопских) лингвистов. И даже то, что Е. Р. Добрушина считает необходимым этот факт всячески подчеркивать (ср. формулу «Господи, благослови!», завершающую авторское вступление (с. 10), или тезис о том, что «неверие в бессмертную душу равноценно отказу от поисков смысла жизни», на **первой** странице **первого** же раздела книги (с. 11, сн. 2)), способно разве что вызвать раздражение у не отличающегося терпимостью читателя иных взглядов. Однако ситуация кардинально меняется, когда религиозные убеждения автора начинают оказывать непосредственное влияние на анализ собственно языковых явлений.

В разделе 4.3 «Абсолютность *добра* и относительность *блага* или наоборот?» Е. Р. Добрушина утверждает, что прилагательное *благой* «в применении к людям встречается крайне редко», так что соответствующее значение «можно считать ненормативным», и добавляет, что «в современном узусе сохранилось только устойчивое сочетание *благая воля*» (с. 241). Возможно, виной всему неудачная формулировка или просто недоразумение, но нет никаких сомнений, что к современному русскому языку (о церковнославянском мы судить не беремся) это не имеет никакого отношения. «Устойчивое сочетание *благая воля*» во **всем** Основном корпусе НКРЯ встретилось 26 раз, в основном — в сочинениях чисто религиозного содержания. В то же время такие сочетания, как *благие пожелания*, *благие цели*, *благое дело* и др., представлены в НКРЯ значительно шире и употребляются (как вполне нейтрально, так и иронически) в текстах самых разных жанров — ср., скажем, пример, попавший в Корпус с одного из интернет-форумов: *Значит, они будут использовать мои деньги в благих целях своего банка бесплатно и незаконно?* [коллективный. Банк Русский Стандарт. Обсуждение банка (2009—2011)]. Наибольшую же частотность ожидаемо демонстрируют *благие намерения*, во многих случаях упоминаемые в контексте прямой или подразумеваемой отсылки к их хорошо известной способности исполнять роль плитки при дорожных работах.

В разделе 4.2 «Акафист догматическому альтруизму, или Об оценочных переносах значения религиозной и философской лексики» Е. Р. Добрушина, в частности, рассматривает причины появления у слова *акафист* «род хвалебного церковного песнопения» значения «неумеренное славословие». По мнению автора, «элемент “это плохо” появляется из-за противоречия между первоначальным компонентом “У (объект восхваления. — *И. И.*) — Бог или святой” и контекстом, вводящим не соответствующего этой характеристике адресата» (с. 219). Это высоконравственное объяснение не выдерживает критики. Названия **любых** речевых жанров, для которых характерен компонент «похвала очень явственна» (по удачной формулировке самой Е. Р. Добрушиной), способны приобретать регулярное или окказиональное отрицательное значение просто в силу негативного отношения значительной части носителей языка к самой идее такого рода восхвалений — совершенно независимо от того, к кому они должны быть обращены изначально. В частности, в соответствующей роли могут выступать слова *дифирамб* и *ода*, ср., например: *И еще глубже проникаешься уважением к этому скромному сельскому интеллигенту, который <...> не писал пафосных од и дифирамбов по случаю знаменательных дат и «судьбоносных» свершений мужей власть имущих* [И. Петрусенко. Я вдыхаю ветер воли... // «Народное творчество» (2003)]. При этом, насколько нам известно, слово *дифирамб* не употребляется в христианской традиции, а его прямая роль — «хвалебная песнь в честь бога Диониса» — ведомо разве что специалистам-античникам да немногочисленным эрудитам; слово же *ода* вообще не имеет религиозного значения.

Апофеозом тенденции к рассмотрению чисто лингвистических сюжетов *sub specie fidei* служит раздел 1.6 «Оживление внутренней формы приставочных лексем в религиозных текстах», посвященный анализу семантики глагола *заступаться*.

Основываясь на работе [Крылова 2004], Е. Р. Добрушина дает глаголу *заступаться* следующее толкование: «[С]убъект, (1) как правило движимый состраданием или чувством справедливости, (2) предприняв активные действия, часто в словесной форме, (3) делает попытку (успешную или неуспешную) воспрепятствовать тому, чтобы (4) антагонист нанес или продолжал наносить обиду или ущерб объекту, (5) при этом субъект сильнее объекта и выше по статусу, а статус антагониста самый высокий» (с. 92). Далее Е. Р. Добрушина отмечает неприемлемость компонентов (3) и (4) в ситуации заступничества перед Богом, поскольку «[х]ристианскому мировосприятию глубоко чужда мысль препятствовать Промыслу Божию или предполагать его вредоносность для кого-нибудь» (с. 94; очевидно, мировосприятие всех христиан априори предполагается идентичным).

Далее Е. Р. Добрушина обращается к одному из сочинений известного религиозного деятеля и богослова митрополита Сурожского Антония (Блума), который на основе сходного рассуждения приходит к выводу о том, что при попытке применить обычное понимание глагола *заступаться* к заступнической молитве **заступничество** неизбежно теряет свой

религиозный смысл и сближается с **ходатайством**. Актуализируя связь глагола *заступаться* с глаголом *ступать*, митрополит Антоний интерпретирует подлинное религиозное заступничество как «шаг в центр ситуации <...>, молитвенное усилие, делание, позволяющее взять на себя грех или беду другого, понести их и принести к Богу» (с. 94). Основываясь на понимании, предложенном митрополитом Антонием, Е. Р. Добрушина представляет компоненты (3) и (4) в следующем виде: «[С]убъект <...> стремится принять на себя, частично или полностью, усилие по несению греха или страдания объекта, чтобы (4) соработать Богу в спасении объекта» (с. 95).

Митрополит Антоний был превосходно образованным человеком, несомненно обладавшим чувством языка. Но он не был лингвистом, и его суждения о значении слов требуют не безоговорочного восторженного принятия, а критического рассмотрения.

Прежде всего, коль скоро «предполагать вредоносность Бога» для кого бы то ни было невозможно, то и заступаться перед ним за кого бы то ни было нет необходимости, а стало быть, непонятно, что же плохого в замене заступничества ходатайством. Как кажется, дело исключительно в том, что в **русском литературном языке** глагол *заступаться* имеет в высшей степени положительные коннотации, а глагол *ходатайствовать* (Е. Р. Добрушина называет его «банальным») — нейтральные или даже несколько уничижительные (недаром, например, герой стихотворения Н. С. Гумилева «Рай», крайне пренебрежительно относящийся как к собеседнику, апостолу Петру, так и к силам Ада, говорит: «Перед тобою темный серафим // Появится ходатаем моим»). Но ведь пафос Е. Р. Добрушиной в том и состоит, что «обыденные» (по ее терминологии) значения слов нельзя переносить в религиозную сферу!

В действительности, однако, между глаголами *заступаться* и *ходатайствовать* имеются чрезвычайно важные и глубокие различия. Глагол *ходатайствовать* не предполагает наличия у вышестоящего лица никаких эмоций по отношению к объекту ходатайства (вполне типична ситуация, когда до появления просителя вышестоящее лицо вообще ничего не знало о существовании объекта). Напротив, употребление глагола *заступаться* уместно только в ситуации, когда антагонист настроен по отношению к объекту негативно. *Заступиться* за кого-либо означает **встать между** объектом и антагонистом, проявить готовность в случае необходимости принять гнев антагониста на себя. Именно в этом, а не в каком-либо ином смысле глагол *заступаться*, как и близкий к нему по значению глагол *вступаться*, существование которого однозначно свидетельствует о сохраняющейся синхронной связи между *заступаться* и *ступать*, справедливо отмеченной митрополитом Антонием, действительно означает «шаг в центр ситуации». Именно этим, а не чем-либо иным объясняется высокий статус **заступничества** в сознании носителей русского языка.

И, наконец, самое главное. К счастью, говорить и писать на религиозные темы позволено не только служителям церкви. Знаменитое пушкинское стихотворение «Жил на свете рыцарь бедный...» заканчивается так:

Но Пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина Своего.

С момента публикации «Легенды» ее читали миллионы людей, многие из которых были православными. Речь в стихотворении, разумеется, идет о заступничестве перед Богом; тем не менее мы берем на себя смелость утверждать, что все читатели понимали и понимают слова Пушкина в «обыденном» смысле, то есть в том единственном смысле, который и имеет в русском языке глагол *заступаться*.

От подхода, в соответствии с которым написан раздел 1.6, буквально один шаг к «православной лингвистике», лежащей за пределами всякой науки. Завершая нашу рецензию, мы хотели бы пожелать Екатерине Роландовне Добрушиной, талантливому и увлеченному исследователю, автору яркой и интересной книги, не похожей ни на какую другую, никогда этого шага не сделать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Грамм. — Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2003. [Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [A grammatical dictionary of the Russian language. Inflection]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, 2003.]
- Зализняк 1985 — Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. [Zaliznyak A. A. *Ot praslavyanskoi aktsentuatsii k russkoi* [From the Proto-Slavic accentuation to the Russian accentuation]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Кошелев 2004 — Кошелев А. Д. О концептуальных значениях приставки *о-/об-* // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 68—101. [Košelev A. D. On the conceptual meanings of the prefix *o-/ob-*. *Voprosy jazykoznanija*. 2004. No. 4. Pp. 68—101.]
- Крылова 2004 — Крылова Т. В. Защитить // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена, 2004. С. 380—383. [Krylova T. V. To defend. *A new explanatory dictionary of Russian synonyms*. Moscow; Vienna, 2004. Pp. 380—383.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Ожегов 1983 — Ожегов С. И. Словарь русского языка. 14-е изд. М., 1983. [Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [A dictionary of the Russian language]. 14th ed. Moscow, 1983.]
- ОСРЯ — Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Аванесова Р. И. М., 1989. [Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. *Proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Russian pronouncing dictionary. Pronunciation, accent, grammatical forms]. Avanesov R. I. (ed.). Moscow, 1989.]
- Перцов 2006 — Перцов Н. В. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). С. 227—245. [Pertsov N. V. Towards judgements about the facts or the Russian language in the light of corpus data. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2006. No. 1 (11). Pp. 227—245.]
- Плунгян 2008 — Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2). С. 7—20. [Plungian V. A. Corpus as an instrument and as ideology: about some lessons of present-day corpus linguistics. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2008. No. 16 (2). Pp. 7—20.]
- Тихонов 1985 — Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Ок. 145 000 слов. М., 1985. [Tikhonov A. N. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Russian word-formation dictionary]: in 2 vol. About 145 000 words. Moscow, 1985.]

V. Kasevich, Y. Kleiner, P. Sériot (eds). History of linguistics 2011. Selected papers from the 12th International conference on the history of the language sciences (ICHoLS XII), Saint Petersburg, 28 august — 2 september 2011 (Studies in the history of the language sciences 123). Amsterdam: John Benjamins, 2014. 222 p.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Россия; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия; mitrius@gmail.com

Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia; National Research University «Higher School of Economics», Moscow, 101000, Russia; mitrius@gmail.com

Очередной том в серии «Исследования по истории наук о языке», издающейся под общей редакцией основоположника современной науки об истории языкознания К. Кёрнера (так он аттестован во введении к сборнику — с. X), посвящен материалам 12-й международной конференции по истории наук о языке, проходившей в Санкт-Петербургском университете. Много в этой книге, несомненно, вызовет особый интерес у читателя российского журнала. Редакторами издания выступили два профессора СПбГУ В. Б. Касевич и Ю. А. Клейнер вместе со славистом, историком языкознания из Лозаннского университета П. Серию; на титульный лист вынесено имя также секретаря оргкомитета, аспиранта Петербургского

университета А. Н. Исаниной. Целая секция этой конференции и, соответственно, целый раздел рецензируемого сборника посвящены российской лингвистике (прежде всего советского периода). Есть тексты, связанные с отечественным (в широком смысле слова) языкознанием, и в других разделах сборника, например: статьи о французском грамматисте, работавшем в Харькове в начале XIX в., о связи трудов А. Шлейхера с петербургскими немецкими лингвистическими работами его времени, о научных «кругах», возникавших вокруг Р. О. Якобсона на протяжении его долгой деятельности в разных странах.

Книга открывается редакционным введением, в котором выражена благодарность организаторам конференции (в том числе недавно умершим петербургским лингвистам П. А. Клубкову и А. С. Асиновскому). Затем следует обращение к участникам конференции от лица почетного председателя конференции К. Кёрнера, где дается краткий очерк истории предшествующих конференций по истории наук о языке.

Сборник состоит из 18 статей, из которых 11 написаны на английском языке и семь по-французски; значительная часть авторов представляет университеты Франции, Бельгии и Швейцарии. Сюда включены статьи не по всем докладам, представленным на конференции: в частности, в отличие от предыдущих конференций, было представлено недостаточное количество работ о языкознании Античности или Возрождения, чтобы они могли составить особый раздел (с. XVIII).

Первый раздел сборника озаглавлен «Европейская лингвистика от XVII до конца XVIII века». Это период непосредственной «предыстории» науки о языке, период, когда языкознание еще не отграничено от других областей знания, когда высказывания об этимологии делает Вольтер, о грамматикализации — Кондильяк, а о порядке слов — преподобный Джозеф Пристли, открывший на досуге между теологическими и лингвистическими упражнениями кислород и углекислый газ. Статья Г. Хасслер (Потсдамский университет, Германия) посвящена дискуссии вокруг «естественного порядка слов» (*ordo naturalis*) в языках мира и того, что считать отклонениями от этого естественного порядка. Является ли этот «естественный порядок слов» «логическим» или «грамматическим» — вот вопрос, который ставился в рамках рационалистической теории языка (как известно, соответствующая французская традиция дала не только «Общую и рациональную грамматику», но и «Логичку Пор-Рояля»). Разумеется, она нередко была совмещена и с проблемой апологии тех или иных языков (например, французский якобы лучше соответствует «разуму», чем латынь, четче выражает «мысль» и лучше подходит для красноречия). Уже в XVIII в. появляется критика этой идеи, связанная с сенсуализмом (Кондильяк, Баттё), перенатерпретирующая «естественный порядок» как зависящий от значимости разных частей высказывания для говорящего. Добавим от себя, что таким образом философы этого направления предвосхитили идею актуального темо-рематического членения предложения, последовательно сформулированную рядом лингвистов XX в., в том числе В. Матезиусом. Автор показывает, что идея, согласно которой существует некоторый «естественный» порядок слов, помогающий сэкономить затраты на восприятие речи, сохраняется в лингвистической теории последующих веков и актуальна и в настоящее время; сейчас, правда, в философских спорах участвует такое средство верификации, как психолингвистический эксперимент.

Б. Коломба (университет Париж-VII) ставит вопрос о том, кто именно из двух ученых монахов Пор-Рояля — К. Арно или А. Лансло — является «главным» (а то и «единственным») автором знаменитой анонимно изданной «*Grammaire générale et raisonnée*». Такие вопросы словно бы обречены возникать вокруг важных текстов истории языкознания: кто писал «Курс общей лингвистики»? Давно ясно, что не обозначенный его автором Ф. де Соссюр, — но который из титульных редакторов: Ш. Балли или А. Сеше?.. Кто был подлинным сочинителем «Марксизма и философии языка» — официальный автор В. Волошинов или мистификатор М. Бахтин? Может быть, все же исчерпывающий ответ на ильфо-петровский вопрос «Как это вы пишете вдвоем?» в каждом конкретном случае выяснить никогда не удастся. И тем не менее какие-то догадки и здесь возможны. Так, Коломба считает, что Лансло, выдававший себя за простого секретаря ученого эрудита Арно, в действительности был основным автором

текста: это доказывают перекрестные ссылки между «Грамматикой» и изданными им одним учебниками латыни и греческого в сочетании с употреблением местоимения «я» (je); употребление же местоимения «мы» (nous) отсылает не к «двуглавому» (bicéphale) коллективу авторов, а к автору и читателю вместе (а иногда и к совокупности носителей французского языка). Ряд основных теоретических идей (теория предлога, двойного анализа подчиняющего местоимения, определение глагола) изначально принадлежат Арно, в то время как конкретная критика положений «грамматистов» (редко называемых по именам) разработана Лансло. Таким образом, перед нами, по-видимому, типологически нередкий случай, когда один ученый выступает генератором идей, а другой — их горячим адептом, толкователем и создателем текста; по этому поводу автор настоящей рецензии уже однажды вспоминал классический случай «ни единой идеи Лифшица и ни единого слова Ландау».

Ф. Мазьер (университет Париж-ХIII) посвящает свою работу языковой политике во Франции XVII в. — деятельности по созданию Французской академии, подготовке академического Словаря и разработке самой концепции величия французского языка, сопоставимого с языками классической древности. У истоков этой деятельности, как известно, стоял кардинал Ришельё, а идея нормализации и величия языка (как и упомянутая выше идея превосходства французского языка с его «рациональностью» над латынью) впоследствии вполне вписывалась в «спор о древних и новых», тесно связанный с пропагандой режима Людовика XIV, «нового Августа». Анализируется вклад в эту деятельность ряда конкретных фигур эпохи Ришельё. Текст написан не вполне аккуратно (несколько «тезисная» подача материала, неожиданные переходы с темы на тему, арабские цифры вместо римских); удивляет утверждение, что к 1635 г. на французском языке «не было создано ни одного философского произведения» (с. 28) — здесь нельзя не вспомнить о Монтене.

К. Агачич (университет Нова-Горица, Словения) рассматривает деятельность грамматистов в Словении раннего Нового времени. Это очень хорошая иллюстрация периферийной рецепции ренессансной грамматической традиции для описания и формирования нового литературного языка. Все правила латинской грамматики просто копируются с переводом примеров на словенский, и лишь из этих переводов и сопровождающих их оговорок читатель узнает, что на самом деле вновь описываемый язык устроен иначе. Появляются многоязычные словари, сопровождаемые краткими сопоставительными парадигмами латыни, итальянского и словенского, редуцированные до наибольшего общего набора граммем (так, нет словенского двойственного числа, нет среднего рода, поскольку он отсутствует в итальянском, и т. д.). В дальнейшем при переизданиях и переработках словенские грамматики отходят от латинской схемы и приближаются к живому узусу, в них появляются нормативные пометы и т. д.

Вторая часть сборника посвящена раннему периоду развития собственно лингвистической науки — это конец XVIII и весь XIX в. В статье М. Джанниното (университет Гренобля, Франция) рассказывается о миссионерских и ранних научных грамматиках китайского языка, а именно проблеме «кенем» — китайских служебных слов. Эти тексты комбинируют в себе элементы европейской традиции, китайской словарной традиции описания «пустых» слов и их многозначности (к слову сказать, она содержит некоторые представления о грамматикализации и о переходе «полных» слов в «пустые»), а также вырабатывают новые категории словообразовательных частиц, отсутствующие у предшественников как на Западе, так и на Востоке.

С. Вакуленко (Харьковский педагогический университет им. Сковороды, Украина) анализирует грамматический трактат «Общая философская и литературная грамматика» (1823—1824) Н. Паки де Совиньи — преподавателя французской и латинской словесности, проработавшего в Харьковском университете с самого его основания в 1805 г. 30 лет. Его не ценили высоко ни администраторы-современники, ни историки языкознания. Сочинение Паки (противопоставляющего общий для всех языков логический «discours» и специфический для каждого языка «гений») не относится к выдающимся достижениям традиции «общей грамматики», связанной с трудами Вожла и грамматикой Пор-Рояля, однако оно не лишено некоторой оригинальности и заслуживает интереса в контексте истории языкознания в Российской империи.

Р. Кеммлер (университет Траз-уж-Монтиш и Алту-Дору, Португалия) исследует рецепцию французских трактатов по «общей грамматике» XVIII—XIX вв. А. Кур де Жеблена и Р.-А. Кюкюрон-Сикара в португальской анонимной грамматике 1841 г. Эти «Правила португальской грамматики» — весьма краткий текст, посвященный в основном морфологии; другим сюжетам там уделено по несколько страничек.

В статье П. Свигерса и Т. Ван Хала (Католический университет Лёвена, Бельгия) «Морфология языка и лингвистическая типология: связь “Шлейхер — Петербург”» рассматривается связь морфологической классификации языков, предложенной Августом Шлейхером в его работе «О морфологии языка», доложенной и опубликованной в Петербурге в 1859 г., с грамматиками немецкоязычных авторов, связанных с Петербургской АН (североведов М. Кастрена и О. Бётлингга, кавказоведов А. Шифнера и П. фон Услара). Шлейхер как типолог известен меньше, чем как философ, выдвигавший «натуралистическую» концепцию языка, и индоевропеист, сочинивший на реконструированном им праязыке басню об овце и конях; между тем его вклад в эту область языкознания, динамично развивавшуюся в XIX в., от В. фон Гумбольдта до А. Потта и Г. фон дер Габеленца, был заметным. В этой работе Шлейхер предлагает исчисление возможных комбинаций типологических параметров и распределяет языки Евразии и Африки по четырем основным типам и по подтипам в их рамках. При этом он в значительной мере опирается на подготовленные и изданные в Российской империи немецкоязычные описания языков Кавказа и Сибири, часть которых содержит и типологические соображения. К сожалению, авторы не анализируют подробно этих работ, посвятив большую часть статьи трактату Шлейхера; остается надеяться на более объемную публикацию.

А. Кидикино (Калабрийский университет, Италия, и Женевский университет, Швейцария) изучает эволюцию термина «семиология» в текстах раннего Соссюра 1880-х гг. Это весьма малоизученный период деятельности Соссюра, период после изгнания из Лейпцига и до возвращения в Женеву, к которому относится ряд набросков теории, разработанной в знаменитых лекциях 1909—1911 гг. Понятие «семиологии», науки о системе знаков (удержался, впрочем, параллельно предложенный Ч. Пирсом термин «семиотика»), — общепризнанный крупный вклад Соссюра в мировое гуманитарное знание; тем интереснее проследить, как «внутриутробно» вызревала эта терминология в ранних эскизах. Первоначально Соссюр, кажется, употреблял этот термин применительно к одному из уровней значимостей (*valeurs*), называя то, что впоследствии стало известно как «фонология», «семиологической фонетикой» (*phonétique* [*sic*] *sémiologique*); а позже назвал так «язык как систему знаков» (на всех уровнях), противопоставленную фонетике.

Третья часть сборника посвящена лингвистической теории XX в. Ж. Леон (Парижский университет им. Дидро и Сорбонна) исследует «Анализ дискурса» З. Харриса (одного из крупнейших и во многом недооцененных теоретиков языкознания прошлого века), послуживший «основополагающим текстом» для французских школ анализа дискурса 1960-х гг. (а именно течений, связанных с именем Ж. Дюбуа и М. Пешё и находящихся в русле левой неомарксистской гуманитарной мысли).

В статье Э. Эльферс (Амстердамский университет) автор подходит к истории языкознания с несколько необычной точки зрения — речь идет не об истории некоторой идеи, а об истории ее отрицания. Это антипсихологизм в языкознании, в котором исследователь выделяет две волны, раннюю (связанную со структурализмом) и позднюю (связанную с реакцией на генеративистскую версию психологизма в 1970-е; наиболее крупный из упомянутых авторов — Дж. Катц). Автор выделяет сходства и различия двух волн антипсихологизма в рамках широкого философского контекста.

Статья Б. Годар-Вендлинг (Парижский университет им. Дидро и Сорбонна) посвящена семантическим исследованиям польского философа и логика К. Айдукевича. Это важная фигура в истории языкознания: как известно, в эпоху структурализма лингвистика часто пренебрегала семантикой, которой занимались в основном философы — от О. Есперсена до Л. Витгенштейна. Айдукевич стал связующей фигурой между европейской философией и американскими

формальными теориями языка, разработав категориальную грамматику, заложив основы формальной семантики, предложив пути решения ряда логических парадоксов и пр.

Статья М. Томас (Бостонский колледж) называется «Jakobson's circles», и ее название можно перевести двояко. Это могут быть «круги Якобсона» (по аналогии, например, с «кругом Бахтина»), и «кружки» — более организованно оформленные объединения, в которых в разное время участвовал и которые организовывал Якобсон (и, в частности, именно «кружками» они и именовались официально по-русски — это широко известные Московский лингвистический кружок и Пражский лингвистический кружок). Особый интерес представляют разделы статьи, связанные с участием Якобсона в организации научной жизни в Скандинавии (к которому он посетил в качестве промежуточной остановки в бегстве от нацизма в начале 1940-х; именно там Якобсон начал заниматься проблемами афазии) и в США (где он стал сооснователем Нью-Йоркского лингвистического кружка, в который входили, в частности, А. Мартине, М. Сводеш и Дж. Уотмоу). Освещается и позднейший конфликт Якобсона с Нью-Йоркским кружком, преобразованным в Международное лингвистическое общество (с. 151); вообще интеграция в американский научный истеблишмент, как известно, далась Якобсону нелегко.

В статье Томас представлена сопоставительная таблица четырех якобсоновских кружков (с. 147). Не со всеми данными этой таблицы можно согласиться. В частности, МЛК якобы вдохновляли «1830s Russian informal study groups, acc. [?] RJ» — если сам Якобсон и сравнивал МЛК с московскими последователями немецкой философии вроде кружка Станкевича, то вряд ли вполне всерьез. К ключевым участникам МЛК (наряду с П. Г. Богатырёвым, Н. Ф. Яковлевым и Г. О. Винокуром) отнесен не более и не менее как Маяковский; конечно, он посещал заседания кружка (как и Пастернак, Асеев, Мандельштам и Кручёных), читал там свою поэму о столкновении Ивана с Вудро Вильсоном и участвовал в прениях, но это скорее отражает эстетическую ориентацию Якобсона и его товарищей, чем научную сторону дела. В целом статья посвящена более личности и биографии Якобсона, чем эволюции его идей в рамках «кружков»; например, кульминационный момент описания счастливого пражского периода — «It is striking that photographs of Jakobson from the Prague period show him conversing, drinking, or interacting playfully with colleagues, often while standing or sitting so close together as to lean on or touch them» (с. 148).

Ч е т в е р т ы й р а з д е л книги, как мы уже отмечали, отражает специфику проходившей в России конференции и состоит из статей о языкознании в России. Статья В. М. Алпатова (Институт языкознания РАН, Москва) «Советская лингвистика и мировая лингвистика» (а может быть, уместнее в этой коллокации был бы перевод «языкознание») посвящена обзору соотношения этих двух сущностей и выдвигает неоднократно формулировавшийся Алпатовым тезис, согласно которому советское языкознание не было ни полностью оторвано от мирового контекста, ни противопоставлено ему (за исключением разве что периода борьбы с космополитизмом последних сталинских лет — причем центральная для внутрисоветской конъюнктуры оценка марризма тут большой роли не играла, сплошное «оскудение и маразм» усматривались на Западе и в 1949, и в 1951 г.). Алпатов излагает краткий очерк языкознания в СССР, выделяя, как и в предшествующих своих работах, ряд важных фигур, таких как М. М. Бахтин, Е. Д. Поливанов или В. И. Абаев. Как представляется, в такой последовательной форме («советское языкознание как нечто провинциальное и полностью закрытое от контактов с мировой наукой») тезис, с которым спорит В. М. Алпатов, никем из серьезных исследователей языкознания не формируется; он носит скорее публицистический характер. В качестве примера приводится ссылка на историка Б. С. Илизарова, специалиста по сталинскому периоду, а не на кого-либо из лингвистов. С другой стороны, нельзя забывать, что тень идеологического контроля, проработки и обвинений в пропаганде тех или иных «чуждых нам» идей нависала над людьми науки более или менее весь советский период. Иногда этот контроль был сильнее, иногда слабее, иногда перспективы для навлекших на себя обвинения были опаснее, иногда безопаснее, но структуры и фигуры, чьим *raison d'être* был именно такой контроль, не исчезли даже тогда, когда утопия построения особого «марксистского языкознания» или борьба за русские «приоритеты» в науке стали

неактуальны. Ср. в статье Алпатова указание на подчас «политический характер» противопоставления «структурной и “традиционной” лингвистики» (с. 164), но без упоминания об административных рычагах в руках деятелей вроде того же Ф. П. Филина (как если бы речь шла просто об ученом-ретрограде вроде безобидного А. И. Томсона, цитируемого на с. 161). Иногда официальные установки внешне совпадали со свободным выбором ученых (например, интерес к социальному измерению языка в 1920-е или критическое отношение к генеративизму в 1970-е), но такие случаи для данной проблемы не показательны. При таких условиях (а также при довольно ограниченном допуске советских ученых за рубеж) говорить об изоляции как о конституирующей черте советской науки в целом, к сожалению, все же уместно. И перечисленные Алпатовым эпизоды из истории науки сталинского периода (Чикобава делает доклад о Брэндале, Виноградов читает Ельмслева в ссылке, Сепира переводят на русский) тут мало что меняют. Можно вспомнить и о том, чего стоили международные контакты Н. Н. Дурново, Ю. К. Щуцкому, Н. А. Невскому, Д. В. Бубриху, да и многим другим.

П. Серио (Лозаннский университет, Швейцария) в статье о философских основаниях раннесоветского языкознания предполагает, что таковые определялись не столько марксизмом, сколько смесью немецкого романтизма, неоплатонизмом и «социальными» теориями языка иного происхождения. Действительно, суждения основоположников марксизма-ленинизма о языке были довольно рано каталогизированы, но оригинального по сути в них не так много, даже у автора специальных лингвистических работ Энгельса. Теорию как таковую (пусть даже объявляемую «марксистской»), будь то Марру или Бахтину, приходилось строить на ином материале.

С. Море (Лозаннский университет) рассматривает советское языкознание в рамках двух периодов советской идеологии и общественной жизни, «ленинского» (с ее идеями преобразования мира, стирания этнических и классовых границ) и «сталинского», после «Великого перелома» 1929 г., с его идеологией осажденной крепости, «социализма в одной стране» и постепенно нарастающего национализма. Соответственно и языкознание движется от марровской идеи слияния языков к «сталинско-виноградовскому» нерасторжимому единству языка и нации. Автор привлекает, помимо собственно лингвистических, также литературные тексты, например фантастический роман В. Д. Никольского «Через тысячу лет», где описывается будущий единый язык человечества.

В работе Е. В. Вельмезовой (Лозаннский университет) рассматриваются советские лингвистические работы 1920—1930-х гг. с точки зрения выражения в них протосемиотических теорий. Вельмезова, автор исследований марристовской семантики (именно в этой области Марр периода «нового учения» высказывал минимально безумные идеи, хотя, кажется, и не совсем оригинальные), наряду с марризмом рассматривает работы В. Н. Володинова / М. М. Бахтина, Р. О. Шор и Г. Г. Шпета (труды последнего нечасто привлекаются в контексте истории языкознания, но, тем не менее, учитывая «философские корни» семантики, заслуживают некоторого внимания).

Э. Галацци (Католический университет Милана) посвящает свою статью международным связям русской экспериментальной фонетики (представители казанской школы В. И. Богородицкий и С. К. Булич, уже упомянутый ученик Ф. Ф. Фортунатова А. И. Томсон, работавший в Одессе) и, в частности, французской странице биографии Л. В. Щербы (он учился в Париже у заметных фонетистов — П. Пасси и др., а позже написал книгу о французской фонетике). Освещено участие русских лингвистов (кн. Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, Е. Н. Малютина, С. К. Боянуса, заочно Е. Д. Поливанова) в двух международных конгрессах фонетистов (1932, 1935); эти конгрессы сыграли важную роль в становлении структурной фонологии.

Сборник представляет большой интерес для исследователей истории науки о языке и для лингвистов различных специальностей, а также стимулирует дальнейшие исследования в целом ряде областей. Можно надеяться, что ряд вопросов, кратко затронутых в подготовленных на базе доклада статьях, будет в дальнейшем раскрыт их авторами более подробно, в том числе даже в монографических исследованиях.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

**Первые Григорьевские чтения.
Языковое творчество
vs. креативность:
эстетический, эвристический
и прагматический аспекты**

**Лариса Леонидовна Шестакова^{а, @},
Анна Сергеевна Кулева^а**

^а Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, 119019, Россия

[@] lara.shestakova@mail.ru

12—14 марта 2015 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН состоялась Первые Григорьевские чтения «Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты», посвященные 90-летию со дня рождения Виктора Петровича Григорьева (1925—2007). В. П. Григорьев, придя в 1958 г. в Институт русского языка АН СССР, работал там до конца жизни, руководил отделом стилистики и языка художественной литературы, в 1955—1959 г. был ответственным секретарем журнала «Вопросы языкознания». Чтения были посвящены проблемам, которые входили в круг научных интересов Виктора Петровича.

В научном форуме приняли участие ученые из разных городов России и из-за рубежа. Программа конференции включала девять тематических заседаний, а также секцию молодых ученых.

Чтения открылись заседанием «**Творческий потенциал языка и языковая креативность**», где были обозначены основные темы, в разработку которых внес значительный вклад В. П. Григорьев.

Н. А. Фатеева (Москва) в докладе «Языковая креативность: подступы к теме» отметила, что заглавие Первых Григорьевских чтений неслучайно, так как понятия «языкового творчества» и «языковой креативности» были объектом пристального внимания самого В. П. Григорьева и сейчас находятся в центре разработок лингвопоэтической школы, которую он основал в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. В. З. Демьянков (Москва) выступил с докладом «Языковая креативность в художественном творчестве», предложив

**International scientific conference
«The First Grigoriev's readings:
Language creativity:
aesthetic, heuristic
and pragmatic aspects»**

**Larisa L. Shestakova^{а, @},
Anna S. Kuleva^а**

^а Vinogradov Institute of the Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russia

[@] lara.shestakova@mail.ru

реконструкцию прототипа творчества, совпадающего с преднамеренным осуществлением возможного, но еще не реализованного: творчество является установкой и реальным использованием потенциалов (в смысле В. П. Григорьева) макро- и/или микросистемы выразительных средств. Нетрадиционно звучала тема доклада Н. М. Азаровой (Москва): «Уйдите, не останьтесь: динамика взаимодействия концептов “творчество” и “креативность”». Было показано, что в начале XXI в. наблюдалось вытеснение «творчества» «креативом», затем наметился обратный процесс. В выступлении В. В. Фещенко (Москва) «Искусство как язык, язык как искусство: терминологический и концептуальный трансфер» был предложен анализ эволюции двух концептуальных метафор, лежащих в основании семиологических исследований искусства и языка. М. А. Кругауз (Москва) в докладе «Лингвистическая антиутопия: роль языка» рассмотрел девиантные механизмы построения языка в классических и современных лингвистических антиутопиях, показав, какие социальные или психологические задачи решают специфические лингвистические конструкции. Л. Л. Шестакова (Москва) доклад «Директория Grigori'ev: К продолжению работы над “Словарем языка русской поэзии XX века”» посвятила последнему лексикографическому проекту В. П. Григорьева. На фоне истории создания Словаря была дана его жанровая характеристика как сводного (по 10 поэтам) конкорданса комментирующего типа с четко продуманным соотношением текстового материала и комментариев разного содержания; рассмотрены основные особенности организации словарной статьи.

Заседание «**Философские и общетеоретические проблемы языковой креативности**» включало доклады о междисциплинарных исследованиях.

С. Золян (Армения) в докладе «Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике)» предложил пересмотреть соотношение между общей теорией языка, с одной стороны, и поэтической семантикой и лингвистической поэтикой, с другой. М. Эпштейн (Великобритания) выступил с докладом «Сверхпоэзия. Поэтический вектор цивилизации». Темой выступления А. А. Котоминой (Москва) стало «Измерение творческих способностей и изменение представлений о человеке в культуре русского модернизма». Т. Б. Рабиль (Нижегород) в докладе «Постулат о невозможности бессмысленного текста в свете лингвистики креатива» рассмотрел лингвистические, лингвопрагматические и общесемиотические условия возникновения осмысленности художественного высказывания, не имеющего возможности осмысления в рамках моделей стандартного функционирования языка. В докладе О. И. Северской (Москва) «“Язык как симфония”: поэтический взгляд на соссоровское учение о языке и речи» на материале русской поэзии XVIII—XX вв., представленном в НКРЯ, было показано, что слово-образ *музыка* и музыкальные термины тесно взаимодействуют с обозначениями речи. В. И. Новиков (Москва) в сообщении «Поэтография Михаила Панова (эвристика, прагматика, креатив)» остановился на своеобразии поэтических произведений известного языковеда.

Прагматические аспекты анализа текста затрагивались в докладах секции «**Лингвокреативная деятельность и речевые технологии**».

Темой выступления Н. А. Купиной (Екатеринбург) стали «Креативная стилистика и креативные речевые технологии». В докладе Е. Н. Ремчуковой (Москва) «Эстетическая и прагматическая ценность массового лингвокреатива» рассматривалась интенсивная лингвокреативная деятельность русской языковой личности за пределами художественного текста (СМИ, включая рекламу; речевая деятельность в Рунете; сфера городской номинации и др.). Н. Г. Брагина (Москва) в докладе «Поэтика косноязычия: черномырдинки» отметила, что слабо отрефлексированные автором отклонения от норм литературного языка тем не менее высвобождают творческую энергию и творческий потенциал языка и могут оцениваться эстетически. Т. А. Грдина (Екатеринбург) в выступлении «Лингвокреативные механизмы порождения

текста: экспериментальный ресурс языковой игры» рассказала об идее использования экспериментального ресурса языковой игры для диагностики и тренинга вербальной креативности с учетом потенциальных векторов развития лингвокреативного мышления в детском возрасте (включая дошкольный и школьный этапы становления личности). В докладе Т. П. Соколовой (Москва) «Лингвокреатив в аспекте нейминговой экспертизы» были рассмотрены результаты лингвокреативной деятельности номинаторов по созданию товарных знаков и знаков обслуживания, фирменных наименований и коммерческих обозначений в аспекте нейминговой экспертизы — нового вида лингвистической экспертизы, которая формируется на стыке лингвистики, ономастики и юриспруденции. Е. Ю. Кукушкина (Москва) в выступлении на тему «Креативность в разговорной речи: вопросно-ответный диалог» анализировала две тактики ведения диалога. В случае наивной тактики говорящий мыслит собеседника как обладающего теми же качествами, что и он сам. В случае применения креативной тактики говорящий строит свое высказывание с учетом известных и предполагаемых качеств собеседника (возраст, пол, физическое состояние, наличие транспортного средства и т. п.).

Эвристический потенциал поэтического слова был предметом анализа в докладе заседания «**Языковая креативность в индивидуально-авторском преломлении**».

Г. Импости (Италия) в докладе «Изобретатели vs. приобретатели. Творяне vs. дворяне: Хлебниковский концепт креативности» обратилась к одной из важнейших тем научных трудов В. П. Григорьева — наследию Велимира Хлебникова, для которого творческий потенциал языка был предметом постоянной рефлексии. Обсуждались некоторые примеры словесной креативности (словесного творчества) Хлебникова в свете его лингвистических и философских концепций. Проблеме перевода индивидуально-авторской философской терминологии был посвящен доклад М. В. Позднякова (Москва) «Языковая креативность в русскоязычных переводах Мартина Хайдеггера». Демонстрировалось, как по-разному переводчики решали двоякую задачу трансляции на русский язык мысли Хайдеггера и презентации на русском его экспериментов с немецким языком. С. Е. Бирюков (Германия) в докладе «Трансформационная поэтика», опираясь на ряд положений, выдвинутых В. Хлебниковым («мелкая колка слов», «смысловые созвездия слов» и др.), а также на принципы лингвистической поэтики В. П. Григорьева, представил различные модели трансформационности в историческом и внеисторическом авангарде.

Л. В. Зубова (Санкт-Петербург) в выступлении «Современные поэтические соловьи» на материале современной поэзии продемонстрировала эволюцию символа, который проявляет свою актуальность и аксиологическую состоятельность в разных поэтических системах: осознаваемый и переживаемый как банальность, *соловей* почти не соотносится с пейзажной и любовной идиллией в стихах поэтов середины XX — начала XXI в. Ф. Б. Успенский (Москва) выступил с докладом «О некоторых приемах языкового расширения в поэтике позднего Мандельштама», предложив ряд новаторских прочтений строк О. Мандельштама. О. Г. Ревзиной (Москва) в докладе «Поэтика Н. Гумилева» были рассмотрены взгляды поэта на общую теорию поэзии и его «манифест» акмеизма. Особое внимание было уделено расхождениям Н. Гумилева с А. Блоком и их сущностной близости «поверх барьеров». Темой выступления А. В. Гик (Москва) стала «Эстетика и поэтика сна в произведениях М. Кузмина».

Различные уровни языковой креативности анализировались в докладах С. Гардзонио (Италия) «Итальянизмы как креативные элементы русского поэтического языка»; Н. Н. Перцовой (Москва) «К семантике узального и окказионального словообразования»; Л. О. Чернейко (Москва) ««Лексическая ассимиляция»: сфера действия и основания для типологии»; В. Н. Виноградовой (Москва) «Выражение категории интенсивности в поэтической речи». Т. М. Николаева (Москва) в докладе «Эта загадочная МГЛА» показала особенности этого слова и его функционирования на материале нескольких подкорпусов НКРЯ (основного, газетного, поэтического, устного), а также данных разных языков (было отмечено, что *мгла* лингвоспецифична: перевод этого слова на неславянские языки вызывает затруднения). В. В. Аристов (Москва) в выступлении «Метод Idem-forma и “тождества в несходном” литературных произведений» говорил о поисках в применении нового подхода сравнительной поэтики для изучения произведений различных времен. Г. В. Векшин (Москва) в докладе «Метагезис в детской речи и метатетический тип паронимии», сопоставив особенности детской речи с данными паронимии в поэтической речи, отметил, что переставляемые согласные обычно не удаляются друг от друга за пределы одного потенциального слога. В докладе Ю. Б. Орлицкого (Москва) анализировалась словотворческая практика поэта Генриха Сапгира — автора нескольких сот неологизмов разного типа. Автор представил также подготавливаемый им проект словаря неологизмов Сапгира.

Креативный потенциал художественной прозы был предметом рассмотрения в следующих выступлениях.

Г. Н. Иванова-Лукьянова (Москва) в докладе «Ритм прозы в реальности и восприятии» предложила свою методику определения ритма прозы, в которой представлены цифровые показатели регулярности чередования просодических единиц: словесных ударений, границ синтагматического членения и интонаций. А. Молнар (Венгрия) в выступлении «Метафора “вода-женщина” у Лермонтова и Гончарова в аспекте языковой креативности» рассмотрела метафоры воды в романе Лермонтова «Герой нашего времени» и в романе Гончарова «Обрыв». М. В. Ляпон (Москва), заявив тему «Набоков. Школа креативного чтения», отметила, что текст Набокова (взятый как целостное пространство, включая художественное творчество, лекции по литературе, рецензии, интервью, письма), насыщенный материалом для реконструкции речевого почерка автора, подтверждает продуктивность холистического принципа изучения личности.

На этой секции также прозвучали доклады Г. Денисовой (Италия) «Креативный потенциал русского языка эмигрантов “первой волны”», Н. Г. Бабенко (Калининград) «Поэтика “легких миров” Татьяны Толстой» и М. Ю. Михеева (Москва) «Поэтические приемы в дневниковом тексте (по дневникам Александра Гладкова)».

На **секции молодых ученых** выступили: А. А. Лебедев (Петрозаводск) «Синтаксическая организация приемов “языковой игры” в поэзии П. А. Вяземского»; Е. В. Коротаева (Москва/Вологда) «Авангардный и фольклорный метабиоз как основной закон жизни заумных слов в творчестве Велимира Хлебникова»; Б. В. Орехов (Москва) «Метрическое тяготение лексики в русском стихе»; Д. К. Поливанова (Москва) «Морфологическая характеристика глаголов в книге стихов Пастернака “Темы и вариации”»; Е. Г. Жидкова (Москва) «Семантика присубстантивного родительного в темпоральных словосочетаниях: к проблеме креативности в поэзии Серебряного века»; С. Ю. Бочавер (Москва) «Неконвенциональная связность в современной русской поэзии».

Иновационные подходы в авторской лексикографии стали предметом рассмотрения в следующих выступлениях.

Д. М. Поцепя (Санкт-Петербург), выступив с докладом «Метаязык словаря поэзии в концепции В. П. Григорьева и современная авторская лексикография», отметила, что в современной авторской лексикографии при росте регистрируемых словарей (индексов-словоуказателей

и конкордансов) динамика метаязыка и принципов организации языкового материала представлена единичными примерами. В этом отношении заслуживают внимания комментирующий конкорданс «Словарь языка русской поэзии XX века» (т. I—V—, М., 2001—2013—) и «Словарь языка Достоевского» (Вып. 1: «Лексический строй идиолекта», М., 2001), реализующие некоторые из идей В. П. Григорьева. А. С. Кулева (Москва) в докладе «К проблеме описания многозначных слов и вариантов в “Словаре языка русской поэзии XX века”» на обширном материале показала, как выбранная концепция формирования словника, которая уточняется и совершенствуется с каждым томом, позволяет объемно представить поэтический язык эпохи. В выступлении И. В. Ружижского (Москва) «Может ли писательский словарь стать методом?» развивалась идея Ю. Н. Караулова о том, что конструируемый многопараметровый «Словарь языка Достоевского» является особым способом прочтения писателя, специфическим методом, способным обогатить наши представления о творчестве художника. М. М. Коробова (Москва) выступила с сообщением «Идиолект писателя: возможности и трудности лексикографического описания (из опыта работы над “Словарем языка Достоевского”)», в котором была охарактеризована структура словарной статьи в базовом толковом словаре языка Достоевского, так называемом Идиоглоссарии Достоевского, с точки зрения: а) возможностей извлечения из нее разнообразной информации о слове и б) тех проблем, которые встают перед составителем в процессе ее написания. В докладе С. С. Волкова (Санкт-Петербург) «От словаря Ломоносова к словарю Менделеева» были представлены лингвистические и лексикографические основания для создания нового типа авторских словарей — словарей языка ученого. В совместном выступлении Н. А. Николиной (Москва) и М. Р. Шумариной (Балашов) «Метаязыковая рефлексия и креативный потенциал языка» анализировался большой корпус примеров, почерпнутых из классической и современной литературы, обсуждались возможности лексикографического представления этого материала.

Различные уровни организации стихотворного текста в свете лингвистики креатива рассматривались в следующих докладах.

В выступлении В. А. Плунгина (Москва) «Неклассический стих Лермонтова» анализировались образцы неклассической метрики Лермонтова (ранее детально не изучавшиеся). Докладчик показал, что приблизительно за 10 лет очень интенсивного творческого развития Лермонтов прошел тот путь, который русская поэзия повторит

примерно 50 лет спустя — от ранних дольников начала Серебряного века на основе правильных трехсложников к логоэдическим дольникам середины столетия. Р. Г. Кадинов (Махачкала) выступил с сообщением «Особенности рамочных конструкций романа “Евгений Онегин”», остановившись на таких компонентах произведения, как эпитафия и посвящение. К. А. Рогова (Санкт-Петербург) в докладе «Лермонтов и Пушкин: поэтические тексты с началом “Я к вам пишу...”» вновь обратилась к проблеме восприятия Лермонтовым творчества Пушкина, проанализировав языковые особенности стихотворения «Валерик» («Я к вам пишу...», 1840). А. М. Рачин (Москва) в докладе «Преодоление банальной семантики: лексика и синтаксис в стихотворении Афанасия Фета “Шепот, робкое дыханье...”» отметил, что известное стихотворение не случайно было воспринято современниками как новаторское и даже эпатажное, поскольку банальность словаря преодолевается в нем благодаря использованию необычного синтаксиса. Выступление Н. В. Патроевой (Петрозаводск) «“Сумеречный” синтаксис Е. Баратынского (на материале сборника “Сумерки” 1842 г.)» было посвящено анализу синтаксической структуры и грамматической семантики предложений, участвующих в создании архитектоники и метрического пространства поэтического цикла. Т. В. Сулачева (Москва) выступила с сообщением «О некоторых новых направлениях в русском стиховедении». Были сопоставлены работы стиховедческих групп, представляющих новые направления современного стиховедения, среди которых акцентируются фонетика, неклассическая метрика и ритмика, морфология и синтаксис, семантика, автоматический анализ, психология и нейрофизиология. Е. А. Гинзбург (США) в сообщении «Звуковая игра у Тютчева» сделала краткий обзор своих работ, написанных по-английски, посвященных звуку в лирике Ф. И. Тютчева: «О структурной роли звука в поэзии Тютчева» (Чикаго: Университет Чикаго, 2000) и «Эвфония и за ее пределами» (Блумингтон: Славика, 2012). В докладе И. Ю. Беляковой (Москва) «Фразеология как объект лингвокреативной деятельности в художественном тексте (поэтическая идиоматика М. Цветаевой)» были представлены различные виды трансформаций фразеологизмов, встречающихся в поэтических текстах М. Цветаевой. Было отмечено, что такие трансформации способствуют выведению фразеологических единиц из автоматизма восприятия, оживлению внутренней формы, восстановлению семантического потенциала входящих в нее компонентов. В совместном докладе А. Маймескулов (Польша) и А. А. Шайкина (Орел)

«Прагматика семиозиса стихотворения Бродского “Мужчина, засыпающий один...”» была представлена интерпретация стихотворения в философско-культурологической перспективе. Н. К. О н и п е н к о (Москва) в выступлении «*Потому что, поскольку, ибо и зане* в поэзии Бродского (к вопросу о сущности иллокутивной связи)» с позиций теории коммуникативной грамматики рассмотрела функционирование союзов в поэтическом тексте. Было показано, что причинно-аргументирующие конструкции являются одним из типов сложных предложений, в которых предикативные части соотносятся не посредством таксиса, а посредством модусных составляющих, что позволяет квалифицировать данный тип связи как иллокутивную связь, а функции союзов как иллокутивное употребление. Доклад З. Ю. П е т р о в о й (Москва) «К вопросу о поэтическом каламбуре» был посвящен описанию одного из видов языковой игры в поэзии Бродского — совмещению в одном означаемом разных значений или оттенков значений многозначного слова. Рассматривались такие типы

контекстов, как перечислительные конструкции, высказывания со сравнительными конструкциями и др. Было рассмотрено и такое языковое явление, как «морфологический каламбур» — случаи одновременной реализации двух значений морфемы.

В тематическом разделе «**Интермедиальные аспекты креативности**» были заявлены следующие выступления: Г. Б о б и л е в и ч (Польша) «Креативный потенциал российской видеопэзии»; О. К о в а л ь (Украина) «Схематика описания и метаязык в научных текстах о живописи: языковая креативность и индивидуально-авторский исследовательский эксперимент»; Н. М. Г а б р и э л я н (Москва) «Смысловая непредсказуемость как результат взаимодействия разных визуальных языков (творчество Б. Отарова)»; Н. В. З л ы д н е в а (Москва) «Креативный зритель: анаморфические изображения и проблема структуры означаемого».

Конференция позволила отдать должное памяти В. П. Григорьева, собрала его коллег, учеников и последователей, продемонстрировала плодотворность его научных изысканий.

Подписано к печати 30.08.2015 Дата выхода в свет 26.10.2015

Формат 70×100^{1/16} Цифровая печать Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 4,9 тыс.

Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0 Тираж 370 экз. Зак. 546

Цена свободная

Учредитель: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6